

Навуковы зборнік «Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны» прадстаўляе працы гісторыкаў гістарычнага факультэта БДУ і другіх навучальных устаноў рэспублікі. Кніга складаецца з раздзелаў: «Крыніцазнаўства», «Гістарыяграфія», «Спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны» і інш. Асаблівая ўвага надаецца 80-гадоваму юбілею гістарычнага факультэта БДУ.

Рэдакцыйны савет:

доктар гістарычных навук, прафесар *У. Н. Сідарцоў* (старшыня);
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *С. М. Ходзін* (намеснік старшыні);
доктар гістарычных навук, прафесар *Л. І. Бародкін*;
доктар гістарычных навук, прафесар *Г. Я. Галенчанка*;
доктар гістарычных навук, акадэмік *М. П. Касцюк*;
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *А. Г. Кахановскі*;
доктар гістарычных навук, прафесар *М. Ф. Піліпенка*;
доктар гістарычных навук, прафесар *Ю. А. Свяцёц*

Рэдакцыйная калегія:

кандыдат гістарычных навук, дацэнт *С. М. Ходзін* (адказны рэдактар);
доктар гістарычных навук, прафесар *Э. М. Савіцкі* (намеснік адказнага рэдактара);
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *А. М. Бяляўскі*;
доктар гістарычных навук, прафесар *У. С. Кошалеў*;
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *В. Л. Ліпніцкая*;
доктар гістарычных навук, прафесар *В. І. Менькоўскі*;
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *А. П. Салькоў*;
доктар гістарычных навук, прафесар *В. А. Фядосік*;
кандыдат гістарычных навук, дацэнт *М. Ф. Шумейка*;
кандыдат гістарычных навук, прафесар *А. А. Яноўскі*

У адпаведнасці з загадам Вышэйшай атэстацыйнай камісіі ад 11 ліпеня 2012 г. № 84 зборнік «Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па гістарычных навуках.

ПРАДМОВА

Дзявяты выпуск навуковага зборніка гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта «Крыніцзнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны» прысвечаны 80-гадоваму юбілею гістарычнага факультэта. На працягу 1934—2014 гг. факультэт узначальвалі вядомыя вучоныя і педагогі. Іх успаміны, разважанні пра факультэт і сваю працу, пра студэнтаў падаліся рэдкалегіі цікавымі пры апісанні «жыццёвага шляху» факультэта і ўвайшлі ў раздзел «Юбілеі».

У зборніку традыцыйна прадстаўлены раздзелы: «Крыніцзнаўства», «Гістарыяграфія», «Спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны», «Метадэлогія даследавання», а таксама агляды канферэнцый, абарона дысертацый, якія адбыліся ў мінулым годзе.

Тэматычныя раздзелы змяшчаюць творчыя знаходкі як супрацоўнікаў факультэта, так і гісторыкаў іншых ВНУ рэспублікі. У артыкулах паказаны розныя гістарычныя кірункі, даследчыя інтарэсы і міжнародныя сувязі гісторыкаў факультэта.

Пачынаецца зборнік раздзелам «Крыніцзнаўства», дзе аналізуюцца публікацыі разнастайных крыніц гісторыі Беларусі — ад перыяду Старажытнай Русі да перыяду Расійскай імперыі. Так, крыніцай атрымання дадатковай інфармацыі аб функцыянаванні падаткова-данніцкай сістэмы Русі дамангольскага перыяду паслужылі для С. М. Цемушава мініяцюры Радзівілаўскага летапісу. У артыкуле С. А. Захаркевіча высвятляецца феномен прасторавай мабільнасці шляхты Рэчы Паспалітай праз прызму ўласных уяўленняў на прыкладзе канкрэтнай крыніцы. З. В. Антановіч разглядае крыніцы Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі аб скасаванні шлюбу (1800—1820 гг.). Ю. І. Літвіноўская вывучае адлюстраванне падзей вайны на беларускай зямлі ў чэрвені — ліпені 1812 г. па дакументах, сабраных і выдадзеных у 1882 г. членам-карэспандэнтам Імператарскай Акадэміі Навук М. Ф. Дубровіным. Артыкул С. Л. Лугаўцовай прысвечаны лёсу ўдзельнікаў Пінскага дэмакратычнага таварыства (1836—1838 гг.). В. В. Сяргеенкава ахарактарызавала крыніцзнаў-

чую базу па гісторыі палітыкі расійскага ўрада ў галіне пачатковай адукацыі ў другой палове 1860-х — 1870-я гг.

Запрошаным аўтарам стаў наш замежны калега — на гэты раз з Украіны — А. А. Макіенка, супрацоўнік Інстытута ўкраінскай археаграфіі і крыніцазнаўства імя М. С. Грушэўскага НАН Украіны. Аўтар правёў сістэматызацыю розных відаў статыстычнай дакументацыі земскіх устаноў другой паловы XIX — пачатку XX ст.

Публікацыі другога раздзела датычацца сучаснай гістарыяграфіі гісторыі двух перыядаў — міжваеннага XX в. і мяжы двух вякоў. У артыкуле В. В. Бригадзінай аналізуюцца традыцыі вывучэння праваабарончага руху ў СССР і на постсавецкай прасторы ў 1980—1991 гг. М. М. Мязга вызначыў асноўныя напрамкі па гісторыі польска-савецкіх адносін у 1921—1932 гг., якія прыводзяцца ў савецкай міжваеннай гістарыяграфіі. У артыкуле С. М. Ходзіна раскрываюцца асноўныя кірункі развіцця сучаснай замежнай гістарыяграфіі савецкай вёскі міжваеннага перыяду.

У раздзеле «Спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны» В. С. Иванова разглядае асноўныя традыцыі і падыходы да адукацыі архівістаў, вызначае старэйшыя аўтарытэтныя архіўныя школы.

Артыкул Л. У. Ляховіч адкрывае раздзел «Метадалогія даследавання». Аўтар выкарыстала метады дыскурсу-аналізу і на прыкладзе праблемы французскага абсалютызму даследавала этап метадалагічнага пераходу і кардынальных змен у расійскай гістарыяграфіі на мяжы 1980—90-х гг. І. Л. Калечыц працягвае даследаванні графіці Спаса-Праабражэнскай царквы г. Полацка. Яе артыкул прысвечаны метадыцы вывучэння надпісаў, вызначана шэсць этапаў у рабоце з імі.

У раздзеле «Дыскусіі» А. М. Бяляўскі прапануе інтэртэкстуальны погляд на некаторыя падзеі вайны Ірландыі за незалежнасць у адпаведнасці з народнымі традыцыямі і мемуарамі ўдзельнікаў у кантэксце эпасу пра Кухуліна. Аўтар рэкамендуе абстрагіравацца ад звычайнага ўспрымання гістарычнага наратыву як тэксту, які адлюстроўвае рэальныя падзеі.

Рэдкалегія

КРЫНІЦА ЗНАЎСТВА

С. С. АЛЕКСАНДРОВИЧ

РУССКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В ВОСТОЧНОЙ РУМЕЛИИ: ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ (к 135-летию освобождения Болгарии от османского ига)

В статье рассматривается деятельность русского гражданского управления в Болгарии в 1877—1879 гг. через призму источников и историографии. Характеристика исторических источников позволяет определить характер работы русского гражданского управления на болгарских землях. Анализ историографии дает возможность дальнейшего исследования функционирования русской гражданской администрации в Болгарии.

Article — source study and historiography of the Russian civilian administration in Bulgaria in 1877—1879. Characteristic of historical sources on the issue to determine the nature of the work of the Russian civilian administration in the Bulgarian lands. Analysis of the historiography to determine further studies the functioning of Russian civil administration in Bulgaria.

Ключевые слова: исторический источник, историография, Болгария, русско-турецкая война 1877—1878 гг., русское гражданское управление.

Keywords: historical source, historiography, Bulgaria, Russo-Turkish war of 1877—1878, Russian civil administration.

Русско-турецкая война 1877—1878 гг. закончилась победой Российской империи, разгромом Османской империи и освобождением Болгарии. По условиям Сан-Стефанского мирного договора 19 февраля 1878 г. создавалось автономное Болгарское княжество. В его состав вошли Северная и Южная Болгария и почти вся Македония. Управление

Александровіч Сяргей Сяргеевіч — дацэнт кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

княжеством возлагалось на русскую гражданскую администрацию сроком на два года [14, с. 160]. Внутреннее обустройство Болгарского княжества и Восточной Румелии было возложено на Временное русское гражданское управление, которое должно было действовать в областях девять месяцев [14, с. 188—191]. Таким образом, Южная Болгария (Восточная Румелия) стала областью, где столкнулись интересы Болгарии, России и Турции и западноевропейских стран. Деятельность русского гражданского управления приобрела здесь особый характер и значимость для будущего Болгарии и для позиций Российской империи на Балканах.

В отечественной, русской и советской историографии о политической жизни Восточной Румелии, о преобразованиях русского гражданского управления в этом регионе сказано немного, главным образом в контексте русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и работы русских властей в Болгарии в целом [33, с. 246—248]. Деятельность русской администрации в этом регионе в период с января 1878 г. по июнь 1879 г. заслуживает отдельного изучения. Значение темы состоит в том, что она направлена на исследование русско-болгарских исторических связей, на изучение роли Российской империи, куда входили и белорусские земли, в становлении и развитии болгарского государства. Тема исследования актуальна в связи с обращением к истории российско-болгарских отношений XIX в., забытых в последнее время в исторической науке и политической практике. Именно Российская империя возродила болгарское государство, воссоздала заново институты государственности, научила жить по общемировым и европейским законам, подобно тому, как во второй половине 1940-х гг. Соединенные Штаты Америки преобразовали самурайскую Японию. Актуальность темы состоит и в том, что теоретический и практический опыт работы русской гражданской администрации по налаживанию политической жизни в Восточной Румелии может и должен быть использован в современной Республике Беларусь для налаживания этнических, конфессиональных и политических отношений на Балканах.

Основными источниками по изучению деятельности русской гражданской администрации в Восточной Румелии являются опубликованные материалы, которые условно можно разделить на несколько групп.

Первую группу источников составляют документы официального характера. Сюда относятся Сан-Стефанский мирный договор [14, с. 159—175], Берлинский трактат [14, с. 181—206] и документы, связанные с подписанием этих договоров [10, с. 157—158]. Сан-Стефанский

мирный договор был подписан 19 февраля (3 марта по новому стилю) 1878 г. в городе Сан-Стефано (недалеко от Стамбула) между Российской империей и Османской империей. Со стороны России документ подписали дипломаты Н. П. Игнатьев и А. И. Нелидов, со стороны Турции — министр иностранных дел Савфет-паша и его заместитель Саадулах-бей. Договор закрепил итоги русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Отдельно Южную Болгарию договор не рассматривал. Документ определил условия пребывания русской гражданской администрации и русских войск на территории всей Болгарии, как Северной, так и Южной. Берлинский трактат — итоговый документ Берлинского конгресса. В работе конгресса, созванного для пересмотра решений Сан-Стефанского договора, приняли участие представители шести держав (России, Австро-Венгрии, Великобритании, Германии, Италии и Франции) и Турции, которые и подписали договор. Документ закреплял политическую ситуацию на Балканах с точки зрения западных держав, стремившихся сдержать влияние России в этом регионе. Трактат, впервые в истории, выдвинул на международную арену новый геополитический термин «Восточная Румелия», отделив тем самым Южную Болгарию от северных болгарских земель и в географическом, и в политическом смысле, сохранял в Восточной Румелии русское гражданское управление, подчиненное императорскому комиссару в Болгарском княжестве, но ограничивал время пребывания русских властей и армии девятью месяцами. При всей отрицательности решений трактата, касающихся Восточной Румелии, документ, на взгляд автора, стимулировал работу русской администрации. Гражданское управление форсировало мероприятия, так как на их проведение отводилось гораздо меньше времени, чем ранее (Сан-Стефанский договор определял присутствие русской гражданской администрации на болгарских землях двумя годами) [14, с. 171]. При этом качество проведения реформ не пострадало. Гражданская администрация Восточной Румелии сумела уложиться в срок, воплотить задуманные реформы и даже переориентировать их ход, в связи с административно-политическими особенностями региона и сложившейся внешней ситуацией вокруг Южной Болгарии.

Особо следует выделить: законодательные акты становления и развития автономной области Восточная Румелия в составе Османской империи, разработанные и принятые с помощью русской гражданской администрации (Органический статут Восточной Румелии [8, с. 369—375] и др.); документы, характеризующие деятельность русской администрации на территории Южной Болгарии в январе 1878 — июле 1879 г., а

именно работу по созданию южно-болгарских вооруженных формирований, проведению финансовой реформы, территориально-административной реформы, созданию милиции, проведению судебных и церковных преобразований, развитию болгарского образования, подготовке Органического устава Восточной Румелии. Эти документы состоят из служебных писем, записок, донесений, проектов. Они написаны заведующим гражданскими делами в Болгарии князем В. А. Черкасским, русским императорским комиссаром Дондуковым-Корсаковым, румелийским генерал-губернатором А. Д. Столыпиным (отцом будущего русского реформатора, премьер-министра П. А. Столыпина), российским военным министром Д. Милютиным, дипломатом Н. П. Игнатьевым и другими официальными лицами России [15—19].

Помимо источников на русском языке имеются документы, изданные в Болгарии на болгарском языке, посвященные русско-турецкой войне 1877—1878 гг., учреждению и деятельности русского гражданского управления в Восточной Румелии. Во многом эти документы сходны с вышеуказанными русскими источниками. С другой стороны, болгарские источники более объективно свидетельствуют о действиях русской гражданской администрации в Южной Болгарии [1].

Ко второй группе документов относятся эпистолярные источники: личные записки деятелей русского гражданского управления в Южной Болгарии (Восточной Румелии), генералов и офицеров Действующей русской армии в Болгарии, российских дипломатов, офицеров болгарского ополчения [4—6, 9, 11, 13, 20]. Среди них источники, описывающие отношение населения Южной Болгарии к деятельности русской администрации. Это благодарственные письма болгар на имя российского императора, российского командования в Болгарии, российских губернаторов, с благодарностями за работу русских временных властей, с просьбами обезопасить их от нападения турок (из приграничных с Османской империей болгарских областей) и др. Эти документы носят комплиментарный характер, выражающий благодарность болгар за предоставленную им свободу со стороны России, и часто приукрашивают заслуги российской гражданской администрации в деле становления и развития болгарской государственности [2, 3, 10, 12].

Впервые к истории политической жизни и русского гражданского управления в Восточной Румелии обратились российские историки еще в дореволюционный период. В конце XIX — начале XX в. в российской исторической науке наблюдался настоящий бум по изучению истории южных славян. В это время появились такие монографии, как «Русское

управление в Болгарии в 1877—1878—1879 гг.» и «Болгария» Н. Р. Овсяного, «История Болгарии» А. Л. Погодина, «Болгария. Исторический очерк» К. Дмитриева [23], «Гражданское управление в Болгарии в 1877—1879 гг.» Д. Георгиевского [21] и ряд других работ, посвященных освобождению Болгарии от турецкого ига, деятельности в стране русского гражданского управления.

После Октябрьской революции в свет вышли труды советских авторов, работы болгарских ученых периода социалистической Болгарии, исследования современных российских историков по изучению истории Болгарии. Это монографии, статьи в научных сборниках, коллективные труды. Следует заметить, что работы этих авторов в основном посвящены либо русско-турецкой войне 1877—1878 гг., ее боевым событиям, либо политике Российской империи в Болгарии в послевоенный период (проблемы взаимодействия с Александром Баттенбергом, отношение России к Восточной Румелии, борьба с нарастающей прогерманской политической ориентацией Болгарии и другое). Проблема деятельности русской гражданской администрации в Болгарии в работах советских и современных российских исследователей является производной от вышеуказанных вопросов и рассматривается на втором плане. Определенное место деятельности русской администрации на болгарской территории отведено в монографиях и статьях В. И. Косика «Русская политика в Болгарии в 1879—1886 гг.» [34], Н. Г. Левинтова «Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 годов» [36], П. К. Фортунатова «Боевой русско-болгарский союз в войне 1877—1878 годов», И. В. Козьменко «Первоначальные проекты Тырновской конституции» [28], В. Д. Конобеева «Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и против решений Берлинского конгресса» [29] и «Русско-болгарское боевое содружество в войне 1877—1878 гг.» [30]. Отдельно следует выделить академические труды по болгарской истории: «История Болгарии» [26], «Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней» [33], работы болгарского историка Д. Косева «Краткая история Болгарии» [31], «Новая история Болгарии» [32], переведенные на русский язык. Из последних монографий российских историков по проблеме следует отметить работу А. А. Улунян «Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига» и коллективный очерк С. А. Шумова и А. Р. Андреева «Болгарская хроника».

Хронологические рамки проблемы охватывают период с января 1878 по июнь 1879 г. Первая дата знаменует вступление русской армии на

территорию Южной Болгарии и начало деятельности на освобожденных южно-болгарских землях русского гражданского управления. Вторая дата — это время ухода русской администрации из Восточной Румелии, согласно решениям Берлинского трактата. В управление страной вступила местная болгарская областная администрация. Начался новый этап в истории Болгарии и болгарского народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Величко Георгиев, Стайко Трифонов.* История на Българите 1878—1944 в документи. Т. I: 1878—1912. Част първа. София : Просвета, 1994. 632 с.
2. Внешняя политика России XIX и начала XX века: док. Рос. м-ва иностр. дел. Сер. 1. М., 1960—1972. Т. 1—8.
3. Внешняя политика России XIX и начала XX века: док. Рос. м-ва иностр. дел. Сер. 2. М., 1974—1985. Т. 1—6.
4. *Иванов И.* Сборник статей о некоторых выдающихся событиях современной жизни болгар. Кишинев, 1896. 282 с.
5. *Иванов Никола.* Спомени 1861—1918. Книга първа. София : Изд-во на министерството на отбраната «Св. Георги Победоносец», 1996. 184 с.
6. *Игнатъев Н. П.* Походные письма 1877 г. Письма к Е. Л. Игнатъевой с балканского театра военных действий. М. : РОССПЭН, 1999. 336 с.
7. Конституции буржуазных стран. М.; Л. : Научгиз, 1936. Т. 2: Средние и малые европейские страны. С. 207—225.
8. Конституции и законодательные акты буржуазных государств XVIII—XIX вв. М., 1957. С. 369—375.
9. *Липранди Р.* От Систова до Габрова. Выписка из походного дневника 1877 г. // Военный сб. СПб., 1902. С. 41—54.
10. Освобождение Болгарии от турецкого ига : документы. М., 1967. Т. 3. С. 157—158.
11. Приложение документов // *Овсяный Н. Р.* Русское управление в Болгарии в 1877—78—79 гг. СПб., 1906 (Издание Военно-Исторической комиссии Главного штаба). С. 149—340.
12. Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875—1878 : сб. док. М. : Наука, 1978. С. 401—413.
13. *Рынкевич Е.* Записки о болгарском ополчении за период с конца апреля по 9 августа 1877 г. // Военный сб. СПб., 1902. С. 55—96.
14. Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917. М., 1952. С. 159—175; 181—206.
15. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг. Вып. 1. СПб., 1903. 315 с.
16. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг. Вып. 2. СПб., 1904. 534 с.
17. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг. Вып. 3. СПб., 1904. 297 с.

18. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг. Вып. 4. Спб., 1905. 440 с.
19. Сборник материалов по гражданскому управлению и оккупации в Болгарии в 1877—78—79 гг. Вып. 5. Спб., 1906. 357 с.
20. *Яширов В. В.* Записки о Восточной Румелии (Южной Болгарии) бывшего командира 9-й Харманлийской дружины Восточно-Румелийской милиции. М., 1883. 160 с.
21. *Георгиевский Д. И.* Гражданское управление в Болгарии в 1877—1879 гг. // Наблюдатель. 1882. № 9. С. 123—160; № 10. С. 169—195.
22. *Державин Н. С.* История Болгарии. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1948. Т. 4. 306 с.
23. *Дмитриев К.* Болгария. Исторический очерк // История Болгарии. М. : Монолит-Евролинц-Традиция, 2002. С. 283—314.
24. *Енев Ц.* Наместниците на България при княз Александър I Български. Силистра, 1995. 420 с.
25. История Болгарии : в 2 т. / под ред. П. Н. Третьякова [и др.]. М. : Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1: С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 576 с.
26. История Болгарии : в 2 т. М. : Наука, 1954. Т. 1. 657 с.
27. История західних і південних слов'ян (з давніх часів до XX ст.) : курс лекцій / за ред. В. І. Ярового. Київ : Либідь, 2001. 632 с.
28. *Козьменко И. В.* Первоначальные проекты Тырновской конституции // Освобождение Болгарии от турецкого ига : сб. ст. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 222—264.
29. *Конобеев В. Д.* Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и против решений Берлинского конгресса // Освобождение Болгарии от турецкого ига : сб. ст. М. : Изд-во АН СССР, 1953. С. 71—138.
30. *Конобеев В.* Русско-болгарское боевое содружество в войне 1877—1878 гг. // Вопр. истории. 1951. № 10. С. 42—64.
31. *Косев Д.* Краткая история Болгарии. София : Дружба, 1963. 384 с.
32. *Косев Д.* Новая история Болгарии. М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1952. 523 с.
33. Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней. М. : Наука, 1987. 453 с.
34. *Косик В. И.* Русская политика в Болгарии в 1879—1886 гг. М. : Наука, 1991. 432 с.
35. *Лалков М.* България в балканската политика на Австро-Унгария 1878—1903. София : Университенско изд-во «Св. Климент Охридски»; Военно-издателски комплекс «Св. Георги Победоносец», 1993. 672 с.
36. *Левинтов Н. Г.* Аграрные отношения в Болгарии накануне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 годов // Освобождение Болгарии от турецкого ига : сб. ст. М., Изд-во АН СССР, 1953. С. 139—221.
37. Краткая история Болгарии с древнейших времен до наших дней / Г. Г. Литаврин [и др.]. М. : Наука, 1987. 456 с.

З. В. АНТАНОВІЧ

**КРЫНІЦЫ ПА ПРАВЯДЗЕННІ СЛЕДСТВА
МАГІЛЁўСКОЙ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАЙ
КАНСІСТОРЫЯЙ ПА СПРАВАХ
АБ СКАСАВАННІ ШЛЮБУ ў 1800—1820-я гг.**

Разгледжаны крыніцы, якія адкрыліся ў 1800—1820-я гг. падчас правядзення Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыяй следства па справах аб скасаванні шлюбу і неўтрыманні рознымі асобамі слова на шлюб: паказанні сведак, пасведчанні службовых асоб, радаводныя супружнікаў, перапіска паміж імі. Азначаныя віды крыніц пашыраюць крыніцазнаўчую базу даследаванняў па гісторыі штодзённасці беларуска-літоўскіх зямель пачатку XIX ст., генеалогіі, гісторыі Рымска-каталіцкай царквы.

The article presents the sources, which were created in 1800—1820 in the Mogilev Roman Catholic Consistory investigations in cases of divorce and withhold different persons' word for marriage: witness testimony, certificates of officials, genealogy of spouses and correspondence between them. These types of sources are expanding base of source research on the history of everyday life of the Belarusian-Lithuanian lands early XIX century, genealogy, history of Roman Catholic Church.

Ключавыя словы: Рымска-каталіцкая царква, Магілёўская рымска-каталіцкая кансісторыя, справы аб скасаванні шлюбу, нявернасць супружнікаў, неўтрыманне слова на шлюб, следства ў Рымска-каталіцкай царкве, паказанні сведак, пасведчанні службовых асоб, радаводныя супружнікаў.

Keywords: Roman Catholic Church, Mogilev' Roman Catholic Consistory, cases of divorce and withhold different persons' word for marriage, investigation in Roman Catholic Church, witness testimony, certificates of officials, genealogy of spouses.

У архіве Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі, улічваючы яе значнасць як органа адміністрацыйна-тэрытарыяльнага кіраўніцтва на большай частцы Расійскай імперыі, сабрана значная колькасць даку-

Антановіч Зінаіда Васільеўна — дацэнт кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

ментаў па дзейнасці каталіцкай царквы [2, с. 27—39]. Сярод іх цікавасць прадстаўляюць следчыя матэрыялы судовых працэсаў паміж прыватнымі асобамі, у тым ліку справы аб скасаванні шлюбу і блізкія па сутнасці да іх — справы аб кровазмяшэнні, нявернасці супружнікаў, дазvole і неўтрыманні слова на шлюб, якія мелі аналагічны набор дакументаў.

У першай чвэрці XIX ст. колькасць разглядаў падобных спраў паступова ўзрастала, што звязана з пашырэннем аргументацыі азначанага працэсу. Так, калі першапачаткова вылучаліся толькі дзве прычыны скасавання шлюбу: фізічная незавершанасць або немагчымасць сумеснага жыцця ў шлюбе з асобай некаталіцкага веравызнання [1; 3, с. 75—100], то ў XVIII — пачатку XIX ст. яны былі дэталізаваны і ўключалі аб’ектыўныя (кроўнае радство, узрост, некасаваны папярэдні шлюб, нявернасць або духоўны сан аднаго з супружнікаў і інш.) і суб’ектыўныя фактары (імпатэнцыя, фізічнае або псіхалагічнае прымушэнне да шлюбу, публічная нядобрапрыстойнасць сувязі і інш.) у якасці аргументаў пры разглядзе спраў. У справаводстве Магілёўскай кансісторыі пераважную большасць складалі разгляды скасавання шлюбу — ад двух да дзевяці штогод, а ад шасці да двух шлюбаў прызнаваліся незаконна ўзятымі. Штогод разглядаліся адна — чатыры сепарацыі, адно — тры дваяжэнствы і неўтрымання слова на шлюб. Сёння ў архіўным фондзе «Магілёўская рымска-каталіцкая кансісторыя», які захоўваецца ў Нацыянальным гістарычным архіве Беларусі (далей — НГАБ), налічваецца амаль 175 спраў азначанага зместу за 1800—1820 гг. [6]. Сярод іх як справы, разгледжаныя кансісторыяй у першай інстанцыі, так і ў якасці другой інстанцыі [4, арк. 54—54 адв.].

У справаводстве Магілёўскай кансісторыі дакументы судовых працэсаў фарміраваліся ў асобных справах, адпаведна прозвішчаў істца і адказчыка з пранумэраванымі аркушамі і ўнутранымі вопісамі дакументаў. Справаводства вялося на польскай мове з перакладам іншамовных тэкстаў на рускую мову, акрамя перапіскі з дзяржаўнымі ўстановамі, якая вялася па-руску. Значэнне названых матэрыялаў падкрэслівалася выкарыстаннем для іх афармлення адмысловай паперы — гербавай або з філігранямі.

Судовы працэс аб скасаванні шлюбу складаўся з некалькіх этапаў, якія характарызаваліся стварэннем асобных відаў дакументаў. Першым этапам было прыняцце кансісторыяй прашэння да разгляду і стварэнне следчай камісіі. На другім адбывалася вывучэнне абставін справы, падчас чаго збіраліся тлумачэнні або паясненні адказчыка і вялася пе-

рапіска з дзяржаўнымі ўстановамі і духавенствам. У залежнасці ад сутнасці справы перапіска з органамі дзяржаўнай улады магла ўвогуле адсутнічаць або, наадварот, быць вельмі актыўнай, калі падчас разгляду справы А. Шыmanoўскай у 1816 г. было накіравана 12 запытаў [10, арк. 1—74]. Пасля гэтага праводзілася следства (трэці этап), што ўключала падрыхтоўку і правядзенне допытаў, а таксама пасяджэнні камісіі, у выніку працы якой абагульняліся звесткі для вынясення прысуду (чацвёрты этап).

Неабходна спыніцца на дакументаванні следчай дзейнасці кансісторыі, якая адбывалася на трэцім этапе разгляду судовага працэсу, у першую чаргу таму, што гэта быў найбольш працяглы па часе і лёсавызначальны для супружнікаў перыяд. Па-другое, гэтыя дакументы — паказанні сведак (бацькоў, сяброў, знаёмых, служачых, святароў), пасведчанні лекараў, радаводы, складзеныя з азначанымі мэтамі, эпістальныя крыніцы — амаль не выкарыстоўваюцца даследчыкамі гісторыі і спецыяльных гістарычных дысцыплін, нягледзячы на іх крыніцазнаўчую вартасць.

У дзейнасці рымска-каталіцкіх кансісторый следчыя мерапрыемствы адбываліся наступным чынам. Спачатку на падставе прапаноў сужэнцаў складаўся рээстр сведак, якіх выклікалі ў суд і прыводзілі да прысягі. Затым адбывалася пасяджэнне камісіі, дзе запісвалі вусныя сведчанні і агучвалася інфармацыя, атрыманая ў пісьмовым выглядзе. Подпісамі сведак замацоўваліся сведчанні, а камісія рабіла асобны пратакол, у якім атрыманыя звесткі абагульняліся і прадстаўляліся ў кансісторыю. Звычайна пратаколы пасяджэнняў камісіі змяшчаліся перад дакументамі іх падрыхтоўкі і правядзення, таму што дазвалялі членам кансісторыі апэратыўна азнаёміцца з ходам следства [7, арк. 117—122].

Найбольш распаўсюджанымі крыніцамі з’яўляліся рээстры сведак, пытанні да іх і сведчанні. Рээстр сведак уяўляе сабой пералік асоб, звесткі якіх сужэнцы лічылі неабходнымі для прыняцця рашэння, складзены ў адвольнай форме [5, арк. 67—69]. На падставе пераліку сведак і пытанняў, з улікам асаблівасцей разглядаемай справы (месца знаходжання сужэнцаў і сведак, неабходны час для арганізацыі пасяджэння і інш.) камісія прымала рашэнне аб даце і месцы правядзення пасяджэння. Даныя адзначаліся ў справаздачы ў кансісторыю і даводзіліся да зацікаўленых асоб. Так, пры разглядзе сепарацыі паміж Юзафам і Петранэляй з Пяшкоўскіх Пятровічамі выступіла пяць сведак: Казімір Сасноўскі, Лявон Кляша, Антоні Дзяконьскі, працавіты Салімон Карпекін і Аверка Васільеў [8, арк. 13]. У іншым выпадку падчас скасавання шлюбу Фелікса і Фаўстыны Галынскіх у 1802 г. выступіла звыш 20 сведак

[5, арк. 47]. Звычайна муж і жонка прадстаўлялі роўную колькасць імёнаў, а пры неабходнасці камісія выклікала дадатковых сведак або складала запыты ў органы дзяржаўнай улады і да духоўных асоб. Паўната сведчанняў выкліканых у суд асоб забяспечвалася адмысловай прысягай, якая праводзілася напярэдадні апытання.

На падставе прашэння істца і тлумачэнняў адказчыка складаліся пытанні да сведак, якія асобна рыхтаваліся ўпаўнаважанымі прадстаўнікамі бакоў або імі ўласна і дэфенсарам (абаронцам шлюбу, які прызначаўся кансісторыяй). Паколькі яны складаліся суб'ектыўна і маглі быць празмерна дэталізаваны, тры варыянты апытальнага ліста прадстаўляліся камісіі для спалучэння і вылучэння найбольш значных пытанняў па сутнасці справы. Зацверджаныя камісіяй пытанні маглі афармляцца на асобным аркушы, на якім адпаведна іх пераліку пад нумарамі пісалі адказы кожнага са сведак. Аркуш падзяляўся на дзве часткі, дзе на левай палове пазначалася пытанне, а на правай — адказ. Дакумент падпісваў сведка або, калі ён быў непісьменны, прысутная на пасяджэнні асоба, за выключэннем членаў камісіі і сужэнцаў. У абавязковым парадку адзначалася, наколькі працягла і як блізка ведае сведка супружнікаў і, адпаведна, кампетэнтны ў абставінах справы, а таксама яго прозвішча, імя і ўзрост, попыт ранейшага ўдзелу ў следчых мерапрыемствах.

Астатнія пытанні тычыліся абставін справы. Напрыклад, па справе аб скасаванні шлюбу паміж Юзафам і Петранэлай Пятровічамі было сфармулявана пяць пытанняў ад абодвух супружнікаў. З боку жонкі высвятлялася, ці сведкам вядома, што ён «адаліў жонку і вядзе распутны лад жыцця», у выніку чаго ад яго зацяжарала Ганна Захорская. Пры гэтым немалазначным было пытанне фізічнага насілля ў дачыненні жонкі. З боку мужа, безумоўна, удакладнялася інфармацыя, якая магла сведчыць на яго карысць: ці вядома сведкам, што Ганна Захорская, падчас знаходжання паслугай у пана Пятровіча, была цяжарная і ад каго яна магла зацяжараць. Акрамя таго, увага следства акцэнтавалася на тым, што муж за час сумеснага жыцця пакутаваў ад перашкод жонкі ў вядзенні гаспадаркі і зносінах з ім [8, арк. 14]. У іншым выпадку, пры разглядзе скасавання шлюбу Юзафа і Ганны з Якавіцкіх Сліжаноўскіх, апытанне вялося па 18 пунктах. Як і ў папярэднім прыкладзе, цікавасць камісіі выклікала пытанне фізічнага ўздзеяння на жонку. Следства высветліла, што ў вызначанай сям'і была праблема празмернага ўжывання алкаголю мужам «аж да страты памяці». Пры гэтым паводле прашэння жонкі пан Сліжаноўскі пагражаў адняць яе жыццё ў парывах злосці, па-

зычаў грошы і іх траціў, не маючы магчымасці вярнуць, у тым ліку пасажонкі ў 50 000 польскіх злотых, атрыманы грашыма ад яе бацькі. У выніку яго «марнатраўства» жонка была вымушана частку маёнтка, коштам 100 тыс. злотых, аддаць на аплату яго пазык, чаму таксама патрабавалася пацвярджэнне сведак [5, арк. 69—69 адв.].

На судовым пасяджэнні складаліся сведчанні, якія далучаліся да справы ў парадку, абумоўленым рээстрам сведак. Так, па першым прыкладзе — справе Юзафа і Петранэлі Пятровічаў — сведкі паведамілі, што не ведаюць, хто бацька дзіцяці, а Аверка Васільеў дадаў, што дзіцё нарадзілася слабое і не дажыло да прыезду святара. Адначасова Казімір Сасноўскі дадаваў, што бачыў, як муж аднойчы ўдарыў жонку [8, арк. 21—21 адв.]. Паміж панамі Сліжаноўскімі сітуацыя была складаней. Так, Ян Дэлваль, які служыў у іх доме тры гады да апытання, «уласнымі вачыма бачыў, што часта некалькі разоў у тыдзень біліся, а тады і вольныя людзі былі бітыя, палічкаваныя, нагамі таптаных, а падданыя — батогамі», чаго і ён не змог цяпець, таму выдаліўся без аплаты. Акрамя таго, адказваючы за дастаўленне трункаў, сведка ведаў, што суддзя Сліжаноўскі, калі піў сам, амаль да страты прытомнасці, то паіў і сваіх людзей, а таксама прымушаў непрыстойныя песні спяваць [5, арк. 71—72]. Брыгіда Венцлаўская, якая пражывала за дзве мілі ад іх, сведчыла, што аднойчы на яе вачах груба выпхнуў жонку з яе пакояў [5, арк. 74].

Калі выкліканыя асобы не маглі з’явіцца, пасяджэнне магло пераносіцца ў залежнасці ад значнасці звестак, якія прадстаўляла дадзеная асоба. Згодна з інструкцыяй для рымска-каталіцкіх кансісторый аб разглядзе скасаванняў шлюбу без удзелу істца і адказчыка пасяджэнне не адбывалася. У такіх выпадках яны абавязаны былі прадстаўляць пасведчанні — афіцыйны дакумент аб значнай прычыне адсутнасці, зацверджаны трэцімі асобамі, якія гарантавалі яго паўнаважнасць [8, арк. 325]. Так, сведчанні К. Дубініна, радавога магілёўскай інваліднай каманды, па справе аб скасаванні шлюбу А. Сліжаноўскай у 1800 г. падпісалі дзевяць чалавек, якія ведалі яго асабіста і былі знаёмы з абставінамі справы. Часта пасведчанні выдавалі афіцыйныя асобы і ўстановы. Напрыклад, доктар В. Фаўдэрман засведчыў слабасць здароўя А. Мацкевіч, што не дазваляла ёй прысутнічаць на пасяджэннях у 1823 г. [7, арк. 355], або пасведчанне лекара для губернскага сакратара А. Жызнеўскага, дзе ён сведчыць, што адказчык пакутуе сем дзён ад прастуднага захворвання, якое прывяло да пагаршэння «ў апошні час гемарою» і «яго хуткае выздараўленне не прадбачыцца» [11, арк. 21]. Пры гэтым медыцынскі персанал таксама павінен быў прымаць прысягу, як і іншыя сведкі, афарм-

ляць пасведчанне на гербавай паперы і замацоўваць асабістым подпісам і пячаткай [9, арк. 684, 686].

На падставе спецыяльна складзеных радаводаў аспрэчваліся такія выпадкі, як шлюб Уладзіслава Верашчынскага, падпалкоўніка войск Польскіх, і Ганараты Паўліны Аскерка, увезенай ім з дому, двара Геранімава Дынабурскага павета, 2 лютага 1818 г. Яны шлюбаваны праваслаўным святаром Судецкага кляштара Маркіянам 4 верасня, нягледзячы на прад'яўленыя сведчанні аб іх блізкіх роднасных сувязях (трэцяе калена) [11, арк. 1—2 адв.]. У студзені 1819 г. Мінскай праваслаўнай кансісторыі, юрысдыкцыі якой падлягала справа з удзелам праваслаўных асоб, было прынята рашэнне на падставе радаводу Аскеркаў аб законнасці шлюбу, таму што было даказана радство супружнікаў толькі ў шостай ступені [11, арк. 9—9 адв.].

Эпістальярныя крыніцы ў судовых справах сустракаюцца даволі рэдка і часам у копіях. Сярод іх неабходна спыніцца на трох выпадках. Першая — гэта справа аб скасаванні шлюбу, ініцыіраваная Ансіньнай з Вольскіх па першым шлюбе Марцінкевічавай, а па другім — Жызнеўскай. Прычынай паслужыла тое, што Агатон Жызнеўскі падчас знаходжання на пасадзе асэсара веліжскага земскага суда пасля шлюбу пэўны час пражываў разам з жонкай у маёнтку Ходанава Веліжскага павета, а затым пакінуў яе падчас цяжарнасці і паехаў у Калугу, дзе на працягу чатырох год перад тым, як яна падала на скасаванне шлюбу, займаў пасаду пры казённых піцейных зборах. Жонка засталася адна з малалетняй дачкой Аляксандрай ад гэтага шлюбу і двума хлопчыкамі ад першага, таму прасіла скасаваць шлюб [11, арк. 8—8 адв.]. Найбольшую цікавасць у гэтай справе выклікаюць яго лісты да акторкі (гл. Дадатак 1). Па-першае, А. Жызнеўскі звяртаецца да жонкі ў першым выпадку па імю і імю па бацьку, а ў другім выпадку — проста па імю. Па-другое, ён пытаецца пра яе здароўе і яе бацькі, але не згадвае ўвогуле дзяцей. Пры гэтым яго ліст прасякнуты цяплом і шчырасцю. У выніку па прашэнні мужа было вырашана аддаць на выхаванне дачку Аляксандру яго маці, таму што ўтрымліваць былую жонку ён не меў магчымасці, а клопаты пра здароўе яе бацькі ў лістах мелі значэнне для будучага дабрабыту супружніка. Нягледзячы на тое што іх шлюбавалі уніяцкі святар, і гэта было даказана праз паканні сведак (старасты Гарадзскай уніяцкай царквы Рыгора Закржэўскага, дзяка Ельяша Асноўскага і служачага Васіля Асноўскага), шлюб быў прызнаны Магілёўскай кансісторыяй сапраўдным [11, арк. 16—16 адв.].

У другім выпадку з прашэннем аб неўтрыманні слова на шлюб Варварай Пагоскай звярнуўся ў Магілёўскую кансісторыю Багдан Па-

цеўскі. У 1809 г. у істца памерла жонка, і ён шукаў, каму перадаць «гаспадарчую частку», таму «лічыў патрэбным уступіць паўторна ў законны шлюб». Падыходзячую на гэтую ролю асобу ён знайшоў у вобразе В. Пагоскай і атрымаў яе згоду, аднак бацька не лічыў яго прывабным жаніхом і пагадзіўся аддаць дзяўчыну за адстаўнога капітана Васіля Навацкага, які з'яўляўся таксама яе сваяком. Сама дзяўчына адчувала больш схільнасці да Б. Пацеўскага, што пацвярджала сваімі лістамі (гл. Дадатак 2), якія выступілі ў якасці значнага аргумента пры разглядзе кансісторый справы. Пры гэтым яна нават падказвала істцу, якім чынам змяніць пункт гледжання бацькі. У прашэнні ў кансісторыю Б. Пацеўскі адзначаў, што ён «даведзены да выдаткаў і страціў іншыя магчымасці ажаніцца з пользай і выгадамі» ў выніку рашэння яе бацькі, а таксама прасіў кампенсаванне фінансавых страты [12, арк. 215—215 адв.]. У Магілёўскую кансісторыю ён звяртаўся тройчы, і было вынесена рашэнне не шлюбаваць яе з В. Навацкім да высвятлення ўсіх абставін [12, арк. 218].

Цікавыя лісты выступілі ў якасці доказаў шляхетных намераў калежскага сакратара Федара Акулава-Кулака да Акіліны Пятровай Зямецкай, дачкі калежскай сакратаркі Марыі Гаўрылаўны Зямецкай (гл. Дадатак 3). У Магілёўскую кансісторыю звярнуліся дзяўчына і яе маці па наступнай справе. У красавіку 1816 г. у доме калежскай сакратаркі і яе дачкі пражываў Ф. Акулаў-Кулак, які на час прэтэнзіі з'яўляўся служачым Магілёўскага губернскага праўлення. Яго абвінавачалі ў тым, што ён спакусіў дачку, у выніку чаго 19 студзеня 1817 г. яна нарадзіла дзяўчынку [12, арк. 529—530 адв.]. У сваім паясненні адказчык адзначаў, што яна «не толькі ў красавіку 1816 г., але і перад гэтым, і пазней у розны час на зносіны пагаджалася, пакуль не адчула цяжарнасці», а ён ніколі яе да гэтага не прымушаў, таму што «да яе ніякай прывязанасці, якая павінна змяшчацца ў сэрцы таго чалавека, які мае намер з кім-небудзь аб'яднацца шлюбным саюзам, не меў і не мае» [12, арк. 545—545 адв.]. Да справы далучана пяць лістоў Ф. Акулава-Кулака, у якіх ён у пяшчотных выразах заявляе А. Зямецкую ў сваім каханні і жаданні атрымаць яе руку. Апошні далучаны да справы ліст напісаны ў вершаванай форме. Падчас следства высветлілася, што лісты, напісаныя яго почыркам, былі без пазначэння адрасата, а паводле слоў акторкі ён прасіў пачакаць шлюб, пакуль не зойме вышэйшай вакансіі. Акрамя таго, А. Зямецкая была ўніяткай, таму было прызначана працягнуць следства камісіі ў складзе прэора Дамініканскага кляштара ксяндза Адамовіча і дэпутатаў ад уніяцтва [12, арк. 550—553].

Такім чынам, дакументацыя следства Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторый з'яўляецца адным з найбольш цікавых напрамкаў дзей-

насці ўстановы. Уважлівым стаўленнем прадстаўнікоў кліру, якія мелі дачыненне да правядзення судовых працэсаў, абумоўлена дакладнасцю фарміравання спраў аб скасаванні шлюбу, сепарацыях, дыспенсациях, неўтрыманні слова на шлюб і інш. Іх можна падзяліць на чатыры тыпы крыніц. Асноўнымі доказамі пры разглядзе гэтых спраў з’яўляліся сведчанні асоб, якія мелі досвед у жыцці супружнікаў. Гэтыя крыніцы маюцца ў пераважнай большасці спраў. У іх якасці маглі выступаць не толькі знаёмыя, але і сваякі, святары і слугі. Другім тыпам крыніц з’яўляюцца пасведчанні службовых асоб (пераважна лекараў), якімі пацвярджаўся стан здароўя супружнікаў пры іх адсутнасці на пасяджэннях. Трэці тып крыніц — радаводы — выкарыстоўваўся пераважна пры абгрунтаванні роднасных сувязяў супружнікаў у мэтах скасавання шлюбу або атрымання забароны на яго. Адным з найбольш цікавых, але найменш распаўсюджаных тыпаў крыніц (чацвёртым) з’яўляецца перапіска супружнікаў або нявесты і жаніха. Прадстаўлены яны пераважна ў справах аб неўтрыманні слова на шлюб у выглядзе арыгіналаў або копій лістоў аднаго з бакоў працэсу для абгрунтавання яго пазіцыі. Пры гэтым калі ў 1800—1820 гг. першыя тры тыпы крыніц афармляліся на польскай мове, то лісты ў справах — пераважна на рускай мове. Крыніцазнаўчы патэнцыял азначаных матэрыялаў выдавочны не толькі для гісторыі штодзённасці беларуска-літоўскіх зямель пачатку XIX ст., але і генеалогіі, гісторыі рымска-каталіцкай царквы і іншых напрамкаў даследаванняў айчыннай гісторыі.

ДАДАТАК

У дадатку прадстаўлены лісты супружнікаў на мове арыгінала з захаваннем стылістычных, моўных і арфаграфічных асаблівасцей за выключэннем неўжываемых у сучаснай арфаграфіі літар. Вялікія літары і пунктуацыя перададзены згодна з сучасным правапісам. Асаблівасці арыгінала пазначаны ў заўвагах да тэксту.

ДАДАТАК 1

Ліст Агатона Жызнеўскага да жонкі Ансіні Іванаўны [11, арк. 1—2]¹

5 чэрвеня 1818 г.

Любезный друг! Аксинья Ивановна

На посланные к тебе в разные времена четыре письма, ты всю пору неушасливила меня ни на одно из них ответом, для душевного спокойствия моего необходимом. Я не знаю к чему сие болезненное для меня молчание *ныне* ² припи-

сать³. Чтoб сим ограничить себя, кому бы то ни было надoбно иметь причину⁴ великой важности. Я сумневаюсь здоров ли наш батюшка и не больна ли ты, а, более всего, не последовало ль у вас какого теперь несчастья. Ради бога⁵, милая Ивановна, напиши ко мне! Как ты живешь, и здорова ли, также в каких обстоятельствах находится теперь хозяйство батюшки. Меня все родные забыли, я ко многим из них несколько раз относился письмами, но ответами еще не удостоился. Меня более удивляет то, что ты меня так скоро забыла. Заклинаю тебя и богом и небом! Уведомить меня о твоём здоровье, которое для меня будет неописанным удовольствием и радостью. Я благодаря Бога здоров, чего и желаю. Пребуду навсегда верным тебе другом. Агатон Жизневский.

Я едва мог успеть к тебе написать сие письмо, потому что чуть-чуть и отправилась эстафета Викентия Антоновича с коею оно последовало через что кое как и написал.

5 июня 1818 года⁶

Калуга⁷

Деньги, естли еще по первому моему письму не отправила, так и не посылай, а удовлетворяй оными свои нужды.

Сестрице нашей, Марье Ивановне, мой поклон.

ДАДАТАК 2

Листы Варвары Пагоскай да Богдана Пацеўскага⁸ [12, арк. 216]

№ 2.1⁹ *Писано с 1го письма*¹⁰

Милостивый государь мой, Богдан Михайлович!

Я бы очень была рада, чтобы мое письмо застало Вас в Пухнове. Для меня очень было больно, что Вы вчера уехали в ночи и не имею известия, благополучно ль доехали. Я, слава богу, севодни полутче, у нас сегодня с батюшкою был разговор, он мне велел к вам писать. Послушай меня, пожалуйста, переговори с ним, когда и тут ничево не будет, то вы все должны думать, что Я ваша, но ни однуть больше ничея, но только чтобы это было все с моею честью. Мне кажется, Богдан Михайлович, вам не о чем сомневаться. Если богу угодно нас соединить, то верно никакого препяствия люди не в силах сделать, что ж мне больше остается ка только пожелать Вам тово, чево Вы желаете. Ваша навсегда Варвара Погоска¹¹.

Прошу сожгите сию записку, чем крайне одолжите.

№ 2.2

18 ліпеня 1809 г. [12, арк. 216 адв. — 217]

*Писано с 2го письма*¹²

Милостивый государь мой, Богдан Михайлович.

Я думаю, что Вы будете в Велиже на Ярмарке по семусь и вздумалось мне письменно пожелать Вам провести весело время и чаю, что Вам будет весело.

Прошу Вас повеселитесь и за меня, а мне же время будет весело, понеже матушка Агафина Богдановна уехали с дядею в Торопец, посудите ж куда ж мне выехать, а сидеть дома, сказать Вам почему ж меня нету в Велиже. Я осталась за

то, что теперь снимают рожь с поля, а батюшка по важнейшим надобностям один уехал, а, возвратясь из Велижа, я с батюшкой поеду в Вымно, чтобы нам быть к празднику Святой Анны в Стайках. Я же после в Вымне и останусь пожить на какое время и блиско вас буду в соседстве, только не знаю будет ли Вам это приятно или нет. Я вас прошу покорнейше кланяться от меня братцу Ефиму Леонтьевичу Сушке и советую Вам, как Вы мне говорили, что Вы с ним дружески поговорить о наших обстоятельствах, а он может сказать исправнику после согласия и батюшке моему поговорить и посоветовать. Я бы желала, чтобы в это вошел велижский исправник. Я Ефима Леонтича и сама об этом прошу. Прошу, покажите это письмо ему, только чтобы никто не видел. Я письмо Ваше получила при сем же и та, которая сейчас меня займет, для меня это приятно. Касательно, Богдан Михайлович, того письма, что вы прежде получили от меня, я не знала, что оно Вас не очень возрадует, а вот какая и причина: батюшка разговаривая со мною сказал, что он согласен на все, что вам угодно, только сказал не плач на меня, если ты будешь несчастна.

Поверите, как меня тем тревожил и разрешил, что я не в духе была лучше писать, а то писала это, думала, теперь Слава богу, мысли мои в лутшем положении также и здоровьем, Слава богу, полутче только теперь покамест ехать в Вымно будет немношко скучновато. Прошу Вас уведомить меня, послали вы письмо в Петербург моему брату Игнату Семеновичу, за что Вас искреннейше буду благодарить впрочем желаю вам всякого благополучия и здравия. Ваша Доброжелательница.

Варвара Погоска *Богдан Пацевский*¹³

18 июля 1809 года

Бодякино

*Не будете ль Вы в Богдановском к 24му июля, может бы случилось и вместе ехать в Суражской уезд поперед по одной дороге*¹⁴.

ДАДАТАК 3

Лісты Федара Акулава-Кулака да Акіліны Зямецкай

№ 3.1¹⁵ [12, арк. 531—532]

Неверная? Но мною любимая.

Ты мне писала, что ежели я думаю надо тобою пошутить прежде нежели мы будем обручены Брачным союзом, то лучше советуешь мне оставить тебя спокойною и ты тогда сожалеть будешь только о том, что несколько сделала мне доверия.

На сие дать ответ, я вовсе Безсредственен¹⁶, разве особенным соизволением рука Бога Нашего, пособит мне собрать к составлению оногo потребное число слов.

Ежели ты рассуждаешь так: что естли я думаю пред временно пошутить над тобой, то лучше оставить тебя спокойною и отменить или прямо сказать, вовсе

позабить, Страсть¹⁷ и любовь мою которую Я¹⁸ предполагал и тогда даже не забыть, когда уже и дух мой не в силах будет делать должения сердцу моему. То я хотя с жестоким оскорблением Чувств¹⁹ своих волю твою выполнить обязываюсь. При сем же скажу тебе, что я к крайнему моему Неудовольствию²⁰ из представлений твоих замечаю, что тебе любовь моя вменяется ни во что, ибо, как я люблю тебя непомерно, то согласился б лучше все шутки твои над собою перенести нежели быть лишенным навечно того предмета, который истинно люблю и которой Единым образом своим в мыслях моих Намалиованным²¹, в состоянии оживотворять мои чувства и облегчат уныние, иногда от какого либо Неудовольствия²² или Отчаяния²³ случающееся, лишь только вздумаю представить себе, что ты когда-нибудь будешь отдана в мои объятия и все твои...!²⁴ Будут служить к одному лишь моему удовольствию.

А ты душа моя как видно Страсть²⁵ и привязанность таковую менее становишь важным нежели один случай, в которой представляешь себе что будет сотворена над тобою шутка.

Нет, моя душа, не думай так, ибо я тебе откровенно признаюсь, что естли бы и то когда-нибудь было мне позволено о чем я тебя просил, то оное совсем не в шутку бы обратилось, а напротив того более еще утвердило мою к тебе привязанность, и соделалось бы верным залогом к получению мне твоей руки, и наверно бы тогда, я самую совесть мою был бы побужден к поспешнейшему совершению моего уверения. Но, впрочем, как хочиш. Я наглости учинить никогда намерен не был.

А что я думал и к чему клонились мои затеи того теперь объяснять уже²⁶ нечитаю нужным.

Прощай

№ 3.2²⁷ [12, арк. 535]

Ты душа души моей,

Для коей мне дорог сей скарбный

Свет, и для утешения коей

Берегу лишь жизнь свою.

Помни Клятву Слов Священных

Пред престолом, где свидетель бог богов

Он Утешить Нас Смущенных,

А я клятву выполнить всегда Готов.

Естли судьбе так угодно,

Чтоб нам вместе с тобой Жить,

То Союз Наш Совершить Свободно.

И тогда Станем Спокойными Быть.

¹ Лист написаны на белой паперы карычневым атрамантам, левое поле — каля 3 см, правое поле — адсутнічае. Уздоўж аркуша на левым полі почыркам аўтара ў два радкі дапісана: «батюшке свидетельствую почтение», на другім радку: «целую ручки».

² Напісана над радком.

³ Літара «и» выпраўлена.

⁴ Далей закрэслена літара «с».

⁵ Тут і далей па тэкстах лістоў выкарыстана аўтарскае ўжыванне.

⁶ Падкрэслена ў тэксце.

⁷ Напісана ў левым ніжнім кутку аркуша.

⁸ Лісты перададзены ў копіях. Напісаны на тонкай бела паперы цёмна-карычневым атрамантам. Левае поле — 1,5—2 см, правае поле адсутнічае.

⁹ Дата ліста адсутнічае.

¹⁰ Напісана ў левым верхнім кутку аркуша пад вуглом і падкрэслена фігурнай лініяй.

¹¹ Іншым почыркам справа напісана: «С подлинным», а на ніжнім полі ў правым кутку арк. 216 адв. тым жа почыркам напісана: «верна».

¹² Напісана ў левым верхнім кутку аркуша пад вуглом і падкрэслена фігурнай лініяй.

¹³ Напісана тым жа атрамантам іншым почыркам.

¹⁴ Напісана тым жа атрамантам іншым почыркам.

¹⁵ Дакумент не датаваны, копія арыгінала ліста. Напісаны на жоўтай паперы карычневым атрамантам. Левае поле дакумента каля 3 см, правае — 0,5 см. У ніжнім левым кутку арк. 531 цёмна-карычневым атрамантам у два радкі напісана: «Ты што думала», на другім радку: «то в пиродѣ». Аналагічным атрамантам пазначаны нумары аркушаў па старой нумарацыі (3—4). На ніжнім полі на ўзроўні надпісу да канца аркуша — невялікія адбіткі атраманту ў выглядзе кропак рознага памеру. На ніжнім полі арк. 531 адв. — праступленні ад надпісу на арк. 531.

¹⁶ Так у тэксце.

¹⁷ Так у тэксце.

¹⁸ Так у тэксце.

¹⁹ Так у тэксце.

²⁰ Так у тэксце.

²¹ Так у тэксце.

²² Так у тэксце.

²³ Так у тэксце.

²⁴ Так у тэксце.

²⁵ Слова «страсть» закрэслена і напісана паўторна.

²⁶ Напісана над радком.

²⁷ Пры перадачы тэксту захаваны выкарыстаныя аўтарам прапісныя літары. Дакумент не датаваны, копія арыгінала ліста. Напісаны на жоўтай паперы карычневым атрамантам. Левае поле дакумента каля 3 см, правае — 0,5 см. У сярэдзіне арк. 535 маецца адбітак ад пячаткі. На арк. 535 адв. напісана іншым почыркам: «1817 года января 24 сие письмо в Могилевском поветовом земском суде явлено и в книгу под № 15 записи записано за надлежащим подписом и с приложением казенной печати и обратно возвращено». Іншым почыркам цёмна-карычневым атрамантам падпісана: «Подсудок Парчевский». У сярэдзіне аркуша бліжэй да левага поля змешчана пячатка Магілёўскага земскага суда.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Антановіч З. В.* Асаблівасці скасавання шлюбу ў каталіцкай традыцыі XIX ст. // Беларус. гіст. часоп. 2008. № 4. С. 33—39.
2. *Антановіч З. В.* Архівы Магілёўскай і Мінскай рымска-каталіцкіх кансісторый: гісторыя, структура, склад дакументаў (1782—1918 гг.): дыс. ... канд. гіст. навук: 05.25.02. Мінск, 2010. 148 с.
3. *Горизонтов Л. Е.* Парадоксы имперской политики: поляки в России и русские в Польше. М.: Индрик, 1999. 270 с.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей — НГАБ). Ф. 1781. Воп. 27. Спр. 612 — Указы Мінскай рымска-каталіцкай духоўнай кансісторыі, 1815 г.
5. НГАБ. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 2 — Справы Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі аб скасаванні шлюбу розных асоб, 1800—1803 гг.
6. НГАБ. Ф. 1781. Воп. 3. Вопіс спраў Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі. Т. 1.
7. НГАБ. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 8 — Справы Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі аб скасаванні шлюбу розных асоб, 1817 г.
8. НГАБ. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 17 — Справы Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі аб часовай сепарацыі розных асоб, 1798—1832 гг.
9. НГАБ. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 16 — Справы Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі аб скасаванні шлюбу розных асоб, 1827—1833 гг.
10. НГАБ. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 19 — Справы Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі, якія тычацца прыватнага жыцця розных асоб, 1816 г.
11. НГАБ. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 21 — Справы Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі, якія тычацца прыватнага жыцця розных асоб, 1815—1832 гг.
12. НГАБ. Ф. 1781. Воп. 3. Спр. 22 — Справы Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторыі, якія тычацца прыватнага жыцця розных асоб, 1800—1831 гг.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 15 чэрвеня 2013 г.

Е. А. ГУРИНОВ

ДАТИРОВКА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СОЗДАНИЯ ТРАКТАТА «DE CIVITATIBUS PERSARUM» *

Статья посвящена малоизученному средневековому трактату «De civitatibus Persarum». Рассматриваются вопросы, связанные с местом и временем его написания, структура, основные идеи и причины, побудившие анонимного автора к составлению трактата. В приложении помещен его перевод на русский язык.

The article is devoted to a little known medieval tractate «De civitatibus Persarum». The article highlights a number of issues related to the tractate: the assumed time and place of its writing, the structure, the main ideas of the tractate, and the reasons for writing this work. The translation of the tractate from Latin into Russian can be found in the Annex to the article.

Ключевые слова: графство Эдесское, захват Эдессы (1144), Второй крестовый поход (1147—1149), проповедь крестовых походов, средневековые рукописи.

Keywords: County of Edessa, siege of Edessa (1144), Second Crusade (1147—1149), preaching of the Crusades, medieval manuscripts.

В Баварской государственной библиотеке хранится пергаментный кодекс (далее — BSB, Clm. 22201) из Виндберга, написанный на средневековой латыни и датированный 1165 г. [15, No. 233, p. 28, 29; 31, No. 158, s. 101, 102]¹. В нем помещен (40, fol. 258) трактат под заглавием «De civitatibus Persarum» (далее — DCP). Трактат невелик по объему и занимает на листе примерно две с половиной колонки из четырех. Честь

* Статья является расширенной и дополненной версией доклада, представленного на V Международной научно-теоретической конференции «Европа: актуальные проблемы этнокультуры» (Минск, 22 мая 2012 г.) [2].

введения этого источника в научный оборот принадлежит германскому медиевисту Р. Рёрихту, издавшему текст еще в 1887 г. [44, s. 295—299]. Вместе с тем исследователи обращались к *ДСР* исключительно как к источнику по топографии и конфессиональной ситуации в Эдессе [25, s. 38, 43—45; 45, p. 249, 250]². В данной статье трактат рассматривается как самостоятельный объект исследования в контексте той эпохи, в которую он и был создан, выявляются причины и цели его составления. В ходе исследования автором впервые был выполнен комментированный перевод трактата на русский язык, который является первым его переводом на европейские языки.

Датировка трактата. *Terminus post quem* написания *ДСР* устанавливается довольно легко. В трактате упоминается о том, что «папа Е[вгений] ... дарует и подтверждает отпущение всех грехов, дабы все, кто укрепит себя знаком св. креста и покарает это зло, имели надежду на счастливое воскресение вместе с Господом» [44, s. 299]. Выше автор упоминает, что помимо папы и патриарха Божья воля была также открыта и Бернару Клервоскому. В свете этих данных под папским отпущением грехов следует подразумевать собрание в Везеле (март 1146 г.), где перед французским королем и рыцарями была зачитана булла *Quantum praedecessores* (далее — *QP*), а Бернар Клервоский выступил с пламенной речью. Фактически это было официальное объявление Второго крестового похода [42, p. 37, 38, 61—69].

Сложнее определить *terminus ante quem*. Наиболее бесспорной датой является май — июнь 1147 г., когда армии Конрада III и Луи VII выступили в поход. Отметим также, что события, связанные с проповедью крестового похода, описываются в трактате в *Praesens*, тогда как события, связанные с захватом Эдессы, — чаще всего в *Imperfectum* или *Perfectum*. Кроме того, в рукописи [40] трактату предшествуют *QP* (40, fol. 257), письмо Бернара Клервоского с проповедью крестового похода к архиепископу Арнольду Кёльнскому (40, fol. 257—257v) и его же письмо к архиепископу Генриху Майнцскому (40, fol. 257v—258), в котором осуждается монах Радульф, самочинно проповедовавший крестовый поход в немецких землях и призывавший истреблять евреев. Все это свидетельствует о том, что трактат был написан во время проповеди крестового похода — в период между мартом 1146 г. и маем 1147 г.

Структура и основные идеи трактата. Анализ композиции трактата, проведенный автором статьи, позволяет выделить в нем три основные части, каждая из которых несет на себе важную смысловую нагрузку.

В первой части анонимный автор описывает положение Эдессы, находящиеся в ней церкви и монастыри латинян, армян, греков и яковитов, хранящиеся в городе мощи и, наконец, городские укрепления. Тем самым он подчеркивает ценность города, в котором «цвело и процветало христианство» и всевозможная книжная ученость. Список окружающих Эдессу мусульманских городов призван еще больше подчеркнуть ее ценность как христианского города [44, s. 296—298].

Далее рассказывается о том, что тюрки захватили замки в окрестностях Эдессы, так что у христиан остался единственный замок в верхнем течении Евфрата, который нуждается в помощи. Постепенно автор переходит к подробностям захвата Эдессы. Он описывает убийство якобы 120 тыс. жителей, в том числе клириков и самого архиепископа, а также угон в плен детей и юношей. Мусульмане разрушили монастыри, осквернили святилища и алтари и установили в Эдессе «почитание идолов (*ydolorum cultura*)». По мнению автора, все это произошло в наказание «за совершенные нами и тамошним народом грехи». Задача этого блока — подчеркнуть масштабы катастрофы в Эдессе, вызванной прегрешениями христиан [44, s. 298, 299].

В Заключении сказано, что поскольку мусульмане «разрушили святилище, осквернили избранный Завет, то теперь Бог желает с помощью добрых христиан обрушить на сыновей неверия гнев своего негодования». Поэтому он сообщил патриарху Иерусалима, папе Евгению III и аббату Клервоскому, что «желает уничтожить их гордыню и чудовищный обман, а также почитание идолов». В свою очередь папа дарует «отпущение всех грехов» тем, кто выступит в поход против неверных. Предводителем этого похода будет сам Бог [44, s. 299].

Таким образом, главной целью трактата является обоснование необходимости участия в предстоящем крестовом походе. По замыслу анонимного автора каждая из трех частей несет определенную смысловую нагрузку. Первая — рисует перед читателем/слушателем³ картину цветущего христианского города; вторая — демонстрирует масштабы его разорения мусульманами и вместе с тем подчеркивает ответственность за это каждого отдельно взятого христианина; наконец, третья — должна направить праведный гнев и религиозное рвение христиан на отвоевание Эдессы. Наряду с призывом к мести неверным и уничтожению идолопоклонства автор делает акцент и на такой важной составляющей христианской ментальности, как отпущение грехов и божественная награда, которые можно заслужить участием в предстоящем походе.

Трактат и проповедь крестового похода. Весть о падении Эдессы достигла Римской курии самое раннее в мае 1145 г. Примерно полгода ушло на разработку текста буллы и подготовку проповеди похода, после чего 1 декабря 1145 г. был издан официальный призыв к походу для отвоевания Эдессы — булла *QP*. На Рождество 1145 г. во время заседания курии французского короля Луи VII епископ Лангрский объявил поход, однако его призыв не нашел широкой поддержки, возможно, по причине того, что до Франции еще не дошла папская булла. Повторно поход был объявлен на Пасху 1146 г. в Везеле, где перед собравшейся французской знатью выступил Бернар Клервоский. Затем состоялось его масштабное проповедническое турне по землям Франции, Фландрии и Германии. В ноябре 1146 г. во Франкфурте Бернар встретился с королем Конрадом III. В ходе их второй встречи в Шпейере Бернар сумел окончательно убедить Конрада принять крест (28 декабря 1146 г.), после чего продолжил свое благочестивое путешествие и возвратился в Клерво лишь в феврале 1147 г. Понимая, что лично не сможет охватить все земли Франции и Германии, Бернар передал проповедь в отдельных областях своим доверенным лицам. В другие области с папской буллой направлялись его письма, которые должно было оглашать местное духовенство [42, p. 37 ff].

Весьма показательно, что трактат *DCP* представлен в рукописи (BSB, Clm. 22201) в сопровождении *QP* и письма Бернара, в котором он проповедует крест. Сравнение трактата с указанными источниками позволяет выявить некоторые мотивы, общие как для трактата, так и для папской буллы:

1) отсылка к папе Урбану II и первым крестоносцам (в трактате — к Урбану II и Годфруа Буйонскому) [38, Bd. 4, s. 41, 42; ср. 44, s. 299];

2) захват Эдессы и прилегающих замков, убийство архиепископа, клириков и жителей [38, Bd. 4, s. 42; ср. 44, s. 298, 299] (показательно, что в письме Бернара [21] вообще отсутствуют какие-либо упоминания об Эдессе);

3) обещание отпущения грехов и «вечного воздаяния» (*sempiternae retributionis*)» [38, Bd. 4, s. 42, 43; ср. 44, s. 299].

Более того, текстологическое сравнение трактата *DCP* и буллы *QP* позволило выявить прямые соответствия между ними. Что касается письма Бернара Клервоского, то автор статьи не обнаружил в трактате каких-либо явных сюжетных или текстологических заимствований из него (см. таблицу).

Текстологические совпадения в трактате *DCP* и булле *QP*

Quantum praedecessores	De civitatibus Persarum
Nunc autem <i>nostris et ipsius populi peccatis exigentibus</i> ... Edissa civitas ...capta est... [38, Bd. 4, s. 42]	...usque <i>nostris et ipsius populi peccatis exigentibus</i> est per Syrium quendam et ejus filiam prodita... [44, s. 299]
...illam <i>peccatorum remissionem</i> , quam prefatus predecessor noster papa Urbanus instituit, <i>auctoritate nobis a Deo concessa concedimus et confirmamus</i> ... [38, Bd. 4, s. 42]	Idem uero papa E[u]genius] <i>remissionem omnium peccatorum auctoritate beati Petri apostolorum principis a Deo concessa concedit et confirmat</i> ...ceu beatae memorie Vrbanus papa instituit... [44, s. 299]
<i>Peccatorum remissionem</i> et absolutio- nem iuxta prefati predecessoris nostri institutionem omnipotentis Dei et <i>beati Petri apostolorum principis auctoritate</i> nobis <i>a Deo concessa</i> talem <i>concedimus</i> ... [38, Bd. 4, s. 43]	

Вместе с тем главной особенностью *DCP* является помещенное в нем подробное, более половины всего трактата, описание «эдесских реалий», которое никак не могло быть взято из буллы. При составлении трактата его автор использовал информацию из разных источников, руководствуясь прежде всего собственными целями. Это могли быть рассказы членов посольства, прибывшего за помощью в Западную Европу [42, p. 38]⁴. Автор трактата также пользовался и некими более ранними источниками: так, в качестве правителя Дамаска назван Захир ад-Дин Тугтегин (Dudechinus) [44, s. 298], умерший еще в 1128 г. Иногда сообщаемые им факты вообще представляют собой причудливые искажения действительности, как, например, список эдесских церквей [44, s. 296, 297]. Возможно, их источником были устные рассказы.

Заключение. В эпоху Средневековья как на Востоке, так и в Западной Европе Эдесса воспринималась как «богоспасаемый город», первым принявший христианство от самого Христа и за это получивший от него обещание защиты от врагов [3]. Вероятно, создание трактата *DCP* следует рассматривать именно в контексте этой легендарной традиции. Анонимный автор трактата отнюдь не случайно описывает положение христианства в Эдессе. Явной отсылкой к обещанию Христа защитить

город является упоминание о том, что, захватив город, сарацины тем не менее не решаются жить в нем [44, s. 299].

В целом рассмотренный трактат представляет собой образец проповеди второго крестового похода, созданный в период между мартом 1146 г. и маем 1147 г. независимо от его официальной проповеди Бернаром Клервоским⁵. Местом создания трактата могло быть герцогство Баварское — место создания самой рукописи (BSB, Clm. 22201). Трактат был написан именно с целью проповеди крестового похода, о чем свидетельствует его композиция, а также основные темы, которые совпадают с идеями, нашедшими отражение в папской булле. Автором *ДСР*, по всей видимости, был некий клирик⁶. В своей работе он использовал текст *QP*, а также некие источники о событиях в Эдессе, определить которые с точностью не представляется возможным.

ПРИЛОЖЕНИЕ

О персидских городах в земле обетованной и в первую очередь об Эдессе, или Роас, а также о её захвате и о войне, которую готовят христиане⁷

По направлению к истоку за рекой Евфрат в Персии есть некий весьма славный город, из-за древнего местоположения названный Эдисса, который на нашем языке зовется Роас⁸. Он хранил в себе всяческую книжную учёность и постоянство всевозможной словесной науки, ибо четыре архиепископа сообразно числу языков постоянно пребывали там, пока христианство наполнилось сил и процветало там во имя Христа⁹.

Одна [церковь] в честь Святой Марии, Фаддея апостола и Георгия м[ученика] была главной церковью всего города у латинян¹⁰; другая в честь Св. Софии — у греков и сирийцев¹¹; третья в честь Св. Евфимии — у армян¹²; четвёртая — у яковитов в честь Св. Авраама¹³. Главный монастырь¹⁴, в котором почитается Фаддей апостол, Иоанн Креститель и Георгий мученик, возвышается над городом и имеет четыре придела, которые сложены из камня и хорошо устроены¹⁵. Равным образом в этом городе Роас содержатся 12 женских монастырей, которые разорил Сангвин¹⁶ и, несомненно, осквернил в них санктуарий и алтарь¹⁷.

Стена имеет 145 башен и бастионов, а также наружную стену с барбаканом, какие обычно имеют повсюду города¹⁸. Кроме того, там есть два источника, и когда они проникают в город, то [из-под земли] бьёт ручей. Сам город имеет четверо ворот, и одни закрыты, через которые вошёл Фаддей, когда проповедовал там¹⁹. Одни зовутся Соис²⁰, другие — [Ворота] нависающей скалы²¹, третьи — Нам²². Там есть башня Наймам²³, укреплённая и высокая, а также хорошо сооружённая, через которую был предан город²⁴. Она вздымается над всеми строениями целого города.

Поток источников течёт вокруг стен города вплоть до четвёртой стороны и там через некие небольшие каналы ²⁵ проникает в город и бежит под основание главного монастыря, в котором в золотом гробу, украшенном драгоценными камнями, висят два апостола Фома и Варнава ²⁶, и так рождается ручеёк.

Там есть город Фария, в котором языческие монахи [служат] в храме Аполлона и языческие монахини ²⁷ — в честь культа богини Весты. Кария находится в той области в 7 милях от города Роас, она преисполнена любовью к Богу, но была захвачена сарацинами. С этой стороны в Персии расположен Халеб, в котором пребывает Сангвин. Там есть Дамаск, в котором пребывает Дудекин ²⁸, а также Аббанес и Фаррар, реки дамасские ²⁹, и Кесария Великая Палестинская. Там также есть Багдад, где пребывает султан. Там есть Мекка, в которой почитают Магомета, отступника Николая ³⁰, где есть неубывающий свет, устроенный с помощью астрологии ³¹. Роас расположен за Евфратом. Это суть персидские города в земле обетованной.

Вверх по реке Евфрату есть некий замок, где есть переход через реку ³²; он всё ещё принадлежит [нашим] и держится. А в окрестностях там находятся 35 [замков], и говорят, что они захвачены ³³ и осквернены сарацинами и турками. Муж, которые живут там, ежедневно выдерживают приступы и натиск от варваров и тяжкое разорение изнутри и снаружи, они страшатся уничтожения и плена, если сила вашей, то есть христиан, помощи и вашего милосердия не придёт с Божьего соизволения [к ним] на подмогу.

После того как город был захвачен и архиепископ ³⁴ вместе с клириками и монахами убит, о горе, много тысяч [человек], а именно 120 [тысяч], были убиты в городе и в округе, а три тысячи шестьсот детей и юношей были уведены в плен ³⁵. Сами нечестивцы не отваживаются ночью жить в том городе ³⁶, ибо он был святым и дорогим Богу, пока за совершённые нами и тамошним народом грехи не был предан с помощью некоего сирийца и его дочери ³⁷. [Поэтому] с недавнего времени там процветает почитание идолов.

Поскольку они разрушили святилище, осквернили избранный Завет, то теперь Бог желает с помощью добрых христиан обрушить гнев своего негодования на сыновей неверия.

Таким образом, от этих деяний всё христианство по ту сторону [моря] утратило и содрогнулось, пока Господь не открыл через некоего святого мужа патриарху Иерусалимскому и папе Евгению вместе с аббатом Клервоским, чтобы народ христианский с каждым днём укреплялся знаменем святого креста, ибо в дальнейшем Господь желает уничтожить их гордыню и чудовищный обман, а также почитание идолов.

Этот папа Е[вгений] властью блаженного Петра, первого из апостолов, по воле Божьей дарует и подтверждает отпущение всех грехов, дабы все, кто укрепит себя знаком св. креста и покарает это зло, имели надежду на счастливое воскресение вместе с Господом, подобно тому, как устроил блаженной памяти папа Урбан, и тому благословиению и милости, которое обрёл в Господе герцог

Годфруа³⁸. Так объявляется, чтобы они мужественно опоясывались оружием, ибо Бог, который никого не оставит без подобающего вознаграждения, будет проводителем этого пути³⁹.

¹ На сегодняшний момент кодекс оцифрован и находится в свободном доступе в интернете [40].

² Тратат остался неизвестен французской исследовательнице М. Амуру-Мура в процессе работы над ее монографией [10].

³ Вполне вероятно, трактат читался перед народом с целью проповеди крестового похода.

⁴ Вероятно, именно так в трактат попало упоминание о некоем замке, все еще сопротивляющемся натиску мусульман [44, s. 298].

⁵ Подобный пример проповеди крестового похода вне связи с проповеднической кампанией, инициатором которой выступала папская курия, далеко не единственный. Так, уже на Рождество 1145 г. в Бурже епископ Лангрский огласил по приказу Луи VII призыв к походу на Восток, не дождавшись прибытия папской буллы [42, p. 62—64]. Пример цистерцианца Радульфа уже упоминался нами выше. Кроме того, упомянем старофранцузскую песню анонимного трубадура *Chevalier, mult estes guariz* (1146—1147 гг.), призывающую рыцарей отправиться в поход для возвращения Эдессы [34, p. 1—16; 42, p. 38].

⁶ В пользу этого могут свидетельствовать выявленные автором статьи в трактате две библейские аллюзии на *Reg.* 5:12 и *Ecc.* 24:6.

⁷ Разбивка текста на абзацы предложена автором.

⁸ Сирийские писатели отождествляют Урху (*wḥy) с библейским Эрехом (Уруком), основанным Нимродом. Подлинная этимология сирийского названия города, по всей видимости, восходит к сир. wḥ — вода и объясняется обилием источников в его окрестностях. В правление Селевка I Никатора (312—281 до н. э.) город получил имя Эдесса (ёдеууб) по аналогии с Эдессой в Македонии (нын. Водена). Вероятно, причиной этому послужило либо все то же обилие воды в округе, либо местоположение Урхи, напоминавшей грекам их родной город Эдессу Македонскую [28; 45, p. 1—7]. В армянских источниках Эдесса фигурирует под именем Սյուհայ (Н|рау—), а в арабских — al-Ruh̄ḥ'. В латинских хрониках крестовых походов наравне с греческой калькой Edessa употребляются формы Roas, Rohas, Roais, Rages, восходящие к арабскому имени. Ложную этимологию имени Roas/Rohas предлагает Гийом Тирский [46, IV. 2, p. 234], отождествивший Эдессу с Rages — ветхозаветными Рагами Мидийскими (*Tob.* 4:20).

⁹ Четыре епископа соответствуют четырём основным христианским конфессиям, чьи представители проживали в Эдессе: латинянам, армянам-монофизитам, сирийцам-яковитам и, наконец, греческим православным (мелькитам). Впрочем, при крестоносцах в Эдессе не было греческого епископа [45, p. 238].

¹⁰ В действительности в Эдессе не было такой церкви. Известно о существовании в городе церкви Матери Божьей (постр. между 489 и 504 гг.) и церкви св. Георгия (постр. между IV и VII вв.); обе они были разрушены мусульманами после 1146 г. Кафедральным латинским храмом Эдессы была церковь св. Иоанна, построенная в 457 г. После 1146 г. церковь была покинута, а внутри ее устроили хранилище шерсти. В 1181 г. она погибла в результате пожара. О церквях и монастырях Эдессы см.: [25, s. 43—45; 27; 45, p. 237—240].

¹¹ Упомянутые сирийцы — это, по всей видимости, мелькиты, местные жители, исповедовавшие православие греческого образца и признававшие над собой церковную юрисдикцию Константинополя. См.: [14, s. 76—102; 41].

¹² О существовании церкви св. Евфимии в Эдессе в рассматриваемый период ничего не известно. Возможно, имеется в виду церковь св. Ефрема [45, p. 239, 249 note 4].

¹³ О существовании церкви св. Авраама в Эдессе в рассматриваемый период ничего не известно. Возможно, имеется в виду сиро-яковитский монастырь Авгара [45, p. 249 note 4, 252].

¹⁴ *Majus monasterium*. Не представляется возможным определить, о каком монастыре идет речь. Скорее всего, как и в случае с кафедральным латинским храмом, в его названии объединены названия нескольких эдесских монастырей или церквей.

¹⁵ *habet quatuor porticus sculptos et bene compositos*. Дж. Сигал переводит *porticus* как «ворота»: “it... had four carved and well-designed gates” [45, p. 249 note 3], хотя ниже автор трактата употребляет для обозначения ворот слово *portae* (*Ipsae ciuitas habet quatuor portas...*). Автор статьи предлагает переводить термин «*porticus*» как «придел», руководствуясь в том числе и тем соображением, что монастырь мог иметь четыре придела соответственно числу конфессий, проживающих в Эдессе. Вместе с тем термин «*porticus*» в данном контексте может обозначать также часовню, молельню или помещение в монастыре для приема путников. См.: [10, t. 6, p. 430]. Автор статьи выражает глубокую признательность профессору Н. А. Гончаровой за консультацию по переводу термина «*porticus*».

¹⁶ Имад ад-Дин Занги (ок. 1084—1146), тюркский правитель Мосула и Алеппо, захвативший Эдессу в 1144 г. Латинские хронисты называют его *Sanguinus/Sanguineus*, т. е. Кровавый [32, s. 39]. Гийом Тирский обыгрывает латинизированное имя Занги в посвященной ему эпитафии: «*Quam bonus eventus! Fit sanguine sanguinolentus vir homicidia reus nomine Sanguineus*» [46, XVI:7, p. 723].

¹⁷ В оригинале единственное число — *sanctuarium et altare*.

¹⁸ О фортификационных сооружениях Эдессы см.: [29, s. 31—37].

¹⁹ Скорее всего, Западные ворота (Ворота сводов [45, p. 186, 249 note 1]). Эгерия, побывавшая в Эдессе в 80-х гг. IV в. — начале V в., упоминает, что жители Эдессы следили, чтобы через ворота, в которые якобы вошел скороход Анания с письмом от Христа, «не входил никто нечистый и никто в печальной одежде и чтобы через эти ворота не выносили никакого покойника» [6, XIX, с. 132—133]. Известно также, что во время визита в Эдессу в 1145 г. Имад ад-Дин Занги проследовал мимо восточных ворот, чтобы войти в город через северные [11, CCCXXII, p. 100].

²⁰ Ворота часов (Северные ворота). Получили свое название от сир. ܠܐܝܬܐ («часы») — возможно, термин для обозначения солнечных часов [45, p. 190 note 3].

²¹ Предположительно располагались на юго-западе, рядом со скалой Нимрут Даг, на которой была возведена цитадель [45, p. 250 note 2].

²² Харранские ворота на юге Эдессы или ворота в Цитадели Маниака [45, p. 250 note 2].

²³ Дж. Сигал полагает, что здесь упоминается Цитадель Маниака [45, p. 250 note 2], однако у Маттеоса Урхаеци находим примечательное упоминание о некой башне (*burgn*) в восточной части Эдессы, «которая была выше всех в городе» [48, p. 402].

²⁴ См. прим. 36.

²⁵ *per quasdam cauernulas*.

²⁶ В действительности речь идет о мощах легендарного царя Авгара и апостола Фаддея, заново открытых при первом латинском архиепископе Эдессы Бенедикте [17, XV:9, t. 3, p. 191; 26, p. 362]. Мощи хранились в серебряном гробу, покрытом золотом, в церкви св. Иоанна. После взятия Эдессы в 1144 г. гроб был украден, а мощи разбросаны, однако верующие собрали их и перенесли в яковитскую церковь св. Феодора [11, CCCXXII, p. 100]. В рассматриваемый период Авгар и Фаддей выступали святыми покровителями Эдессы: считалось, что, согласно обещанию Христа, пока горожане будут соблюдать Божьи заповеди и вести праведный образ жизни, враг не сможет вступить в город [3].

²⁷ В оригинале употреблены слова с разными оттенками значения — *monachi paganorum* ... *et moniales gentilium*. О семантических оттенках терминов «gentiles» и «pagani» в хрониках крестовых походов см.: [4, с. 40—57].

²⁸ Захир ад-Дин Туттегин (ум. 1128 г.) — атабек и регент при малике Дамаска Дукаке (1093—1104), затем — независимый правитель Дамаска (1104—1128), основатель династии Буридов [32, с. 34—35]. В действительности в это время фактическим правителем Дамаска был мамлюк Муин ад-Дин Унур (1138—1149), атабек при номинальном правителе Абакке ибн Мухаммаде.

²⁹ 2 Reg. 5:12. Реки Барада и Нахр эль-Авадж соответственно [20, р. 288, 313—316, 321].

³⁰ Отсылка к легенде, согласно которой Мухаммад в прошлом был римским кардиналом, но затем, не добившись папского сана, в отместку основал новую секту [39].

³¹ *lumen indeficiens* (Ecc. 24:6) *per mathesim compositum*. В Средневековье термин «mathesis» использовался для обозначения как астрономии, так и астрологии. К XII в. установилось два значения термина: 1) *mathesis* — истинное знание, астрономия, признаваемая церковью, если она не противоречила христианскому учению; 2) *mathesis* — суеверие, ложное знание, астрология [36, р. 11—13]. В нашем случае термин используется в своем втором значении. О мусульманах как магах и астрологах в представлении латинских хронистов см.: [4, с. 191—200].

³² Имеется в виду аль-Бира (совр. Биреджик) — неприступная крепость на левом берегу Евфрата, контролировавшая переправу через реку на пути из Месопотамии в Северную Сирию. Весной 1145 г. Занги осаждал Биру в течение сорока дней. Попытка франков провести в крепость подкрепление закончилась неудачей, однако вскоре Занги был вынужден снять осаду из-за восстания, вспыхнувшего в Мосуле [16]. В 1150 г. в связи с неспособностью франков в дальнейшем защищать остатки графства Эдесского Бира была продана византийцам [46, XVII:16, р. 782].

³³ О захвате христианских замков на Востоке (*multa christianorum castella*) упоминается и в папской булле *QP* [38, Bd. 4, s. 42].

³⁴ Латинский архиепископ города Гуго Эдесский. Его гибель в Эдессе, в действительности произошедшая в давке во время бегства в городскую цитадель, стала основанием для попыток причислить Гуго к числу мучеников [30].

³⁵ Эти цифры сильно завышены. По оценкам исследователей, в рассматриваемый период *все население* Эдессы могло составлять от 24 до 60 тыс. чел. [1, с. 120; 7, с. 80; 10, р. 49 note 8; 25, с. 39; 33, р. 446]. Михаил Сириец пишет о 30 тыс. погибших, 16 тыс. обращенных в рабство и 1 тыс. уцелевших «во время первой и второй осады [Эдессы]» [17, XVII:5, t. 3, р. 272; ср. с армянским переводом: 22, р. 339—340], Самуэл Анеци — о 30 тыс. погибших и 15 тыс. уведенных в плен [23, р. 452].

³⁶ Мотив святого места, в котором не могут жить нечестивцы или сарацины, упоминается и в других источниках. В 40-е гг. XIII в. Альбрехт де Труафонтен перечислил в своей хронике три христианские церкви в Святой Земле, «которые защищаются чудесным образом (*miraculose se defendunt*)»: церковь в Сайднае, Вифлееме и церковь св. Екатерины на горе Синай [8, р. 936; о них см.: 43, vol. 1, р. 137—156, vol. 2, р. 50—64, 219—221]. Магистр Титмар, посетивший Святую Землю в 1217 г., отмечал, что в монастыре в Сайднае «пребывает сарацинский стражник, хоть и не смеет ночевать [там], ибо, когда [эта] земля была потеряна [христианами], сарацины решили занять то [место] и укрепить, но не смогли прожить там и года» [37, VI, р. 19]. Описывая ниже Вифлеем, он вновь повторяется, что

сарацинский стражник не может находиться на территории монастыря, и хотя несколько стражников взимают у ворот пошлину с паломников, «однако они не живут там» [37, X, p. 28]. Францисканец Филипп Бузерий, побывавший в Заморье в 1283 г., сообщает о Сайднайе следующее: «в этом Городе не может жить ни один сарацин, ибо он умирает в течение года (*infra annum moriatur*)» [24, LXIII, p. 250]; ему вторят анонимный паломник, писавший около 1290 г. [9, CLXXIV, p. 141], и Николло да Поггибонси, побывавший в Святой Земле около 1350 г. [35, CLIV, vol. 2, p. 19). Как отмечает М. Баччи, особый статус пространства монастыря в Сайднайе был результатом святости хранившейся там иконы Девы Марии, которая якобы была облечена плотью и источала чудодейственный елей [12, с. 381]. То же самое можно сказать и об остальных двух церквях. В монастыре на Синае хранились мощи св. Екатерины, а также находилось место, где по преданию росла неопалимая купина; в Вифлееме можно было посетить пещеру, в которой родился Иисус, а также поклониться мощам Иосифа Аримафейского, невинноубиенных младенцев и прочим реликвиям. Похожие описания можно встретить и в отношении Эдессы. Так, в ряде источников специально подчеркивается тот факт, что город сохранял свою свободу от власти неверных со времен самого Христа [13, p. 81 note 9; 18, p. 452; 38, Bd. 4, s. 42; 46, IV, 2, p. 235], хотя в действительности Эдесса находилась под властью мусульман в период с 639 по 1032 г. и с 1086 по 1094 г. [45, p. 192 ff]. Особый статус Эдессы мог быть связан как с хранившимися в городе мощами царя Авгара и апостолов Фаддея и Фомы, так и с обещанием Христа, данным Авгару, что город будет неприступен до тех пор, пока его жители будут соблюдать Божьи заповеди [3, с. 120].

³⁷ Версия о предательстве Эдессы «неким вероломным (*a quodam perfido*)» повторяется в «Малой хронике правления Бодуэна I» (вторая половина XII в.) [26, p. 364], однако не подтверждается прочими источниками.

³⁸ Стремясь увлечь европейское рыцарство в поход, Евгений III обращался в своей булле к памяти о славных деяниях первых крестоносцев и призывал их потомков не допустить, чтобы усилия предшественников по захвату и обороне Святой Земли пропали даром. Подробный разбор основных идей *QP* см.: [42, p. 51—58].

³⁹ Вполне возможно, что данное место следует понимать буквально. Ср.: [5, с. 152—155].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Большаков О. Г.* Средневековый город Ближнего Востока (VII — середина XIII в.): Социально-экономические отношения. М., 1984. 344 с.
2. *Гуринов Е. А.* Датировка и обстоятельства создания трактата *De civitatibus Persarum* // Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы V Междунар. науч.-теорет. конф., Минск, 22 мая 2012 г. / под ред. В. В. Тугая [и др.]. Минск, 2012. С. 18—20.
3. *Гуринов Е. А.* Легенда об Авгаре и ее влияние на формирование образа христианской Эдессы в эпоху крестовых походов // Працы гістарычнага факультэта БДУ. 2011. Вып. 6. С. 115—125.
4. *Лучицкая С. И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001. 412 с.
5. *Минин С. А.* Первый крестовый поход в средневековой культуре: Договор Бога и человека в нарративе хронистов : дис. ... канд. ист. наук. М., 2009. 210 с.

6. Паломничество по святым местам конца IV века / изд., пер., коммент. И. В. Помяловского. СПб., 1889. XV, 204 с.
7. Степаненко В. П. Граф и ишханы Эдессы (конец XI — первая половина XII в.) // Античная древность и средние века. 1988. Вып. 24. С. 74—88.
8. *Albrici monachi. Triumphontium Chronicon* // Monumenta Germaniae Historica Scriptores Scriptores (далее — MGH. SS) T. 23. Hannover, 1874. P. 631—950.
9. A Medieval Pilgrims' Guide / ed. M. L. Colker // Classical, Medieval and Renaissance Studies in Honor of B. L. Ulman: 2 vols. / ed. C. Henderson. Roma, 1964. Vol. 2. P. 93—143.
10. *Amouroux-Mourad M. Le Comté d'Edesse, 1098—1150*. Paris, 1988. XII, 172 p.
11. *Anonymi Auctoris. Chronicon ad a.c. 1234 pertinens*. T. 2. Louvain, 1974. XIV, 295 p.
12. *Bacci M. A Sacred Space for a Holy Icon: The Shrine of Our Lady of Saydnaya* // Иероптопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / под ред. А. М. Лидова. М., 2006. С. 373—387.
13. *Baldrici Episcopi Dolensis. Historia Jerosolimitana* // Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux / publ. par les soins de l'Académie royale des inscriptions et des belles-lettres (далее — RHC. Occ) T. 4. P. 1—111.
14. *Brincken A.-D. von den. Die «Nationes Christianorum Orientalium» im Verständnis der lateinischen Historiographie von den Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhundert* Köln; Wein, 1973. XII, 551 s.
15. *Catalogus codicum manu scriptorum Bibliothecae Regiae Monacensis* / ed. C. K. Halm. T. 4: *Catalogus codicum latinorum. Pars 4: Clm 21406—27268*. Monachii, 1881. 300 s.
16. *Chabot J.-B. Un épisode inédit de l'histoire des Croisades (le siège de Birta, 1145)* // Comptes-rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 1917. Vol. 61, № 2. P. 77—84.
17. *Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166—1199): 4 t. / ed. et trad. J.-B. Chabot*. Paris, 1899—1910.
18. *Continuatio Praemonstratensis Sigeberti Gemblacensis Chronographia* // MGH SS. T. 6. Hannover, 1844. P. 447—460.
19. *Du Cange C. Glossarium Mediae et infimae latinitatis: 10 t*. Niort, 1883—1887.
20. *Dussaud R. Topographie Historique de la Syrie Antique et Médiévale*. Paris, 1927. LII, 632 p.
21. *Epistola CCCLXIII. Ad Orientalis Franciae clerum et populum* // Patrologiae Cursus Completus. Series Latina: 221 t. / ed. J.-P. Migne. T. 182. Paris, 1879. Col. 564—567.
22. *Extrait de la Chronique de Michel le Syrien* // Recueil des historiens des croisades. Documents Arméniens / publ. par les soins de l'Académie royale des inscriptions et des belles-lettres (далее — RHC. Doc. Arm.). T. 1. P. 309—409.
23. *Extrait de La Chronographie de Samuel d'Ani* // RHC. Doc. Arm. T. 1. P. 445—468.
24. *Frater Philippus de Busseriis. Liber Peregrinationum* // Itinera Hierosolymitana Crucesignatorum saec. XII—XIII: 4 vols. / ed. S. de Sandoli. Jerusalem, 1978—1985. Vol. 4. P. 221—254.
25. *Gindler P. Graf Balduin I. von Edessa*. Halle, 1901. 80 s.
26. *Guibert abbatis S. Mariae Novigenti. Dei gesta per Francos* / ed. R. B. C. Huygens. Turnhout, 1996. 443 p.
27. *Guidetti M. The Byzantine Heritage in the Dâr al-Islâm: Churches and Mosques in al-Ruhâ between the Sixth and Twelfth Centuries* // Muqarnas. 2009. Vol. 29. P. 1—36.

28. *Harra A.* The Ancient Name of Edessa // *Journal of Near Eastern Studies.* 1992. Vol. 51, № 3. P. 209—214.
29. *Hellenkemper H.* Burgen Der Kreuzritterzeit in Der Grafschaft Edessa und im Königreich Kleinarmenien. Bonn, 1976. XX, 303 s.
30. *Hiestand R.* L'archeveque Hugues d'Edesse et son destine posthume // *Dei Gesta per Francos: Études sur les croisades dédiées à Jean Richard* / ed. M. Balard, B. Z. Kedar J. Riley-Smith. Aldershot, 2001. P. 171—177.
31. *Klem E.* Die romanischen Handschriften der Bayerischen Staatsbibliothek. Teil 1: Die Bistümer Regensburg, Passau und Salzburg. Wiesbaden, 1980. 424 s.
32. *Kunitzsch P.* Dodekin und andere türkisch-arabische Namen in den Chansons de geste // *Zeitschrift für romanische Philologie.* 1972. Bd. 88. S. 34—44.
33. *Laurent J.* Des Grecs aux Croisés. Étude sur l'histoire d'Édesse entre 1071 et 1098 // *Byzantion.* 1924. T. 1. P. 367—449.
34. *Les chansons de Croisade* / ed. J. Bédier, P. Aubry. Paris, 1909. XXXVI, 318 p.
35. *Libro d'Ultramar di fra Niccolo da Poggibonsi:* 2 vols. / ed. A. Bacchi della Lega. Bologna, 1881.
36. *Lucas J. S.* Astrology and Numerology in Medieval and Early Modern Catalonia: The Tractat de Prenostication de la Vida Natural Dels Hñmens. Leiden; Boston, 2003. XXXIV, 210 p.
37. *Magistri Thietmari.* Peregrinatio / ed. J. C. M. Laurent. Hamburg, 1857.
38. *Monumenta Germaniae Selecta ab anno 768 usque ad annum 1250:* 5 Bde. / hrsg. M. Doeberl. München, 1889—1894.
39. *Muñoz F. G.* Liber Nicholay: La leyenda de Mahoma y el cardenla Nicolás // *Al-Qantara.* 2004. Vol. 25. P. 5—43.
40. Bayerische Staatsbibliothek [Elektronische Ressource]. Regime des Zugriffs: <http://daten.digital-e-sammlungen.de/~db/0003/bsb00036880/images/> Datum des Zugriffs: 09.11.2012.
41. *Pahlitzsch J.* Melkites // *The Crusades: An Encyclopedia*, 4 vols. / ed. A.V. Murray. Santa Barbara; Denver; Oxford, 2006. Vol. 3. P. 817—819.
42. *Phillips J.* The Second Crusade: Extending the Frontiers of Christendom. New Haven, CT, 2006. 234 p.
43. *Pringle D.* The Churches of the Crusader Kingdom of Jerusalem: 4 vols. Cambridge, 1993—2009.
44. *Röhricht R.* Studien zur mittelalterlichen Geographie und Topographie Syriens // *Zeitschrift des deutschen Palaestina-Vereins.* 1887. Bd. 10. S. 195—345.
45. *Segal J.B.* Edessa: «The Blessed City». Oxford, 1970. XVIII, 308 p.
46. *Willelmi Tyrensis Archiepiscopi.* Chronicon / ed. R. B. C. Huygens. Turnhout, 1986. 1171 p.
47. *The Historia Vie Hierosolimitane of Gilo of Paris and a Second,* Anonymous Author / ed. and trans. C.W. Grocock, E. Siberry. Oxford, 1997. LXIV, 270 p.
48. *Patmut'wñ Matt'çosi Urhayets'ioy.* Yerusalem, 1869. VIII, 597 p.

С. А. ЗАХАРКЕВІЧ

**ROAD MOVIE IN THE TERRA (IN)COGNITA.
ЗВЫЧАЙНЫЯ ДАРОЖНЫЯ ПРЫГОДЫ
Ў РЭЧЫ ПАСПАЛІТАЙ XVII—XVIII стст.
ВАЧАМІ «СВАЙГО» ПАДАРОЖНІКА:
«УСПАМІНЫ КРЫШТАФА ЗАВІШЫ
ВАЯВОДЫ МІНСКАГА»**

У артыкуле разглядаецца феномен прасторавай мабільнасці шляхты Рэчы Паспалітай на прыкладзе «Успамінаў Крыштафа Завішы ваяводы мінскага».

The article discusses the phenomenon of spatial mobility gentry Rzeczpospolita of their own ideas on the example of «Memoirs of Krzysztof Zawisza Minsk' governor».

Ключавыя словы: «Успаміны Крыштафа Завішы ваяводы мінскага», дарожныя прыгоды ў Рэчы Паспалітай у XVII—XVIII стст., мабільнасць шляхты ў Рэчы Паспалітай у XVII—XVIII стст.

Keywords: «Memories Krzysztof Zawisza Minsk' governor», travells in the Rzeczpospolita at the XVII—XVIII centuries, mobility in the Rzeczpospolita at the XVII—XVIII centuries.

Нягледзячы на стэрэатыпныя ўяўленні аб замкнёнасці і нізкай мабільнасці навачаснага грамадства (у тым ліку і Вялікага Княства Літоўскага), можна знайсці пераканаўчыя доказы адваротнага, што дазваляе з упэўненасцю казаць аб іх недакладнасці. Дробная шляхта хоць і рэдка выбіралася ў дарогу, тым не менш ездзіла да суседзяў, родзічаў, на соймікі, ярмаркі, судовыя працэсы, да касцёлаў і цэркваў, на святы і г. д. Тым жа, хто быў моцна звязаны з магнацкімі родамі кліентскімі сувязямі ці ўласна ўдзельнічаў у палітычных справах, увогуле раз'яз-

Захаркевіч Сцяпан Артуравіч — дацэнт кафедры этналогіі, музейлогіі і гісторыі мастацтваў Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

джалі па краіне з хуткасцю, якая можа ўразіць нават сучасных, лёгкіх на пад’ём людзей.

«Успаміны Крыштафа Завішы ваяводы мінскага» (далей — «Успаміны») сведчаць аб неверагоднай мабільнасці не толькі самога мінскага старасты і ваяводы, але і яго жонкі Тэрэсы з Тышкевічаў, яго родзічаў, сяброў, ворагаў, суседзяў, знаёмых. Ю. Барташэвіч пісаў, што «...ніхто хутчэй за Завішу не прыбудзе на месца...» [5, с. 19]. Увогуле, на падставе «Успамінаў» складаецца моцнае ўражанне аб значнай прасторавай мабільнасці шляхты Рэчы Паспалітай напрыканцы XVII — пачатку XVIII ст. Тое самае можна з дакладнасцю казаць пра магнатэрыю, асабліва тых, хто актыўна займаўся палітычнымі і дзяржаўнымі справамі. Так, па падліках гісторыкаў, у сярэдзіне XVII ст. канцлер ВКЛ Альбрэхт Станіслаў Радзівіл у год праязджаў каля 2,5 тыс. кіламетраў і, па меркаваннях сучаснікаў, «жыў у карэце» [6, с. 99].

У працы беларускага гісторыка А. Мацука, прысвечанай барацьбе магнатаў у ВКЛ у 1717—1763 гг., добра адлюстраваны высокі тэмп жыцця прадстаўнікоў магнатаў Агінскіх, Радзівілаў, Сапег, Чартарыйскіх і іншых, а таксама іх кліентэлы [3]. Яны актыўна перапісваліся, пасылалі адзін аднаму кур’ераў, карысталіся галубінай поштай, аднак усё роўна вымушаны былі сустракацца асабіста, каб тайна дамаўляцца, праводзіць нарады і асамблеі, уласна кантраляваць ход выбараў дэпутатаў на сеймы, трыбуналы, удзельнічаць у рабоце соймаў Рэчы Паспалітай і г. д.

«Успаміны» Крыштафа Завішы, энергічнага і актыўнага чалавека, шляхціца і палітычнага дзеяча, з’яўляюцца цікавай і паказальнай крыніцай, якая дазваляе зразумець камунікацыйныя традыцыі культуры шляхты Рэчы Паспалітай XVII—XVIII стст. Важным уяўляецца той факт, што апісанні падарожных прыгод зроблены «сваім» чалавекам, які быў з нараджэння прызвычаены да гэтых умоў, які не шукаў «чужой» экзотыкі. У пэўным сэнсе гаворка ідзе пра апісанне «нармальнага», «звычайнага» падарожжа, якое не столькі здзіўляе, колькі раздражняе, фіксуе, канстатуе.

Падрыхтоўка да падарожжа. У дарогу дробная шляхта выбіралася рэдка, а самі зборы ператвараліся ў рытуал. Як сведчаць беларускія навукоўцы, шляхціц Зянон Фіш з-пад Бялыніч, які шмат падарожнічаў па краінах Еўропы, так апісваў зборы ў падарожжа сярэдняй шляхты: «У нас да сённяшняга дня выезд з дому з’яўляецца пэўным урачыстым актам, які патрабуе забеспячэння рознымі рэчамі і дробязямі. Увесь дом працуе на адну павозку, ужо за два тыдні перад дарогай пачынаюць таў-

снецц людзі, адпасвацца коні; рамантуецца вупраж, і павозка перад кузняй узмацняецца рознымі акоўкамі, клямарамі і шрубамі. Пякуцца булкі, робяцца свежыя каўбасы, скварчыць тушаная капуста з мясам, мяецца бялізна, нарэшце павозка пад'язджае пад ганак, засупоньваюцца клункі, мяшкі, чамаданы; усе цяжэюць і тлумна лезуць у брычку, сядваюць ззаду, уперадзе, пасярэдзіне; перад носам, над галавой, дзе толькі можна. Набрынялая брычка стаіць паважна, і вось перакормленыя коні ўпрагаюцца ў яе, таксама перакормленыя людзі запаўняюць яе чэрава. Высыпае чэлядзь, дзівуецца з ганка і з-за платоў, стракоча сарока, цялё з загарадкі глядзіць прыдуркавата на ажыўлены рух на двары, скрыпяць дзверы, бегаюць пакаёўкі, яшчэ пакуюць у брычку нейкія клункі; урэшце тоўсты ягамосць з цыбуком, палачкай, ружжом і капшучком залазіць, нібы душа ў цела, у нутро, развітваюцца падарожнікі, і на вачах ва ўсіх павозка выкочваецца з дзядзінца. Брычка салідна прагрукоча па вуліцы, правалачэцца праз грэблю. Узнімецца на ўзгорак; урэшце знікне ўсім з вачэй...» [1, с. 90].

Пашыранай была традыцыя праводзіць ад'язджаючых як мага далей. Так, напрыклад, у лістападзе 1708 г. пры ад'ездзе сям'і Завішаў з Тыльжы на беларускія землі ўсе знаёмыя праводзілі іх аж за Нёман, дзе «з імі сумнае мелі расставанне і насамрэч развіталіся не без слёз» [5, с. 193]. У сакавіку 1708 г. К. Завішы з вялікім гетманам К. Я. П. Сапегам і аршанскім стольнікам М. Шэметам з Косава жонкі праводзілі «міль шаснаццаць» [5, с. 195].

Транспартныя сродкі і коні. Для падарожжа патрэбна было мець коней і экіпажы. На беларускіх землях Рэчы Паспалітай доўгі час не існавала ўласных майстэрняў экіпажаў. Карэты і паязды для шляхты прывозілі з-за мяжы: з германскіх княстваў (перш за ўсё з Саксоніі), з Берліна, Вены, Францыі (асабліва з Парыжа) і нават з Англіі. На думку Е. Кітовіча, да канца XVII — пачатку XVIII ст. яны з'явіліся ў Гданьску, Варшаве і Лешне пад Познанню [7, с. 461].

Стварэнне гужавага транспарту для шляхты было вельмі складаным працэсам, у якім прымалі ўдзел як мінімум чатыры майстры (стэльтах, каваль, рымар і калёснік). Чым больш вытанчанай і аздобленай патрабавалася карэта, тым большая колькасць майстроў удзельнічала ў яе стварэнні. Максімальная над адным поездом маглі працаваць да трынаццаці майстроў. Таму экіпажы былі вельмі каштоўнымі рэчамі. Падчас ваенных дзеянняў яны становіліся добрым трафеем. Напрыканцы студзеня 1705 г. у сутычцы з атрадам К. Сенніцкага, харугвы К. Завішы ўзялі значны трафей: «мне дасталася карэта Сенніцкага...» [5, с. 181].

Транспартнымі сродкамі было дастаткова цяжка кіраваць, таму добрыя вознікі-стангрэты шанаваліся. Так, напрыклад, К. Завішы 15 лістапада 1698 г. спраўляў выселле свайго стангрэта Васіля [5, с. 130].

Больш бедная шляхта, розныя воіны ці нават людзі простага стану вандравалі конна. Асноўным іх рыштункам была коўдра, якую ўдзень клалі пад сядло, ноччу ж расціралі на ўзбочыне дарогі. Зімой такія коннікі дзеля цяпла засыпалі ў боты сечаную салому.

На думку А. Мейера, выказаную ў «Апісанні Крычаўскага графства», коні ў графстве былі нашмат слабейшыя за расійскіх. «Хаця памешчыкі, якія жывуць каля Крычава і маюць у сябе коней добрых парод, такіх як англійскія, турэцкія, татарскія і ўкраінскія, аднак няма ў іх добрых уласных коней... Лепшыя пароды коней ва ўсёй Белай Расіі знаходзяцца ў падкаморага Сухадольскага» [4, с. 97].

Коні маглі быць сваімі, нанятымі ў прыватных асоб або паштовымі. На сваіх конях ездзілі рэдка і толькі на невялікія адлегласці. Вядома, такое падарожжа абыходзілася танней, таму перавагу шляхта аддавала сваім коням. У лістападзе 1703 г. падчас падарожжа ў Варшаву К. Завішы пазычыў коней у свайго прыяцеля, аршанскага падстольніка Панцэжынскага. Пасля прыбыцця ў Варшаву «...адправіў (коней) назад і паслаў з імі гасцінцы...» [5, с. 174]. Коні былі адным з самых каштоўных рэчаў шляхціца. Падчас пабегу з уласнай сядзібы ад ворагаў К. Завішы ўзяў тое, што больш шкадаваў, — цуг добрых коней, на якіх ездзіў у Рым [5, с. 31]. Нягледзячы на тое што коней да падарожжа рыхтавалі, добра кармілі, аднак іх усё роўна трэба было мяняць. Асабліва гэта датычылася доўгіх вандровак. Коней звычайна мянялі ў мясцовых яўрэяў-карчмароў ці татароў. Так, В. Грыцкевіч і А. Мальдзіс адзначаюць, што англічанін Уільям Кокс, узгадваючы ў сваіх успамінах працэс змены падарожнікамі коней, пісаў: «У Барысаве яўрэі дасталі для нас дзесяць коней і запрэглі іх у два рады: шэсць коней — да экіпажа і чацвёрку — на вынас. Патрэбна было вялікае майстэрства, каб так іх запрэгчы. Двое сярэдніх коней задняга рада былі прыпрэжаны, як звычайна, да штэльвагі, двое наступных — да прывязной вагі, што выступала далёка ўбок за пярэднія колы, а двое крайніх пры дапамозе доўгіх вяровак былі такім жа чынам прыпрэжаны да дышла і да штэльвагі, прымацаванай да дышла...» [1, с. 91].

Прыгоды ў дарозе. Дарэчы, як з любым транспартам, з гужавым таксама адбываліся аварыі. У сярэдзіне мая 1698 г. у падарожжы з Варшавы да Вільна адзін з фурманскіх вазоў К. Завішы пераехаў старога буфетчыка Казіміра Дулю, які зваліўся з воза, і паламаў яму рэбры і клю-

чыцы [5, с. 127]. 11 ліпеня 1699 г. пры падарожжы з Вількаміра на Курклі поезд К. Завішы трапіў у павадак: «...наплаваліся мы ўначы, бо прыпала вялікая паводка, якой не было з вясны» [5, с. 134].

Здарэнні маглі адбыцца і проста з конным. Такі выпадак адбыўся з К. Завішам у сярэдзіне студзеня 1708 г.: «...яшчэ меў непрыемнасць ад каня і быў дужа разбіў сваю нагу, з-за чаго пакутаваў ад болю...» [5, с. 189]. У сакавіку таго ж года падчас паездкі з жонкай у Вільна з Геранён атрымаў «вялікі клопат у гэту бездараж», а «пара гнядых і тройка стракатых маіх цудоўных коней ад той дарогі здохлі» [5, с. 190].

Падарожныя здарэнні адбываліся і ўлетку, і ўзімку. У снежні 1712 г., калі К. Завішы ехаў з Баруноў у Мінск, «...панёс ... конь у санках, у імтэце перавярнуўшы, вельмі мяне пабіў, таму я доўга мусіў карпець...» [5, с. 207].

Вялікай пагрозай для падарожніка была пераправа. Напрыканцы верасня 1710 г. пры пераправе праз Нёман у князя Яна Мікалая Радзівіла патануў «цудоўны рослы конь» [5, с. 205].

У дарозе чакала таксама небяспека захварэць. У 1710 г. па дарозе ў Вільна сям'я і двор К. Завішы заразіліся цяжкай гарачкай. «...Мой таварыш п. Міліцкі памёр, другія пахварэлі... Мая жонка, старэйшая дачка Барбара і малодшы сын Фелісь ласкай і цудам Божым ледзь ачунылі дзякуючы пільнасці добрага цыруліка француза Закрштэйна...» [5, с. 199].

Дарогі. Транспартныя сродкі развіваюцца ў цеснай сувязі з эвалюцыйнай шляхоў і сродкаў камунікацыі. У XVI — XVIII стст. найбуйнейшыя гарады Рэчы Паспалітай былі звязаны пастаяннымі дарогамі — трактамі і гасцінцамі. У гэты час існавала каля дваццаці сухапутных вялікіх дарог, пачалі будаваць новыя. У 1615 г. Жыгімонт III выдаў указ аб будаванні дарогі Слуцк — Мінск. У 1778—1784 гг. была пабудавана дарога з Пінска на Валынь, якая палепшыла камунікацыю беларускіх і ўкраінскіх зямель. Менавіта праезд па гэтым маршруце вызываў найбольшыя праклёны К. Завішы. У сярэдзіне сакавіка 1700 г. К. Завішы на Піншчыне, «...ад Міжрэчча, пад Палоннай, каля Дуброўкі, жудасную ў пушчах меў дарогу, паламаў вазы і карэты пад імі» [5, с. 139]. У чэрвені 1716 г., праязджаючы праз Піншчыну, К. Завішы зноў зафіксаваў: «...дарога намнога горшая з-за балот, рэк, мастоў, непажыўнага тракту і нязручнага начлегу на станцыях» [5, с. 217].

Якасць дарог была вельмі нізкай і вельмі залежнай ад надвор'я і таму мела сезонны характар. 15 лістапада 1693 г. К. Завішы занатаваў, што дарога з Бакшт да Чачэрска была «архідэрэннай» [5, с. 108]. У ліпені 1696 г. пры пераездзе з Круляўца да Куркляў шлях быў вельмі дрэнны з-за броду [5, с. 117]. У сярэдзіне сакавіка 1697 г. пры пераездзе з Ра-

готні да Бакштаў была «...вельмі ліхая дарога, з павадкамі і адлігай...» [5, с. 120]. На дарогу змарнавалі чатыры дні там, дзе можна было даехаць за суткі. Для апісання восеньскіх дарог К. Завішы нярэдка выкарыстоўвае такія словы, як «праклятая», «архіпраклятая» [5, с. 124], «архідрэнная» [5, с. 126].

Самымі небяспечнымі сезонамі для падарожжа былі вясна і восень. Калі зіма зацягвалася, доўгі час ездзілі на санях. Так, вясной 1714 г. К. Завішы спяшаўся да адлігі праехаць з Вільні ў Бакшты, таму «...выехаў 23 сакавіка, прыбыў яшчэ на санях і не вельмі ліхой дарогай: быў яшчэ снег і прымаразкі» [5, с. 211]. Аднак праз тры гады ў той жа прыкладна час К. Завішы выехаў з Бакштаў у Бярдзічаў, «...але зіма нас ашукала: каля Старобіна ўжо не маглі перабрацца цераз рэкі і таму неспадзявана 16 сакавіка вярнуліся ў Раготню» [5, с. 216]. У перыяд ліўневых дажджоў і павадкаў ручаіны і рачныя броды становіліся непраезднымі. Асабліва небяспечнымі былі пераправы праз рэкі, калі паромы яшчэ не працавалі, а набухлы тоўсты лёд адыходзіў ужо ад берагоў.

Можна параўнаць меркаванні К. Завішы з ананімным шляхціцам, які напісаў у 1797 г. дыярыўш свайго падарожжа з Мінска ў Пецябург. Практычна кожны дзень аўтар фіксаваў: «...дарога вельмі дрэнная, бо лясамі ехаць трэба...», «...дарога вельмі дрэнная, камяністая...» [8, с. 112], «...дарога вузкая, камяністая і шмат бродаў...» [8, с. 113]. З гэтага ж дыярыўшу можна даведацца, што з Полацка да Пецябурга лепей было ехаць не напрасткі, праз Пскоў, а на Вялікі Ноўгарад. Пскоўскі гасцінец быў бязлюдны, і яго не так добра даглядалі [8, с. 118]. Каля Невеля дарога была «...гарыстай і пяшчыстай...», з Невеля на Вялікія Лукі гасцінец быў «...гарысты і няпросты...» [8, с. 119]. На некаторых перагонах тракт быў нашмат лепшы, чым дзе, што вызывала ўвагу падарожнікаў: «Той гасцінец (на дарозе з Віцебска ў Пецябург) быў такі шырокі, што пяць паяздоў маглі ехаць абাপал адзін аднаго, а па баках пасаджаны два рады бярозак» [8, с. 119].

Працягласць дзённага пераходу залежала ад розных фактараў. Адно і тую ж адлегласць у розныя поры года падарожнікі праязджалі па-рознаму. Калі ж прааналізаваць працяглае падарожжа, якое адбывалася ў адным сезоне, то менавіта з дыярыўшу 1797 г. ананімнага шляхціца, які ехаў з Мінска да Пецябурга, можна даведацца, што ў дзень праязджалі 20—30 км [8, с. 112—113].

«Турыстычная інфраструктура» падарожжа. Падчас падарожжа мы заўсёды звяртаем увагу на інфраструктуру. Дзе можна адпачыць, знайсці начлег і ежу. Пашыранай з’яўляецца думка аб тым, што «турыстычная

інфраструктура» на беларускіх землях Рэчы Паспалітай у разглядаемы час была вельмі слабай. У падарожжы з Раготні ў Петрыкаў пасля мас-леніцы ў 1702 г. К. Завішы з усёй сям'ёй і дваром «...зусім не спазналі нудоты, не адну ноч правёўшы ў пушчы на свежым паветры» [5, с. 167]. У дыярыушы 1797 г. ананімнага шляхціца зафіксавана, што пасля Плешчаніц яны спыніліся на начлег у карчме, «...якая была б добрай, каб не бруднасць яўрэяў, якая звычайна таму народу, ...у стадоле і ізбе было шмат блохаў...» [8, с. 113]. Далей гэты аўтар інфармаваў, што ў Докшыцах было дзве карчмы — Мілашэвіча і Гутаровіча. На думку падарожніка, «...Мілашэвіча была лепшай...» [8, с. 115]. У мястэчку Глыбокае было таксама дзве карчмы — драўляная і з каменю — дастаткова добрага ўзроўню [8, с. 115]. Далей ананімны падарожнік інфармуе, што ў Эравічах і Дрэтуню Полацкага павета былі паштовыя станцыі. Пасля пераезду старой мяжы Рэчы Паспалітай падарожнік заўважыў, што «...яўрэяў тут няма, а замест карчэм дзе-нідзе стаяць будынкі пастаялых дамоў, пры якіх вельмі дрэнныя стайні...» [8, с. 119].

Прыведзеныя нататкі падарожнікаў быццам бы падмацоўваюць думку аб неразвітасці інфраструктуры. Аднак уяўленні аб неразвітасці ці адсутнасці моцна звязаныя з неабходнасцю ці патрэбнасцю ў чымсьці. Ці была патрэбна шляхце «турыстычная інфраструктура»? Па-першае, хацелася б звярнуць увагу на тое, з якой абыхавасцю і спакоем піша К. Завішы пра начлег на свежым паветры ў сакавіку. Калі мець на ўвазе тое, што ён заўсёды пісаў аб рэчах, якія яму не падабаліся, то можна зрабіць выснову аб «нармальнасці» гэтай сітуацыі. З другога боку, для падарожжа на вялікія адлегласці ствараліся спецыяльныя вазы — кухні, піўніцы, скарбцы, канцылярыі, намёты, лежайкі і г. д. Так, А. Доўнар адзначае, што згодна з рээстрам нясвіжскай карэтні Радзівілаў 1746 г. у ёй была «карэта пасцельная з ложкам, столікам і ўсім патрэбным» [2, с. 57]. У гэтым жа спісе згадваўся экіпаж-ляжак з доўгім матрацам, з прыстасаванымі трыма скрынямі, адна з якіх (з металічнымі прутамі) служыла для перавозкі сабак. У 1787 г. у нясвіжскай карэтні быў экіпаж, абсталяваны для зручнасці падарожжа раскладным ложкам, піўніцай (барам) і іншым абсталяваннем, якое павышала камфартальнасць салона [2, с. 57]. Можна зрабіць выснову, што шляхта, асабліва заможная, і магнатэрыя мелі магчымасці і значны вопыт начлегу на свежым паветры.

Па-другое, «Успаміны» К. Завішы напоўнены падрабязнымі апісаннямі таго, дзе, як і ў каго падчас падарожжаў ён спыняўся на начлег, на пастой, на адпачынак, на ежу. Такім чынам, заможная шляхта, якая мела

шырокія кантакты па ўсёй краіне, магла не турбавацца пра тое, дзе спыніцца на начлег і адпачынак. Калі навокал не было знаёмых, то меліся ўсе падставы і магчымасці для начлегу на свежым паветры. Нават цяжкія кліматычныя ўмовы (напрыклад, мароз) не стваралі цяжкасцей. Гэта моцна адрознівае «свойскае» ўяўленне аб падарожжы ад таго, што фіксавалі іншаземцы.

«Успаміны» К. Завішы даюць магчымасць убачыць падарожжа як рацыянальную камунікацыю, як высылкі чалавека трапіць з пункта А ў пункт Б. З аднаго боку, мінскі стараства не бачыў прыгожых ці заняўдбалых краявідаў сваёй краіны. Ён імкнуўся патрапіць у неабходнае месца. З другога боку, К. Завішы заўсёды падчас падарожжа большасць часу марнаваў з сябрамі, прыяцелямі і знаёмымі. Гэта пэўная мадэль шляхецкага жыцця і светаўспрымання — праз карпаратыўнасць, далучэнне да мэтавых груп, паўсюднага і як мага больш магчымага кантакту з роўнымі сабе, вышэйшымі і тымі, хто стаяў на прыступку ніжэй у сацыяльнай іерархіі. Падарожжа па сваёй краіне — гэта больш чым вандроўка ці прасторавае перамяшчэнне. Гэта спосаб падтрымання неабходных кантактаў, выражэнне ўласнай шляхецкай годнасці, падстава для кар’ернага поспеху.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Грыцкевіч В. П., Мальдзіс А. Шляхі вялі праз Беларусь. Мінск, 1980. 272 с.
2. Доўнар А. Б. Парк гужавога транспарту князёў Радзівілаў у Нясвіжы ў другой палове XVIII ст. // Мастоцкая спадчына Нясвіжа. Нясвіж, 2006.
3. Мацук А. У. Барацьба магнцкіх групавак у ВКЛ (1717—1763 гг.). Мінск, 2010.
4. Мейер А. Описание Кричевского графства или бывшего староства // Могилевская старина : сб. ст. «Могилевских губернских ведомостей». Вып. 2: 1900—1901 гг. / под ред. Е. Р. Романова. Могилев : Тип. Губернского правления, 1901. 154 с.
5. Успаміны Крыштафа Завішы ваяводы мінскага (1666—1721) / пер. з польск., заўвагі В. Хурсіка. Мінск, 2011. 449 с.
6. *Czapliński Wł., Długosz J.* Życie codzienne magnaterii polskiej w XVII w. Warszawa, Państwowy Instytut Wydawniczy, 1982. 263 с.
8. *Rok B., Kazakow J.* Opis podróży z Mińska do Petersburga z 1797 r. anonimowego szlachcica z Białorusi // *Z przeszłości Rzeczypospolitej w czasach nowożytnych* / pod red. K. Matwijowskiego, S. Ochmann-Staniszweskiej, B. Roka. Wrocław, 1998. С. 113—119.

А. С. КАЛИНИНА

**ДОКУМЕНТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫХ АРХИВОВ
БЕЛАРУСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ИССЛЕДОВАНИЮ
ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ
ПРАВОСЛАВНЫХ ХРИСТИАН БССР
В 1929—1939 гг.**

Представлен краткий обзор документов ряда государственных архивов Беларуси, касающихся истории повседневной религиозной жизни православных верующих БССР в 1929—1939 гг. Автор систематизирует и анализирует данные документы и приходит к выводу, что они дают богатый материал для исследования религиозной повседневности 1930-х гг.

The article represents a brief survey of the documents of several state Belarusian archives concerning the everyday religious life of the Orthodox believers of the BSSR in the 1930s. The author divides the documents into state, party and church ones, tries to analyze them and reveals them as a rich source of information about everyday religious life of the Belarusian population in 1929—1939.

Ключевые слова: православие, обновленчество, история повседневности, религиозные обряды и традиции, БССР, КП(б)Б, Союз воинствующих безбожников, ГПУ-НКВД, государственные, партийные и церковные документы, политика в области религии.

Keywords: Orthodoxy, renovationism, history of everyday life, religious rituals and traditions, the Byelorussian SSR, the Communist Party (Bolsheviks), League of Militant Atheists, NKVD, state, party and church documents, the policy in the field of religion.

В последние десятилетия, в том числе и на постсоветском пространстве, в поле исследовательского интереса стали попадать социальные проблемы развития общества в рамках обыденной жизни людей, так называемой истории повседневности. Исследование мира повседнев-

Калініна Ганна Сяргееўна — аспірант кафедры гісторыі Беларусі новага і наваейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

ности прошлого дает возможность рассматривать человека не только в качестве объекта воздействия, но и в роли субъекта, формирующего внутреннее содержание исторического процесса, позволяет судить об особенностях ментальной структуры общества на определенном хронологическом отрезке [1, с. 8].

Религиозная жизнь человека является неотъемлемой частью истории повседневности и ввиду обширности этого понятия требует отдельного исследования. Под словосочетанием «религиозная жизнь» следует понимать все внешние проявления религиозности человека, включая совершение обрядов и исполнение традиций, отношение людей к ним, а также к тем процессам в обществе, которые оказывали влияние на религиозную жизнь и приводили в конечном счете к ее постепенной трансформации.

Источники по истории повседневной жизни православного населения БССР можно разделить на три большие группы: документы государственных институтов (советских органов власти и спецслужб), документы общественных объединений (в частности, партийные и «Союза воинствующих безбожников») и церковные документы. Некоторые из них опубликованы в сборниках документов «Православная Церковь на Витебщине (1918—1991): документы и материалы» и «Конфессии на Гомельщине в 1920—1930-е гг.: документы и материалы» [2, 3], однако значительная часть документов находится в архивах и подлежит научному исследованию.

Исторические документы по названной тематике хранятся в Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ), Национальном историческом архиве Беларуси (НИАБ), Государственном архиве Витебской области (ГАВО), Государственном архиве Гомельской области (ГАГО) и Государственном архиве общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Цель статьи — систематизация посредством анализа документов вышеперечисленных архивов, которые могут представлять интерес для исследования повседневной религиозной жизни православных христиан БССР в 1930-е гг.

Наиболее ценным материалом для исследователя повседневности является отчетно-информационная партийная документация — КП(б)Б. В первую очередь необходимо упомянуть о докладных записках «О состоянии антирелигиозной пропаганды» по районам БССР, составлявшихся по запросу ЦК КП(б)Б в первой половине 1937 г. Эти документы свидетельствуют о различных проявлениях религиозной жизни верующего населения, так как в них наряду с провалами и достижениями ан-

тирелигиозной работы секретари райкомов докладывали и об активности «церковников и сектантов» в районе. Речь идет не только о фиксации положительных или отрицательных настроений «маленького человека», но и о таких аспектах повседневной религиозной жизни, как церковные обряды, их исполнение и трансформация в условиях антирелигиозной политики государства, направленной на вытеснение религии из жизни общества. Так, при отсутствии действующих храмов и священнослужителей верующие могли проводить богослужение самостоятельно, как, например, «у калгасе “Ульянава” Ляшнянскага сельсавета 01.05 вечарам рэлігійнікі сабіралісь у 4-х хатах і чыталі “свяшчэнныя кнігі”» [4, л. 137]; «ноччу 1 мая перад пасхай жанчыны хадзілі на Коленскае кладбішча маліцца. У вёсцы Пухавічах з першага па другое мая ўсю ноч свяцілі ў хатах лямпы, і калі інспектар міліцыі т. Цвірко спытаў у адной жанчыны, навошта ўсю ноч гараць агні, яна сказала, “спраўляем усюношную, у нас у канстытуцыі сказана, якую хочаш рэлігію можаш выконваць”» [5, л. 279].

На основании полученных районных докладных записок формировались докладные записки обобщающего характера по округам и республики в целом. Так, например, о праздновании праздника Пасхи в одной из двух последних официально действующих церквей в БССР становится известно из докладной записки «О состоянии антирелигиозной пропаганды по Гомельской области по состоянию на 15 мая 1939 года», подготовленной инструктором Отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б Куровым на имя заведующего отделом Бедина: «В гор. Гомеле до сих пор по Комсомольской улице — (в центре города) — не закрыта церковь. В дни Пасхи на богослужение собралось такое количество верующих, что по улице нельзя было пройти, молиться приезжали из ближайших районов, сельсоветов и даже из Черниговской и Орловской областей» [6, л. 181].

Интерес представляют и отчеты районных и окружных партийных комитетов о проделанной работе, направлявшиеся в ЦК КП(б)Б, так как одним из пунктов отчета являлась проведенная антирелигиозная работа. Например, из отчета о деятельности Туровского РК КП(б)Б в период с 01.09.1936 по 01.01.1937 следует, что часть населения отказалась от принятия паспортов именно по религиозным причинам: «...Антысавецкі элемент асабліва вялікую работу праводзіць у адносіне не выбаркі пашпартаў (фатаграфіравацца на карткі і запісвацца ў антыхрыставы кнігі — гэта значыць аддаць душу антыхрысту — кажуць яны)» [7, л. 167].

Интересны и материалы общественной организации, деятельность которой фокусировалась на религии и верующих, — «Союза воинствующих безбожников» (СВБ). Особого внимания заслуживают отчеты и стенограммы о деятельности СВБ, в которых фиксируются сведения о религиозной обстановке в отдельных районах и по стране в целом, например: «Уплыў праваслаўнае царквы усе яшчэ да гэтае пары досыць значна распаўсюджан на весцы, па прычынам паказаным ужо (значная культурная адсталасць асноўных мас сялянства, захаванне у эканоміцы весцы рэштак старажытных тэхнікі, старажытных звычаяў і інш.), а у горадзе пад уплывам рэлігіі знаходзяцца пераважна адсталыя і новыя слаі рабочих (выхадцы з вескі), жанчыны і дробная буржуазія» [8, л. 21].

Среди государственных документов специфическим, но весьма информативным источником по религиозной жизни населения БССР являются спецсводки, информационные сводки и политдонесения ГПУ (НКВД), а также составленные на основе этих сводок информационно-аналитические отчеты обобщающего характера, так или иначе затрагивающие вопросы деятельности «церковников» и религиозности населения. При анализе спецсводок о ходе переписи населения 1937 г. можно сделать вывод, что главным вопросом, волновавшим население, был вопрос № 5 «О религии»: частью верующих советская власть воспринималась как «власть антихристовая», а перепись населения представлялась процессом наложения «печати антихриста»: «Перепись — это дьявольское дело, кто будет подвергаться переписи, того будут клеймить, а поэтому когда начнется перепись, нужно всем на это время спрятаться, где кто может», «Переучет населения — это перед концом света, смущают верующих. Переписи населения во что бы то ни стало нужно избежать» [9, л. 9].

Политдонесения ГПУ дают ценные сведения о религиозной жизни горожан: в 1929—1931 гг. органы собирали информацию о праздновании Пасхи рабочими и служащими, об отношении городского населения к переходу на непрерывную рабочую неделю, которая предполагала выход на работу в первый день Пасхи — воскресенье. Так, в информационной сводке № 20 от 16 апреля 1931 г. «О праздновании религиозного праздника Пасхи по городу Речице и району» подробно описывается количество и социальный состав верующих, посетивших праздничные богослужения в ночь на Пасху, а также праздники Благовещения и Вербного Воскресения, отмечается посещение службы и приезжими крестьянами, и местными рабочими, и молодежью, и школьниками, и даже «активистами», что не преминули заметить верующие: «Уже акти-

висты одумались и пошли к плащенице, видят, что без бога пришла гибель, что зима лежит до мая месяца, что урожая не будет, что голод будет, а радио нам душит колхоз да посевную кампанию. Ничего из этого не будет, надо молиться богу, и бог все сделает» [10, л. 51].

Политдонесения ГПУ, хранящиеся в Витебском государственном архиве, зафиксировали общее недовольство рабочих-витебчан тем, что воскресенье сделали рабочим днем, попытки уклониться от выхода на работу и «законно» отпраздновать Пасху: одни рабочие просто не являлись на работу в день праздника, другие же хитрили: «многие рабочие, явившиеся на работу, повесили свои номера и потом, заручившись согласием своих товарищей, оставляли работу и уходили с завода, а их номера, по окончании работы, оставшимися на заводе рабочими перешивались из цеха в контрольную будку» [11, л. 382].

Некоторые факты о повседневной религиозной жизни представлены в текущей переписке по различным вопросам вышеозначенных государственных органов и общественных организаций. Например, в письме из окружного совета СВБ в районный упоминается о том, что в день Троицы храмы украшаются березками, и особенно любит собираться в этот день молодежь — «пастушкі і пастушкі» [12, л. 19].

В отдельную группу следует вынести письма (заявления, жалобы, ходатайства) верующих в различные государственные инстанции (райкомы, сельсоветы, милицию, прокурору, в ЦИК БССР и даже ВЦИК СССР) по вопросу открытия церкви, ареста священника или регистрации священника на приходе. Из писем становится известно не только о принятии административных мер со стороны местных властей в вопросах религии и отношении верующих к этим мерам и к власти вообще, но и о некоторых моментах внутренней жизни приходов, например, об условиях, в которых исполняются требы («Нам приходится отрываться от работы и ехать за 20 верст за исполнением своих христианских обычаев и треб» [13, л. 26 об.], — пишут прихожане с. Уборок Лоевского района председателю ЦИК БССР А. Г. Червякову в 1931 г.), или о том, что верующие собираются в церковь без священника [13, л. 27].

Церковные документы по данному периоду в государственных архивах Беларуси представлены в основном только в Национальном историческом архиве фондом белорусского обновленческого синода. Показывая жизнь обновленческого священства изнутри, раскрывая особенности внутренней и внешней церковной политики синода, данные документы отображают и различные аспекты жизни верующих, причем сугубо с церковной точки зрения. Наиболее информативными являют-

ся отчеты епископов в синод о состоянии епархий, где рассматриваются вопросы экономического положения приходов, деятельности церковно-приходских советов, отношения верующих к церковным ориентациям и проч.; текущая личная и официальная переписка между священнослужителями, из которой можно узнать о частоте требоисполнений и их популярности среди населения, о плате за требы деньгами и продуктами, о взаимоотношениях между священником и прихожанами; письма верующих в епархиальные управления и синод с просьбами прислать священника, остановить закрытие церкви, с жалобами на недостойное поведение священнослужителей. В письмах достаточно полно отражаются народные настроения по поводу религиозной политики власти, нужда прихожан в пастырском руководстве и регулярном богослужении, требования к кандидатуре священника и т. д. В качестве примера можно привести заявление верующих Прусевичской церкви Плещеницкого района от 29 марта 1932 г. в синод с просьбой прислать в церковь, которая уже 7 месяцев «жаждет как человек без пищи и воды» [14, л. 81], священника, а также письмо верующих Брянчицкой (Слуцкого округа) Свято-Георгиевской церковной общины в синод в апреле 1932 г. с просьбой дать священника ввиду «наступившего светлого Христова Воскресения. А также Великого поста» [14, л. 89] и др. Анализ писем показывает, что, по крайней мере, в 1932 г. верующие уже свыклись с отсутствием регулярных богослужений в церкви и активизировались в поисках священнослужителя только накануне Пасхи, так как церковное сознание и традиции требовали почитать хотя бы самый главный христианский праздник Воскресения Христова торжественным богослужением и встречать его после достойной подготовки — говения в Великом посту.

Таким образом, представленные в белорусских архивах государственные, церковные документы, документы КП(б)Б и СВБ дают богатый материал для исследований по истории повседневности и, дополняя друг друга, позволяют исследователю реконструировать различные аспекты религиозной жизни православных христиан БССР в 1930-е гг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лебедева Л. В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 20-е годы: традиции и перемены. М. : РОССПЭН, 2009. 189 с.
2. Православная церковь на Витебщине (1918—1991) : док. и материалы / сост. : В. П. Коханко [и др.] ; редкол. : М. В. Пищуленок [и др.]. Минск : НАРБ, 2006. 356 с.

3. Конфессии на Гомельщине в 1920—1930-е годы : док. и материалы / сост. : М. А. Алейникова [и др.] ; под ред. В. П. Пичукова ; редкол. : В. И. Адамушко [и др.]. Минск : НАРБ, 2013. 338 с.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 4п. Оп. 1. Д. 11852 — Докладные райкомов и горкомов КПБ о состоянии антирелигиозной пропаганды 1937 г.
5. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12082 — Докладные окружкомов, горкомов и райкомов КП(б)Б. 1937 г.
6. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13928 — Докладные записки о работе Белта, о перестройке работы партпропаганды по БССР, состоянии антирелигиозной пропаганды, о работе газеты «Звезда» и др. 1939 г.
7. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 67. Оп. 1. Д. 57 — Справа № 42 з інфармацыйнымі справаздачамі райкомаў КП(б)Б. 1936—1937 гг.
8. Государственный архив Витебской области (ГАВО). Ф. 590. Оп. 1. Д. 523 — Резолюция 1 Всебелорусского съезда безбожников о задачах и методах антирелигиозной работы и др. 1929 г.
9. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 12035 — Спецсводки НКВД БССР об отрицательных настроениях отдельных элементов в связи с переписью населения. 1936—1937 гг.
10. ГАООГО. Ф. 451. Оп. 2а. Д. 313 — Информационные материалы ГПУ. 1930—1932 гг.
11. ГАВО. Ф. 10051-п. Оп. 1. Д. 745 — Политдонесения окружного отдела ГПУ Витебскому окружному КП(б)Б. 1929 г.
12. ГАВО. Ф. 590. Оп. 1. Д. 525 — Дело о работе районного совета «Союза воинствующих безбожников». 1929—1930 гг.
13. Государственный архив Гомельской области. Ф. 509. Оп. 1. Д. 258 — Выписки из протокола заседаний РИКА о закрытии церквей. 1931 г.
14. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 2786. Оп. 1. Д. 506 — Переписка Синода с епархиальными управлениями, церковно-приходскими советами и священно-и церковнослужителями за 1932 г.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25 кастрычніка 2013 г.

Ю. И. ЛИТВИНОВСКАЯ

**ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 г.
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
В СОБРАННЫХ Н. Ф. ДУБРОВИНЫМ
ПИСЬМАХ СОВРЕМЕННОКОВ**

Показаны события войны 1812 г. в письмах и документах, собранных и изданных в 1882 г. членом-корреспондентом Императорской Академии Наук (ИАН) Н. Ф. Дубровиным к 70-й годовщине Отечественной войны 1812 г. («Отечественная война в письмах современников: 1812—1815»). Из огромного числа документов, помещенных в сборнике (451), автор рассматривает только те, которые касались военных действий, проходивших на белорусской земле в июне — июле 1812 г. Они имели решающее значение для последующего хода войны.

The article deals with the events of 1812 in covering letters and other documents collected and published in 1882, corresponding member of the Imperial Academy of Sciences N.F. Dubrovin «The Patriotic war of letters of contemporaries (1812—1815)». The publication was to the 70th anniversary of the Patriotic war of 1812. Of the huge number of documents placed in the collection (451) author considers only those related to the military events held in Belarus in June — July, 1812. They were crucial for the further progress of the war.

Ключевые слова: Александр I, Наполеон, война, документы, армии, русские, французы, неприятель, письмо, донесение, кампания, войска, события.

Keywords: Alexander I, Napoleon, war, documents, the army, the Russians, the French, the enemy, letter, report, the company, the troops of the event.

В год 70-летия Отечественной войны 1812 г., в декабре 1882 г., в качестве приложения к XLIII тому «Записок Императорской Академии Наук» вышел сборник писем современников войны 1812 г., собранных

Літвіноўская Юлія Іванаўна — дацэнт кафедры гуманітарных навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта інфарматыкі і радыёэлектронікі, кандыдат гістарычных навук.

членом-корреспондентом ИАН Николаем Федоровичем Дубровиным [1].

Н. Ф. Дубровин (1837—1904) — российский военный историк, академик (1890), генерал от артиллерии. С 1893 г. был ученым секретарем ИАН, а с 1896 г. возглавлял редакцию журнала «Русская старина». Он являлся автором многочисленных статей и монографий по истории войн XVIII и XIX вв., публикаций документального характера [2, с. 186].

В предисловии к письмам современников Н. Ф. Дубровин отмечает, что Отечественная война принадлежит к числу тех событий в истории России, изучение которых необходимо не только в чисто военном, но, еще более, и в бытовом отношении. В этой войне было проявлено полное напряжение всех сил русского народа, как нравственных, так физических и экономических.

«Мы имеем несколько описаний военных действий, разработанных весьма подробно, — отмечал ученый, — но остаются еще нетронутыми те элементы, которые составляют силу государства и от которых зависит успешное или неуспешное ведение военных действий. Мы говорим о высоком патриотизме наших предков, о народных подвигах, жертвованиях и проч.» [1, с. III].

Письма заполнили этот пробел лишь отчасти, отмечал составитель. Н. Ф. Дубровин не сомневался, что дальнейшее издание материалов даст возможность в будущем описать Отечественную войну 1812 г. как одно из достойных событий, составляющих гордость и славу России.

При публикации писем был сохранен хронологический порядок, наиболее удобный для наблюдения за ходом действий, отслеживания общественного мнения. В них освещены многие факты, которые были или неизвестны, или же, за недостатком точных данных, представлены историками на основании не всегда верных сведений. Н. Ф. Дубровин отмечал, что письма, написанные друзьям и даже начальникам, но не для печати, заключают в себе такие подробности и характеристики лиц, которые не встречаются ни в официальных донесениях, ни в статьях, напечатанных в журналах и газетах.

Для публикации составителем были использованы письма разнообразного характера, занимавшие большую часть издания, и некоторые документы: донесения, предписания, определения, указы, рапорты, рескрипты, записки, ведомости и т. д. Сведения, имеющиеся в этих материалах, дают возможность составить более полное представление о событиях, происходивших в России в 1812 г.

Весной 1812 г. отношения между Россией и Францией оставались сложными. Большое количество воинских сил Наполеона концентрировалось вблизи российских границ. Одним из ключевых был вопрос продовольственной безопасности, который напрямую касался боеспособности армии.

По мере возобновления навигации в прибалтийских портах должна была активизироваться экспортная торговля, а стало быть, и вывоз хлеба за границу. Правительство стремилось, по возможности, препятствовать этому. В записке императора Александра I, направленной 16 (28) апреля в адрес военного министра М. Б. Барклая де Толли, прямо говорилось, что «морскому министру предписано, как скоро за льдами возможно только будет, то командировать легкую эскадру для крейсирования перед сими двумя портами». В записке названы порты Либава и Виндава. Александр I писал, что полезно было бы запретить вывоз всякого хлеба и зерна из прибалтийских портов. «Оный без сомнения обратится всегда единственно на прокормление неприятеля» [1, с. 2].

Значимость этой проблемы подтверждается и другими источниками. Приближение войны заставило правительство предпринимать экстренные меры по обеспечению армии в первую очередь продовольствием и фуражом. К числу первых мероприятий относилось запрещение вывоза за границу из западных губерний хлеба и скота [3, с. 105], что должно было увеличить возможности для лучшего обеспечения армии. Однако формирование запасов продовольствия и фуража зимой-весной 1812 г. шло с большими трудностями из-за недостатка товарного хлеба в крае. Это являлось следствием опустошения западных губерний после армейских постоев и реквизиций во время войн 1805—1807 гг., а также последовавшими в течение трех лет неурожаями. Особое внимание уделялось заготовке продовольствия в районах, расположенных вдоль речных систем, ввиду удобства и дешевизны его транспортировки. «По дошедшим до меня сведениям, — пишет 27 апреля (9 мая) Барклай де Толли литовскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову, — в устроенных по реке Неману амбарах и на судах находится много разного рода хлеба, приготовленного для вывоза...

Две важные причины требуют обратить на сей хлеб внимание для предупреждения выпуска его за границу, во-первых, чтобы оставить в земле нашей более способов к продовольствию войск, во-вторых, чтобы не достал оный под каким-либо предлогом в чужие руки» [4, с. 48].

В канун французского вторжения среди части высокопоставленных русских военных становится популярной идея превентивного удара по

войскам неприятеля. К числу таких военных относился и командующий 2-й Западной армией генерал П. И. Багратион. «Государь!.. Прикажите нам собраться у Гродно и нанести удар по врагам», — умоляет он Александра I в своем письме 8 (20) июня 1812 г. [1, с. 9].

В случае же промедления с упредительным ударом, по мнению Багратиона, «последствия будут самые пагубные». Он пишет царю, что «если отступать станем, они во многих пунктах войдут и возмутят; тогда больше восстанут и австрийцы и мир турецкий не будет прочный» (Здесь Багратион имеет в виду заключение по итогам русско-турецкой войны 1806—1812 гг. Бухарестского мирного договора 16 (28) мая 1812 г.).

П. И. Багратион также отмечает, что армия имеет все необходимое для наступления и в первую очередь обеспечена продовольствием: «...хлеба достанет в том вас уверяю, а до нового недалеко. Иначе он (Наполеон. — Ю. Л.) во всем воспользуется, а мы потеряем и славу и честь, для того, что всякое отступление в своем краю есть ослабление души и сердца всех твоих верных детей» [1, с. 9].

Пытаясь избежать вооруженного конфликта, находящийся в Вильно Александр I направляет к Наполеону с мирными предложениями генерал-адъютанта А. Д. Балашёва, который писал, что был вызван к императору вечером 13 (25) июня. Российский император решил использовать имевший место прецедент, когда Наполеон, накануне войны, в мае 1812 г. присылал к нему для переговоров генерал-адъютанта графа де Нарбонна. Александр I трижды с ним встречался [5, с. 601].

«...В соответствии сего, и решился я послать тебя», — заявил Александр I А. Д. Балашёву. Характерно, что при этом царь заметил: «...впрочем, между нами сказать, я и не ожидаю от сей посылки прекращения войны, но пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем её не мы» [1, с. 15].

Во втором часу ночи, как пишет А. Д. Балашёв, царь снова встретился с ним, прочитал ему письмо, которое предназначалось для Наполеона, и велел передать устно, что если французский император «...намерен вступить в переговоры, то они сейчас начаться могут, с условием одним, но непреложным, т. е. чтобы армии его вышли за границу; в противном же случае Государь дает ему слово, докуда хотя один вооружённый француз будет в России, не говорить и не принять ни одного слова о мире» [1, с. 15—16].

Утром 14 (26) июня Балашёв отправился в распоряжение французов, в район местечка Риконты, где находились их аванпосты. Однако Наполеон его принял только 19 июня (1 июля), уже находясь в Вильно.

В ставке французского императора генерал-адъютант Александра I находился практически весь день. Неоднократно встречался с Наполеоном, вел обстоятельный разговор о состоянии французо-русских отношений (Балашёв приводит его во всех деталях), однако мирные предложения российского императора были отвергнуты [1, с. 18—31].

Наполеон, как пишет академик Е. В. Тарле, был в полной уверенности в абсолютном превосходстве своих сил. Русских генералов, в массе своей, оценивал весьма невысоко. Организация командования, с его точки зрения, была ниже всякой критики. Об этом он прямо говорил в Вильно генерал-адъютанту царя: «Что все они делают? В то время как Фуль предлагает, Армфельд противоречит, Беннигсен рассматривает, Барклай, на которого возложено исполнение, не знает, что заключить, и время проходит у них в ничего-неделании!» [6, с. 260].

Некоторые же места из отчета А. Д. Балашёва Е. В. Тарле, один из крупнейших советских исследователей войны 1812 г., считает необходимым принимать «с большой осторожностью, особенно те места, где Балашёв будто бы намекал Наполеону на Испанию и упомянул о Полтаве. Министр русской полиции не блистал никогда безупречной правдивостью, и более чем вероятно, что он присочинил эти свои героические намёки уже позднее» [6, с. 260].

С началом военных действий обе русские армии стали отступать, стремясь не дать возможности Наполеону разбить их порознь и объединиться для решающего сражения. 1-й Западной армией командовал военный министр, генерал от инфантерии граф М. Б. Барклай де Толли, 2-й — генерал от инфантерии князь П. И. Багратион.

С 1-й армией, которая двигалась к Витебску, с начала военных действий находился и главнокомандующий — Александр I.

В создавшейся ситуации особую актуальность имел вопрос обеспечения войск продовольствием. Еще в мае 1812 г. командование 1-й армии начало заниматься созданием армейского подвижного магазина. Указания об этом за подписью генерал-интенданта 1-й армии Е. Ф. Канкрин были направлены в Виленскую, Гродненскую и Минскую губернии. Они должны были выделить для магазина 3200 телег с лошадьми и погонщиками, а также в качестве запасных 229 телег, 372 лошади и 800 человек погонщиков. Местом сбора подвижного магазина был назначен Дрисский лагерь [4, с. 73, 96].

М. Б. Барклай де Толли 3 (15) июля докладывал императору, что согласно его указаниям, сделанным 28 июня (10 июля), в армии учреждены два подвижных магазина, состоящих из 618 фур и повозок каждый.

Ожидалось прибытие еще 2000 парных повозок от местных органов власти. В этом случае подвижные магазины будут в состоянии везти вслед за войсками двенадцатидневную норму продовольствия [1, с. 37].

Считая, что обеспечение войск подвижными магазинами путем привлечения к их функционированию местных крестьян, принадлежавших помещикам-полям, дело ненадежное, император принял меры по использованию других источников.

Прибыв в Полоцк, Александр I покинул действующую армию и направился в Москву. В письмах, опубликованных Н. Дубровиным, помещено предписание императора Московскому генерал-губернатору графу Ф. В. Ростопчину, отправленное 6 (18) июля из деревни Бараччи, где он обратил внимание на необходимость мобилизации продовольственных ресурсов внутренних губерний, и в частности Московской, для помощи действующей армии. «Признаем необходимым некоторые запасы провианта и фуража приготовить во вверенной управлению вашему Московской губернии. <...> Мы <...> поручаем вам <...> распорядиться предварительно к выполнению тех требований, с коими военный министр Наш и главнокомандующий 1-ю западную армию по сему предмету к вам отнесется» [1, с. 40].

Попытки, предпринятые командующими двумя русскими армиями, соединиться в Витебске не увенчались успехом. Войска Багратиона не смогли прорваться через Могилев. 1-я и 2-я Западные армии соединились только в Смоленске 22 июля (3 августа) 1812 г., т. е. почти через полтора месяца после начала военных действий.

Объединенные силы возглавил М. Б. Барклай де Толли. П. И. Багратион также претендовал на должность главнокомандующего, поскольку с военным министром они были в одном воинском звании — генерала от инфантерии. В письме графу Ростопчину, отправленном в конце июля 1812 г., Багратион пишет, что «государь по отъезде своем не оставил никакого указа на случай соединения, кому командовать обеими армиями и по сей причине, он яко министр...». Он отмечает нерешительность Барклая де Толли, частые изменения распоряжений «...миллион перемен в минуту, и мы, назад и в бок шатавшись, кроме мозоли на ногах и усталости ничего хорошего не приобрели» [1, с. 72]. В письме Багратион указывает и на то, что эта нерешительность Барклая де Толли приводит к тяжелым последствиям — армия непрерывно отступает вопреки всеобщему желанию сражаться.

17—18 (29—30) июля Наполеон приостановил продвижение своих войск, занявшись укреплением тыла. По мнению Багратиона, наступи-

ло благоприятное время для перехода в контрнаступление с целью нанести удар сначала в центр расположения армий противника, а затем разбить его войска по частям. «Теперь, по известиям, неприятель имеет свои все силы от Орши к Витебску, где и главная квартира Наполеона. Я просил министра и дал мнение мое на бумаге идти обеими армиями тотчас по дороге Рудни, прямо в середину неприятеля, не дать ему никакого соединения и бить по частям, на силу на сие его я склонил, но тотчас после одного марша опять все переменял — никак не решается наступать, а все продвигается к Смоленску. <...> Как видно, не велено ему ввязываться в дела серьезные» [1, с. 73].

В итоге время было упущено, французская армия переправилась через Днепр, и русские войска снова вынуждены были обороняться.

В собрании писем помещено и объяснение генерала от инфантерии Барклая де Толли о действиях 1-й и 2-й Западных армий за время его пребывания в должности главнокомандующего. Касаясь подготовки России к войне, он писал: «С самого того времени, когда неприятельные поступки императора французов поставили нас в необходимость помышлять о войне настоящей, когда проникнуты были способы, принятия им к совершению алчного против нас намерения, предположено было с совещания общего начать войну сию оборонительно.

При таком положении политических дел в Европе, в каком находились они в последнее время, невозможно было нам предпринять войны другого рода, но и оборонительная война была бы для нас бесполезна и даже пагубна, ежели бы цель ее клонила к одной только упорной защите границ наших. Пространство их и неожиданное превосходство сил неприятельских, от всех почти европейских на твердой земле держав двинутых, делали сие также невозможным. Удачное сопротивление на одном пункте никак не могло бы обеспечить другого, да и самое счастливое отражение неприятеля вообще от границ наших породило бы только войну с новыми для нас опасностями, ибо он, имея за собой союзные державы, имел бы все удобнейшие средства подкрепляться и возобновлять свои нападения. А ежели прибавить к тому, что в западных губерниях наших многие умы, по непостоянству и легковерию, колебались разными от него обольщениями, то нельзя не согласиться, что с открытием военных действий на границах имели бы мы впереди внешних, а за собою внутренних врагов, и сражаясь с теми и другими, поставили бы себя в положение затруднительнейшее самого нападения. Тогда война оборонительная сделалась бы для нас опаснее войны наступательной» [1, с. 288, 289].

Исходя из этих соображений М. Б. Барклай де Толли пишет: «...предложено было с общего совещания открыть кампанию отступлением к древним нашим границам, и завлекши неприятеля в недра самого отечества, заставить его ценою крови приобретать каждый шаг, каждое средство к подкреплению и даже к существованию своему и, наконец, истощив силы его с меньшим сколько возможно пролитием своей крови, нанести уже ему удар решительный» [1, с. 289].

Опубликованные Н. Ф. Дубровиным письма и документы, общим количеством 451, проливают дополнительный свет на события, малоизвестные страницы такого многогранного явления, как Отечественная война 1812 г.

Значительную часть издания занимает «Библиографический указатель книг и статей, относящихся до описания Отечественной войны с 1812 по 1815 год». Перечень содержит 1602 названия, появившиеся в русских изданиях к 1882 году [1, с. 577—676].

Это была вторая в русской историографии публикация указателя такого рода. Первый — составленный И. П. Липранди «Опыт каталога всем отдельным сочинениям об Отечественной войне» — был напечатан в «Чтениях Московского общества истории и древностей» [7]. В каталог вошло 400 книг, изданных в России, и 678 — за рубежом, а также 97 карикатур и картинок.

Изданные Н. Ф. Дубровиным письма современников являются ценным источником для исследования истории Отечественной войны 1812 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Дубровин Н.* Отечественная война в письмах современников: 1812—1815 гг. Спб., 1882. 691 с.
2. Большая энциклопедия : в 62 т. М. : ТЕРРА, 2006. Т. 16. 592 с.
3. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Вильна, 1912. Т. 37: Док. и материалы, относящиеся к истории Отечественной войны 1812 г. Л., 544 с.
4. Акты и документы архива Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернаторского управления, относящиеся к истории 1812—1813 гг. Вильна : Губ. тип., 1913. Ч. 1: Переписка по военной части. VIII, 286 с.
5. *Залесский К. А.* Наполеоновские войны 1799—1815: Биогр. энцикл. словарь. М. : АСТ; Астрель, 2003. 825 с.
6. *Тарле Е. В.* Наполеон. Минск : Беларусь, 1992. 430 с.
7. *Липранди И. П.* Опыт каталога всем отдельным сочинениям по 1872 год об Отечественной войне 1812 года. М. : Университетская тип., 1876. 132 с.

С. Л. ЛУГАЎЦОВА

**«МОЛІМ ПРАЯВІЦЬ МІЛАСЭРНАСЦЬ...»:
ЛЁС СЯБРОЎ ДЭМАКРАТЫЧНАГА ТАВАРЫСТВА
ПІНСКАГА ПАВЕТА Ў 1840-я гг.**

Артыкул прысвечаны лёсу ўдзельнікаў Пінскага дэмакратычнага таварыства (1836—1838 гг.), што ўваходзіла ў склад «Садружнасці польскага народа» (1835—1839 гг.) і было арганізавана Ш. Канарскім. На падставе аналізу шырокага кола архіўных крыніц аўтар высвятляе, якія прысуды былі вынесены ўдзельнікам таварыства, як у 1840-я гг. склаўся лёс А. Ажэшкі, Ф. Цярлецкага, Э. і В. Горнічаў, Б. Адамовіча, Ю. Кужанецкага, Л. Корсака, І. Краскоўскага, К. Шалевіча.

The article is devoted to the fate of participants of the Pinsk democratic society (1836—1838) that was a part of the «Polish people's concord» (1835—1839) organized by Shymon Konarski at the territory of the former Polish state. Based on analysis of a wide range of archive sources the author finds out what sentences were passed on the members of the secret society; observes the destinies of A. Ajeshko, F. Tsarletsky, E. and V. Hornich, B. Adamovich, Y. Kujanetsky, L. Corsak, I. Kraskovsky, K. Shalevich in 1840-th years.

Ключавыя словы: садружнасць польскага народа, шляхціцы, прысуд, прашэнне, чыноўнік.

Keywords: Polish people's concord, the nobles, the sentence, the petition, the clerk.

Артыкул з'яўляецца працягам цыкла публікацый, прысвечаных тайнай арганізацыі «Садружнасць польскага народа», створанай Ш. Канарскім на тэрыторыі Літвы, Беларусі і Украіны. Шымон Канарскі адносіўся да тых шляхецкіх рэвалюцыянераў, якія балюча перажывалі паражэнне паўстання 1830—1831 гг., шукалі шляхі барацьбы з расійскім самадзяржаўем паводле новых дэмакратычных падыходаў. Гэтыя падыходы ўключалі неабходнасць удзелу ў барацьбе сялян разам са шляхтай,

Лугаўцова Святлана Леанідаўна — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

ліквідацыю феадальных перажыткаў, а таксама сумесную барацьбу ўсіх народаў Рэчы Паспалітай за яе аднаўленне. Таемна пракраўшыся праз мяжу Расійскай імперыі ў канцы 1835 г., Канарскі здолеў стварыць на яе тэрыторыі сетку таварыстваў, якія былі заснаваны на новых дэмакратычных прынцыпах. Адной з такіх арганізацый стала Пінскае дэмакратычнае таварыства (1836—1838 гг.), дзейнасць якога разглядалася ў асобнай публікацыі [12].

Дадзены артыкул падрыхтаваны па матэрыялах Літоўскага дзяржаўнага гістарычнага архіва ў Вільні і прысвечаны лёсу ўдзельнікаў таемнага таварыства ў Пінскім павеце ў 1840-я гг. Аўтар абапіралася на дакументы фондаў 378 і 1269. Фонд 378 змяшчае матэрыялы канцылярыі Віленскага, Ковенскага, Гродзенскага генерал-губернатара. Ён мае агульны і палітычны аддзелы. Апошні раскрывае шырокае кола пытанняў, якія расійская адміністрацыя ў Паўночна-Заходнім краі лічыла палітычнымі: ад выдачы жыхарам замежных пашпартоў да ўстанаўлення сакрэтнага нагляду паліцыі за нядобранадзейнымі асобамі. Матэрыялы палітычнага аддзела згрупаваныя ў першую чаргу ў храналагічным парадку, па гадах. Аднак у складзе фонду зрэдку прысутнічае класіфікацыя і па вопісах. Вопіс № 216 уключае справы аб удзельніках антыўрадавых арганізацый і змоў. У прыватнасці, аўтарам была разгледжана пяцітомная справа (больш за 1600 аркушаў) «аб асобах, высланых з тутэйшага краю на пасяленне ў розныя губерні» [1—5]. Справа ўтрымлівае прысуды, у адпаведнасці з якімі асобы былі высланы, звароты ссыльных і іх сваякоў на конт паляпшэння іх становішча і магчымасці вяртання на радзіму, пастановы службовых асоб рознага ўзроўню (ад губернатараў да імператара) з абгрунтаваннем прычын прынятых рашэнняў. Фонд 1269 змяшчае матэрыялы Віленскіх следчых камісій, якія разглядалі справы ўдзельнікаў антыўрадавых арганізацый. Вопіс першы названага фонду ўключае справы камісіі, створанай паводле распараджэння Віленскага ваеннага губернатара М. А. Даўгарукага ад 30 мая 1838 г. пад старшынствам віцэ-губернатара А. І. Трубяцкога з мэтай расследавання дзейнасці «Садружнасці польскага народа» на тэрыторыі Віленскай, Гродзенскай і Мінскай губерняў. У склад камісіі таксама ўвайшлі віленскі губернскі пракурор надворны саветнік Дубецкі, засядацель віленскай крымінальнай палаты калежскі асэсар Андэрсан, капітан корпуса жандараў Арандарэнка [7, л. 15—15 адв.]. Прысуды ўдзельнікам Пінскага дэмакратычнага таварыства былі зацверджаны ваенным судом у лютым — сакавіку 1839 г. Пацяпленне ў адносінах да ўдзельнікаў «змовы Канарскага» ў Расійскай імперыі наступіла вясной 1841 г., калі былі зроблены першыя

крокі па паляпшэнні іх становішча. 5 сакавіка 1841 г.¹ Галоўны начальнік Трэцяга аддзялення Уласнай Яго Імператарскай Вялікасці канцылярыі (далей — Трэцяе аддзяленне) і шэф жандараў А. Х. Бенкендорф паведаміў Віленскаму ваеннаму губернатару Ф. Я. Мірковічу рашэнне імператара адносна звароту Кіеўскага ваеннага губернатара Д. Г. Бібікава. Апошні цікавіўся магчымасцю хадайнічаць аб паляпшэнні становішча палітычных злачынцаў, пасланых з даручанага яму краю ў Сібір, з нагоды прызначанага на 16 красавіка 1841 г. шлюбу спадкаемцы расійскага прастола вялікага князя Аляксандра Мікалаевіча з прынцэсай Гесэн-Дармштадскай і Рэйнскай Марыяй Аляксандраўнай. На зварот Бібікава была атрымана найвышэйшая згода [1, арк. 13].

У адказ на ліст А. Х. Бенкендорфа 1 красавіка 1841 г. Ф. Я. Мірковіч звярнуўся да вайсковага міністра А. І. Чарнышова з хадайніцтвам на конт змякчэння прысудаў шэрагу асоб, якія праходзілі па «справе Канарскага». Зварот менавіта да вайсковага міністра не быў выпадковым. Прысуды ўдзельнікам «Садружнасці» былі вынесены ваенным судом, і, адпаведна, справы палітычных злачынцаў захоўваліся ў ваенным ведастве. Ф. Мірковіч патлумачыў прычыны свайго хадайніцтва. Ён лічыў, што Віленская следчая камісія, якая ў 1841 г. займалася расследаваннем справы аб антыўрадавай змове студэнтаў Віленскай медыка-хірургічнай акадэміі, зайшла ў сваёй дзейнасці ў тупік з прычыны адмовы студэнтаў супрацоўнічаць са следствам. Разам з тым, на думку Ф. Мірковіча, чыстасардэчнае прызнанне многіх «па змове эмісара Канарскага» спрыяла хуткаму развіццю следства [1, арк. 1]. 5 красавіка ў лісце да Бенкендорфа ваенны губернатар развіў сваю думку: «Унікаючы старанна ў прычыны запаволення ходу працы следчай камісіі ... пераконваюся, што яно вынікае не столькі ад амаральнасці і бессаромнасці людзей, адданных палітычным задумам, колькі і ад укаранёнага тут наогул пераканання, што свядомасць і раскаянне не выратаўваюць асобы кожнага і не пазбаўляюць іх ад адказнасці. Прасякнутыя гэтай думкай палітычныя арыштанты захоўваюць упартае маўчанне ... і ўсім перакананням і намаганням следчых супрацьпастаўляюць самую закаранелую ўпартасць» [1, арк. 14—14 адв.]. Ф. Мірковіч прапаноўваў палепшыць становішча тых асуджаных, «якія вядомы ўраду і публіцы тутэйшай як людзі, якія выдалі ўсе таямніцы эмісара» [1, арк. 15]. Упададзены Ф. Я. Мірковічам спіс увайшлі Я. Былеўскі, Л. Орда, А. Ажэшка, І. Радзевіч, Ф. Цярлецкі,

¹ Усе даты падаюцца па так званым старым стылі, па юліянскім календары.

П. Грабоўскі, Э. Горніч, С. Казакевіч і М. Конча [1, арк. 3—12]. Трое членаў спіса — А. Ажэшка, Ф. Цярлецкі і Э. Горніч — з’яўляліся членамі Пінскага дэмакратычнага таварыства.

Антоній Ажэшка быў адным з арганізатараў тасмнага таварыства ў Пінскім павеце, выконваў у ім абавязкі сакратара. Віленская следчая камісія высветліла таксама, што ў 1831 г. А. Ажэшка дапамог двум удзельнікам паўстання 1830—1831 гг. шляхціцам Гуляніцкаму і Юшкевічу ўцячы ад праследавання ўлад. У 1834 г. Антоній сустракаўся з эмісарам Н. Каперніцкім, якому перадаў 15 руб. у дапамогу польскім эмігрантам [9, арк. 21—22]. Пасля арышту Ажэшка актыўна супрацоўнічаў са следствам. На першым жа допыце ён не толькі «прынёс поўнае раскаянне», раскрыў імёны членаў таварыства, спосабы тайнай перапіскі, але і «спрыяў доказами сваімі давядзенню да прызнання» сяброў «Садружнасці» з іншых паведаў. У 1838 г. менавіта Ажэшка выдаў уладам падпартучніка Інгерманландскага палка А. Кузьміна-Караваева, які спрабаваў арганізаваць Ш. Канарскаму ўцёкі з-за кратаў [9, арк. 22 адв.]. Па іроніі лёсу яго псеўданімам у таварыстве было імя Іуда [7, арк. 386]. А. Ажэшка быў прылічаны да другога разраду дзяржаўных злачынцаў¹, што азначала пазбаўленне дваранскіх правоў і ссылку ў Сібір на катаржныя работы. За супрацоўніцтва са следствам прысуд быў зроблены больш мяккім, яго адправілі на пасяленне [10, арк. 6 адв. — 7]. У красавіку 1841 г. Ф. Я. Мірковіч прапанаваў дазволіць А. Ажэшку вольнае пасяленне ў Сібіры [1, арк. 5 адв. — 6]. 7 мая 1841 г. прапанова была зацверджана Мікалаем I [1, арк. 57 адв.]. Антоній Ажэшка пражываў у Томскай губерні да чэрвеня 1857 г., калі атрымаў дазвол вярнуцца на радзіму ў адпаведнасці з палажэннем каранацыйнага маніфеста Аляксандра II [14, с. 437—438].

Перавод на вольнае пасяленне азначаў значнае паляпшэнне становішча ссыльнага. Аўтар «Хронікі Сібірскай» Я. Іваноўскі распавядаў, што ў 1830—40-я гг. шляхціцы былой Рэчы Паспалітай, сасланыя на катаржныя работы і пасяленне ў Сібір, складалі на яе прасторах своеасаблівую супольнасць. У іх была агульная каса, у якую кожны ўносіў 20 адсоткаў сродкаў, што былі атрыманы ад родных і блізкіх. Дзякуючы гэтай касе дапамогу атрымлівалі бедныя ссыльныя, якія не мелі падтрымкі з дому. Тыя, хто меў права вольнага пасялення, маглі самастойна выбіраць мес-

¹ Усе асуджаныя па справе былі падзелены на пяць разрадаў. Да першага быў аднесены сам Ш. Канарскі, якога расстралялі ў Вільні ў лютым 1839 г.

ца жыхарства ў Сібіры. Іх выбар спыняўся на яе найбольш абжытай заходняй частцы. У той час як ссыльныя, месца пасялення якіх вызначалі ўлады, часта траплялі ў такія цяжкадаступныя населеныя пункты, куды не прабіваўся прамень брацкай дапамогі ад землякоў, што значна ўскладняла іх існаванне [13, с. 367—370].

Перайсці на вольнае пасяленне ў Сібіры ў маі 1841 г. было дазволена таксама Францу Цярлецкаму. Ён быў адзіным сябрам Пінскага таварыства, хто паспрабаваў распаўсюдзіць новыя дэмакратычныя ідэі сярод сваіх прыгонных. Ф. Цярлецкі абяцаў сялянам спыніць цялесныя пакаранні, прапанаваў выбіраць суддзяў для справядлівага суда, чым «давеў іх да таго, што яны сталі аказваць двароваму кіраванню непаслушэнства» [9, арк. 23 адв.]. Аднак, «спазнаўшы шкодныя вынікі сваіх учынкаў», Цярлецкі стаў абыходзіцца з сялянамі па-ранейшаму. Ён здзекаваўся з прыгонных да такой ступені, што мясцовы святар павінен быў іх спавядаць перад смерцю [9, арк. 26 адв.]. Следчая камісія высветліла, што ў 1833 г. Цярлецкі сустракаўся з прадстаўнікамі польскай эміграцыі, перадаваў ім грошы, атрымліваў забароненую літаратуру. Тым не менш за актыўнае супрацоўніцтва са следствам ён быў прылічаны да 3-га разраду дзяржаўных злачынцаў, што азначала ссылку ў Сібір на пасяленне з правам перадачы яго маёнтка нашчадкам [14, арк. 7].

Маці Ф. Цярлецкага Саламея неаднаразова хадайнічала аб яго вяртанні на радзіму. У ліпені 1842 г. імператар адмовіўся падтрымаць хадайніцтва, палічыўшы, што становішча Франца было ўжо дастаткова паляпшана ў 1841 г. [2, арк. 252].

У 1843 г. С. Цярлецкая зноў маліла аб вяртанні на радзіму адзінага сына, «які пяты год знемагае ў Томскай губерні» [3, арк. 212]. Томскі грамадзянскі губернатар адрапартаваў у лютым 1844 г., што Франц паводзіць сябе добра, у падазроным складзе думак не заўважаны [3, арк. 305]. Трэцяе аддзяленне паведаміла пра гэта Віленскаму ваеннаму губернатару Ф. Я. Міркавічу. Адзначым, што ў выпадку магчымага вяртання на радзіму палітычнага злачынца практыка звароту да мясцовага начальніка была абавязковай. У дадзеным выпадку Міркавіч палічыў магчымым хадайнічаць толькі аб дазvole Цярлецкаму паступіць на службу ў Томскай губерні, што і было зацверджана [4, арк. 67].

У спіс, пададзены Ф. Я. Міркавічам 1 красавіка 1841 г., увайшоў яшчэ адзін прадстаўнік Пінскага дэмакратычнага таварыства Эразм Горніч. Ён літаральна «ўскочыў у вагон адыходзячага цягніка», бо падаў прашэнне аб вяртанні на радзіму 23 сакавіка. Горніч прасіў даць яму магчымасць вярнуцца на радзіму, каб прывесці ў парадак забытаныя справы

маёнтка пасля смерці бацькі [1, арк. 51—52]. Трэцяе аддзяленне запрасіла меркаванне Пермскага грамадзянскага губернатара. У ліпені 1841 г. прыйшоў адказ з Пярмі, у якім паведамлялася аб «добрых і сціплых паводзінах» Горніча і аб тым, што ён заслугоўвае памілавання [2, арк. 58]. Аднак станоўчы адказ імператара па гэтай справе не быў атрыманы. На погляд аўтара, гэта тлумачыцца тым, што ў справе Горніча не было прыпіскі аб супрацоўніцтве са следствам. Сапраўды, першапачаткова ён паказаў на допытах, што ведаў Канарскага як эмісара, з'яўляўся сябрам тайнага таварыства, перадаваў грошы на яго карысць. Аднак пазней адмовіўся ад сваіх паказанняў, заявіў, што яны былі «зроблены ў хваравітым стане» [10, арк. 1 адв.]. Трэба падкрэсліць, што ўдзел Эразма ў таварыстве так і не быў даказаны. У сакавіку 1839 г. яго прылічылі да 5-га разраду дзяржаўных злачынцаў і саслалі ў Пермскую губерню з вызваленнем маёнтка ад секвестра [10, арк. 2].

У ліпені 1841 г. пра лёс брата хадайнічала дваранка Б. Будзіская. Яна пісала, што па справе Ш. Канарскага праходзілі абодва яе браты Эразм і Вернер. І калі Вернера прысудзілі да высылкі на пастаяннае месцажыхарства ва ўнутраныя губерні Расіі, то Эразм быў «цалкам апраўданы, але ваенны суд па невядомай прычыне прызначыў яму часовае пасяленне ў Пермскай губерні». Лёс сыноў так крануў іх бацьку, Фабіяна Горніча, што ён «заўчасна жыццё сваё скончыў» [2, арк. 63]. Невялікую спадчыну, пакінутую ім, захапілі прэтэндэнты па спрэчных прэтэнзіях. Сёстры ж, не маючы даверанасці ад братоў, былі пазбаўлены магчымасці змагацца за вяртанне сваёй маёмасці. Будзіская «маліла праявіць міласэрнасць да сірот, вымушаных цяпець незвычайную галечу» [2, арк. 63 адв.].

Ф. Я. Мірковіч запатрабаваў выпіску па справе Э. Горніча, у якой напісана: «Наогул па справе не відаць якіх-небудзь яго дзеянняў, і ваенна-судная камісія не мела падстаў для абвінавачвання яго ў тым, што быў прыцягнуты да справы ... 13 сакавіка быў прылічаны да 5-га разраду вінаватых і вызвалены ад суда і следства. Разам з тым, як чалавек, на якога ўпала падазрэнне ў нядобранадзейнасці, выдалены быў на час з тутэйшага краю да моманту атрымання звестак пра яго добранадзейнасць» [2, арк. 66 адв.]. Трэба адзначыць, што выпіска была падрыхтавана ў ваенным міністэрстве толькі 10 жніўня 1842 г.

Пакуль ішла перапіска паміж ведамствамі, імператару некалькі разоў падавалі спісы аб паляпшэнні становішча сасланым выхадцам заходніх губерняў, у якія Э. Горніч не трапіў. У выніку склалася парадаксальная сітуацыя, калі людзі, значна больш за яго вінаватыя, хутчэй атрымалі свабоду.

Першым на гэта звярнуў увагу шэф жандараў. 21 студзеня 1843 г. А. Х. Бенкендорф звярнуўся з лістом да Ф. Я. Міркавіча. Ён адзначаў, што калі займаўся гадавой справаздачай, то перагледзеў справы аб палітычных злачынцах і сустрэў па Мінскай губерні «неадпаведнасць у тым, што некаторыя з ліку згаданых злачынцаў, прылічаныя па меры іх злачынства да самага нізкага разраду, не атрымалі яшчэ паляпшэння становішча, тады як іншыя — больш вінаватыя — атрымалі поўнае дараванне. Напрыклад: шляхціцы Людвіг Корсак, Іосіф Кужанецкі і Ян Рудзійскі, прысуджаныя да *сталага* высялення з краю, атрымалі дазвол вярнуцца на радзіму, а Эразм Горніч і Аляксандр Мацкевіч, якіх прысудзілі да *часовай* высылкі з краю, да гэтага часу знаходзяцца першы ў Пярмі, а апошні — у Волагдзе» [2, арк. 211—212]. З гэтай нагоды Бенкендорф пацікавіўся меркаваннем Міркавіча пра справе Э. Горніча. Відаць, іх меркаванні супалі. Ссылны трапіў у чарговы спіс аб памілаванні, які быў пададзены імператару. Э. Горніч вярнуўся на радзіму ў красавіку 1843 г. [2, арк. 286]. Такім чынам, справядлівасць была адноўлена. Што датычыцца Вернера Горніча, то яго лёс аказаўся, мабыць, найбольш сумным. У ходзе следства ён праявіў «вялікую ўпартасць у прызнанні», нягледзячы на тое, што супраць яго сведчылі Ф. Цярлецкі, А. Ажэшка і сам Ш. Канарскі [9, арк. 32 адв.—34]. У той час як брата Эразма адпраўлялі ў Пермскую губерню, Вернер «кідаўся ў гарачцы», і яго пакінулі ў Вільні [6, арк. 39]. Можна толькі выказаць здагадку, што пад уплывам турэмнага зняволення і цяжкай хваробы змяніўся яго псіхічны стан. Ранейшая ўпартасць змянілася прызнаннем не толькі сваёй «злачыннай дзейнасці», але і актыўным супрацоўніцтвам са следствам. В. Горніч сам прасіў следчых «падсяляць» яго ў камеры студэнтаў Дэспцакага ўніверсітэта. Выведваў сакрэты аднаго студэнта і пераходзіў да іншага. Вязень нават агаварыў у падрыхтоўцы ўзброенага нападу на канвой Е. Брынка свайго лекара Эйзембляцера, а пазней пані А. Снядзецкую за «моцную непрыхільнасць да спадара ваеннага губернатара» [6, арк. 39—41]. Нарэшце, у лютым 1840 г. В. Горніч заявіў, што ведае нейкую важную тайну, якую можа абвясціць толькі імператару. Нягледзячы на тое што палкоўнік Юфераў паведаміў Міркавічу аб «недаверлівасці і падазронасці» характару Горніча, вязень усё ж быў адпраўлены ў Санкт-Пецярбург [6, арк. 56 адв. — 59]. Сустрэча з імператарам не адбылася. Арыштанта скончыў жыццё самагубствам. Перад смерцю ён прызнаўся, што агаварыў невінаватых [6, арк. 234].

Летам 1838 г. іераманах пінскага францысканскага кляштара Блажэй Адамовіч у Віленскай следчай камісіі прызнаўся, што вясной 1837 г. ус-

тупіў у тайнае таварыства, аднак асабіста з Канарскім знаёмы не быў, грошай на карысць таварыства не даваў і ніякіх дзеянняў дзеля яго не прадпрымаў [9, арк. 34]. У сакавіку 1839 г. Адамовіча перавялі ў Хадаркоўскі кляштар капуцынаў Кіеўскай губерні. Неўзабаве яго адправілі далей, у Тамбоўскую губерню, пад нагляд паліцыі. У 1845 г. Б. Адамовіч хадайнічаў аб вяртанні на радзіму ў сувязі з дрэнным станам здароўя. Тамбоўскі грамадзянскі губернатар падтрымаў хадайніцтва і адзначыў, што ссыльны «паводзіць сябе сціпла, ні ў чым заганным не заўважаны» [5, арк. 61—61адв.]. Аднак імператар дазволу вярнуцца на радзіму не даў.

Найбольш заможны ўдзельнік Пінскага дэмакратычнага таварыства, уладальнік больш за 2,5 тыс. душ прыгонных сялян шляхціц Юзаф Кужанецкі быў прызнаны вінаватым у тым, што прынёс прысягу на вернасць тайнаму таварыству, ахвяраваў на яго патрэбы 70 рублёў срэбрам, захоўваў у сябе малітву на польскай мове, якая не адпавядала «добранадзейнаму ладу думак» [9, арк. 37]. Ён быў прылічаны да 4-га разраду дзяржаўных злачынцаў і ў 1839 г. высланы ў Валагодскую губерню на сталае месцажыхарства. У красавіку 1842 г. шэф жандараў А. Х. Бенкендорф паведаміў Ф. Я. Мірковічу, што Валагодскі грамадзянскі губернатар хадайнічае аб вяртанні Ю. Кужанецкага на радзіму за яго добрую службу ў Валагодскім судзе [1, арк. 211, 212].

15 чэрвеня 1842 г. да дня нараджэння Мікалая I¹ шэф жандараў падаў спіс прозвішчаў 34 асоб, «якія падпалі пад пакаранне па справах розных эмісараў», з мэтай паляпшэння іх становішча [2, арк. 10—14 адв.]. У спісе было прозвішча Ю. Кужанецкага. Імператар дазволіў яму выбраць месца жыхарства ў адной з бліжэйшых да радзімы губерняў [2, арк. 19]. Выбар пакаранага спыніўся на Гродзенскай губерні [2, арк. 74]. У 1843 г. яму было дазволена вярнуцца ва ўласны маёнтак Асаўніца Кобрынскага павета [14, s. 321]. Шляхціц Пінскага павета Людвіг Корсак у ходзе следства прызнаўся, што ўступіў у тайнае таварыства ў 1836 г. у кватэры Ф. Цярлецкага [9, арк. 29 адв.]. Больш ён ні Канарскага, ні Радзевіча не бачыў і ніякіх «дзеянняў па змове не меў» [10, арк. 2 адв.]. Корсак быў прылічаны да 4-га разраду дзяржаўных злачынцаў і прысуджаны дасылкі ў Пермскую губерню з вызваленнем маёнтка ад секвестра. Увесну 1842 г. ён падаў прашэнне аб вяртанні на радзіму. Пермскі грамадзянскі губернатар пахвальна адазваўся аб яго паводзінах [1, арк. 23—23 адв.]. Л. Корсак таксама трапіў у спіс, які вышэйшыя саноўнікі па-

¹ Дзень нараджэння імператара Мікалая I — 25 чэрвеня па старым стылі.

далі імператару [2, арк. 10—14 адв.]. У чэрвені 1842 г. Мікалай I дазволіў Корсаку вярнуцца на радзіму [2, арк. 19].

На жаль, няма звестак пра лёс сябра Пінскага дэмакратычнага таварыства падольскага шляхціца Юзафа Краскоўскага, які прызнаўся, што ведаў Канарскага як мясцовага шляхціца Лаеўскага. Знаёмства адбылося ў 1836 г. у кватэры І. Радзевіча, дзе ён быў прыняты ў таёмную арганізацыю. Болей Канарскага не бачыў, грошай на карысць таварыства не даваў і ніякіх дзеянняў не прадпрымаў [9, арк. 37 адв.].

Уласна кажучы, Б. Адамовіч, Л. Корсак, Ю. Краскоўскі за два з паловай гады існавання ў Пінскім павеце таёмнай арганізацыі ніякіх дзеянняў на яе карысць не рабілі. На погляд аўтара, яны былі ўдзельнікамі «масоўкі», а не героямі п'есы, напісанай Ш. Канарскім. У канцы пратакола допыту Краскоўскі ўласнаручна напісаў: «У апраўданне сваё дадам, што прыцягнуты быў у таварыства пагрозамі Канарскага, які прымусяў мяне выслухаць прысягу, а потым аб'явіў, што калі я адкрыю тайну таварыства, то буду забіты ці атручаны разам з маімі сямейнікамі» [9, арк. 38]. Цяжка сказаць, ці варта давяраць гэтай заяве. З аднаго боку, зразумела жаданне Краскоўскага апраўдацца перад членамі Віленскай камісіі. З другога боку, А. Ажэшка таксама сцвярджаў, што Радзевіч расказваў яму пра існаванне ў Падольскай губерні нейкага асаблівага таварыства, якое павінна было знішчаць «агнём адступнікаў ад правіл змоўшчыкаў» [9, арк. 2 адв.].

Ю. Краскоўскі быў аднесены да 3-га разраду дзяржаўных злачынцаў і прысуджаны да ссылкі ў Сібір з пазбаўленнем правоў шляхецкага стану. Аднак імператар зацвердзіў больш мяккі прысуд: ссылка ў Валагодскую губерню без пазбаўлення правоў і вызваленне маёнтка ад секвестра [10, арк. 3]. У матэрыялах разгледжаных спраў няма аніводнага сведчання аб тым, каб сам Краскоўскі або яго сваякі падавалі прашэнні аб памілаванні. Магчыма, ён памёр у Валагодскай губерні, пра што ў вышэйшыя інстанцыі не паведамлялася.

Клірык манастыра піяраў Казімір Шалевіч у Пінскае дэмакратычнае таварыства ўступіў у 1836 г., меў даручэнне «ўздзейнічаць» на ўніяцкае духавенства і эканомай Пінскага павета [8, арк. 361]. У ходзе следства заявіў, што меў даручэнне «распаўсюджаць дэмакратычныя правілы, але дзейнічаў толькі для паляпшэння становішча сялян і ніякіх рэвалюцыйных ідэй не распаўсюджаў», грошай на карысць грамадства не ахвяраваў, новых сяброў не прыцягваў [9, арк. 27, 28]. Шалевіч быў прылічаны да 4-га разраду дзяржаўных злачынцаў і сасланы ў Казань [4, арк. 74]. Аднак калі яго маці, шляхцянка Лідскага павета Алаіза Шалевіч,

у чэрвені 1844 г. накіравала імператару прашэнне аб памілаванні і ўказа-ла ў ім, што сын пражывае ў Табольскай губерні, высветлілася, што ў ваенным міністэрстве пра гэта нічога не ведаюць [4, арк. 73—73 адв.]. Растлумачылі сітуацыю ў Галоўным упраўленні Заходняй Сібіры¹. Казімір сапраўды быў высланы ў сакавіку 1839 г. у Казань, дзе пражываў да канца года. Да таго часу, пакуль казанскі губернатар не паведаміў у Трэцяе аддзяленне, што падследны «пры ўсёй ўтоенасці яго характару выявіў у размовах нядобрыя думкі супраць ўрада» [4, арк. 152 адв.]. У выніку 24 снежня 1839 г. Шалевіча выслалі ў г. Тара Табольскай губерні. Перапіска дзяржаўных устаноў з нагоды прашэння А. Шалевіч ішла больш за год. Нарэшце, 17 мая 1845 г. Мікалай I дазволіў перавесці К. Шалевіча ў адну з унутраных губерняў Расіі па вызначэнні міністра ўнутраных спраў [4, арк. 291]. Такой губерняй стала Уладзімірская, дзе Казімір паступіў на службу ў канцылярыю губернатара. У 1847 г. ён упершыню атрымаў чатырохмесячны адпачынак на радзіму [5, арк. 145]. У ліпені 1853 г. вярнуўся на радзіму, дзе пражываў пад наглядам паліцыі ў сваякоў у Лідскім павеце [14, с. 589].

Такім чынам, да канца 40-х гг. XIX ст. з дзевяці членаў Пінскага дэмакратычнага таварыства на радзіму вярнуліся Л. Корсак (1842 г.) і Э. Горніч (1843 г.). Ю. Кужанецкі атрымаў права жыхарства ў бліжэйшай да роднай Мінскай Гродзенскай губерні (1842 г.). Двое былых членаў тайнага таварыства знаходзіліся ў ссылцы ва ўнутраных губернях Расійскай імперыі: Б. Адамовіч — у Тамбоўскай губерні, К. Шалевіч — у Уладзімірскай. У Сібіры ў Томскай губерні па-ранейшаму заставаліся А. Ажэшка і Ф. Цярлецкі, хаця становішча абодвух змянілася ў лепшы бок. Ажэшка атрымаў магчымасць самастойна выбіраць месца жыхарства, Цярлецкі паступіў на грамадзянскую службу. Яшчэ двух удзельнікаў тайнага таварыства ў Пінскім павеце, хутчэй за ўсё, на той час не было ў жывых. В. Горніч скончыў жыццё самагубствам. Пра лёс Ю. Краскоўскага нічога невядома.

У Расійскай імперыі прашэнні аб памілаванні палітычных злачынцаў праходзілі доўгі шлях па кабінетах вышэйшых чыноўнікаў. Канчаткова лёс кожнага з членаў Пінскага дэмакратычнага таварыства вырашаўся ў Санкт-Пецярбургу. На прыкладзе лёсаў членаў таёмнага таварыства ў Пінскім павеце можна вызначыць наступныя прычыны аб'ек-

¹ Галоўнае ўпраўленне Заходняй Сібіры альбо Заходне-Сібірскае генерал-губернатарства было заснавана ў 1822 г. па ініцыятыве М. М. Сперанскага, з 1839 г. размяшчалася ў Омску. У 1836—1850 гг. генерал-губернатарам быў князь П. Д. Гарчакоў.

тыўнага характару, якія ўплывалі на вынікі працэсу прыняцця рашэнняў па хадайніцтвах іх саміх і іх родных: актыўнае супрацоўніцтва арыштаваных (або адсутнасць такога) са следствам; змест характарыстык службовых асоб (губернатораў) аб паводзінах і ладзе думак ссыльных; меркаванне губернатараў тых месцаў, куды ссыльныя павінны былі вярнуцца ў выпадку станоўчага вырашэння іх спраў. Мелася на ўвазе гатоўнасць высокапастаўленых чыноўнікаў (або адсутнасць такой) узяць на сябе адказнасць за паводзіны новых падапечных.

Звяртаючыся да пытання аб тым, у якой ступені пакаранне палітычных злачынцаў адпавядала ступені іх віны, трэба адзначыць, што расійская ўлада ў асобе самога імператара, безумоўна, імкнулася да справядлівасці. Нагадаем, што стварэнне Трэцяга аддзялення звязана з даволі праўдападобнай легендай, якую па-рознаму пераказваюць мемуарысты і даследчыкі. Сутнасць яе ў тым, што калі А. Х. Бенкендорф даведаўся аб сваім новым прызначэнні, ён папрасіў у Мікалая I дакладных інструкцый. Замест іх імператар працягнуў яму белую насоўку, якой прапанаваў выціраць слёзы несправядліва пакрыўджаных.

Тэма справядлівасці прагучала і ў той рэальнай інструкцыі, якую Бенкендорф падрыхтаваў для першых штаб-афіцэраў Корпуса жандараў: «Зацвердзіць дабрабыт і спакой усіх у Расіі саслоўяў, глядзець, як яны ахоўваюцца законамі, аднаўляць ва ўсіх мясцовасцях і ўрадавых установах дасканалае правасуддзе» [11, с. 155]. Разам з тым вядомыя факты, якія тычацца ўдзельнікаў «Садружнасці польскага народа», сведчаць, што, нягледзячы на ўсе намаганні шэфа жандараў, казаць пра «дасканалае правасуддзе» не прыходзіцца. У прыватнасці, Л. Корсак, вінаваты толькі ў фармальнай прыналежнасці да Пінскага таемнага таварыства, вярнуўся на радзіму на паўгода пазней удзельніка паўстання 1830—1831 гг. Я. Рудзіеўскага (сябра тайнага таварыства «на арыстакратычных пачатках» эмісара Д. Булеўскага, які вярнуўся ў студзені 1842 г. у Мазырскі павет) [1, арк. 159]. Сам Л. Корсак, як было адзначана вышэй, вярнуўся амаль на год раней значна менш вінаватага (або невінаватага?) Э. Горніча. Прыклады падобнага кшталту можна працягваць.

На погляд аўтара, асноўная прычына падобных, па словах А. Х. Бенкендорфа, «неадпаведнасцей» заключаецца ў тым, што лёсы членаў тайных таварыстваў знаходзіліся ў руках аднаго чалавека. У справах аб палітычных злачынствах апошнія слова заўсёды заставалася за імператарам. Думка абсалютнага манарха перавешвала ўсе астатнія заканадаўчыя механізмы прыняцця рашэнняў. Меркаванне ж апошняга залежала ад цэлага шэрагу суб'ектыўных фактараў: формы і часу падачы матэрыялу,

зместу папярэдніх спраў, настрою манарха і т. п. Інакш кажучы, у любым геаграфічным і храналагічным адрэзку прасторы і часу развагі аб справядлівасці маюць беспадстаўны характар, калі гаворка ідзе пра дзяржаву, у якой лёс асобы вызначае не закон, а воля аднаго чалавека.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў у Вільні (далей — ЛДГА). Ф. 378, палітычны аддзел (далей — п/а). Воп. 216. Спр. 154 — Справа аб асобах, высланых з тутэйшага краю на пасяленне ў розныя губерні. Частка першая на 253 арк.
2. ЛДГА. Ф. 378, п/а. Воп. 216. Спр. 155 — Справа аб асобах, высланых з тутэйшага краю на пасяленне ў розныя губерні. Частка другая на 297 арк.
3. ЛДГА. Ф. 378, п/а. Воп. 216. Спр. 156 — Справа аб асобах, высланых з тутэйшага краю на пасяленне ў розныя губерні. Частка трэцяя на 330 арк.
4. ЛДГА. Ф. 378, п/а. Воп. 216. Спр. 157 — Справа аб асобах, высланых з тутэйшага краю на пасяленне ў розныя губерні. Частка чацвёртая на 358 арк.
5. ЛДГА. Ф. 378, п/а. Воп. 216. Спр. 158 — Справа аб асобах, высланых з тутэйшага краю на пасяленне ў розныя губерні. Частка пятая на 375 арк.
6. ЛДГА. Ф. 378, п/а. 1839. Спр. 145 — Справа па заяўленні арыштанта Вернера Горніча аб зламыснай размове з ім злачынца Яна Яленскага, а таксама пра існаванне ў Дэрпце тайнага дэмакратычнага таварыства паміж студэнтамі на 257 арк.
7. ЛДГА. Ф. 1269. Воп. 1. Спр. 2 — Следчыя пратаколы па справах Я. Былеўскага, А. Гайковіча, Я. Яленскага, С. Казакевіча, Э. Любавіцкага, Л. Орды, А. Піпера, К. Рапчынскага, Я. Высоцкага. Справа Ф. Александровіч. Перапіска аб розных асобах, якія знаходзяцца пад следствам, на 408 арк.
8. ЛДГА. Ф. 1269. Воп. 1. Спр. 3 — Следчыя справы Адамовіча, Будзінскага, Чуліцкага, Дмахоўскага, Горніча, Ярмаловіча, Канарскага, Корсака, Краскоўскага, Кужанецкага, Ажэшкі, Рабцэвіча, Радзевіча, Савіча, Сядлінскага, Шалевіча, Цярлецкага, Вішнеўскага, на 374 арк.
9. ЛДГА. Ф. 1269. Воп. 1. Спр. 17 — Следчыя справы членаў Пінскага тайнага дэмакратычнага таварыства: Б. Адамовіча, К. Будзінскага, Я. Дмахоўскага, Э. Горніча, В. Горніча, Ю. Краскоўскага, Ю. Куржанецкага, А. Ажэшкі, Л. Сядлікоўскага, К. Шалевіча, Ф. Цярлецкага — на 41 арк.
10. ЛДГА. Ф. 1269. Воп. 1. Спр. 24 — Спіс асоб, асуджаных па справе Ш. Канарскага і іншых палітвязняў, якія абвінавачваюцца ў прыналежнасці да тайных таварыстваў, на 46 арк.
11. *Бибиков Г. Н.* А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М. : Три квадрата, 2009. 424 с.
12. *Луговцова С. Л.* «Заговор Конарского»: Пинское демократическое общество // Российские и славянские исследования : науч. сб. ; редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2012. Вып. 7. С. 190—198.
13. *Kronika Syberyjska / Wspomnienia Narodowe przez eu ... go Helleniusza.* Paryz, 1861. S. 365—407.
14. *Śliwowska W.* Zesłańcy polscy w Imperium Rosyjskim w pierwszej połowie XIX wieku. Słownik biograficzny. Warszawa : Wydawnictwo DIG, 1998. 835 s.

А. А. МАКИЕНКО

МАТЕРИАЛЫ ЗЕМСКОЙ СТАТИСТИКИ В АРХИВНЫХ И БИБЛИОТЕЧНЫХ СОБРАНИЯХ УКРАИНЫ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследуются материалы земской статистики — важнейшего источника для изучения истории регионов Российской империи во второй половине XIX — начале XX в. Автор определяет количественные и качественные характеристики источников, сосредоточенных в архивных и библиотечных собраниях Украины, выясняет актуальные проблемы и перспективные направления их изучения на современном этапе.

The article is dedicated to questions of research materials of zemstvo's statistics — most important source for study life in regions of Russian Empery in second half of XIX — beginning of XX century. The author define quantitative and qualitative descriptions of materials of zemstvo's statistics concentrated in archival and library collections of Ukraine, and clear up an actually problems and perspective directs of theirs scientific research on the contemporary stage.

Ключевые слова: материалы земской статистики, статистические исследования, исторический источник.

Keywords: materials of zemstvo's statistics, statistical researching, historical source.

В условиях активизации регионально-исторических исследований актуализируется проблема научного освоения соответствующей источниковой базы. Перед историками стоят задачи теоретического осмысления вопросов использования в историческом исследовании различных типов и видов источников, получения и адекватной интерпретации их информации с учетом новейших достижений в области источниковедения. Среди комплексов источников региональной истории,

Макиєнка Анатоль Аляксеевіч — старшы навуковы супрацоўнік аддзела крыніц навейшай гісторыі Украіны Інстытута ўкраінскай археаграфіі і крыніцазнаўства імя М. С. Грушэўскага НАН Украіны, кандыдат гістарычных навук.

требующих повышенного внимания историков, следует выделить документы земских учреждений. Без их углубленного изучения невозможно полноценная реконструкция жизни российской провинции второй половины XIX — начала XX в.

В Украине исследованию документального наследия земств посвящены преимущественно работы историков-земствоведов. Их стараниями в научный оборот введен массив документов земских учреждений, определены количественные и качественные характеристики их разновидностей. Научное осмысление этого комплекса источников еще не вышло на теоретический уровень, отличается избирательным подходом, исходя из поставленных авторами научных задач [1]. Нередко отсутствие адекватных представлений о происхождении земских документов приводило к серьезным заблуждениям в понимании их источниковой природы [2, 3]. Учитывая научный интерес к информационной составляющей земской документации, представляется своевременным сосредоточить усилия специалистов на выявлении, систематизации и классификации земских документов как самостоятельного комплекса исторических источников, изучении их происхождения, разработки методики исследования и интерпретации их информации.

Весомую часть документального наследия земств в Украине составляют материалы земской статистики. Их формирование стало результатом развития статистических исследований в земских учреждениях. Данные статистики рассматривались в качестве информационной основы для разработки земской стратегии культурно-хозяйственного обустройства регионов. Благодаря эффективной организации статистических исследований земства Украины могли гордиться своими практическими достижениями в различных сферах местной жизни, а основоположники земской статистики в Украине (А. Русов, В. Варзар, А. Шликевич, Ф. Щербина, В. Арнольд и др.) вошли в число видных представителей мировой и отечественной статистической мысли. Итак, основательное изучение материалов земской статистики не только открывает перспективы углубленного изучения разных аспектов культурно-хозяйственной жизни регионов, но и создает предпосылки для научной реконструкции истории земской статистики, развития статистической мысли в Украине.

Различные по глубине, масштабу и интенсивности учетно-статистические работы осуществлялись земскими учреждениями в течение более чем 50-летнего периода их деятельности на территории Украины. Особенности формирования и развития земской статистики в различ-

ных регионах Украины достаточно отражены в последних научных исследованиях [4—11]. Их результаты доказывают, что более или менее репрезентативный комплекс материалов земской статистики, отражающих ход статистических работ, сформировался во всех украинских регионах, где функционировали органы земского самоуправления.

В последние десятилетия источниковеды демонстрируют успехи в области теории и методики изучения статистических источников. В России наибольший вклад в разработку проблематики источниковедения земской статистики внесли представители научной школы академика И. Д. Ковальченко (Л. Разумов, Т. Моисеенко, К. Литвак, Н. Самарина, М. Шендерюк, И. Юшин и др.), активно применявшие количественные методы для обработки статистических данных. Используя данные земской статистики, в работах, посвященных анализу аграрного устройства губерний европейской части России, они конструировали математические модели функционирования крестьянского хозяйства в условиях капиталистической модернизации аграрной сферы [12—17].

В современном украинском источниковедении область земско-статистических источников по-прежнему остается малопривлекательной для научных исследований. Наиболее значимые результаты в этой области были достигнуты еще во второй половине 1980-х гг. в работах киевского историка А. М. Зубко, изучавшего познавательные возможности применения математических методов для анализа данных земской подворной переписи 1910 г. трех уездов Полтавской губернии [18]. Попытки исследователей расширить диапазон исследуемых на основе данных земской статистики проблем оказались неудачными вследствие недостаточной осведомленности авторов о специфике земской статистики как исторического источника [3]. Ограниченность знаний о системе документационного обеспечения статистических исследований нередко приводила к формированию искаженных представлений о характере и структуре материалов земской статистики [2, с. 91—96]. Историки отдавали предпочтение работе с текстами печатных изданий трудов земских статистиков [19—25] и редко анализировали массивы первичной статистической документации земств Украины [26], что отчасти объясняется низким качеством имеющихся в распоряжении исследователей справочных ресурсов архивов и библиотек Украины. Вышеизложенное существенно влияет на определение информационного потенциала данного источникового комплекса.

Одной из проблем, осложняющих изучение статистического наследия земств, является ограниченность научного взаимодействия истори-

ков-источниковедов и специалистов-статистиков. Особого внимания требуют согласования терминов и понятий статистической науки и исторического источниковедения, развития отдельных направлений статистики, изучение разновидностей и характера эволюции статистических источников.

Вопреки традиционным представлениям об аграрной направленности земской статистики исследователи доказали разновекторность статистических исследований земств. Земская статистика — это аграрная, транспортная, торговая, демографическая, медико-санитарная, ветеринарная и статистика народного образования. Применение ее данных не должно ограничиваться исследованиями историков-аграрников. Введение в научный оборот всего комплекса земско-статистических трудов может обеспечить изучение разнообразных сфер жизни регионов.

Материалы земской статистики — сложный по составу источниковый комплекс. Традиционно в источниковедении их относят к группе массовых источников. Эти материалы охватывают все виды документирования информации на разных стадиях статистического исследования. Статистическая наука выделяет ряд этапов исследования: 1) разработка программы исследования; 2) сбор информации; 3) сводка и обработка собранных данных; 4) публикация результатов. Реализация каждого из них связана с формированием специфических комплексов документации. Всю совокупность документов земско-статистических исследований по видовому признаку можно разделить на две группы: 1) делопроизводственные документы, отражающие цель, задачи, способы и методы проведения исследований; 2) собственно статистические материалы, представленные первичными документами, черновыми сводками данных и публикациями полученных результатов [27].

Подготовительные работы к статистическому исследованию начинались с составления программы. Ее содержание определялось целью и задачами конкретных исследований (основной или текущей статистики), их направленностью. Наиболее подробными были программы основной земской статистики — оценочно-статистических описей недвижимого имущества, подворных переписей, бюджетных обследований хозяйств и т. д. Они, в зависимости от региональной специфики, имели вариации в различных земствах Украины. Программы оценочной статистики ориентировались на определение ценности и прибыльности земельного имущества, городской недвижимости, различных промышленных и торговых заведений. Общей чертой программ земской оценочной статистики в Украине стало их особое внимание к условиям

функционирования сельскохозяйственного хозяйства как основного объекта земского налогообложения. Поэтому в них преобладали вопросы о влиянии природно-географических и этнокультурных факторов на хозяйственную деятельность населения [28]. Разнообразием отличались программы подворных переписей, направленных на установление более широкой картины социально-экономического развития регионов. Приоритетами статистиков было изучение народонаселения, способов хозяйствования, форм землевладения и землепользования, устройства и состава хозяйства (земля, строения, инвентарь, скот), сбыта и покупки продукции, найма рабочей силы и др. [29, с. 67]. Значительной детализацией исследуемых показателей характеризовались и программы других единовременных земско-статистических исследований — бюджетных, санитарных, школьных и др.

Программы текущей земской статистики составлялись исходя из приоритетов культурно-хозяйственной деятельности конкретного земства и были разными по форме и содержанию. Можно выделить две группы программ, ориентированные: 1) на сбор данных регулярного характера; 2) на выполнение единоразовых поручений земства по изучению различных вопросов. В первом случае собранные добровольными корреспондентами через посредничество земских и административных учреждений данные становились источником для периодически публикуемых сводок (бюллетеней, хроник, обзоров), во втором — для монографических исследований или докладов управы по отдельным вопросам. Глубиной разработки и тематическим разнообразием программ текущей статистики отличались земства Херсонской и Полтавской губерний, где системные текущие исследования осуществлялись длительнее, чем в других украинских земствах (с 1880-х гг.) [4, с. 136].

Программы исследований реализовывались через сбор статистической информации по специальной методике. Земские статистики практиковали способы сплошного и выборочного статистического обследования объекта наблюдения, используя экспедиционный (экскурсивный), корреспондентский и анкетный методы. В основном доминировал экспедиционный метод, предполагавший личное посещение исследуемых местностей и заполнение специально разработанных бланков (поселенных списков, пообщинных бланков, подворных карточек и др.). Формуляр бланка отличался сложной структурой и представлял собой адаптированный для практической работы вариант программы исследования в табличной форме [30, с. 3, 4]. Экспедиционным обследованиям предшествовала подготовительная работа статистиков, предполагавшая

извлечение необходимых для исследования данных из учетно-статистических и делопроизводственных документов местных учреждений. Первоисточниками были материалы Генерального и специального межеваний, реестры нотариусов, записи на владение, выкупные дела, клировые ведомости, окладные и конторские книги и др. Заполнение бланков осуществляли временные регистраторы, которые руководствовались инструкциями [30, с. 15—26]. Сбор статистической информации сопровождался ведением вспомогательной регистрационной документации (повестки собственникам, учетные карточки, списки домохозяйств) [26, с. 89]. В целом наибольший комплекс первичных статистических документов сформировался в ходе подворных переписей хозяйств и оценочно-статистических описей недвижимого имущества. Согласно подсчетам А. Зубко на территории Украины за время существования земств подворные переписи проводились в 52 уездах шести губерний Левобережной и Южной Украины, причем в 15 уездах Полтавской губернии — трижды, а в 11 уездах других губерний — дважды [4, с. 137]. Земскими оценочными работами были охвачены девять украинских губерний. Земские статистики были задействованы в ходе общероссийских сельскохозяйственной (1916 г.), сельскохозяйственной и поземельной (1917 г.) переписей.

Статистические наблюдения в текущей земской статистике по полноте и достоверности получаемой информации уступали аналогичным наблюдениям в основной земской статистике. В основе их лежали корреспондентский и анкетный методы, предполагающие регулярные поступления сведений от добровольных корреспондентов, представителей волостной и сельской администрации, учителей, врачей и др. лиц по специальной программе. Другую информацию статистики получали из учетно-регистрационной документации различных местных учреждений, заведений, предприятий и т. д. Например, в южноукраинских губерниях отмечен опыт карточной регистрации сведений о сельскохозяйственных рабочих на организованных земствами лечебно-продовольственных пунктах в крупных центрах найма рабочей силы [31, с. 75].

Результаты обработки данных земские статистики публиковали в многочисленных статистических изданиях. Так, перечень земско-статистических публикаций на территории Украины, приведенный в библиографическом указателе В. Григорьева, состоит из 1116 позиций [32]. Статистическое бюро Полтавского губернского земства за 35 лет деятельности (1881—1916 гг.) издало 51 наименование трудов в 430 томах, не считая статистических публикаций в периодической прессе [33]. Та-

ким образом, земские статистические издания в конце XIX — начале XX в. превратились в одну из наиболее массовых разновидностей изданий на территории Украины.

Комплекс статистических изданий земств отличался видовым разнообразием. По содержанию и направленности их можно разделить на три группы: 1) издания по основной статистике; 2) периодические и продолжающиеся издания по текущей статистике и 3) публикации монографических исследований статистиков по разным вопросам.

Среди изданий по основной статистике преобладали материалы подворных переписей и имущественной оценки, издававшиеся в виде серий сборников по отдельным губерниям. Данные переписей содержали табличные сводки разнообразных статистических показателей по волостям и уездам с краткими текстовыми пояснениями. Например, структура сборника материалов третьей подворной переписи в Полтавской губернии (1910 г.) по Золотоношскому уезду состояла из предисловия, пояснений к таблицам, перечня единиц подсчета, таблиц экономического положения хозяйств по населенным пунктам и волостям уезда, ведомостей об экономическом положении хозяйств разной земельной обеспеченности (групповой подсчет), ведомостей о профессиональных занятиях отдельных хозяев и членов их семей, таблиц с характеристикой положения кустарей и ремесленников, ведомостей о наемном труде в хозяйствах разных категорий, списка населенных пунктов уезда, а также приложения с программно-методическими материалами переписи [30, с. I—II].

Издания материалов оценочных описей включали сборники данных по оценке земли, недвижимого имущества, промышленных и торговых заведений по уездам и их итоговых сводок по губернии в целом. Классическим изданием оценочно-статистического характера в Украине можно считать «Материалы для оценки земельных угодий, собранные экспедиционным способом статистическим отделением при Черниговской губернской земской управе» в 15 томах (1877—1887 гг.) и «Материалы для оценки земель Херсонской губернии» в 6-ти томах (1883—1890 гг.), выполненные в традициях так называемого черниговского типа земской статистики. Характерной была структура этих изданий: предисловие, текстовые разделы «Территория и население», «Землевладение и земледелие», «Сельскохозяйственные угодья и их продуктивность», «Свод оценочных данных», приложения с таблицами, диаграммами, схемами, картами [34, с. I—III]. Публикации оценочного характера доминировали в комплексе изданий основной земской статистики.

Главным результатом текущих статистических исследований была подготовка периодических и продолжающихся изданий со сведениями оперативного характера. Земствами в Украине издавались ежегодные «Сельскохозяйственные обзоры», «Медико-санитарные обзоры», «Обзоры народного образования», а также специальная периодика — ежеквартальные и ежемесячные «Бюллетени о состоянии сельского хозяйства», «Цены на продукты сельского хозяйства», «Метеорологические бюллетени», «Врачебно-санитарные хроники», «Ветеринарные хроники» и т. д. Сводные данные текущей статистики в разных отраслях земского хозяйства публиковались в «Ежегодниках», «Календарях» и «Статистических справочниках» отдельных земств. Наибольшей продуктивностью в этом направлении отличалась работа статистиков Полтавского губернского земства, регулярно готовивших «Ежегодник Полтавского губернского земства» (1895—1913), «Полтавский земский календарь» (1907—1909), «Статистический справочник по Полтавской губернии» (1910—1917) и пытавшихся реализовать проект «Статистического справочника по Югу России» (1910) [33, с. 8, 11].

Значительный комплекс статистических изданий сформировался в результате специальных исследований различных проблем земской деятельности. Часть из них была направлена на подведение итогов деятельности земств в определенных отраслях, большинство — ориентировались на решение актуальных для земства вопросов местной жизни. Среди них — исследования природно-географических условий регионов, состава и движения народонаселения, его физического здоровья, уровня образованности, хозяйственной деятельности и др. [35, с. 52, 53]. Их широкое использование в практике земского управления открывало перспективы для модернизации регионов Украины.

В результате интенсивных статистических исследований в подразделениях земских управ накопился значительный объем статистической документации. Во времена функционирования земств материалы земской статистики, имея огромное практическое значение, находились в постоянном служебном использовании земского персонала. Печатные издания по земской статистике постепенно концентрировались в библиотечных собраниях земств, а для обеспечения условий сохранности первичной статистической документации земства оборудовали особые текущие архивы. Однако уже к началу XX в. вследствие недостаточного контроля со стороны ответственных работников в составе их документального фонда произошли существенные утраты, а оставшиеся документы нередко пребывали в неупорядоченном состоянии [36, л. 42].

Сохранившийся до наших дней комплекс материалов земской статистики — лишь незначительная часть бывшего документального богатства. Большая их часть погибла в условиях военно-политических катаклизмов и хозяйственной неурядицы первой половины XX в. на территории Украины. Первичная статистическая документация, вопреки усилиям советских органов статистики, в основном была утилизирована архивными учреждениями в ходе так называемых «макулатурных» кампаний, поэтому среди материалов земской статистики преобладают печатные издания статистических трудов и их черновые рукописные варианты.

На современном этапе документация, отражающая проведение земских статистических исследований, представлена преимущественно в фондах государственных архивов Украины и их научно-справочных библиотек. Отдельные комплексы печатных изданий по земской статистике входят в состав собраний библиотек и музеев Украины.

Статистические материалы земских учреждений частично сохранились в фондах двух центральных (ЦГИА Украины, ЦГАВО Украины) и 19 областных государственных архивов Украины, а также Госархива Автономной Республики Крым и Коммунального учреждения «Измаильский архив». В трех архивных учреждениях — Госархиве Автономной Республики Крым, Госархиве Житомирской области и Госархиве Запорожской области — документация земско-статистических исследований выделена в отдельные фонды статистических бюро губернских и уездных земств, а в остальных — интегрирована в состав других фондов земских учреждений (губернских, уездных и волостных управ, учебных заведений, больниц и т. д.). Причем только в госархивах Автономной Республики Крым, Запорожской, Полтавской, Сумской, Харьковской, Херсонской и Черниговской областей сохранились более-менее значимые комплексы документации первичного учета (в основном карточки всероссийских переписей 1916—1917 гг.). В отдельных случаях специфические условия фондообразования привели к перемешиванию статистической документации советских органов статистики и земских учреждений. Примером этому является фонд Херсонского уездного статистического бюро (Государственный архив Херсонской области), действовавшего при Херсонском уездном исполкоме с 1920 по 1923 г. Почти половина из 405 единиц хранения не относится непосредственно к фондообразователю, представляя собой делопроизводственные и статистические материалы Херсонской губернской земской управы за 1916—1917 гг. [37]. Анализ состава фондов свидетельствует, что ни в од-

ном из них комплекс материалов земской статистики не отражает весь цикл статистических исследований, создавая серьезные преграды для исследователей документального наследия земств.

Наиболее полным собранием печатных изданий земств разных регионов Украины, в том числе и по земской статистике, владеет Государственная архивная библиотека Украины в г. Киеве (более 1500 ед. хр.), а по объему и репрезентативности коллекции изданий отдельных земств выделяется справочная библиотека Госархива Херсонской области (более 3 тыс. ед. хр.), сформированная на основе библиотечного фонда Херсонского губернского земства [38, с. 53].

К сожалению, несовершенство справочного аппарата архивов и библиотек существенно осложняет доступ к земским документам, не позволяя должным образом оценить научное значение этих документальных комплексов. Справочная информация о составе архивных фондов является устаревшей, неполной или неточной, а касательно собраний земских зданий — зачастую и вовсе отсутствует [38, 39]. Источниковая ценность материалов земской статистики, выявление и обработка которых требует усилий в области архивной и библиотечной эвристики, служит убедительным аргументом в пользу своевременности составления соответствующих справочников — аннотированных реестров фондов земских учреждений, библиографических указателей земских печатных изданий.

Изучение уровня сохранности материалов земской статистики в архивах и библиотеках Украины позволяет утверждать, что наиболее информативными базами соответствующих статистических данных обеспечены исследования регионов Южной и частично Левобережной Украины. При этом историки практически лишены возможности анализа первичной статистической документации и работают с публикациями результатов статистических исследований, т. е. с интерпретациями земских статистиков.

Используя данные статистических изданий земств, в частности по основной статистике, необходимо учитывать особенности обработки и сводки статистиками собранной информации — наиболее проблемного звена в земско-статистических работах [4, с. 133; 35, с. 53]. Отсутствие четкого обоснования методики сводки данных нередко обуславливало формализацию признаков их систематизации, а значит — ограничение возможностей для их научного анализа и интерпретации. Современный историк для реализации поставленных задач вынужден проводить группировку данных земской статистики по заданным признакам. В этом

отношении большие возможности открывают компьютерные технологии обработки и анализа источников, в последнее время успешно применяемые для работы с информацией массовых источников. Первые шаги на пути источниковедческого освоения делопроизводственной документации земских учреждений посредством компьютерного моделирования убедительно доказали продуктивность их использования и в отношении материалов земской статистики [40].

Таким образом, сохранившаяся в архивных и библиотечных хранилищах Украины статистическая документация представляет особо ценную часть документального наследия земств. Использование материалов земской статистики сопряжено с ограниченными возможностями доступа к ним исследователей, необходимостью овладения междисциплинарными подходами для более глубокого изучения природы этого комплекса исторических источников. Формирование электронных баз данных и внедрение компьютерных методов обработки и анализа статистической информации позволит повысить информативность земской статистики как важнейшего источника региональной истории Украины второй половины XIX — начала XX в.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бакуменко Е. А. Основные источники по истории земских учреждений России второй половины XIX — начала XX ст. // Вісн. Харків. держ. ун-ту. Харків, 1998. Вип. 30 (413). С. 77—87.
2. Кузовова Н. М. Земські видання як джерело з історії Херсонщини та чинник розвитку її духовного життя : наук. записки / Херсон. краєзн. музей. Херсон, 2005. С. 88—100.
3. Волос О. В. Земські матеріали як джерело пізнання етнічної історії краю // Наук. праці істор. ф-ту ЗДУ. Запоріжжя, 2007. Вип. XXI. С. 358—361.
4. Зубко А. М. Вивчення земськими статистичними органами соціально-економічного розвитку України (1864—1917 рр.) // Укр. істор. журн. 1988. № 3. С. 130—138.
5. Гапієнко А. З історії розвитку чернігівської земської статистики // Сіверянський літопис. 1997. № 1—2. С. 49—65.
6. Макієнко О. З історії розвитку та діяльності земської статистичної служби в Херсонській губернії (70—80-ті роки XIX ст.) // Записки науково-дослідної лабораторії історії Південної України ЗДУ: Південна Україна XVIII—XIX століття. Запоріжжя, 2000. Вип. 5. С. 119—129.
7. Обметко О. М. До питання про розвиток земської статистики в Україні // Вісн. Академії праці і соціальних відносин Федерації профспілок України. 2000. № 6. С. 129—133.
8. Петров О. О. Діяльність статистичних закладів Катеринославського земства // Гуманіт. журн. 2002. № 1. С. 102—110.
9. Бобков В. В. К истории земско-статистических исследований в Таврической губернии (1884—1889) // Культура народов Причерноморья. 2003. № 46. С. 122—127.

10. *Тарасенко О. В.* Розвиток статистичної справи в земствах Південно-східної України (90-ті рр. XIX ст. — 1917 р.) // *Історичні і політологічні дослідження*. 2004. № 4 (22). С. 60—66.

11. *Дорошок Н.* Чернігівська земська статистика у 70—80 рр. XIX ст. // *Сіверянський літопис*. 2009. № 2, 3 (86, 87). С. 163—167.

12. *Разумов Л. В.* Анализ земско-статистических подворных описаний крестьянских хозяйств (по материалам Тверской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1973. 26 с.

13. *Моисеенко Т. Л.* Земская статистика как источник для изучения крестьянской аренды в России в конце XIX века (по материалам Центрально-Черноземного района) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1981. 25 с.

14. *Литвак К. Б.* Социально-экономическая структура деревни черноземного центра России начала XX века (опыт количественного анализа пообщинных сводок земской статистики) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1983. 16 с.

15. *Самарина Н. Г.* Первичные материалы земско-статистических обследований как источник для изучения крестьянского хозяйства периода империализма (по материалам Московской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1987. 18 с.

16. *Шендерюк М. Г.* Земские подворные переписи как источник для изучения крестьянского хозяйства Северо-Запада России (опыт количественного анализа) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1990. 23 с.

17. *Юшин И. Ф.* Крестьянское хозяйство Северного Приуралья в конце XIX — начале XX века по материалам земской статистики (методы обработки и анализа земских обследований Вятской губернии) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. М., 1993. 26 с.

18. *Зубко А. М.* Материалы земской статистики как исторический источник по изучению истории Украины периода капитализма : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02, 07.00.09 / Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. Київ, 1988. 20 с.

19. *Дроздова О.* Видання Статистичного бюро Полтавського губерньського земства як джерело краєзнавчих відомостей // *Бібліотечна планета*. 2001. № 1. С. 35, 36.

20. *Макієнко О. А., Єжова, О. В.* Земські статистичні описи Херсонської губернії як джерело вивчення демографічної ситуації на Півдні України у 80-х роках XIX ст. // *Південний архів. Історичні науки* : зб. наук. праць. Херсон, 2003. Вип. 11. С. 11—24.

21. *Куліков В. О.* Земська аграрна статистика Харківської губернії в другій половині XIX — на початку XX ст. (переписи селянських та поміщицьких господарств) // *Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Історія*. Харків, 2003. Вип. 35 (594). С. 169—179.

22. *Куліков В. О.* Земська аграрна статистика Харківської губернії кінця XIX — початку XX ст. (бюджетні обстеження селянських господарств, епізодична й поточна статистика) // *Вісн. Харків. нац. ун-ту ім. В. Н. Каразіна. Історія*. Харків, 2004. Вип. 36 (633). С. 289—298.

23. *Петров О. О.* Праці земських статистиків як джерела суспільної та історичної думки другої половини XIX — початку XX ст. // *Історіографічні та джерелознавчі проблеми історії України* : зб. наук. праць. Дніпропетровськ, 2004. С. 36—43.

24. *Герінбург О. В.* Еміграційні процеси кінця XIX — початку XX ст. в Херсонській губернії за працями земських статистиків // Український селянин : зб. наук. праць. Черкаси, 2008. Вип. 11. С. 51—54.
25. *Крилова А. М.* Земські статистичні публікації як джерело дослідження землеволодіння етнічних та соціальних груп Північного Приазов'я // Наук. праці іст. фак-ту Запорізького держ. ун-ту. Запоріжжя, 2010. Вип. XXVIII. С. 446—451.
26. *Крилова А. М.* Описово-статистичні документи земського обслідування Мелітопольського повіту 1912 року як джерело до вивчення землеволодіння окремих населених пунктів // Наук. записки : зб. праць молодих вчених та аспірантів. Київ, 2009. Т. 18. С. 79—90.
27. *Макієнко О. А.* Документаційне забезпечення статистичних досліджень у земських установах України (друга половина XIX — початок XX ст.) // Іст. архів. наук. студії : зб. наук. праць. Миколаїв, 2011. Вип. 6. С. 125—131.
28. *Русов А. А.* Областное начало в земской статистике // Степ: Херсонський белетристичний збірник. СПб., 1886. С. 351—391.
29. *Свавицкий Н. А.* Земские подворные переписи (обзор методологии). М., 1961. 556 с.
30. Третья подворно-хозяйственная земская перепись в Полтавской губернии 1910 года. Золотоношский уезд / стат. бюро Полтав. губ. земства. Полтава, 1913. XXXI+276+29 с.
31. *Герінбург О. В.* Вивчення земськими лікарями Херсонської губернії медико-санітарного стану сільськогосподарських працівників // Наук. праці іст. фак-ту Запорізького держ. ун-ту. Запоріжжя, 2010. Вип. XXVIII. С. 74—78.
32. *Григорьев В. Н.* Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. : в 2 вып. М., 1926—1927.
33. Список изданий статистического бюро Полтавского губернского земства (1881—1916). Полтава, [1917]. 21 с.
34. Материалы для оценки земель Херсонской губернии : в 6 т. / сост. стат. отд. при Херсон. губ. земской управе. Т. 2 : Елисаветградский уезд (статистико-экономическое описание уезда). Херсон, 1886. III+547 с.
35. *Воронов В.* Земська статистика як джерело з історії України (кінець 1860-х рр. — 1917 р.) // Наук. записки : зб. праць молодих вчених та аспірантів. Київ-Хмельницький, 2002. Т. 8. Ч. II. С. 45—55.
36. Государственный архив Херсонской области. Ф. 5. Оп. 1. Д. 29. 58 л.
37. Херсонське повітове статистичне бюро, фонд № р-434: Опис № 1 справ постійного зберігання за 1916—1922 роки. Херсон, 2002.
38. *Макієнко О. А.* Колекції земських видань у бібліотечних збірниках державних архівів України: походження, склад, історична доля // Гуржіївські історичні читання : зб. наук. праць. Черкаси, 2011. Вип. 4. С. 51—54.
39. *Макієнко О.* Описи фондів земських установ у державних архівах України: історія створення й інформаційне значення // Іст. архів. наук. студії. Миколаїв, 2012. Вип. 8. С. 114—122.
40. *Шихов К. Л.* Земська добродійність на Катеринославщині 1866—1913 рр. (комп'ютерні технології обробки та аналізу джерел) : автореф. дис. ... канд. іст. наук: 07.00.06 / Дніпропетр. держ. ун-т. Дніпропетровськ, 2003. 18 с.

В. В. СЕРГЕЕНКОВА

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1860-х — 1870-е гг.: ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Характеризуется источниковая база по истории политики российского правительства в области начального образования во второй половине 1860-х — 1870-е гг. Автор определил основные виды источников (законодательные акты, материалы официального делопроизводства, статистические материалы, публицистика, периодическая печать, эпистолярные материалы, дневники и воспоминания) и проанализировал их.

Characterizes the sources on the history of the Russian government policy in the field of the primary education in the second half of the 1860—70's. The author defines and analyses the main types of sources (legislative acts, documents of the official clerical work, statistical materials, journalism, periodicals, epistolary materials, diaries and memoirs).

Ключевые слова: Министерство народного просвещения, начальное образование, политика российского правительства, законодательные акты, документы официального делопроизводства, статистические материалы, публицистика, периодическая печать, эпистолярные материалы, дневники и воспоминания.

Keywords: The Ministry of Public Education, primary education, policy of the Russian government, legislative acts, documents of the official clerical work, statistical materials, journalism, periodicals, epistolary materials, diaries and memoirs.

Важное место в истории пореформенной России в экономическом и социально-политическом отношениях занимают 1860—70-е гг. Учитывая сложившуюся расстановку сил в стране, правительство пошло на осуществление буржуазных преобразований, затронувших все стороны жизни российского общества. Все реформы проводились путем законо-

Сяргеенкава Вера Васільеўна — дацэнт кафедры гісторыі Расіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

дательных мероприятий, своего рода «революция сверху». Деятельность правительства в целом и Министерства народного просвещения (далее — МНП) в частности в области образования находилась в непосредственной связи с общей политикой и зависела от внутривластного положения в стране. Любые изменения обстановки в империи сказывались на политике в области образования, оказывали на нее влияние.

Источники по истории политики правительства в России в области начального образования в 1860—70-х гг. обширны и разнообразны. Их можно разделить на несколько видов: законодательные акты; материалы официального делопроизводства; статистические материалы; публицистика; периодическая печать; эпистолярные материалы; дневники и воспоминания.

Первую большую группу источников составляют законодательные акты правительства, такие, например, как законы об открытии в различных местностях России учительских семинарий и т. п. Сюда же примыкают различные положения об учебных заведениях [1]. Они определяли цели и задачи учебных заведений, их устройство, права и обязанности и являются важными и незаменимыми источниками при изучении правительственной политики в области начального образования.

К материалам законодательства следует отнести рескрипты. Так, рескрипт на имя председателя Комитета министров князя П. П. Гагарина от 13 мая 1866 г., появившийся после покушения Д. В. Каракозова на Александра II, фактически представлял собой охранительную программу деятельности правительства на многие годы [2]. Чрезвычайно важным является и рескрипт Александра II от 25 декабря 1873 г. на имя министра народного просвещения Д. А. Толстого, призвавший дворянство к охране начальных школ «от нравственного растления» [3].

К законодательным материалам примыкают нормативные правовые документы, к ним относятся различные циркуляры, инструкции и правила. Инструкции и правила являлись своего рода дополнениями, разъяснениями к уже имевшимся законодательным актам. Например, инструкции для двухклассных и одноклассных сельских училищ МНП, для инспекторов народных училищ, для учительских семинарий. Их пристальное изучение весьма важно при рассмотрении правительственной политики, так как подчас они содержали в себе статьи, значительно изменявшие действительное применение на практике изданных законов.

Циркуляры министра народного просвещения также разъясняли законодательные акты или административные распоряжения. Многие из

них были опубликованы в периодической печати. Часть циркуляров имела целью оградить начальные школы от проникновения в них революционных идей. Для того предусматривалось усилить контроль за воспитанниками учительских семинарий и учителями. Нередко подобного рода циркуляры секретно рассылались по учебным округам. Таковы секретные циркуляры министра народного просвещения от 16 апреля и 14 мая 1877 г. попечителям учебных округов о контроле за воспитанниками учительских семинарий [4].

Значительная часть законодательных материалов за 1866—1880 гг. опубликована в «Полном собрании законов Российской империи» (далее — ПСЗ РИ) и в «Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения» [5]. Правда, отдельные постановления правительства, не касавшиеся непосредственно учебных заведений, не вошли в «Сборник», а некоторые законодательные материалы по ведомству МНП отсутствуют в ПСЗ РИ. Далее в ПСЗ РИ приводится лишь окончательный текст того или иного законодательного акта. В «Сборнике» же почти всегда имеется официальная документация по данному вопросу. Ввиду этого оба издания, ПСЗ РИ и «Сборник», взаимно дополняют друг друга. Часть законодательных материалов опубликована в «Сборнике распоряжений по Министерству народного просвещения» [6].

Многие материалы законодательства хранятся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге (далее — РГИА) в фондах Департамента МНП и Ученого комитета МНП [7].

Таким образом, все материалы законодательного характера представляют собой узаконенные нормы, в которых определяется официальная политика правительства. Следует внимательно подходить к анализу этих законодательных актов, учитывая, что в них зафиксированы законодательные нормы, которые необходимо сопоставлять с материалами, свидетельствующими об их реализации на практике. Вместе с тем без изучения данного вида источников невозможно исследовать деятельность правительства по начальному образованию.

Второй вид источников составляют материалы официального делопроизводства. К ним прежде всего следует отнести отчеты министра народного просвещения, обер-прокурора Святейшего Синода, попечителей учебных округов, директоров и инспекторов народных училищ.

Всеподданнейшие отчеты о деятельности МНП составлялись ежегодно. В них за каждый год давался обзор деятельности МНП, представлены материалы, характеризующие его позицию по начальному образованию и подготовке учителей, которая менялась в зависимости

от внутренней обстановки в стране. Важнейшей составной частью отчетов министра народного просвещения являются прилагаемые к ним статистические ведомости и таблицы. Они содержат сведения о числе школ и учащихся, а за некоторые годы — о социальном составе учащихся начальных народных училищ. Однако данные отчетов требуют внимательного анализа, так как они часто не совпадают между собой. Так, в отчете министра народного просвещения за 1877 г. числится 97 городских училищ, а в прилагаемой к нему сводной таблице — 99 [8]. В отчете за 1878 г. указано на наличие 13 932 учащихся в городских училищах, а в обзоре деятельности МНП за 1879—1881 гг. отмечается, что в них обучалось 13 882 учащихся [9]. Почти все статистические материалы в отчетах министра давались на 1 января следующего года. Так, если отчет за 1877 г., то число школ и учащихся показано на 1 января 1878 г. Это необходимо учитывать при сопоставлении различных статистических материалов.

Почти все отчеты министра народного просвещения опубликованы. Однако необходимо сверять между собой изданные отчеты и хранящиеся в РГИА, так как иногда важные материалы из последних не публиковались. Например, в отчете за 1872 г., хранящемся в РГИА в фонде Департамента МНП, имеются ценные данные, далеко неслучайно характеризующие деятельность духовенства в народном образовании. Однако они отсутствуют в опубликованном отчете за этот год.

Отчеты обер-прокурора Святейшего Синода вопросу школьного дела уделяли очень мало внимания и давали в основном только статистические сведения о числе церковно-приходских школ и учащихся в них. Эти цифровые данные были значительно преувеличены, что доказывается другими источниками. В силу этого отчеты обер-прокурора требуют к себе особенно критического отношения.

Следует также отметить отчеты министра народного просвещения по осмотру им различных учебных округов, отчеты попечителей учебных округов, инспекторов и директоров народных училищ. Все они хранятся в РГИА в фонде Департамента МНП. Данные отчеты характеризуются неточностью содержащихся в них сведений, нерегулярностью составления, путаницей в классификации начальных школ. Большой интерес представляют отчеты попечителей учебных округов. Это почти единственный источник, содержащий более или менее систематические сведения о социальном составе учащихся начальных народных, городских и уездных училищ, воспитанников правительственных учительских семинарий и земских учительских школ.

Ко второй группе источников официального делопроизводства относятся всеподданнейшие доклады, представления министра народного просвещения, проекты преобразований, составлявшиеся в МНП, которые подавались императору, в Государственный совет и другие высшие и центральные учреждения. В отличие от отчетов данные источники касались определенного конкретного вопроса. Они позволяют вскрыть процесс подготовки преобразований по начальным школам. Это особенно касается подготовки нового «Положения о начальных народных училищах» 1874 г. Подобные материалы интересны и в том плане, что на некоторых из них имеются пометки царя, которые отразили его отношение ко многим важным вопросам в области просвещения. Другие материалы из этой группы источников были опубликованы в 1860—70-х гг. отдельными изданиями или в периодических журналах. Большая же часть их находится в фонде Департамента МНП РГИА.

К третьей группе делопроизводственной документации относятся журналы заседаний Комитета министров, Государственного совета, Ученого комитета МНП, высочайше утвержденных комиссий и официальная переписка МНП.

Часть журналов заседаний или выписок из них Комитета министров, Государственного совета и Ученого комитета МНП опубликована в «Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения», некоторые вышли отдельными изданиями. Многие из этих материалов хранятся в РГИА в фондах Департамента народного просвещения, Ученого комитета, в личном фонде министра народного просвещения А. В. Головнина. Они позволяют восстановить ход подготовки преобразований в области просвещения, определить позиции различных группировок правящих слоев по отношению к ним. Наиболее полными являются журналы заседаний Государственного совета и Ученого комитета.

К этой же группе относится переписка МНП с другими государственными учреждениями, с попечителями учебных округов. Эта переписка касалась вопросов об освобождении учителей от рекрутской повинности, об увеличении числа инспекторов народных училищ. Особенно интересна и важна для изучения политики правительства в области образования обширная, почти ежедневная переписка между МНП и МВД, III отделением и попечителями учебных округов о распространении революционных идей через начальные школы и в учительских семинариях, о пропагандистской деятельности учителей.

В отдельную, четвертую, группу материалов официального делопроизводства автором выделены формулярные списки чинов МНП (ми-

нистров, инспекторов и директоров народных училищ), сохранившиеся в РГИА в фонде Департамента народного просвещения. Сюда же относятся и ежегодно издававшиеся по распоряжению МНП списки лиц, служивших в нем.

Формулярные списки составлялись на каждое лицо и содержат следующие данные: имя, отчество и фамилия, возраст, вероисповедание, сословное происхождение, образование (с указанием, какое учебное заведение окончил), имущественное положение, где, когда и кем проходил службу, полученные награды и пр. При анализе формулярных списков инспекторов и директоров народных училищ интересны сведения об их подготовленности к исполнению возложенных на них обязанностей, их социальном происхождении и имущественном положении.

Ежегодно издававшиеся списки лиц, служивших по ведомству МНП, содержат в себе данные о должностях и чинах этих лиц с указанием, когда они приступили к исполнению тех или иных обязанностей. Они интересны для анализа численности инспекторов и директоров народных училищ и их сменяемости.

Все материалы официального делопроизводства отличаются определенной тенденциозностью, и это требует соответствующего к ним критического отношения.

Третий вид источников составляют статистические материалы. Для материалов правительственной статистики по начальному образованию, которые издавались главным образом Центральным статистическим комитетом, характерна неполнота и неточность сведений, нецелостный охват всех школ Российской империи, отсутствие фактических данных о разделении школ на различные категории и о социальном составе учащихся в них. Вместе с тем статистические материалы являются незаменимыми источниками при изучении начального образования.

В одном из первых изданий Центрального статистического комитета имеются данные о числе училищ и учащихся по учебным округам за 1863 г. [10]. В «Статистическом временнике» за 1879 г. содержатся материалы за 1872—1874 гг. о числе учебных заведений и учащихся в них в Европейской России по всем ведомствам и учреждениям, которым подчинялись начальные школы [11]. Это более детальная работа, но относительно нее сам комитет откровенно признавал: «...дать точные сведения о всех школах, при ныне существующей системе статистических записей, нет возможности» [11]. Заслуживает также внимания единовременное статистическое исследование, проведенное 20 марта 1880 г. [12]. Его материалы касаются 60 губерний Европейской России. Это

издание особенно ценно тем, что в нем содержатся данные о социальном составе учащихся и учителей начальных школ.

К статистическим материалам следует отнести «Памятную книжку Министерства народного просвещения на 1865 г.» [13], сборник, составленный офицерами Генерального штаба и имеющий сведения о школах различных ведомств за 1868—1870 гг. [14], а также карту народного образования в России за 1876 г., разработанную в 1877 г. по распоряжению министра народного просвещения [15].

К статистическим материалам примыкают и ежегодно издававшиеся сметы доходов и расходов МНП. Они содержат сведения не только об ассигнованиях на образование по ведомству просвещения в целом и по отдельным категориям учебных заведений, но и данные об израсходованных на это средствах.

Все сведения по школьной статистике не отличаются достаточной полнотой, точностью и достоверностью. В основе их лежали не научно проверенные данные, а донесения местной учебной администрации. Однако они важны и необходимы для воссоздания динамики развития начальных школ.

Отдельный вид источников составляет публицистика, к которой следует отнести различного рода проекты, не имевшие официального характера: работы известного общественного деятеля и публициста А. И. Кошелева, педагога Н. А. Корфа, земского деятеля либерально-помещичьего направления А. Васильчикова и других. В них нашли свое отражение взгляды на организацию начального обучения в России, участия в нем государства, церкви, сельских обществ и земств, на проблему материального обеспечения начальных школ и т. п. Они с разных сторон освещают различные вопросы начального образования в России и позволяют глубже проникнуть в суть проблемы.

В периодической печати статьи журналов и газет не только содержат факты, рассказывают о правительственных мероприятиях, но и содержат общественные отклики на них, освещающие события с разных сторон. Они позволяют выяснить взгляды современников на важные явления тех лет, проследить происходившие в них изменения под влиянием внутрисполитического положения в стране, показать борьбу мнений.

Для характеристики официальной позиции в деле начального образования важными являются «Журнал Министерства народного просвещения», газета «Правительственный вестник».

Во главе консервативно-охранительных органов печати стояли «Московские ведомости», издававшиеся в те годы М. Н. Катковым. Авторы на

их страницах выступали против революционного движения, против всего нового в русской общественной жизни. Особенно важны передовые статьи газеты, автором большинства которых являлся сам М. Н. Катков.

Крайне правым органом дворянско-крепостнической оппозиции являлась издававшаяся в 1863—1870 гг. В. Д. Скарятиним газета «Весть». Она выступала за усиление роли дворянства, защищала принцип сословности в образовании, враждебно относилась к реформам 1860-х гг., стояла за передачу начального образования в руки духовенства.

Интересны и материалы газеты «Русский», выходившей в 1867—1868 гг. в Москве под редакцией историка М. П. Погодина. Ему принадлежала большая часть публицистических материалов газеты. Погодин в целом издавал газету в духе официальной идеологии, он поддерживал реформы и считал необходимым их продолжение в целом и в области образования народа, в частности.

Газета «Новое время», выходившая в Санкт-Петербурге с 1868 г., до 1876 г. была бесцветной консервативной газетой. С переходом в феврале 1876 г. в руки А. С. Суворина она приобрела умеренно-либеральный характер. Но уже с 1877 г. А. С. Суворин резко изменил ее курс, и с конца 1870-х гг. она была беспринципной газетой, услужливо подстраивавшейся под курс правительственной политики.

Из либеральных органов печати для изучения общественного мнения по вопросам начального образования ценность представляют газета «Голос», журнал «Вестник Европы» и др.

«Голос», издававшийся с 1863 г. А. А. Краевским, являлся вначале органом либеральной демократии. В 1870-х гг. он изменил свое направление, в нем стала проследиваться некоторая оппозиционность. Продолжая пропагандировать постепенность реформ, она выступала в защиту всеобщего школьного образования.

Журнал «Вестник Европы», выходивший с 1866 г. и издателем-редактором которого был М. М. Стасюлевич, являлся органом умеренного буржуазного либерализма. Он выступал за осуществление реформ, превративших бы Россию в конституционно-монархическое государство. Значительное место на своих страницах журнал уделял вопросам народного образования.

Политическая и литературная газета «Неделя» начала выходить в 1866 г. С 1868 г., когда к участию в ней были привлечены писатели и публицисты демократического лагеря, она получила умеренно радикальное направление. В 1870-х гг. она являлась органом, отстаивавшим определенные народнические идеи, и была связана с революционным под-

польем. Газета рассматривала крестьянскую общину как зародыш социализма и призвала интеллигенцию к слиянию с народом. Немало внимания газета уделяла вопросам начального образования.

Одним из прогрессивных органов того времени являлся журнал «Дело» Г. Е. Благосветлова. Он фактически был продолжением закрытого в 1866 г. журнала «Русское слово». Основой идеологической программы «Дела» была защита демократических идеалов 1860-х гг. при заметном влиянии идеологии народников.

Самым демократическим органом печати того времени был журнал «Отечественные записки». В числе его редакторов были Н. А. Некрасов, М. Е. Щедрин. «Отечественные записки» объединяли передовые демократические силы России на основе борьбы против остатков крепостничества во всех сферах экономики, политики, идеологии, против угнетения, политической реакции. С 1867 г. журнал разделялся на два отдела. В первом печатались художественные произведения, статьи по вопросам науки и искусства. Во втором, называвшемся «Современное обозрение», публиковались критико-библиографические и публицистические заметки и статьи, распределявшиеся по отдельным рубрикам. В нем рубрику «Внутреннее обозрение», богатую фактическими данными, в том числе и о народном образовании, вел до 1879 г. Г. З. Елисеев. Это было одно из лучших демократических изданий XIX в. наряду с «Современником».

Отдельные мнения и суждения о начальном образовании высказывались и в революционном органе печати — «Колоколе» А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

Разнообразие взглядов, мнений, решений, выдвигаемых периодическими органами, помогает разобраться в сущности политики правительства в области начального образования.

Пятый вид источников составляют неопубликованные эпистолярные материалы из фондов М. Н. Каткова, К. П. Победоносцева Отдела рукописей Российской государственной библиотеки [16]. Представляет большой интерес частная переписка редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова, председателя Ученого комитета МНП А. И. Георгиевского, К. П. Победоносцева, Д. А. Толстого, чиновника МНП Б. М. Маркевича. Эпистолярные материалы содержат в себе много ценных сведений и деталей о закулисной стороне правительственной деятельности, отсутствующих в других источниках.

Важны для изучения темы как опубликованные дневники и воспоминания государственных деятелей, так и хранящиеся в архивах.

Дневник П. А. Валуева (министра внутренних дел в 1861—1868 гг., министра государственных имуществ в 1872—1879 гг.) охватывает 1861—1876 гг. [17]. Автор дневника выражал интересы консервативного дворянства. Вместе с тем в целях сохранения незыблемости самодержавного строя он сознавал необходимость определенных уступок и поэтому поддерживал реформы, проводимые Александром II. В дневнике П. А. Валуев не просто констатировал вопросы, рассматривавшиеся в различных высших учреждениях, но пытался показать закулисную сторону этих обсуждений, вскрыть разногласия внутри правящего лагеря, дал характеристику отдельным лицам.

Воспоминания А. В. Головнина (министра народного просвещения с декабря 1861 г. по апрель 1866 г.) написаны от третьего лица и охватывают события 1860—70-х гг. Частично воспоминания А. В. Головнина были опубликованы в 1990-х гг., а в полном объеме они хранятся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки и в РГИА [18]. Они посвящены различным вопросам правительственной политики того периода, в том числе и в области начального образования. Сам А. В. Головнин был человеком умеренно-либеральных взглядов, близко стоявшим к великому князю Константину Николаевичу. В своих записках он использовал материалы личной переписки с разными лицами, многочисленные документы из своего архива. Ценность его воспоминаний снижается тем, что после увольнения с поста министра народного просвещения А. В. Головнин являлся лишь членом Государственного совета, не принимал непосредственного участия в правительственной деятельности. Поэтому почти все факты, сообщаемые в записках, он заимствовал со слов различных лиц. Кроме того, следует учитывать, что по характеру А. В. Головнин был человеком очень честолюбивым и желчным, вследствие чего многие его оценки и характеристики весьма пристрастны. Это требует особо критического отношения к его воспоминаниям.

Важное место занимает дневник Д. А. Милютина [19], крупного государственного и военного деятеля, человека незаурядного, широко образованного, военного министра с 1861 по 1881 г. Политические взгляды Д. А. Милютина характеризовались умеренным либерализмом. Он являлся сторонником буржуазных преобразований в рамках самодержавного строя и противником феодально-крепостнической системы. Д. А. Милютин отрицательно относился к революционному движению, был убежденным монархистом. В дневнике, охватывающем 1873—1882 гг., он сообщает много интересных фактов государственной жизни

ни, излагает внутривластительские события, раскрывающие закулисную сторону жизни придворных и властительственных сфер.

Представляют также интерес для изучения властительственной политики в области начального образования записи из дневников и воспоминаний, относящиеся к 1866—1880 гг., ряда государственных и общественных деятелей: А. А. Киреева, В. П. Мещерского, А. В. Никитенко, Е. М. Феоктистова, Ф. В. Чижова, Б. Н. Чичерина, П. Д. Шестакова [20].

При работе с дневниками и мемуарной литературой учитывалось, что субъективность и индивидуальность внутренне, органически присущи им. Это определялось общественным положением авторов, их личностью и взглядами.

Таким образом, источниковую базу по изучению властительственной политики в области начального образования составляют разнообразные источники: законодательные акты, официальное делопроизводство, статистические материалы, публицистика, периодическая печать, эпистолярные, дневники и мемуары. Только при совокупном изучении различных видов источников, при их доскональном анализе и сопоставлении можно достаточно объективно вскрыть сущность политики правительства в области начального образования в 1860—70-х гг. При этом следует использовать различные методы работы с источниками.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Об учреждении учительских семинарий в Санкт-Петербургском, Московском, Казанском, Харьковском и Одесском учебных округах. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета, объявленное Сенату министром народного просвещения. Мая 24 [1871 г.] // ПСЗ РИ. 2-е собр. : в 55 т. Т. XLVI. Спб., 1874. № 49656. С. 732—733; Положение 1874 г. о начальных народных училищах в связи с инструкцией инспекторам 1871 г., проектом наказа училищным советам и некоторыми другими законоположениями. Спб., 1901. 166 с.; Положение об учительских семинариях. 1872 г. // СР по МНП. Т. 5. Спб., 1881. № 145. Стб. 397—403 и др.

2. О главных началах, которыми должны руководствоваться министры и главноуправляющие отдельными частями при управлении вверенными им ведомствами. Высочайший рескрипт, данный на имя председателя Комитета министров, действительного тайного советника князя Гагарина, объявленный Сенату министром юстиции 14 мая. 13 мая [1866 г.] // ПСЗ РИ. 2-е собр. : в 55 т. Т. XLI. Спб., 1868. № 43298. С. 547—549.

3. Высочайший рескрипт, данный на имя министра народного просвещения Д. А. Толстого. 25 декабря 1873 г. // Правительственный вестник. 1873. 27 дек.

4. РГИА. Ф. 733. Департамент народного просвещения. Оп. 170. Д. 1048. Л. 1—19, 26—29.

5. ПСЗ РИ. 2-е собр.: в 55 т. Т. III. № 2502; Т. XXXIX. № 40457, 41068; Т. XLI. № 43298; Т. XLIII. № 45486, 45752; Т. XLIV. № 47131, 47148; Т. XLIV. № 47807, 47980, 48147, 48318, 48406, 48955, 49061; Т. XLVI. № 49656, 49987, 50052, 50279, 50293, 50373; Т. XLVII. № 50438, 50659, 50771, 50909, 51040, 51377, 51628, 51647; Т. XLVIII. № 52144, 52145, 52769, 52780; Т. XLIX. № 52983, 53285, 53574, 54061, 54122, 54145, 54222; Т. L. № 54354, 5566, 54802, 55141, 55185, 55248, 55278, 55281, 55283, 555353; Т. LI. № 55859, 56776; Т. LII. № 57012, 57237; Т. LIII. № 58943; Т. LIV. № 59532, 59634, 59674; Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. IV. 1865—1870. Спб., 1871. 1752, 144 стб., 44 с., 36, 40 стб.; Т. V. 1871—1873. Спб., 1877. 2258 стб.; Т. VI. 1874—1876. Спб., 1878. 1830 стб., 59 с., 40, 44 стб.; Т. VII. Спб., 1883. 2294 стб., 63 с., 76 стб.
6. СР по МНП. Т. 4. 1865—1879. Спб., 1874. 996 стб., 25 с., 36 стб.; Т. 5. 1871—1873. Спб., 1881. 1322 стб., 73 с., 32 стб.; Т. 6. 1874—1876. Спб., 1901. 1698 стб.; Т. 7. 1877—1879. Спб., 1905. 1354 стб.
7. РГИА. Ф. 733. Департамент народного просвещения; Ф. 734. Учен. комитет М-ва народного просвещения.
8. Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения за 1877 год // Журн. М-ва народного просвещения. 1879. Ч. CCV. № 10. С. 125; Ч. CCVI. № 12. С. 117.
9. РГИА. Ф. 733. Оп. 117. Д. 68. Л. 311; Обзор деятельности Министерства народного просвещения за 1879, 1880 и 1881 годы. (Извлечение из всеподданнейшего отчета министра народного просвещения). Спб., 1887. С. 432—433.
10. Статистический временник Российской империи. Вып. I. Спб., 1866.
11. Статистический временник Российской империи. Сер. II. Вып. 16. Спб., 1879.
12. Статистический временник Российской империи. Сер. III. Вып. I. Спб., 1884.
13. Памятная книжка Министерства народного просвещения на 1865 год. Спб., 1865. 584, 32 с.
14. Военно-статистический сборник. Вып. IV. Россия / под общ. ред. Н. Н. Обручева. Спб., 1871. 922, 235 с.
15. Попов А. Объяснительный текст к карте народного образования в России. 1876 год. Спб., 1880. 169 с.
16. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 120. Катков М. Н.; Ф. 169. Милютин Д. А.; Ф. 230. Победоносцев К. П.
17. Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. Т. 1. 1861—1864. М., 1961. 422 с.; Т. 2. 1865—1876. М., 1961. 588 с.
18. Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 208. А. В. Головин. Д. 3, 4; РГИА. Ф. 851. Головин Александр Васильевич. Оп. I. Д. 5—9.
19. Дневник Д. А. Милютина. Т. 1. 1873—1875. М., 1947. 256 с.; Т. 2. 1876—1877. 292 с.; Т. 3. 1878—1880. М., 1950. 326 с.; Т. 4. М., 1950. 204 с.
20. ОР РГБ. Ф. 126. Киреевы и Новиковы, Александр и Владимир Алексеевичи, Ольга Алексеевна (по мужу Новикова). П. 3—8; Ф. 332. Чижов Ф. В.; *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. Ч. 2. (1865—1881 гг.). Спб., 1898; *Никитенко А. В.* Дневник. Т. 3. 1866—1877. М., 1956; Воспоминания Е. М. Феоктистова. За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Л., 1929.

С. Н. ТЕМУШЕВ

МИНИАТЮРЫ РАДЗИВИЛЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ КАК ИСТОЧНИК ПО ПРОБЛЕМЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАЛОГОВО-ДАНИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Источником получения дополнительной информации о функционировании налогово-даннической системы Древней Руси домонгольского периода послужили миниатюры Радзивилловской летописи. На 18 летописных миниатюрах отражен сюжет взимания дани-контрибуции, дани-налогов и дара. Миниатюры представляют начальный этап складывания фискальной системы Древнерусского государства, позволяют уточнить содержание взимаемой дани, прояснить некоторые искаженные фрагменты летописного текста.

In this article as the object of the study is miniatures of Radziwill Chronicle, which serve as a source of additional information on the functioning of taxes-tributary of Ancient Rus pre-Mongol period. The plot of levying tribute-contribution, tributes-taxes and the donative directly reflected by 18 miniatures of chronicle. Miniatures quite fully represent the initial stage of folding of the fiscal system of the Old Russian state. The study of this specific source allows to clarify the content of the levied tribute: detectable in the text indication of the collection of taxes in furs could mean the cash equivalent. In addition, the miniatures can clear up some distorted fragments of the text of the chronicle.

Ключевые слова: книжная миниатюра, Радзивилловская летопись, налоги, дань-контрибуция, дар, фискальная система, «черные куницы», «белые веверицы», гривны.

Keywords: Miniature book, Radziwill chronicle, taxes, tribute-contribution, donative, fiscal system, «chernyye kunitsy» (peltry), «belye veveritsy», hryvnia.

Миниатюры древнерусских летописей имеют солидную историографию [37, с. 6]. И хотя монографических исследований, предметом которых стало бы рассмотрение летописных миниатюр как историче-

ских источников, появилось немного, этот вид источников с разной степенью полноты учитывается во многих работах, посвященных тому или иному аспекту истории Древней Руси, прежде всего развитию древнерусского искусства.

Миниатюры, названные А. В. Арциховским «окнами, сквозь которые можно смотреть на исчезнувший мир Древней Руси» [8, с. 4], были подвергнуты обстоятельной внешней и внутренней критике. И если в историографии XIX — начала XX в. господствовало мнение о небольшом значении для восточнославянской истории [27, с. 8], то в последующем отношение к миниатюрам меняется. Важный вывод исследователей советского периода состоял в том, что изображения различных событий древнерусской истории в миниатюрах точно соответствуют археологическим материалам X—XII вв. [22, с. 189]. «Реабилитация» древнерусских миниатюр выразилась в более пристальном внимании к ним исследователей истории Древней Руси. О. Н. Подобедова пришла к выводу, что наряду с выяснением эволюции социально-исторических представлений и изучением материальной культуры «миниатюры как таковые могут служить источником известий о конкретных исторических событиях» [19, с. 34]. Работы советских историков отклонили мнение о заимствованном характере древнерусских миниатюр, более того, изучение этих источников привело к выводу, что миниатюристы были отдаленно знакомы с западноевропейской культурой [36, с. 283].

Некоторые затронутые А. В. Арциховским сюжеты получили дальнейшую разработку в трудах советских и современных исследователей. Тематика их работ, основанных на анализе данных древнерусских книжных миниатюр, разнообразна: изображение музыкальных инструментов (М. Г. Рабинович, Н. Н. Розов) и знамен (М. Г. Рабинович), сельскохозяйственных орудий (А. Д. Горский), купцов (А. Л. Хорошкевич), «санитарного быта и народного врачевания» (Н. А. Богоявленский), доспехов и оружия (А. Н. Кирпичников), животных (Я. С. Лурье, О. В. Белова, А. В. Чернецов, В. П. Данильченко, А. П. Толочко) [35], различных исторических персонажей (Н. Н. Розов, А. В. Чернецов, Ю. А. Грибов), проявлений смеховой культуры (С. В. Сазонов), архитектуры (М. И. Мильчик, Т. Д. Панова, Н. Ю. Маркина, О. Г. Ульянова, С. С. Подьяпольский) и др. В книжных миниатюрах нашли отражение история естественных научных представлений (Р. А. Симонов, Л. М. Костюхина), язычества и суеверий (А. В. Чернецов) [37, с. 413—445], события военной и политической истории (Б. А. Рыбаков [24], Б. В. Сапунов [25], А. И. Рогов [21]).

Следует отметить, что для реконструкции политической истории Древней Руси книжные миниатюры используются реже, чем при изучении материальной культуры. Миниатюры заключают в себе значительный информационный потенциал, раскрытый еще совершенно недостаточно. Можно отметить удачную попытку белорусского исследователя А. В. Мартынюка рассмотреть особенности восприятия Золотой Орды в русском обществе и образ правителей ВКЛ на основе анализа миниатюр лицевого свода Ивана Грозного [15—17]. Значительный информационный потенциал заложен в миниатюрах и по проблеме функционирования налогово-даннической системы Древней Руси. В целом мнение А. В. Арциховского, высказанное около 70 лет назад, о том, что древнерусские миниатюры находятся вне внимания историков [8, с. 3], уже не соответствует действительности.

Из немногочисленных лицевых, т. е. снабженных миниатюрами, древнерусских рукописей, сохранившихся до наших дней, наибольшую ценность для реконструкции различных сторон истории русского Средневековья представляет Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись. Филигранные на листах позволяют довольно точно определить время составления памятника — конец XV в. (после 1494 г.) [18, с. 543]. Остаются нерешенными вопросы о месте создания летописи (Новгород [27, с. 50], Смоленск [23, с. 280, 281], Москва, Владимир-Волынский [18], Кирилло-Белозерский монастырь [11]), ее источниках и времени создания протографов миниатюр. Высказано предположение, что собственно Радзивилловская летопись является копией более ранних сводов (возможно, двух, отличающихся характером, миниатюр или же одного лицевого свода 1206 г.) [23, с. 280, 281] или оригинальным произведением, созданным в результате творческой переработки нескольких иллюминированных летописей [20, с. 80—86].

В. И. Сизов считал, что над иллюстрациями Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи работали трое мастеров [27, с. 46, 47], после исследования М. И. Артамонова [7, с. 3—27] утвердилось мнение о создании миниатюр Радзивилловской летописи двумя художниками. Манера исполнения ими миниатюр была различной: если для первого мастера (миниатюры до л. 194) [36, с. 275] характерны архаизм форм и композиции, использование некоторого количества шаблонных форм, то рисунки второго отличаются размашистостью, бойкостью, живостью передачи движения, «они производят впечатление небрежных набросков, однако более грамотно нарисованных и более реалистичных...» [7, с. 5—9]. При этом второй мастер, редактируя работу первого, заклеивал размещенные

не на своем месте миниатюры первого мастера, нанося поверх свои рисунки. В любом случае в своей ученической и архаичной манере первый художник в большей степени следовал раннему оригиналу [36, с. 275]. Важно, что именно первым мастером-изографом выполнены миниатюры, иллюстрирующие функционирование налогово-даннической системы Древней Руси. Следовательно, эти миниатюры с большой долей вероятности повторяют изображения, присутствовавшие в летописном своде начала XIII в. (Владимирском лицевом своде 1212 г.) [23, с. 300].

Миниатюры Радзивилловской летописи, в которых отражено функционирование налогово-даннической системы Древней Руси (около двух десятков иллюстраций), до настоящего времени не были предметом специального исследования, но некоторые наблюдения были сделаны. Так, В. И. Сизов обратил внимание на головные уборы и одежду персонажей, приносящих дань, кроме того, выделил сцены выплаты слитками серебра, т. е. гривнами [27, с. 20, 22, 25, 26, 45]. Кондаков, предполагавший заимствованный (из греческих оригиналов) характер большинства миниатюр Радзивилловской летописи, отнес изображения с данью мехами (л. 5) и «рублями-гривнами» (л. 35 об.) к числу «характерно-русских» [10, с. 123]. В межвоенный период специальное исследование миниатюрам Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи посвятил М. И. Артамонов, который предположил, что изображение на л. 8 было приспособлено к испорченному тексту, вследствие чего на миниатюре, иллюстрирующей сбор дани по «беле веверице», появилось несколько женщин [7, с. 10]. В исследовании миниатюр, осуществленном А. В. Арциховским, были затронуты и сюжеты приношения налогов-дани. Ученый считал, что эти миниатюры принадлежали первому мастеру (из двух), который наиболее точно копировал древние образцы. А. В. Арциховский отметил присутствующие в миниатюрах со сценами взимания дани гривны (л. 46) [8, с. 13] и проанализировал значение элементов пейзажа на ряде из них [8, с. 14]. Ценным является наблюдение историка об изображении приношения в качестве дани мехов даже в тех случаях, когда в тексте характер собираемой дани не описывается. Таким образом, для позднейшего иллюстратора (или его предшественника, стоявшего ближе к иллюстрируемым событиям) этот вид дани представлялся естественным [8, с. 25].

Значительное внимание уделил источниковедческим проблемам летописных миниатюр советский историк Б. А. Рыбаков. Ученый принял мнение О. И. Подобедовой о копировании на широкий формат листа Радзивилловской летописи миниатюр узкого формата, рассчитанных на

ширину одного столбца. Поэтому художник XV в. мог механически соединять два различных рисунка в один [20, с. 55—62]. Б. А. Рыбаков учитывает вероятность «сдваивания» рисунков в связи со стремлением художника показать динамику развития одного события [22, с. 190]. Однако применительно к миниатюрам, иллюстрирующим ранний этап складывания налогово-даннической системы, историк разделяет мнение О. И. Подобедовой, указывая на искусственное и нелогичное соединение в миниатюрах о наложении дани на подчиненные Олегом племена (л. 11 об.) нескольких сюжетов [22, с. 199]. По-видимому, в этом случае имела место демонстрация развернутого во времени сюжета: покорения, признания власти и, как следствие этого, выплаты дани.

Таким образом, миниатюры, отражающие «данническую» тематику, хотя отмечались исследователями, но не были выделены в особый комплекс и не получили обстоятельного анализа.

Приступая к анализу миниатюр, сюжетно связанных с функционированием налогово-даннической системы Древней Руси, необходимо отметить определенную статичность в отображении взаимоотношений населения и власти на протяжении всего домонгольского периода. Хотя налогово-данническая система претерпела определенную эволюцию, изменилось содержание налогов-дани или окладной единицы [26], сам характер взаимоотношений. Так, со временем необязательным становится личное присутствие фигуры, олицетворяющей верховную власть, хотя дань (в том числе и в Новгородской боярской «республике») продолжают собирать на имя князя. Первоначально отношения приносящей и принимающей стороны могли рассматриваться как отношения равных (дар требует возмещения по принципу «do ut des»): выполняемая вождем общественно важная работа получала возмещение через дары, подношения [31, с. 110]. Летописные миниатюры (как и текст) представляют отношения принимающей и дающей сторон в стандартной форме господства и подчинения. На иллюстрациях присутствует фигура, олицетворяющая власть (князь на столе-престоле), с характерным жестом принятия подношений (полусогнутые в локте руки; открытые ладони, обращенные вверх). Напротив в подобострастной позе стилизованно изображаются представители племени, народа, населения города и т. п., приносящие дань (дар, подати). Их спины склонены в знак покорности, руки полусогнуты (в жесте подаяния, отдачи чего-либо), в них может помещаться сама дань (чаще всего — меха).

Начальный этап складывания налогово-даннической системы Древней Руси иллюстрируют три миниатюры (л. 8 и две на л. 11об.). Под

859 г. в летописи содержится сообщение о разделе территории расселения славян в Восточной Европе между варягами и хазарами: «Имаху дань варязи из замория в чюди, на словенех, на мерях и на всех кривичех. А козаре имаху на полах, и на севере, и на вятичех, имаху по беле и девечи от дыма» [6, с. 16]. Иллюстрирующая эту ситуацию миниатюра состоит из двух частей. С правой стороны от рисунка помещена подпись: «Имаху варязи дань». В этом случае художник стремится отразить не динамику событий, а ситуацию во всей полноте — приношение дани и варягам, и хазарам. Как представляется, подпись к рисунку относится ко всей миниатюре, а не к правой ее части. С правой стороны показано приношение дани хазарам, а с левой — варягам. Следует отметить наблюдение Д. С. Лихачева о том, что миниатюры необходимо «читать» в том же направлении, что и текст: «временная последовательность в миниатюре, если она охватывает несколько событий, также слева направо, то есть более ранние события изображаются слева, более поздние — справа» [13, с. 33]. На такое распределение двух частей миниатюры указывают и архитектура (каменная крепость с двускатной крышей присутствует и на других рисунках, изображающих хазарскую власть, см., напр., л. 7 об., верх), и наличие четырех фигур, приносящих дань (они олицетворяют четыре «племени» — словене, кривичи, чудь, меря). Иных признаков, которые позволили бы отнести крайнюю правую или левую фигуры к хазарам или варягам, на рассматриваемой миниатюре нет. Так, на рисунке на л. 7 об. хазарский правитель изображен в коротком платье, на рисунке на л. 34 (верх) хазарин в головном уборе с заостренным (а не закругленным, как у русских князей) верхом. Это схематичная иллюстрация призвана показать данническую покорность.

По мнению же М. И. Артамонова, на левой части миниатюры на л. 8 изображен данник с беличьей шкуркой и девицами, стоящими перед хазарским каганом. Решая проблему соотношения этого изображения с текстом, ученый, опровергая мнение А. А. Шахматова [38, с. 30], указывает, что «содержание миниатюры приспособлено к испорченному тексту, а не текст испорчен вследствие влияния миниатюры» [7, с. 10]. Этот вывод поддержал и Д. С. Лихачев, предположивший, что описка «девени» вместо «веверици» имелась уже в тексте оригинала Радзивилловского списка (начала XIII в.) [14, с. 428].

По-видимому, именно рисунок повлиял на изменение текста составителем летописного свода конца XV в. Для летописца конца позднего Средневековья выражение «имажу по белеи веверице от дыма» [2, стб. 19; в Ипатьевском списке: «имажу по белеи веверици тако от дыма».

1, стб.; 14, в интерпретации издателя Повести временных лет: «по беле и веверице от дыма». 4, с. 12.; позднее Д. С. Лихачев признал правильным написание «по белей веверице», предполагая сбор дани шкурками зимней, белой белки. 14, с. 157] было непонятным, и, сообразуясь с изображением протографа, он его переосмыслил. Слово «бела» («белка») было обычным для обозначения мелкого пушного зверька и его меха в XV в. (по письменным источникам известно с XII в.) [28, с. 130, 133, 134], слово «веверица» же если и не выпало из лексикона русского населения Северо-Восточной Руси ко времени образования Российского государства [29, стб. 477], то превратилось в архаизм [определение-прилагательное «белая», означавшее зимнего, белого зверька (зимний мех, как более прочный, больше ценился), рано вытеснило существительное «веверица» и само приняло суффикс существительного «белка». 14, с. 157.]. Но в любом случае в понимании книжника конца XV в. в одной фразе не могло присутствовать два синонимичных понятия (белка, бела и веверица). Показательно уточнение, сделанное в поздней Никоновской летописи (в недатированной части): «О Варязехъ. Имаху дань Варязи, приходящее изъ заморіа, на Словенехъ, рекше на Новгородсехъ, и на Мешерехъ, и на Кривичехъ отъ мужа по беле и веверици. О Казарехъ. А Казари имаху дань на Полянехъ, и на Северянехъ, и на Вятичахъ по беле, рекше по векше, съ дыма» [3, с. 8]. Составитель Радзивилловского свода оказался менее эрудированным и непонятую фразу переосмыслил, сообразуясь с визуальным образом. Ни в одном другом списке Повести временных лет подобное прочтение («по беле и девеци») не встречается [9].

Однако нет уверенности в том, что в левой части миниатюры на л. 8 помещен хазарский каган, так же как и в изображении напротив этой фигуры данника именно с «девицами». Безбородые и безусые лица вовсе не являются свидетельством принадлежности данных персонажей к женскому полу. С такими лицами в Радзивилловской летописи изображались молодые мужчины (ср. л. 11 об., 42 об., 46 об. — юноши участвуют в жребии; л. 67 об. — безбородые мужчины «рубят» город), представители младшей дружины (на множестве изображений, см., напр., л. 67; на профессиональный статус указывают доспехи или наличие меча), младшие по статусу персонажи (на л. 9 — Аскольд и Дир перед Рюриком) и, на что следует обратить внимание, — представители иноэтничных (неславянских) племен. Так, на тематически близком и расположенном недалеко от рассматриваемой миниатюры рисунке на л. 5, принадлежавшем тому же художнику, обнаруживаются представители различных

народов («языщев»), которые дают дань Руси, среди них — фигура молодого человека, напоминающего мнимую «девицу» с л. 8. Бесспорно, на левой части миниатюры на л. 8 изображены представители четырех «племен» — словен, кривичей, чуди и мери, приносящих дань варягам.

А. В. Арциховский отмечал последовательное соблюдение строгого отношения к властной («феодальной») иерархии, к статусу и знакам достоинства представителей власти различных уровней [8, с. 28—30]. О. И. Подобедова отмечала, что в Лицевом летописном своде миниатюры показывают, «на основе каких прав («по отчине и дедине»), на основании какой документации («ханский ярлык») и с поддержкой каких слоев населения (бояре, воины) сел на престол великий князь владимирский или московский» [20, с. 319]. Эти наблюдения ценны и при анализе отражения в миниатюрах становления налогового-даннической системы. Как составитель летописи в тексте, так и художник через миниатюры намеренно акцентировали внимание на обстоятельствах и причинах возникновения даннической зависимости. В качестве таковых во всех случаях называется (в том числе и изобразительными средствами) завоевание.

Возложение дани (со временем трансформирующейся в регулярные выплаты — налоги) в результате завоевания иллюстрируют семь миниатюр, шесть из них относятся к начальному этапу становления налогового-даннической системы Древней Руси (л. 8, две на л. 11 об., л. 20 об., л. 34 об., л. 46, л. 164), одна показывает наложение внешних обязательств в форме выплаты дани-контрибуции (л. 164). Миниатюры почти шаблонно передают ситуацию подчинения: во всех случаях князь сидит на престоле, принимая приношения от представителей разных «племен». Но есть и отличия, как на миниатюре (на л. 8), показывающей выплату дани (по «белеи веверице») [2, стб. 19] славянскими и финскими племенами Восточной Европы внешним завоевателям, так и на других миниатюрах указанием на факт завоевания служит меч, придерживаемый князем у левого бедра. Непосредственно начальный этап складывания налогового-даннической системы нашел отражение в двух миниатюрах, относящихся к первым годам правления Олега в Киеве. Согласно летописи на следующий год после захвата Киева Олег «поча воевати» на «деревляны», «и примучивъ а, и имаше на них дань по черне куне» [6, с. 17]. В 884 г. Олег «победи северяны» и «възложи на нь легку, не даи имъ козаром дани платити» [6, с. 18]. Иллюстрирующие эти события миниатюры (на л. 11 об.), несмотря на шаблонность, несколько отличаются друг от друга. Так, миниатюра, расположенная на л. 11 об. сверху, состоит из двух частей. В композиции слева фигура князя на столе, к которо-

му обращается группа правителей (на их статус указывают шапки с меховой оторочкой), справа — к князю обращаются двое без головных уборов, в качестве дани предлагается горшочек. На расположенной ниже миниатюре к князю, изображенному в позе с жестом благосклонного принятия приношений (полусогнутые в локте руки), обращены три фигуры, размещенные на равном расстоянии слева направо. В руках двух ближайших к князю фигур находятся дары («горшочек» и «короб»). По предположению Б. А. Рыбакова, в этом случае присутствует ошибочное объединение двух тематически различных миниатюр двухколонного оригинала в широкоформатной копии. Левая половина миниатюры не соотносится с окружающим ее текстом, поскольку изображает трех князей в княжеских шапках, подносящих сидящему на стolyце Олегу меч. Расположенная на том же листе ниже миниатюра показывает, как «простые древляне и радимичи несут новому киевскому князю горшочки с медом и коробы». Место этой миниатюры, считал Б. А. Рыбаков, — перед выше расположенными рисунками [22, с. 198, 199]. Скорее всего, такое понимание содержания миниатюр ошибочно. Помещенная ниже на л. 11об. миниатюра иллюстрирует приношение радимичами «лёгкой дани». Верхняя же миниатюра, состоящая из двух частей, дает развернутый сюжет: сначала правители древлян изъявляют покорность князю Олегу, а затем представители этого племени приносят дань. Возможно, миниатюра дополняет информацию летописи, указывая на мирное подчинение древлян киевскому князю. На такую интерпретацию содержания рассмотренных миниатюр наталкивают и последующие изображения с покорением Киевом соседних племен. Не исключено, что иллюстратору летописи могли быть известны другие версии события, нежели те, что были изложены в тексте [14, с. 426, 427].

Особого внимания требует миниатюра на л. 34, правая половина которой, по мнению А. В. Арциховского, изображает первую встречу вятичей с князем Святославом [8, с. 15]. Рассматривая изображение, ученый делает интересное наблюдение, связанное с последовательным (выявлено 4 случая) соединением вятичей с изображением леса (в виде нескольких зеленых и красных деревьев, а в случае с миниатюрой на л. 34 — зеленого, обведенного волнистой чертой фона за фигурами представителей племени вятичей). Поскольку в сопровождающем тексте упоминаний о лесе нет, то следует предположить, что оригиналы данных рисунков были созданы в те времена, когда земля вятичей ассоциировалась с лесными пространствами [8, с. 14, 15]. Однако общая интерпретация А. В. Арциховского миниатюры на л. 34 представляет-

ся ошибочной. Прежде всего обращает на себя внимание разное изображение правителя на престоле («стольце») — в правой и левой частях миниатюры должен быть Святослав Игоревич. Хотя тематически эти два рисунка между собой не связаны (на левом князь отправляет своих людей «ко странам» с посланием: «Хощю на вы ити») [6, с. 33], но их должен объединять герой повествования — киевский князь Святослав. Чаще всего он изображается в коротком платье: таков он на миниатюре на л. 31 (в юности) и на л. 37, 38 об. (в зрелом возрасте). И на миниатюре л. 34 слева помещен Святослав. А на рисунке справа продемонстрировано приношение дани вятичами хазарскому кагану.

Сюжет с подчинением вятичей продолжает миниатюра на л. 34 об. Ее сопровождает лаконичная запись под 966 г. «Победи Святославъ вятичи и дань на них възложи» [6, с. 33]. В целом изображение шаблонно, за исключением перекрытия значительного пространства деревьями, которые показали особенность расположения страны вятичей. Под 981 г. летопись сообщает о повторном подчинении вятичей, на этот раз киевским князем Владимиром Святославичем: «Вятичи победи, и възложи на нь дань от плуга, якоже отець имаше» [6, с. 40]. Иллюстрирующая текст миниатюра (л. 46) повторяет предыдущие, только деревья решены в несколько иной художественной манере. Важным является изменившееся содержание дани (ранее — нечто в коробе, теперь — гривны).

В результате завоевания вынуждены выполнять даннические обязательства и расположенные на периферии Древней Руси народы. Так, под 1130 г. в летописи рассказывается об отправке киевским князем Мстиславом Владимировичем своих сыновей на чудь, «и взяша их, и дань на нихъ възложиша» [6, с. 107]. На расположенной ниже миниатюре (л. 164) изображен один из сыновей киевского князя, сидящий на «стольце» и принимающий дань от представителей финно-угорского народа чудь. Ранее было обращено внимание на реалистичность изображения этой «народности». Три фигуры отличаются небольшим ростом, оригинальны их головные уборы («нечто вроде капора») и одежда в целом (изготовлена из меха или мехом подбита) [27, с. 25, 26]. На особенность мест проживания чуди указывают деревья на правой стороне миниатюры. Отличается своеобразием и характер приносимой дани — наряду с традиционной пушниной и мелкое рогатое животное (баран?) [8, с. 25].

Типологически близок к рассмотренной группе миниатюр рисунок к недатированному введению (на л. 5). Миниатюра имеет подпись: «Розные языки дань дают Руси». Выше расположен перечень балтских

и финских народов, находящихся в даннической зависимости от Руси (видимо, на момент создания Повести временных лет). В целом композицию миниатюры на л. 5 следует отнести к шаблонным. Принципиальным отличием является присутствие за спиной князя воина (в доспехах, со щитом в левой руке, с непокрытой головой). Д. С. Лихачев предположил, что это молодой безбородый писец, записывающий дань на листе [13, с. 32]. По-видимому, предпочтительнее видеть в этой фигуре не писца (в левой руке — не лист пергамента, а вполне определенно щит; такой же виден, например, на л. 73), а представителя дружины. В данном случае имеет место указание на роль дружинной организации в сборе налогов-дани. Именно представителям младшей дружины поручался сбор дани с подвластного населения и с периферийных племен [33].

Таким образом, в миниатюрах Радзивилловской летописи довольно полно представлен важнейший путь формирования даннической зависимости вследствие завоевания. Другой путь — трансформация добровольных приношений, даров, в том числе и оговоренных в особом договоре-«ряде» [39, с. 13] — почти не показан в иллюстративном материале. Сюжет даров-подношений населения князю отражен только в одной миниатюре на л. 199 об. Эта миниатюра примечательна тем, что значительно расширяет информацию летописного текста («Тогда же пришедше новгородци ко Гургеву, пояша у него сына Мстислава собе князя») [6, с. 127]. Текст только сообщает о приглашении новгородцами на княжение Мстислава Юрьевича под 1154 г., миниатюра же показывает развернутый сюжет представления князю посадником (?) иностранного посла или купца и подношения князю даров. На то, что это именно дары, а не дань, указывают непринужденные позы дарителей и само содержание подношений — некий сосуд и ритуальное полотенце. Ситуация приношения даров неоднократно демонстрировалась художником на страницах Радзивилловской летописи в связи с обстоятельствами русско-византийских отношений. В миниатюрах нашли отражение приношения даров греками Олегу (л. 15 об. верх; текст под 907 г.) [6, с. 20], Игорю (л. 23 низ; текст под 944 г.) [6, с. 25], Ольге (л. 32; текст под 955 г.) [6, с. 31], Святославу (л. 38, 38 об. — верх и низ, 39; текст под 971 г.) [6, с. 36]. На них позы приносящих дары в большинстве случаев (есть исключения) не демонстрируют унижение и покорность (спины выпрямлены, жесты свободны). Отличительной особенностью является своеобразие платьев, головных уборов греков и приносимых ими даров (отчасти напоявших В. И. Сизову немецкие образцы) [27, с. 22].

Особенно своеобразна одежда греков на миниатюрах л. 15 об. и л. 32, показательны и «свободные» позы, и жесты приносящих дары. Контрастом по отношению к этим миниатюрам выглядит изображение (л. 34 об. низ.) приношения греками дани-контрибуции Святославу (текст под 967 г.: «и одоле Святославъ болгары, и взя городовъ по Дунаю 80, и седе княжа ту в Переяславци, емля дань на грецехъ») [6, с. 33]. Присутствует тот же шаблон, который применялся для демонстрации даннической зависимости на миниатюрах, показывающих подчинение киевским князьям славянских «племен»: те же позы унижения и покорности, отсутствуют черты своеобразия во внешнем виде греков, хотя в облике князя Святослава присутствуют явные индивидуальные черты. Содержание приносимых греками даров принципиально отличается от даннических выплат внутреннего характера: никогда не встречаются меха, редко гривны (л. 32), в основном драгоценные сосуды (как исключение — меч, что связано с приведенной в летописи легендой о подношении греками Святославу оружия). В целом хотя художник и отличает дань, переходящую в регулярный налог, и дань-контрибуцию от дара, все же в общей композиции можно обнаружить значительное сходство. На всех рассмотренных миниатюрах одинаково показана принимающая дани и дары сторона: это персонифицированная власть, правитель, восседающий на столе-престоле; напротив (слева или справа) располагается дающая сторона, представленная всегда стоящими фигурами (как правило, в позе смирения, покорности). Стоит отметить одну из миниатюр, иллюстрирующую события междоусобицы 1096 года: Олег Святославич захватил Муромскую и Ростовскую земли, «и посажа посадники по городомъ, и дани поча брати» [6, с. 94]. При этом миниатюра (л. 136) в подробностях повторяет привычный шаблон: дань приносится именно князю, сидящему на «столице».

Среди миниатюр Радзивилловской летописи удалось обнаружить изображение, на котором в ситуации выплаты дани-контрибуции показаны как равные стороны принимающая и дающая. На л. 174 об. проиллюстрирован эпизод междоусобной войны между киевским князем Всеволодом Ольговичем и Владимирком Володаревичем Галицким (под 1144 г.). Галицкий князь вынужден был признать превосходство киевского правителя и выплатить контрибуцию в 1200 гривен серебром [6, с. 112]. На миниатюре запечатлены два князя, сидящие на престолах напротив друг друга; рядом с киевским князем изображен стол, на котором разложены гривны. Художник в соответствии с привычным шаблоном изобразил равных по статусу лиц, но одна из сторон выплачивает

контрибуцию, ее нужно было как-то обозначить. Поэтому за спиной галицкого князя мастер поместил фигуру в традиционной позе покорности с соответствующим жестом (руки полусогнуты в локтях).

Рассматривая проблему содержания даннических выплат, нужно согласиться, что язык миниатюр требовал некоторой формализации и стабильности «знаковой системы» [13, с. 33]. Однако не во всех случаях, как считал Д. С. Лихачев, дань на миниатюрах была представлена только мехами, которые выступали в качестве условного обозначения уплаты дани. Если при иллюстрировании подношения даров обнаруживается значительное разнообразие предметов дара (почти нет повторов в рисунках), то внутренняя дань в большинстве случаев обозначается именно мехами (л. 5, 8, 20 об., 136, 164). Но кроме мехов в качестве дани на миниатюрах изображены: горшочек (дважды — на л. 8 и л. 11 об. верх, в 1-м случае наряду с мехами), сосуд в виде потира (л. 11 об. низ), короб (дважды — вместе с сосудом на л. 11 об. низ и на л. 34 об. верх), гривны новгородского типа (л. 46), гривны киевского типа (л. 174 об.) и баран (наряду с мехами — л. 164). Отметим, что горшочек и короб сами по себе не являются данью — это емкость для чего-то, вполне вероятно, для монет. Именно это предположили комментаторы миниатюр Радзивилловской летописи [12, с. 305]. Возможно также, что горшочки должны были указывать на мед, а коробки — на ткани. Кроме того, художник мог изобразить горшочки или коробки, не зная или не понимая, в чем конкретно заключалась выплата дани. В ряде случаев содержание дани прямо указано в тексте (например: в тексте дань «по беле и девечи», а на миниатюре — меха и горшочек; в тексте дань «по черне куне», а в руках данника — горшочек). Можно предположить, что в данном случае художник (несомненно, начала XIII в.) знал, что под «белыми веверицами» и «черными куницами» на самом деле подразумевается их денежный эквивалент, поэтому и изобразил горшочки, в которых находились монеты (для раннего периода — это арабские дирхемы). Как бы то ни было, необходимо учитывать, что чаще всего в отображении ранней восточнославянской истории в миниатюрах проявляется взгляд современника событий второй половины XII — начала XIII в. Это справедливо для иллюстрации функционирования налогово-даннической системы Древней Руси, особенно ее раннего этапа. Художник не знает не только точного содержания выплачиваемой дани (в денежном или натуральном виде), но и способа сбора дани (специальными лицами — представителями княжеской администрации, в ходе полюдья или в специальные пункты — погосты и т. д.).

В миниатюрах нашли отражение несомненные реалии первых веков существования Древнерусского государства. На выплату дани гривнами обратил внимание А. В. Арциховский, отметивший, что поскольку для XV в. денежные гривны были уже явлением «археологическим», то их точное отображение на миниатюрах является еще одним доказательством давности создания оригиналов рисунков [8, с. 14]. Соответствует домонгольскому периоду древнерусской истории и выплата дани мехами. Дань мехами подвластным населением Восточной Европы для периода IX—X вв. прослеживается по данным источников [34], кроме сообщений русских летописей, можно отметить свидетельство очевидца описываемых явлений — арабского путешественника Ибн Фадлана [5, с. 78]. Сами шкурки пушных животных (куниц) и способ их связки (в т. н. «круглый бунт») [8, с. 25] довольно точно отображены на миниатюрах.

В целом изучение миниатюр Радзивилловской летописи позволило прийти к следующим выводам:

1. В Радзивилловской летописи содержится 18 миниатюр (из 618), непосредственно отражающих функционирование налогово-даннической системы домонгольского периода Древней Руси. Обращает на себя внимание близость и даже тождественность изображений в летописи подношения даров, принятия дани-контрибуции и взимания налогов-дани. Во всех случаях на миниатюрах присутствует характерная композиция (князь на столе-престоле, пришедшие к нему люди в позах покорности и смирения).

2. В миниатюрах нашел отражение первоначальный этап складывания налогово-даннической системы Древней Руси. Обнаруживаются оба пути зарождения государственного фиска — от добровольных даров-подношений и через эволюцию дани-контрибуции [32].

3. В полной мере подтверждается сделанное Д. С. Лихачевым наблюдение, что в летописных миниатюрах «события чаще живописно “назывались”, чем описывались, поэтому они могли быть переданы более или менее условно одинаковыми приемами» [13, с. 28]. Взимание дани-налогов показывается почти во всех случаях однотипно: изображение фигур и поз принимающей и приносящей дани-налоги (дары) сторон передается одинаково, может меняться только «интерьер» и содержание приносимой дани. В некоторых случаях выбранный стереотипный прием передачи функционирования налогово-даннической системы в Радзивилловской летописи не соответствует тексту.

4. Изучение миниатюр позволяет прояснить темное место в тексте летописи о взимании варягами дани с «северной конфедерации племен»

«по беле и девечи от дыма». Это — явное искажение летописного выражения «по белеи веверице», читаемое в других списках Повести временных лет. Появление этого искажения непосредственно связано с обратным воздействием миниатюры на летописный текст (а не наоборот, как предполагал М. И. Артамонов).

5. Миниатюры позволяют уточнить содержание выплачиваемой дани или собираемых налогов (понятия смешиваются), при этом проясняются некоторые остававшиеся непонятными места в тексте. Так, наиболее частым является приношение дани в виде шкурок пушных зверей (л. 5, 8, 20 об., 136, 164). Но, что показательно, иллюстрирующая текст выплаты дани по «черне куне» миниатюра (11 об.) не содержит стандартной связки шкурок. Интерпретаторы миниатюры усмотрели в подношениях древлян князю Олегу монеты [12, с. 305] (на иллюстрации отчетливо изображен глиняный горшок). По-видимому, на миниатюре отображена выплата дани восточнославянскими союзами племен в денежном эквиваленте меховых шкурок [30].

6. Обращает на себя внимание особенность миниатюр, отражающих функционирование налогово-даннической системы домонгольской Руси. На всех миниатюрах подчиненные «племена» приносят дань именно князю, даже если это прямо противоречит тексту (л. 136: «посадники по городом дани поча брати»). Так, в представлении и составителя текста летописи, и изографа князь является единственным возможным адресатом дани [33].

7. Не следует преувеличивать значение миниатюр для реконструкции древнейших этапов функционирования налогово-даннических отношений в Древней Руси. Миниатюры, созданные в начале XIII в. (и скопированные или творчески переработанные в конце XV в.), отражали реалии времени. Так, средневековый художник не знал полюдья или сбора дани в погосты. Подчиненные «племена» в знак покорности приносили дань князю, сидевшему, как правило, в стольном городе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ипатьевская летопись // Полн. собр. русских летописей. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2001. Т. II. 648 с.
2. Лаврентьевская летопись // Полн. собр. русских летописей. 2-е изд. М. : Языки славянской культуры, 2001. Т. I. 496 с.
3. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полн. собр. русских летописей. М. : Языки русской культуры, 2000. Т. IX. 288 с.

4. Повесть временных лет / подгот. текста, пер. и коммент. Д. С. Лихачева ; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Наука, 1996. 668 с.
5. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и коммент. А. П. Ковалевского; под ред. И. Ю. Крачковского. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1939. 242 с.
6. Радзивилловская летопись // Полн. собр. русских летописей. Л. : Наука, Ленинград. отд.-е, 1989. Т. 38. 178 с.
7. Артамонов М. И. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи // Изв. Гос. акад. истории материальной культуры. Т. X. Вып. 1. 1931. С. 1—28.
8. Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М. : Изд-во МГУ, 1944. 215 с.
9. Каштанов С. М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени : сб. ст. к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М. : Наука, 2003. С. 57—71.
10. Кондаков Н. П. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи // Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1902. Т. II : Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. С. 115—127.
11. Кукушкина М. В. К вопросу о происхождении Радзивилловской летописи в списке XV в. // Тр. отд. древнерус. лит.-ры. 1996. Т. 50. С. 374—383.
12. Кукушкина М. В., Белоброва О. А., Амосов А. А., Сергеева И. Н. Описание миниатюр Радзивилловской летописи // Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб. : Глаголь; М. : Искусство, 1994. С. 304—397.
13. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М. : Наука, 1979. 303 с.
14. Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.). СПб. : Алетея, 2001. 759 с.
15. Мартынюк А. В. Миниатюра «Убийство Миндовга»: источник и интерпретация // Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы) / рэдкал. : А. А. Каваленя, А. К. Кулак (сустаршыні) [і інш.]. Мінск : Рыфтур, 2010. С. 106—109.
16. Мартынюк А. В. Правители Великого княжества Литовского в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века // Верховная власть, элита и общество в России XIV — первой половины XIX в. Вторая междунар. науч. конф. : тез. докл. М., 2009. С. 98—100.
17. Мартынюк А. В. Русь и Золотая Орда в миниатюрах Лицевого летописного свода // Российские и славянские исследования : сб. науч. ст. Минск, 2004. Вып. 1. С. 61—70.
18. Никитин А. Л. О Радзивилловской летописи // Герменевтика древнерусской литературы / отв. ред. М. Ю. Люстров. М. : Языки славянской культуры ; Прогресс-традиция, 2004. Вып. 11. С. 526—557.
19. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. Из истории русского лицевого летописания XIII—XVI веков : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М. : Ин-т археологии АН СССР, 1961. 35 с.
20. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М. : Наука, 1965. 334 с.
21. Рогов А. И. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Дранг нах остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М. : Наука, 1967. С. 32—58.
22. Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1984. 240 с.

23. Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X—XII веков // Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб. : Глаголь ; М. : Искусство, 1994. С. 280—301.
24. Рыбаков Б. А. Борьба за суздальское наследство в 1174—1176 гг. (по материалам Радзивилловской летописи) // Средневековая Русь. М. : Наука, 1976. С. 89—101.
25. Сапунов Б. В. Миниатюры Радзивилловской летописи о походе Игоря на половцев // Книга в России XVI — середины XIX в. Материалы и исследования : сб. науч. тр. Л. : Наука, 1990. С. 11—27.
26. Свердлов М. Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье / под ред. Л. В. Черепнина. М. : Наука, 1978. С. 144—150.
27. Сизов В. И. Миниатюры Кенигсбергской летописи (Археологический этюд) // Изв. отд. рус. яз. и словесности императорской Акад. наук. 1905 г. Т. X. Кн. 1. С. 1—50.
28. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1 (А—Б). М. : Наука, 1975. 371 с.
29. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. : Тип. императорской Акад. наук, 1893. Т. I. 1365 стб.
30. Темушев С. Н. «Белая веверица от дыма»: к вопросу о предыстории формирования налогово-даннических отношений в Древней Руси // Весн. БДУ. Сер. 3. 2011. № 1. С. 21—26.
31. Темушев С. Н. Налогово-данническая система древнерусского государства: современное понимание проблемы // Российские и славянские исследования : науч. сб. / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2007. Вып. 2. С. 106—112.
32. Темушев С. Н. Начальный этап складывания налогово-даннической системы Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М. : ИВИ РАН, 2012. С. 274—280.
33. Темушев С. Н. Осуществление функции сбора налогов-дани в домонгольской Руси: круг должностных лиц государственного фиска // Studia Historica Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. Минск : РИВШ, 2012. Вып. 4. С. 9—46.
34. Темушев С. Н. Опыт прочтения летописного известия о дани восточных славян хазарам // Працы гіст. фак-та БДУ : навук. зб. / рэдкал. : У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2010. Вып. 5. С. 324—332.
35. Толочко А. П. Прорисовки зверей к миниатюрам Радзивилловской летописи и проблема происхождения рукописи // Ruthenica: [Зб. навуковых праць]. 2005. Т. 4. С. 62—84.
36. Чернецов А. В. К изучению Радзивилловской летописи // Тр. отд. древнерус. лит.-ры. XXXVI. Л. : Наука, 1981. С. 274—288.
37. Черный В. Д. Русская средневековая книжная миниатюра: Направления, проблемы и методы. М. : РОССПЭН, 2004. 592 с.
38. Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской, летописи // Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись. Т. II: Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1902. С. 18—114.
39. Янин В. Л. Средневековый Новгород : очерки археологии и истории. М. : Наука, 2004. 416 с.

О. В. БРИГАДИНА

ОТ СОВЕТСКОГО К ПОСТСОВЕТСКОМУ ЭТАПУ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПРАВОЗАЩИТНОГО ДВИЖЕНИЯ В СССР: СМЕНА ПАРАДИГМ (1980-е гг. — начало XXI в.)

Анализируются историографические традиции изучения правозащитного движения в СССР в 1980—1991 гг. и на постсоветском этапе. Определены основные тенденции, концептуальные оценки в контексте глобальных перемен в обществе и в исторической науке. Акцентируется внимание на переходе от периода накопления информации к ее объективному научному анализу и обобщению.

This article the historiographical tradition of studying the human rights movement in the Soviet Union in 1980—1991 and in the post-Soviet stage is analyzed. It identifies the key trends, conceptual evaluation in the context of global changes in society and in historical science. Attention is focused on the transition from the period of accumulation of information to its objective scientific analysis and synthesis.

Ключевые слова: диссиденты, инакомыслие, правозащитное движение, антисоветская агитация, политзаключенные, репрессивная политика, эмиграция.

Keywords: dissidents, dissent, human rights movement, anti-Soviet propaganda, political prisoners, repressive policies, emigration.

Правозащитное движение — часть диссидентского движения в СССР, внимание которого было сконцентрировано прежде всего на защите гражданских прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией СССР, вне зависимости от их принадлежности к каким-либо соци-

альным, национальным группам. Под правозащитной деятельностью главным образом понималась деятельность, направленная в защиту прав других людей высказывать собственное мнение и жить по своему усмотрению, даже если это мнение и этот образ жизни не совпадают с мнениями и образом жизни самих правозащитников [8, с. 10].

Историографической традиции изучения правозащитного движения в СССР еще требуется пройти долгий путь до своего окончательного формирования. При советской власти правозащитное движение не признавалось в качестве темы исторического исследования, работы, носящие более или менее объективный характер, начали появляться лишь во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. За этот период наметились основные направления развития данной отрасли научного знания.

Советский период (1980—1991 гг.). Отличительной чертой первого этапа является наличие в историографии правозащитного движения двух самостоятельных ветвей: официальной и альтернативной [27]. Классическим произведением представителей первой ветви может считаться книга Н. Н. Яковлева [51]. Данная работа в большом объеме содержит выдержки из публикаций западных авторов, цитаты из статей и речей американских государственных деятелей, чиновников, представителей ЦРУ, ФБР и АНБ. В книге присутствуют только те свидетельства и документы, которые преследуют поставленную цель — любыми средствами дискредитировать диссидентское движение в СССР как чужеродное явление, проникшее в Советский Союз исключительно благодаря деятельности ЦРУ. Н. Н. Яковлев выступает против самого понятия «движение» по отношению к диссидентам. «На деле “движения”-то нет, а было бесперебойное сочинение разного рода клеветнических материалов». Внутренние причины, породившие инакомыслие в СССР, полностью игнорируются автором. С презрением говорится и о правах человека, а их поборники относятся автором к авангарду подрывной работы. «Операция “Права человека” была задумана в недрах ЦРУ, наверняка получила благословение свыше» [51, с. 185].

По Н. Н. Яковлеву, концепция подрывной деятельности правозащитников выглядит следующим образом: ЦРУ ведет психологическую войну против СССР, советские диссиденты добиваются отмены идеологического контроля над обществом, что, по мнению автора, является примерно одним и тем же. Следовательно, инакомыслящие являются подручными американской разведки. Высказывая мнение о том, что все правозащитники так или иначе связаны с ЦРУ, он не приводит никаких фактов, подтверждающих акт вербовки кого-либо из инакомыслящих

агентами американских спецслужб. Имена А. И. Солженицына, А. Д. Сахарова, Ю. Ф. Орлова, В. Б. Буковского, А. А. Синявского, Ю. Н. Галанскова, Л. А. Алексеевой и других сопровождаются оскорбительными дефинициями: Солженицын, по мнению Н. Н. Яковлева, — это «графоман», «человек с определенно преступной психологией», «верный слуга ЦРУ», «идеолог фашизма», Буковский является «матерым преступником», «уголовником», Гинзбург — «лоботрясом с непомерно развитым апломбом и претензиями», «тунеядцем», «рецидивистом». А. Д. Сахаров же представляет собой «продавшегося», «страдающего политической маниловщиной простака» [51, с. 239, 255, 300, 301, 345].

К труду Н. Н. Яковлева концептуально примыкает публицистическая работа А. О. Белова и А. А. Шилкина «Диверсии без динамита». Она посвящена «деятельности разведывательных центров империалистических держав, ведущих подрывную работу против Советского Союза». В ней рассказывается, «как, прикрываясь религией, используя некоторые церковные организации за рубежом, западные реакционные круги проводят идеологические диверсии» [13, с. 15]. Авторами предпринималась попытка под видом разоблачения антисоветской психологической войны Запада нанести удар по церковным диссидентам в Советском Союзе и поддерживающим их правозащитникам. А. О. Белов и А. А. Шилкин считали, что церковь пользуется полной свободой и никаких ограничений со стороны советской власти по отношению к религиозным культам не существует. Церковные диссиденты, по убеждению авторов, преследуют свои меркантильные цели, так как в СССР отсутствуют объективные причины для возникновения инакомыслия. В целом для работы характерна достаточно тенденциозная подборка материалов, преследующая цель изобразить инакомыслящих как антиобщественных элементов, презираемых советским обществом.

Статья С. Н. Цвигуна, заместителя председателя КГБ [47], информативна с точки зрения изучения взглядов властей на сущность движения за права человека. Исследуя ее, можно также оценить уровень аргументации своей позиции, который присутствовал в заочной полемике представителей государственного аппарата с правозащитниками.

Альтернативную точку зрения представляет работа Л. А. Алексеевой, впервые изданная в Нью-Йорке в 1984 г. Л. А. Алексеева была первым российским историком, предпринявшим попытку систематизированного описания истории инакомыслия в СССР. В работе изложение материала начинается, по существу, со второй половины 1930-х годов, а заканчивается началом 1980-х. Автор детально проанализировала со-

держание и основные направления неконформистских движений в СССР — национального, религиозного и правозащитного. В разделе, посвященном правозащитникам, Алексеева подробно описывает все этапы их деятельности, репрессии властей. Внимание уделено не только Москве и Ленинграду, но также и региональным структурам правозащитников. На основании богатого фактического материала дается описание всем более-менее значительным событиям в сфере борьбы за права человека на протяжении примерно 20 лет.

В монографии Алексеевой решается ряд задач, имеющих принципиальное значение для понимания сущности, масштаба и результатов диссидентского движения. История инакомыслия характеризуется автором как совокупность различных по целям независимых общественных движений. Тем не менее «правомочно их описание как целостного явления благодаря общему для современного инакомыслия правозащитному характеру и принципиальному отказу от насильственных методов борьбы» [1, с. 25]. В целом монография Л. А. Алексеевой заложила основы современной историографии диссидентского движения. До сих пор эта научная работа остается наиболее полным, комплексным и документально обоснованным исследованием по данной теме.

Во второй половине 1980-х гг. в СССР начинается политика демократизации и гласности, связанная с именем генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. В результате изменений, произошедших в общественно-политической сфере, постепенно возрастает значение СМИ, развивается процесс переоценки ценностей, происходит ликвидация монополии КПСС. Проблема диссидентства стала одной из самых актуальных в практическом и научном плане. В официальной печати стала появляться информация об именах и событиях, связанных с правозащитной деятельностью, был поставлен вопрос о восстановлении справедливости в отношении незаконно репрессированных.

В исторической науке вопрос о роли диссидентского движения стал одним из наиболее сложных и дискуссионных. Позиции исследователей по отношению к нему были противоречивы: от оценок, крайне негативных до прямо противоположных, создающих из инакомыслящих образ героев и мучеников. Так, например, В. П. Соловьев и Е. М. Клепикова отмечали, что диссидентское движение в СССР — это «скорее все-таки западный миф, чем русская реальность» [45, с. 212]. Авторы считали, что «с советскими диссидентами произошла поистине трагическая метаморфоза: из живых людей они превратились в футбольный мяч, по которому ожесточенно лупили обе стороны, пока он не истрепался до такой

степени, что пришлось заменить новым — сначала Афганистаном, потом Польшей» [45, с. 300]. Подобную точку зрения вполне разделяла и Е. Ю. Зубкова. По ее мнению, в диссидентском движении преобладала нигилистическая направленность, разоблачительный пафос преобладал над позитивными идеями, что создало вокруг диссидентов атмосферу общественного вакуума, не дало ему получить поддержку широких слоев населения [24, с. 301]. С диаметрально противоположных позиций выступили прежде всего сами участники правозащитного движения Л. Д. Богораз и С. А. Ковалев, которые писали о том, что диссиденты были инициаторами и творцами радикальных преобразований в СССР [10]. Аналогичную точку зрения имеет и В. П. Белецкая [9]. В работе «Судьба и совесть», рассматривающей судьбу двух ученых-физиков — А. Д. Сахарова и Ю. Ф. Орлова, — диссиденты характеризуются уже не как враги народа, а как общественные герои.

Одним из заметных явлений в общественной жизни страны стал выпуск в 1988 г. сборника статей «Иного не дано» [26]. В книге затронут самый широкий спектр проблем: экономика, история, культура, идеология, политика. На страницах сборника представлены точки зрения многих известных ученых, писателей и публицистов. А. Д. Сахаров, показывая неизбежность перестройки, в качестве одной из главных причин переживаемого кризиса назвал «отсутствие плюрализма в структуре власти, в экономике (за исключением периода нэпа), в идеологии». Необходимую плюралистическую эволюцию общества, по мнению Сахарова, морально и психологически подготовили инакомыслящие, общественные движения, появившиеся еще в 1960-е гг. [4].

Заслуживает внимания и труд В. И. Чалидзе «Заря правовой реформы (апрель 1985 — июнь 1989)» [48], автор которого был одним из инициаторов создания Комитета прав человека. Это первая книга В. И. Чалидзе, вышедшая в советском издательстве. Дается обзор начального этапа перестройки, советского права и практики его применения в области прав человека. А. А. Амальрик включил в круг рассуждений следующие темы: освобождение политзаключенных, реальное состояние гласности, права пациентов психиатрических клиник, положение религии, свобода ассоциаций, свобода выезда, право на демонстрацию [2].

Среди документальных сборников можно выделить издание под названием «Миф о застое» [39]. В нем подборка материалов осуществлена по принципу контраста: читатель сравнивает речи Л. И. Брежнева с материалами, опубликованными в Хронике текущих событий, а также с воспоминаниями В. Б. Буковского и П. Г. Григоренко.

По схожей схеме скомпонован материал в сборнике «Диссиденты, 50/50. Опыт словаря нового мышления» [10] (вышел одновременно во Франции и СССР). Авторы Л. Д. Богораз, А. Ю. Даниэль и М. П. Окутурье анализируют проблему с точки зрения инакомыслящих и их оппонентов. Их статьи содержат в себе определения терминов «диссиденты» и «правозащитники». Авторы дают однозначно положительную оценку роли диссидентов в истории советского общества периода застоя.

В 1990 г. появилась статья М. М. Мейера по истории правозащитного движения в СССР [38], в которой был дан общий очерк борьбы правозащитников за соблюдение институтами власти гражданских прав.

Таким образом, на первом этапе своего развития историография правозащитного движения прошла эволюцию от литературы самиздата в первой половине 1980-х гг. до отмены цензуры и публикации ранее закрытых документов, появления воспоминаний участников правозащитного движения в конце десятилетия. Этот период можно назвать временем накопления данных о правозащитном и диссидентском движении.

Современный период (1991 г. — начало XXI в.). Второй этап историографии правозащитного движения в СССР наступил в начале 1990-х гг. В этот период объем публикуемых исследований по правозащитному движению значительно возрос. Над осмыслением сущности движения инакомыслящих в СССР начали работать авторские коллективы. Результатом усилий исследователей явилась коллективная монография «Наше отечество. Опыт политической истории», изданная под редакцией доктора исторических наук, профессора С. В. Кулешова [40]. В работе основное внимание уделено проблеме альтернативности общественного развития, истории политических движений, партий, организаций, институтов власти и управления, приведены конкретные примеры сопротивления политическому режиму.

В книге Т. А. Савахиной, М. Р. Зезиной «Апогей режима личной власти. “Оттепель”. Поворот к неосталинизму» [44] проанализированы стадии общественно-политических процессов в первые послевоенные десятилетия: от апогея режима личной власти И. В. Сталина и его кризиса через процессы десталинизации и зарождения диссидентского движения к усилению консервативных тенденций в общественно-политической жизни страны.

Опыт развития историографии правозащитного движения показал, что наиболее содержательными работами являются те, авторами которых выступают сами участники событий, но не как мемуаристы, а как историки и правоведы. Иллюстрацией к этому тезису может послужить

не только монография Л. А. Алексеевой, но и коллективная статья Л. Д. Богораз, В. А. Голицына и С. А. Ковалева [11]. Эта работа, состоящая из восьми разделов, затрагивает принципиальные вопросы о характере правозащитного движения, его правовой основе, целях, методах деятельности и результатах противостояния партийно-государственной власти. Основной упор авторы сделали на правозащитное движение, справедливо считая его центральным среди независимых общественных движений. На вопрос, поставленный в заголовке статьи, авторы однозначно отвечают, что правозащитное движение не было политической борьбой. Последовательно отстаивая тезис о неполитическом характере борьбы, Л. Д. Богораз, В. А. Голицын и С. А. Ковалев абсолютизируют его, заменяя политику моральной позицией участников нравственного сопротивления. Однако авторы все же признают, что, несмотря на категорическое неприятие политической борьбы, многие участники общественных движений не отрицали политического значения правозащитной деятельности. Важно было другое: чтобы принципы деятельности борцов за права человека (легальность, гласность, ненасильственные действия) отличались от методов политической борьбы. Очередная статья Л. Д. Богораз и А. Ю. Даниэля привлекает внимание исследователей тем, что она поднимает такие вопросы, как определение хронологических рамок, терминов, характера, а также влияния диссидентского движения на основную массу населения. По мнению авторов, численность репрессированных по политическим мотивам за период с 1957 по 1986 г. колеблется в рамках от 8 до 20 тыс. человек. [12, с. 142—161].

В монографии Р. А. Медведева разрабатывается проблема отношения власти к диссидентству. Особое внимание уделяется деятельности КГБ в период работы Ю. В. Андропова в качестве председателя. При этом подробно рассматриваются события в Чехословакии 1968 г. По мнению историка, диссидентское движение было порождено недостатками и пороками самого светского общества и государства, и «корни его идут еще из сталинских времен» [37, с. 201].

Среди публикаций постсоветского времени можно отметить работу Ю. Ф. Лукина [36]. В ней исследователь показывает особенности развития правозащитного движения в СССР, выдвигает мнение, что оно являлось духовно-нравственной оппозицией тоталитаризму.

В учебном пособии А. Б. Безбородова, М. М. Мейера, Е. И. Пивова-ра дается подборка наиболее важных документов по данной тематике, дающих достаточно четкое представление о событиях в общественной

жизни; содержится краткая характеристика каждого из этапов правозащитного движения. Авторы, отметив, что диссиденты — это люди, вступившие в открытый конфликт с официальными установками власти в различных сферах жизни, уверены, что «ядром диссидентского движения, полем пересечения интересов всех иных течений — политических, социально-культурных, национальных и религиозных — является правозащитное движение» [8, с. 54].

Значительный вклад в исследование истории инакомыслия в СССР внес А. А. Данилов, одним из первых в исторической науке подготовив монографию, раскрывающую процесс становления инакомыслия в стране за семидесятилетний период советской истории [21]. В работе впервые дается академическое определение таких терминов, как «инакомыслие» и «диссидентство», определены этапы движения инакомыслящих, его историческое значение. Автором также предложена краткая хроника основных событий движения.

Статья А. А. Королева [35] в сборнике «Социальные реформы в России» посвящена разработке проблемы взаимоотношений художественной интеллигенции и власти в 1950—70-е гг. В другой работе этого же автора внимание сконцентрировано на вопросах, не получивших еще должного освещения в научной литературе. Среди них вопросы о числе участников правозащитного движения, о роли и месте инакомыслия в церкви, о судьбе диссидентов, их участии в современных общественно-политических процессах. Обобщая известные источники, автор приводит следующие цифры о числе участников: с 1967 по 1970 г. предупреждение получили 58 238 человек, с 1970 по 1974 г. — 63 108. За 24 года действия статей 70-й и 190-1 УК РСФСР за антисоветскую агитацию и пропаганду было возбуждено 3600 дел. Вывод автора заключается в том, что диссидентское движение нельзя назвать массовым, но его влияние на перестроечные процессы не следует преуменьшать [34, с. 411].

В 1997 г. вышла в свет статья «Диссиденты о диссидентстве» [22], в которой авторы, участвовавшие в диссидентском движении, выражают свои мнения о концепции и характере диссидентства. Они не считали себя политическими деятелями, и, по их мнению, это движение было не партийным или классовым, а нравственным.

В монографии В. Н. Казьмина [30] анализируются проблемы инакомыслия, неформальные организации России. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1965 до 1996 г. Автор рассматривает правозащитное движение в СССР и неформалов в годы перестройки как предпосылки многопартийности в современной России.

Профессор А. Б. Безбородов, один из первых исследователей истории инакомыслия в Советском Союзе, проанализировал участие научно-технической интеллигенции в диссидентском движении. Представители науки наряду с художественной интеллигенцией составляли ядро диссидентского движения. Автор считает, что выделение академического диссидентства в самостоятельную тему вполне оправданно. Правозащитную деятельность ученых он рассматривает в тесной связи с процессами, происходившими в движении инакомыслящих в целом. Особо выделяется многогранная общественно-политическая деятельность А. Д. Сахарова, который был общепризнанным духовным лидером демократического движения в СССР. Итогом исследования является вывод о том, что нельзя переоценивать непосредственное влияние диссидентов на политические процессы, хотя было бы неверным и преуменьшать их роль, пусть и косвенную, в демонтаже системы [6; 7, с. 14].

Книга П. В. Вайля и А. Д. Гениса показывает духовный мир советского человека, прежде всего поколения «шестидесятников» [14]. Авторами создана яркая картина эпохи, начавшейся с XXII съезда партии в 1961 г. и продлившейся до 1968 г., когда были развеяны иллюзии «пражской весны». Специальный раздел книги посвящен диссидентскому движению.

В сборник о А. С. Есенине-Вольпине, составителями которого являлись А. Ю. Даниэль, С. М. Лукашевский и В. К. Финн, включены работы по философии, логике, методологии науки, а также публикации и выступления, отражающие правозащитную деятельность А. С. Есенина-Вольпина. Помещены воспоминания его друзей и соратников по правозащитному движению, стихи его матери — переводчицы и поэтессы Н. Д. Вольпиной — и архивные материалы, относящиеся к жизни и научному творчеству А. С. Есенина-Вольпина в СССР. Эта работа подробно показывает процесс подготовки первой правозащитной демонстрации в 1965 г., а также позицию самого А. С. Есенина-Вольпина по поводу защиты прав человека и соблюдения законов государством и его гражданами как основы безопасности многих общественных движений [23].

Статья Л. П. Терновского «Тайна ИГ» [46] освещает малоизученные стороны этой организации. Автор не являлся членом Инициативной группы по защите прав человека, но поддерживал членов группы. В работе он изложил свои взгляды о значении этой ассоциации, краткие биографии активистов ИГ.

А. В. Савельев, используя архивные материалы РГАНИ и работы западных исследователей, в своем труде «Политическое своеобразие дис-

сидентского движения в СССР 1950—1970-х годов» [43] анализирует состав и количество заключенных в СССР (по разным статьям) за период с 1956 по 1975 г. По мнению О. К. Антропова, среди участников движения выделялись своей активностью творческая интеллигенция и ученые, а также техническая интеллигенция. Большинство участников и исследователей проблемы оценивали характер движения как нравственный, но не политический, тогда как О. К. Антропов оценивал его не столь прямолинейно. Он считал, что цели правозащитного движения не были политическими, в отличие от методов и средств противодействия [3, с. 150]. История репрессивной политики советского государства рассматривается В. М. Кирилловым в книге «История репрессий и правозащитное движение в России» [31]. В ней освещаются теория и практика правозащитного движения в России. В качестве базового используется региональный материал (преимущественно в пределах Нижнетагильского региона Урала) с 1917 по 1970 г.

Глубиной научного анализа, наличием уникальных документальных источников отличается монография М. Я. Геллера и А. М. Некрича [18]. Хронологические рамки работы охватывают период, начиная от Первой мировой войны и заканчивая началом 1990-х годов. Наряду с изучением социально-экономической истории авторы пристальное внимание уделяют процессу формирования оппозиции в СССР, объективным причинам появления диссидентского движения. Освещается период его становления, описывается деятельность инакомыслящих в 1960—80-х гг. Сделан особый акцент на жизненном и творческом пути А. И. Солженицына. Работа отличается довольно выраженными симпатиями к диссидентам вообще и к правозащитникам в частности.

Довольно подробное освещение правозащитной тематики можно найти в книге Р. Г. Пихои [41]. Автор занимается исследованием политических процессов, механизмов принятия важнейших для страны политических решений и деятельности высшего эшелона власти, уделяя при этом существенное внимание проблеме взаимодействия диссидентов и представителей партийно-государственной власти. Несомненной заслугой Р. Г. Пихои является введение в научный оборот закрытых ранее для исследователей материалов Политбюро ЦК КПСС и отраслевых отделов ЦК.

В работе «От “застоя” к реформам. СССР в 1917—1985 гг.» [49]. А. В. Шубин ставит перед собой задачу рассмотреть процессы, протекавшие в советском обществе в 1970-е гг. и оказавшие в конечном итоге влияние на попытку перехода к новой стратегии в управлении государ-

ством. В отдельной главе анализируется роль правозащитников в жизни советского общества в конце 1960-х — начале 1980-х гг.

Деятельности КГБ посвящены статьи В. А. Козлова [32, 33]. Автор использует в них материалы ГАРФ, но основной упор делается на анализ материалов РГНИ, из которых следует, что в 1967 г. КГБ резко активизировал свою агентурную работу. В течение года были завербованы 24 952 новых агента, что составляло 15 % от всей агентуры и в два раза превышало количество «выявленных» в том же году инакомыслящих. Несложный подсчет показывает, что в целом агентура КГБ в конце 1960-х гг. составляла около 166 тыс. человек, что весьма далеко от традиционных представлений советских людей об окружавших их повсюду тайных агентах. Здесь же содержатся данные, что в 1957—1985 гг. были осуждены за антисоветскую агитацию и пропаганду и за распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй, 8124 человека [33, с. 35]. Многообразие форм и методов политического контроля, который осуществлялся партийно-государственными органами и институтами цензуры, посвящено монографическое исследование Т. М. Горяевой «Политическая цензура в СССР. 1917—1991 гг. » [19].

Исследованию корней и истоков диссидентства в Советском Союзе посвящена статья А. Ю. Даниэля. В ней делается попытка анализа исторических и культурных предпосылок, сделавших возможным возникновение такого явления, как инакомыслие. Главная мысль А. Ю. Даниэля заключается в том, что правозащитное движение возникло благодаря достаточно своеобразной ситуации, сложившейся в первые полтора десятилетия после смерти И. В. Сталина в сфере культуры [20, с. 55].

В 1998 г. вышел в свет сборник «Рыцари без страха и упрека. Правозащитное движение: дискуссии последних лет» [42]. Он содержит подборку различных материалов о правозащитном движении, опубликованных газетами и журналами в 1996—1997 гг. Целью сборника является сопоставление заявленных в издании позиций и точек зрения. Сборник «Вегетарианская Эпоха» посвящен демократическому движению 1960—80-х гг. [15]. В нем опубликованы: пьеса Станислава Подольского, свидетеля расправы над рабочими Новочеркасска в 1962 г., воспоминания и размышления Ю. О. Айхенвальда, А. Т. Марченко, Г. П. Алтуняна, И. А. Ратушинской, М. П. Хейфеца, А. Д. Сахарова. Предисловие и приложение в книге написаны и составлены Г. А. Померанцем.

Сборник «Из-под глыб» [25] включает статьи А. И. Солженицына, И. Р. Шафаревича, М. С. Агурского и др. о настоящем и о возможном

будущем России, а также материалы двух пресс-конференций, данных И. Р. Шафаревичем и Е. В. Барабановым в 1974 г. по поводу выхода книги. Сборник под названием «К истории Московской Хельсинкской группы» [28] подготовлен в связи с 25-летием МХГ. Это — первое издание, специально посвященное истории диссидентской правозащитной ассоциации (причем не только в России, но и на Западе). Книга содержит извлечения из мемуаров таких известных правозащитников, как Ю. Ф. Орлов, Н. А. Щаранский, А. А. Амальрик, Л. А. Алексеева, А. Б. Гинзбург и др., а также сообщения ТАСС, касающиеся диссидентов, докладные записки высших чинов КГБ и Верховного Совета СССР, постановления ЦК КПСС по вопросу о правозащитниках и некоторые другие материалы.

Необходимо отметить, что наряду с работами, авторы которых лояльно настроены к инакомыслящим, появились также и публикации, совершенно иначе оценивающие роль диссидентского движения в истории советского общества. К числу последних относится книга С. Г. Кара-Мурзы «Советская цивилизация». В главе «Диссиденты — советская “закваска” антисоветского проекта» автор анализирует влияние диссидентов на советское общество. Автор пишет: «Однако никакого результата, полезного для нашего народа, от работы диссидентов я найти не могу — потому что они очень быстро подчинили всю эту работу целям и задачам врага СССР в холодной войне. На совести диссидентов — тяжелейшие страдания огромных масс людей и очень большая кровь» [29, с. 349]. Работы этого автора носят эмоциональный публицистический характер. Столь же экспрессивный характер и в оценке личности А. Д. Сахарова: «...что идолом у возбужденной антисоветской публики стал академик А. Д. Сахаров — безумный наивный старец, который всю жизнь “под колпаком”, в искусственной обстановке, прокорпел над водородной бомбой» [29, с. 355]. С. Г. Кара-Мурза чрезмерно преувеличивает и утрирует значение диссидентского движения, оценивая его деятельность как приведшую в результате к уничтожению Советского Союза. Он особо обращает внимание на то, что диссиденты действовали в сотрудничестве с западными спецслужбами, называет их участниками антисоветского проекта. В своей работе С. Г. Кара-Мурза практически полностью повторяет официальную риторику, применявшуюся в борьбе с диссидентами в СССР в период застоя.

Среди работ зарубежных авторов можно отметить книгу К. Эндрю и О. Гордиевского [50]. Она содержит информацию о суде над двумя писателями-диссидентами А. Синявским и Ю. Даниэлем, о демонстрации

на Красной площади 25 августа 1968 г. Деятельность Ю. В. Андропова по подавлению движения инакомыслящих также находит свое отражение в работе. Указывается, что отличительной чертой Андропова было не сочувственное отношение к диссидентам, а более утонченные методы борьбы с инакомыслием. Авторами делается особый акцент на том, что тактика созданного Пятого управления КГБ, отслеживавшего все проявления инакомыслия, претерпела существенные изменения: вместо того чтобы «судить их по состряпанным обвинениям на показательных процессах, как, например, Синявского и Даниэля, диссидентов отправляли в психиатрические лечебницы, где послушные Пятому управлению психиатры, такие как доктор Д. Р. Лунц из Московского института судебной психиатрии им. Сербского, определяли, что у них “вялотекущая шизофрения” или “мания реформаторства”» [50, с. 440—443]. К. Эндрю и О. Гордиевский считают, что такое использование психиатрии основывалось не просто на целесообразности, а на убеждении, что единственно правильные ценности — это ценности партии. «А те, кто не принимает эти ценности, — “психи ненормальные”, которых надо “перевоспитывать”, как выразился Виталий Федорчук, сменивший Андропова на посту председателя КГБ» [50, с. 460]. Исследователи полагают, что главная причина того, что душевнобольными не признавали таких людей, как А. И. Солженицын, — это их широкая известность на Западе. К ним применялся иной метод воздействия — лишение гражданства и принуждение к выезду из страны [17]. Факты злоупотреблений психиатрией как метода подавления инакомыслия находят свое отражение и в труде Д. Барона [5]. Причем автор считает внедрение этого способа борьбы с инакомыслием «персональной заслугой» председателя КГБ: «эти злоупотребления психиатрией, многократно подтвержденные свидетельствами честных советских и зарубежных психиатров, представляют собой одну из гебистских реформ, приписываемых лично Андропову» [5, с. 24]. В книге упоминаются факты протестов против несоблюдения СССР Хельсинкского соглашения. Автором высказывается мнение о том, что «Запад должен наводнить эту страну произведениями выдающихся русских писателей, которые правдиво свидетельствуют о советских реалиях и подчеркивают неугасимое стремление народа к воскрешению величия русской культуры». Достоянием всего советского населения должны стать самиздатовские книги и статьи, а также воззвания к народу писателей и философов. Д. Барон считает, что Запад «должен искать тайного союза со всеми советскими гражданами, кто готов пойти на такое сотрудничество» [5, с. 410, 411]. Книга известного француз-

ского ученого Н. Верта содержит информацию о начальном периоде движения инакомыслящих: встречи молодежи на площади Маяковского в Москве, издание А. Гинзбургом журнала «Синтаксис», появление первого поколения диссидентов и др. Также освещается проблема, посвященная «формам несогласия и отстранения». Автор указывает, что за «несколько лет (1967—1973) вопрос о правах человека в Советском Союзе стал международной проблемой первой величины, долгие годы определявшей неприглядный образ СССР в мире» [16, с. 366, 367]. Н. Верт отмечает успехи в деятельности КГБ, в частности «арест членов Комитета в защиту гражданских прав, основанного в 1970 г. А. Сахаровым, членов Группы наблюдения за выполнением Хельсинкских соглашений, созданной в 1975 г. по инициативе Ю. Орлова и участников национальных движений Украины, Армении, Грузии и Прибалтийских республик». Также в книге отмечается факт непрерывного падения международного престижа СССР вследствие таких репрессий, как помещение диссидентов в психиатрические клиники, «дело» Григоренко, «дело» Плиуч, «дело» Шаранского, домашний арест Сахарова, ссылка и затем изгнание Солженицына, последовавшее за исключением его из Союза писателей и присуждением Нобелевской премии по литературе и др. [16, с. 416, 417]. Особое внимание автор уделил деятельности Свободного межпрофессионального объединения трудящихся.

Таким образом, постсоветский этап историографии правозащитного движения представляет собой переход от периода накопления информации к ее объективному научному анализу и обобщению. Появляется интерес к отдельным конкретным аспектам правозащитного движения, в научный оборот вводятся новые источники.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Алексеева Л. А.* История инакомыслия в СССР. Новейший период. М. : Слово, 1993. 490 с.
2. *Амальрик А. А.* Просуществует ли Советский Союз до 1984 года? // Огонек. 1990. № 1—6.
3. *Антропов О. К.* История отечественной эмиграции : учеб. пособие. Астрахань : Центр РУЭН, 1999. 150 с.
4. Архив Сахарова / сост. Б. Х. Коваль. М. : Фонд Андрея Сахарова, 2006. 56 с.
5. *Барон Д.* КГБ сегодня: невидимые шупальца. СПб. : Алвист, 1992. 450 с.
6. *Безбородов А. Б.* Историография истории диссидентского движения в СССР 50—80-х гг. // Советская историография / под ред. Ю. Н. Афанасьева. М. : Владос, 1996. С. 399—426.

7. *Безбородов А. Б.* Феномен академического диссидентства в СССР : учеб. пособие. М. : Изд. центр РГГУ, 1998. 75 с.
8. *Безбородов А. Б., Мейер М. М., Пивовар Е. И.* Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50—80-х гг. : учеб. пособие. М. : Изд-во МГУ, 1994. 120 с.
9. *Белецкая В. П.* Судьба и совесть. М. : Социум, 1990. 203 с.
10. *Богораз Л. Д., Даниэль А. Ю., Окутурье М. П.* Диссиденты // 50/50. Опыт словаря нового мышления. М. : Современник, 1989. 201 с.
11. *Богораз Л. Д., Голицын В. А., Ковалев С. А.* Политическая борьба или защита прав? Двадцатилетний опыт независимого движения в СССР. 1965—1985 // Погружение в трясину (Анатомия застоя). М. : Прогресс, 1991. 650 с.
12. *Богораз Л. Д., Даниэль А. Ю.* В поисках несуществующей науки (Диссидентство как историческая проблема) // Проблемы Восточной Европы. 1993. № 37. С. 142—161.
13. *Белов А. О.* Диверсии без динамита. М. : Политиздат, 1972. 277 с.
14. *Вайль П. В., Генис А. Д.* 60-е. Мир советского человека. М. : Новое литературное обозрение, 1998. 368 с.
15. *Вегетарианская эпоха.* М. : Пик, 2003. 480 с.
16. *Верт Н.* История советского государства, 1900—1991. М. : Эксмо, 1992. 488 с.
17. *Вилинов М. А.* Деятельность архива «Мемориал» // Исторический архив. 2009. № 4. С. 110—120.
18. *Геллер М. Я., Некрич А. М.* История России: 1917 — 1995. М. : Агора, 2000. 600 с.
19. *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР. 1917—1991 гг. М. : АСТ, 2002. 366 с.
20. *Даниэль А. Ю.* Истоки и корни диссидентской активности // Неприкосновенный запас. 2002. № 1. С. 5571.
21. *Данилов А. А.* История инакомыслия в России. Советский период 1917—1991. Уфа, 1995. 211 с.
22. Диссиденты о диссидентстве / сост. : В. П. Аксенов [и др.] // Знамя. 1997. № 9. С. 163—193.
23. *Есенин-Вольпин А. С.* Философия. Логика. Поэзия. Защита прав человека : избранное / сост. : А. Ю. Даниэль, С. М. Лукашевский, В. К. Финн. М. : Изд. центр РГГУ, 1999. 450 с.
24. *Зубкова Е. Ю.* От 60-х к 70-м: власть, общество, человек // История Отечества: люди, идеи, решения: очерки истории Советского государства / сост. В. А. Козлов. М. : Изограф, 1991. 401 с.
25. Из-под глыб : сб. ст. М. : Русская книга, 1992. 323 с.
26. Иного не дано. Перестройка: гласность, демократия, социализм. М. : Политиздат, 1988. 675 с.
27. Исключить всякие упоминания: очерки истории советской цензуры / сост. Т. М. Горяева. Минск : Старый свет — Принт, 1995. 244 с.
28. К истории Московской Хельсинкской группы: воспоминания, документы ЦК КПСС, КГБ и другие материалы / сост. : С. М. Лукашевский [и др.]. М. : ЗАО РИЦ «Зацеп», 2001. 160 с.
29. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. М. : Алгоритм, 2001. 505 с.

30. *Казьмин В. Н.* От правозащитного движения к многопартийности в России (1965—1996 гг.) : учеб. пособие. Кемерово : Пульс, 1997. 110 с.
31. *Кириллов В. М.* История репрессий и правозащитное движение в России : учеб. пособие. Екатеринбург : Сигма, 1999. 120 с.
32. *Козлов В. А.* Крамола: инакомыслие в СССР во времена Н. Хрущева и Л. Брежнева (По материалам Верховного суда и Прокуратуры СССР) // *Общественные науки и современность*. 2002. № 4. С. 15—44.
33. *Козлов В. А.* Крамола: инакомыслие в СССР при Н. Хрущеве и Л. Брежневе. 1953—1982 годы. По рассекреченным документам Верховного суда и Прокуратуры СССР // *Отечественная история*. 2003. № 4. С. 35—75.
34. *Королев А. А.* Диссидентство как общественно-политический феномен. М. : Наука, 1997. 411 с.
35. *Королев А. А.* Диссидентство и молодая творческая интеллигенция: К проблеме духовных истоков современных радикально-либеральных реформ // *Социальные реформы в России: теория и практика* / под ред. А. А. Королева. М. : Время, 1996. С. 277—301.
36. *Лукин Ю. Ф.* Сопротивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.01. М. : Моск. пед. ун-т, 1993. 23 с.
37. *Медведев Р. А.* Неизвестный Андропов. Политическая биография Юрия Андропова. М. : Новое время. 1992. 298 с.
38. *Мейер М. М.* Очерк истории правозащитного движения // *Преподавание истории в школе*. 1990. № 5. С. 57—72.
39. Миф о застое / сост. : Е. Б. Никанорова, А. Л. Прохвятилова. Л. : Знамя, 1991. 145 с.
40. Наше отечество. Опыт политической истории / сост. : С. В. Кулешов [и др.]. М. : Время, 1991. Ч. II. 302 с.
41. *Пихоя Г.* Советский Союз. История власти. 1945—1991. М. : Хронограф, 2000. 684 с.
42. Рыцари без страха и упрека: Правозащитное движение: дискуссии последних лет. М. : Пик, 1998. 335 с.
43. *Савельев А. В.* Политическое своеобразие диссидентского движения в СССР 1950-х — 1970-х годов // *Вопр. истории*. 1998. № 4. С. 109—121.
44. *Савохина Т. А.* Апогей режима личной власти. Оттепель. Поворот к неосталинизму. М. : Вагриус, 1991. 286 с.
45. *Соловьев В. П.* Заговорщики в Кремле: от Андропова до Горбачева. М. : Старт, 1991. 335 с.
46. *Терновский Л. П.* Тайна ИГ // *Карта*. 1999. № 22—23.
47. *Цвигун С. Н.* О происках империалистических разведок // *Коммунист*. 1981. № 14. С. 15—43.
48. *Чалидзе В. И.* Заря правовой реформы (апрель 1985 — июнь 1989) М. : Прогресс, 1990. 272 с.
49. *Шубин А. В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1917—1985 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 768 с.
50. *Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. М. : Старт, 1992. 522 с.
51. *Яковлев Н. Н.* ЦРУ против СССР. М. : Правда, 1985. 463 с.

А. П. БЕТЕНЯ

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЕВРОПЕЙСКИМ СОЮЗОМ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Рассматриваются исследования российских ученых по внешней политике Европейского союза (ЕС) в отношении Российской Федерации, анализируются взгляды российских исследователей на причины возникающих трудностей в двусторонних отношениях.

The article surveys Russian scholars' research dedicated to the European Union foreign policy towards Russian Federation. The analysis of the causes of difficulties in the bilateral relations as well as efforts to search for practical results in the sphere of constructive cooperation between Russian and the EU is represented in the article.

Ключевые слова: политика ЕС, ЕС и Россия, внешняя политика ЕС, отношения ЕС и России, российская историография о ЕС.

Keywords: EU policy, the EU and Russia, EU foreign policy, EU-Russia relations, Russian historiography about the EU.

В статье предпринята попытка дать оценку российских исследователей политики ЕС в отношении России, так как «объективная оценка стратегических интересов и мотивов Запада («понимая под Западом ведущие страны и их группировки: «семерку», НАТО» [1, с. 6]) по отношению к России важна во всех планах и для любой России — рыночной или с командной экономикой, демократической или авторитарной, реинтегрирующейся (на старой или новой основе) с частями бывшего СССР или продолжающей дезинтегрироваться» [1, с. 5].

Говоря о необходимости изучения взаимоотношений ЕС и России, российские исследователи подчеркивают важность этого направления

для двух субъектов международных отношений, приводя различные доводы. Так, старший сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института внешнеэкономических связей Министерства экономики России В. Соколов указывал, что «...страны Восточной Европы, в том числе Россия, входят в сферу экономического и культурного притяжения развитых западноевропейских государств» [2, с. 37]. Ю. Дерябин, руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН, исследуя политику ЕС «Северное измерение» к экономическим мотивам, толкающим Евросоюз к сотрудничеству с Россией, добавляет и вопросы безопасности самого Евросоюза: «...естественен интерес ЕС к тому, чтобы российский Северо-Запад, ставший сопредельным регионом Союза, развивался стабильно, чтобы решались сложные проблемы, затрудняющие такое развитие, в ряде случаев представляющие угрозу для самого ЕС» [3, с. 62]. И. Иванов, заместитель Министра иностранных дел РФ, развитие отношений ЕС с Россией ставит во главу стабильности всего европейского региона, подчеркивая, что «...несущей конструкцией европейского политического и экономического пространства, а также системы безопасности в Европе становятся взаимоотношения ЕС и России...» [4, с. 5]. Р. Симонян, руководитель Российско-Балтийского центра Института социологии РАН, отмечает, что «...для Евросоюза сотрудничество с Россией — благо, избавляющее его от энергетической и сырьевой зависимости от государств Персидского залива, Северной и Южной Африки, вынужденных отношений с нестабильными и опасными регионами мира» [5, с. 51]. Руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН Ю. Рубинский, говоря о важности сотрудничества России и европейских стран, подчеркивает, что «...если две трети российской территории и основные природные ресурсы страны находятся в Азии, то три пятых ее населения и хозяйственного потенциала сосредоточены в Европе. На страны Евросоюза приходится более половины объема внешнеэкономических связей РФ, составляющих треть ее ВВП» [6, с. 38]. Ю. Борко, президент Ассоциации европейских исследований, указывает, что «...это определяется не только ее географической, исторической и культурной принадлежностью к Европе, но и долговременным совпадением ее интересов с интересами европейских государств в обеспечении мира и безопасности, социально-политической стабильности и экономического сотрудничества, всемерном расширении культурного обмена и человеческих контактов» [7, с. 112]. В. Шенаев, член-корреспондент РАН, и директор Института Европы РАН Н. Шмелев констатируют: «В принципиальном плане Россия и Евросо-

юз — в высшей степени взаимодополняющие экономические структуры. Россия обладает огромными, хотя все еще слабо разработанными, природными ресурсами, а в странах ЕС они либо ограничены, либо отсутствуют вовсе. У России имеется значительный задел фундаментальных и отчасти прикладных исследований, а ЕС в этой сфере до сих пор по многим перспективным направлениям отстает от других мировых центров. Россия острейшим образом нуждается в инвестициях, а в ЕС они традиционно избыточны. В России лишь зарождается серьезный банковский, фондовый, страховой бизнес, в ЕС же он давно принял транснациональный характер и усиливает свою экспансию» [8, с. 19].

Наряду с позитивными оценками актуальности данной тематики в исследованиях российских ученых в последнее время присутствуют критические замечания в характеристике взаимоотношений ЕС и России. Так, руководитель исследовательских программ Совета по внешней и оборонной политике Т. Бордачев, характеризуя проблемы, с которыми сталкивается Россия в процессе европеизации, делает вывод, что «...отношения России и ЕС в период 1991—2005 гг. претерпели трансформацию от оптимистической установки на скорейшее нормативное и ценностное сближение и принятие производных от этого видения инструментов взаимодействия до признания ценностных различий непреодолимой силы и перехода к “прагматическому” сотрудничеству преимущественно в сфере экономики» [9, с. 124]. Директор Европейского учебного института при МГИМО(У) МИД России М. Энтин констатирует, что «...на протяжении последних лет отношения между Российской Федерацией и ЕС неоднократно ухудшались» [10], заведующая отделом Института Европы РАН О. Потемкина и научный сотрудник Института Европы РАН Н. Кавешников, характеризуя итоги саммита Россия — ЕС, прошедшего в мае 2007 г., отмечают, что саммит «...не стал прорывом в истории их отношений: стороны не подписали сколько-нибудь значимых документов и не приняли совместного заявления» [11, с. 24]. С. Караганов, председатель Совета по внешней и оборонной политике, заявляет, что «...нынешнему состоянию отношений между Россией и Европой можно только поражаться: глубокие общие интересы уступают первые места на повестке дня недоразумениям и мелочам» [12]. И. Максимчев отмечает, что «...ни для кого не является секретом, что отношения ЕС с Россией в последние годы не становятся более простыми. Скорее приходится говорить об их кризисе» [13, с. 150].

Проблемы и сложности во взаимоотношениях России и ЕС были всегда. В разное время они касались разных вопросов. В начале 1990-х гг.,

по словам заведующего отделом ИМЭМО РАН Н. Косолапова, «...на нынешней стадии отношений с Россией на первом месте для США и Запада в целом стоят именно проблемы безопасности...» [14, с. 11]. Профессор Ю. Борко, рассуждая о кризисных ситуациях в отношениях ЕС и России в 1990-е гг., называет следующие: «Два из них, весной 1995 г. и в октябре 1999 — первой половине 2000 г., были вызваны действиями российских войск в Чечне. Кризисы весной 1997 г. и в марте — июле 1999 г. были следствием, соответственно, расширения НАТО и бомбардировок Югославии. Наконец, в августе — сентябре 1998 г. имел место открытый кризис в сфере экономических отношений...» [15, с. 367]. В. Шенаев и Н. Шмелев, анализируя экономические взаимоотношения России и ЕС в конце XX в., отмечают, что «...ключевая проблема экономического сотрудничества с ЕС — повышение доверия к нашей стране» [8, с. 21]. Также «в 1999—2000 гг. появился и новый род политических санкций, связанный с истеричной реакцией Евросоюза на события в Чечне» [4, с. 5]. И. Максимычев отмечает, что «...начало процесса ухудшения совпало с массовым расширением Евросоюза в 2004 году, когда в него были приняты страны Восточной Европы и три прибалтийских государства, бывшие в свое время республиками СССР» [13, с. 150]. И. Бусыгина, директор Центра региональных политических исследований МГИМО (У) МИД России, и исследователь А. Дерягина, анализируя стратегию ЕС в отношении России, выделяют «проблему 2007»: «несоответствие между действующим правовым форматом отношений России и Европейского союза («Соглашение о партнерстве и сотрудничестве» от 1994 г.), реальным их наполнением, а также целями сторон и проблемы выработки нового соглашения между Россией и Европейским союзом» [16, с. 26]. И. Пашковская, исследуя события августа 2008 г. на Кавказе, констатирует, что «...события в Грузии — Южной Осетии — Абхазии августа 2008 года существенно омрачили до того времени позитивно развивавшиеся отношения между Россией и Евросоюзом» [17, с. 121]. Профессор М. Энтин замечает, что «другой клубок противоречий, из которого Россия, ЕС и его государства-члены не могут высвободиться, касается «Восточного партнерства». Ни для кого не секрет, что политика была придумана и форсированно утверждена как направленная на подрыв российского влияния в регионе и переориентацию на себя местных элит в ответ на августовские события 2008 года» [18]. С. Караганов указывает на то, что «...есть еще проблема “непризнанных государств” — территорий, после кровопролитных конфликтов отколовшихся от Молдовы, Грузии или Азербайджана. Да, этот вопрос мо-

жет вызвать разногласия — однако важность его столь мала, что остается только диву даваться, почему ему уделяется столько времени и сил» [12]. Б. Хейфец, главный научный сотрудник Института экономики РАН, подчеркивает, что «...инвестиционная экспансия российских компаний в страны ЕС сопровождается острыми конфликтами как на государственном, так и на корпоративном уровнях. В первую очередь это касается так называемых госкомпаний» [19, с. 17]. Исследователь Л. Сутормина считает, что «...диалог по безвизовой проблематике был и остается проблемным аспектом в двустороннем сотрудничестве, настоящим “камнем преткновения” в отношениях между Россией и ЕС» [20, с. 115]. Профессор В. Загашвили говорит о том, что «...не меньшие, если не большие трудности проявляются в разрешении вопросов сближения нормативной базы хозяйственной деятельности» [21, с. 5].

Среди причин, по которым время от времени возникают напряженные ситуации между Европейским союзом и Российской Федерацией, российские европеисты называют следующие. Р. Симонян: «...глубокие разрывы между современной Россией и Западной Европой существуют не столько между западно-христианскими и восточно-христианскими ценностями, сколько между пострадавшей от длительной изоляции страной и европейскими достижениями XX в.» [5, с. 48]. Заведующий сектором исследования ЕС ИМЭМО РАН А. Кузнецов, анализируя капиталовложения из ЕС в России, констатирует, что «...Евросоюз ...открыто признал свою неготовность к углублению политического партнерства с Россией... Более того, оказалось, что согласование политической позиции в рамках ЕС неизбежно означает учет мнения тех европейских политиков, кто продолжает мыслить категориями холодной войны» [22, с. 58]. По мнению Н. Шмелева и В. Федорова, «...главная проблема отношений между Европой и Россией состоит в том, что Европа согласна подчиняться Соединенным Штатам и подчиняться, а Россия — нет, она не желает стать чьим-то протекторатом. У России глобальное мышление — у Европы сервильное, независимо от того, хорошо это или плохо» [23, с. 12, 13]. Профессор М. Энтин подчеркивает, что «...Европейский союз возмнил себя чем-то вроде империи. Он решил, что все остальные должны подчиняться его воле только потому, что он так велит. Потому, что он может и должен служить эталоном для всех. Он всегда прав. Он вне критики. Он самый-самый. Он иконостас. Достаточно просто следовать его предписаниям, и повсюду в мире настанет эра стабильности и процветания» [18]. Главный научный сотрудник Института США и Канады РАН Э. Баталов в своей статье анализирует эволю-

цию российского общественного сознания, он подчеркивает, что «...одна из причин этого заключается в недооценке Западом значимости России как глобального политического игрока и стратегического партнера. Видимо, Европа и Америка по-прежнему исходят из презумпции, что Запад важнее для России, чем Россия для Запада, со всеми вытекающими отсюда последствиями» [24, с. 49]. С. Караганов, анализируя причины, по которым не происходит сближения России и ЕС, называет следующие: «из-за чрезмерной забюрократизированности европейской политики» [25], «ценностных различий», а также «...появление в ЕС стран, исторически подозрительно относящихся к России» [26]. Н. Арбатова говорит о том, что «...одна из главных проблем в отношениях России с ЕС, который остается самым важным партнером на западном направлении, состоит в отсутствии стратегических целей этих отношений. Россия, сыгравшая решающую роль в окончании bipolarности, так и не нашла своего места в стратегии расширяющегося ЕС, как, впрочем, и НАТО. Спустя пятнадцать лет после распада СССР так и остается неясным, до какой степени Россия может быть интегрирована в Большую Европу» [27, с. 15]. Такой точки зрения придерживается значительное количество российских исследователей. В том числе и М. Энтин, который отмечает, что «...отношения между Россией и ЕС лишены стратегической глубины. У политических элит обеих сторон отсутствует приблизительное видение того, как политическая конфигурация нашего континента будет выглядеть через 30 или 50 лет. Или должна выглядеть» [18]. С. Караганов указывает на тот факт, что «...ЕС, не имея стратегии в отношении России, просто занимается мелким выдавливанием односторонних уступок в пользу своих стран или рыночных субъектов» [28].

Вышеизложенные суждения российских исследователей красноречиво подтверждают, что проблем в отношениях Европейского союза и Российской Федерации предостаточно. Однако российские европеисты пошли дальше простой констатации существующих трудностей и противоречий и на, казалось бы, риторический вопрос «Что делать?» отвечают практическими советами, как необходимо действовать российскому руководству в сложившихся условиях.

По мнению Р. Симоняна, «...сегодня России нужно не обоготворение Запада, в чем уже преуспели одни, и не обожествление собственной исключительности, в чем еще больше хотят преуспеть другие, но твердое осознание реальности и стремление к максимальной целесообразности, прагматичности, как это сделали передовые азиатские и

делают передовые южноамериканские страны» [5, с. 49]. М. Байков отмечает, что «...Россия должна, видимо, переориентироваться на других внешнеэкономических партнеров. Такая диверсификация будет способствовать укреплению позиций нашей страны на мировых рынках. Противовесом ЕС могут выступать страны Азиатского региона. ...“Выход на Восток послужит инструментом сокращения перекоса, который сложился в российской внешней торговле”» [29, с. 36]. И. Иванов настаивает на том, что «...на государственном уровне прежде всего необходима высокая степень координации позиций ведомств с тем, чтобы политика страны в отношении ЕС была действительно единой, а не разведомственной». Далее отмечает, что «...свои проблемы имеет и кадровое обеспечение этого участка работы. Несмотря на то что около 70 % суверенных полномочий стран — членов ЕС передано из их столиц в Брюссель, наша внешняя и внешнеэкономическая политика на европейском направлении является не многосторонней ... а по-прежнему двусторонней, адресованной в первую очередь национальным столицам, и в центральном и зарубежном аппарате таких “двусторонщиков” сейчас в десятки раз больше, чем специалистов по Евросоюзу» [4, с. 14].

Похожей точки зрения придерживается С. Караганов, который предлагает следующее: «для обеих сторон стоит отойти от громко звучащих, но мало реалистичных мегапроектов типа четырех пространств и перейти к десятку-двум небольшим конкретным проектам, имеющих понятную структуру и четкие сроки реализации» [25], «начать создавать дееспособную бюрократию, которая могла бы вести эффективные переговоры с ЕС» [26]. Рассуждая о будущем договоре между Россией и ЕС, С. Караганов настаивает на переименовании «его из “договора о стратегическом партнерстве” в “договор о стратегическом союзе”» [30], «поскольку “стратегическое партнерство” является довольно бессмысленным термином, который прикрывает любые отношения, кроме открыто враждебных» [31, 32]. Понимая сложности, существующие во взаимоотношениях Евросоюза и России, он предупреждает о том, что стратегическая дружба «может быть не принята из-за нашей нынешней непривлекательности, их смятения в умах, из-за сопротивления новых членов ЕС, генетически боящихся России. Но Европа будет в ближайшие годы находиться в поисках новой стратегии развития, и мы обязаны подключиться к этим поискам. И в интересах России, и Европы. Мы можем не выиграть, подключившись к этим поискам. Но проиграть мы точно не можем. У нас появилось “окно возможностей”» [15].

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Российские исследователи понимают важность развития взаимоотношений между ЕС и Россией для обоих субъектов международных отношений. Однако в их анализе политики ЕС присутствует достаточное количество критических замечаний, главным из которых можно назвать отсутствие стратегии ЕС в отношении России.

2. ЕС является одним из «наиболее изучаемых» субъектов международных отношений в российской историографии.

3. Значительная часть исследований направлена на поиск практических результатов, в частности в вопросах конструктивного сотрудничества России и ЕС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Косолапов Н. Новая Россия и стратегия Запада // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 1. С. 5—18.
2. Соколов В. Россия в системе экономической интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 7. С. 27—39.
3. Дерябин Ю. «Северное измерение» и интересы России // Современная Европа. 2000. № 2. С. 62—72.
4. Иванов И. Расчищать пути к зрелому партнерству России и Евросоюза // Современная Европа. 2000. № 2. С. 5—14.
5. Симонян Р. Россия и Евросоюз: балтийский потенциал экономической интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 4. С. 48—59.
6. Рубинский Ю. Россия и франко-германский тандем: история, проблемы, перспективы // Современная Европа. 2009. № 4. С. 38—45.
7. Борко Ю. Европа после Маастрихта и Россия // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 7. С. 112—118.
8. Шенаев В. Н., Шмелев Н. П. Россия и Евросоюз: проблемы экономического партнерства // Современная Европа. 2000. № 1. С. 19—31.
9. Бордачев Т. В. Россия и Евросоюз: проблема европеизации / Современная Европа. 2006. № 4. С. 120—129.
10. Энтин М. О Европейском союзе с любовью // Вся Европа [Электронный ресурс]. 2008. № 12 (28). URL: <http://www.allegorua.ru/old/indexe9d6.html> (дата обращения: 27.10.2012).
11. Потемкина О., Кавешников Н. Россия и Европейский союз: «холодное лето» 2007 года // Современная Европа. 2007. № 3. С. 24—39.
12. Караганов С. Отношения России и Европы: хватит изводить друг друга // С. Караганов. Персональный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://karaganov.ru/publications/144> (дата обращения: 25.01.2013).
13. Максимычев И. Ф. Трудности диалога России и ЕС: основа для оптимизма // Современная Европа. 2009. № 1. С. 150—153.
14. Косолапов Н. Новая Россия и стратегия Запада // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 2. С. 5—15.

15. Европейский союз на пороге XXI века: выбор стратегии развития / под ред. Ю. А. Борко (отв. ред.), О. В. Буториной. М. : УРСС, 2001. 480 с.

16. Бусыгина И., Дерягина А. Стратегия Европейского союза в отношении России и трансграничное сотрудничество на Северо-Западе // Аналитические записки. 2007. Вып. 7 (27). 28 с.

17. Пашковская И. Г. Участие Европейского союза в урегулировании вооруженного конфликта августа 2008 года в Грузии — Южной Осетии — Абхазии // В поисках новой роли: международные организации безопасности в евроатлантическом и евразийском регионах : сб. ст. / под ред. : А. И. Никитина, А. А. Казанцева ; ИМИ МГИМО (У) МИД России. М. : МГИМО — Университет, 2011. С. 109—122.

18. Энтин М. Вернуться назад, чтобы идти вперед // Вся Европа [Электронный ресурс]. 2012. № 5 (66). URL: <http://www.alleurora.ru> (дата обращения: 30.06.2012).

19. Хейфец Б. ЭнергодIALOG Россия — ЕС: корпоративный срез // Мировая экономика и междунар. отношения. 2009. № 8. С. 12—21.

20. Сутормина Л. Диалог России с Европейским союзом об отмене виз // Мировая экономика и междунар. отношения. 2011. № 9. С. 114—120.

21. Загашвили В. Отношения России с лидерами мировой экономики // Мировая экономика и междунар. отношения. 2009. № 8. С. 3—11.

22. Кузнецов А. В. Капиталовложения из ЕС в России: значимые перемены // Современная Европа. 2009. № 3. С. 58—72.

23. Шмелев Н. П., Федоров В. П. Россия — Запад: требуется концепция ограниченного возмездия // Современная Европа. 2010. № 1. С. 5—17.

24. Баталов Э. Я. Россия и Запад: эволюция российского общественного сознания // Современная Европа. 2000. № 2. С. 39—51.

25. Караганов С. Россия и Европа: вместе или по соседству? Персональный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://karaganov.ru/publications/33> (дата обращения: 20.01.2013).

26. Караганов С. Россия и ЕС — необходимость нового // Персональный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://karaganov.ru/publications/37> (дата обращения: 20.02.2013).

27. Арбатова Н. К. Станут ли страны СНГ «яблоком раздора» в отношениях России и ЕС? // Мировая экономика и междунар. отношения. 2006. № 6. С. 15—20.

28. Караганов С. Россия и Европа: трудное сближение. Персональный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://karaganov.ru/publications/50> (дата обращения: 25.01.2013).

29. Байков М. Актуальные проблемы экономических отношений Россия — ЕС // Мировая экономика и междунар. отношения. 2007. № 6. С. 29—36.

30. Караганов С. Реальные договоры и пустые. Персональный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://karaganov.ru/publications/233> (дата обращения: 20.02.2013).

31. Караганов С. России надо отложить договор с Евросоюзом. Персональный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://karaganov.ru/publications/143> (дата обращения: 20.02.2013).

32. Караганов С. Россия и Европа получили «окно возможностей». Персональный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://karaganov.ru/publications/56> (дата обращения: 20.01.2013).

Н. Н. МЕЗГА

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ (СССР) И ПОЛЬШЕЙ (1921—1932 гг.) В СОВЕТСКОЙ МЕЖВОЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Определены основные направления в советской межвоенной историографии исследований по истории польско-советских взаимоотношений в 1921—1932 гг. Установлено, что советские историки в то время стремились в негативном свете представить польскую политику в отношении СССР, объясняя это классовым подходом польских правящих кругов. Политический фактор оказался определяющим для развития советской историографии, что наряду с недоступностью основных источников делало проблематичным воссоздание объективной картины польско-советских отношений.

In the article the main directions of the carried research in Soviet interwar historiography on the history of Polish-Soviet treatment in 1921—1932 have been determined. It has been established that the Soviet historians at that time aimed to present Polish politics towards the USSR in the highest possible negative light, explaining that with class approach of Polish ruling community. The political factor turned to be determining for the development of Soviet historiography, and together with inaccessibility basic sources it made extremely problematic the reconstruction of objective picture of Polish-Soviet treatment.

Ключевые слова: советская историография, польско-советские отношения, Рижский договор, агрессивная политика, концепция федерации, политический фактор.

Keywords: Soviet historiography, Polish-Soviet treatment, Riga pact, aggressive politics, federation conception, political factor.

После подписания Рижского мира отношения между Россией, затем СССР, и Польшей отличались высокой степенью напряженности. При этом политике по отношению к Польше как крупнейшему соседу России в Европе советское руководство уделяло особое внимание. Этот

фактор определил и высокую актуальность исследования польской внешней политики и отношений между Польшей и Россией для советской историографии еще в межвоенное время. В статье предпринята попытка определить основные направления проводимых в рамках исследований, выявить разработанные концепции, изучить вопрос их зависимости от политического фактора.

Общая характеристика международной ситуации, в которой оказалась Советская Россия после завершения войны с Польшей, дана в работах В. И. Ленина. По его мнению, после Рижского мира наступило неустойчивое равновесие между Советской Россией и капиталистическими странами. В этих условиях Советская Россия должна была проводить очень осторожную политику, чтобы сохранить мир, а фактором, который сильно угрожает миру, являлась политика Польши [1, с. 296, 297]. Ленинский тезис о польской угрозе миру был взят на вооружение советской историографией. Буквально с момента заключения Рижского договора она стала отстаивать точку зрения, что по вине правящих кругов Польши этот договор не стал основой для прочных добрососедских отношений между подписавшими его государствами, подчеркивала враждебный характер польской политики по отношению к советской стране сразу после окончания польско-советской войны. В вышедшей в середине 1920-х годов работе С. Я. Гессена акцент делается на росте военных расходов и сохранении в мирное время большой по численности армии Польши, что рассматривается автором как свидетельство ее агрессивности [2, с. 24, 35]. Он оценивает политику различных политических сил Польши по отношению к Советской России и приходит к выводу, что польские правые политические партии, прежде всего национальные демократы, были в меньшей степени враждебно настроены в отношении Советской России и «настаивали на соблюдении мирных отношений с ней». С. Я. Гессен связывает это с тем, что эмиграция враждебно относилась к Германии и считала нужным поддержание дружеских отношений с СССР, чтобы противостоять германской угрозе. На близких позициях стояла и крестьянская партия В. Витоса. Но для польской социалистической партии, по мнению автора, характерна резкая антироссийская позиция и стремление вернуть Польшу к границам 1772 г. [2, с. 31, 32]. Близкой по содержанию является работа С. Петрухина. Польша изображалась в ней как милитаристское государство, вынашивающее агрессивные планы в отношении СССР и Германии и готовящее войну против них. В связи с этим отмечается рост военного производства в Польше [3, с. 16—18; 7]. В. И. Пичета отмечает, что Риж-

ский договор не смог заложить основы для мирных отношений между Советской Россией и Польшей «и инициатива враждебных отношений ... принадлежала Польской Республике» [4, с. 147].

Точку зрения о враждебности политики Польши по отношению к СССР развивает в конце 1920-х гг. В. П. Друнин. В качестве первых враждебных действий польского правительства после заключения Рижского договора им называется «зверское обращение» с советскими военнопленными в польских лагерях, саботаж польскими властями работы смешанной комиссии по установлению границы на местности, поддержка деятельности контрреволюционных русских организаций на территории Польши. Враждебное отношение польского правительства к Советской России, по его мнению, стало проявляться и в том, что «сейчас же после заключения Рижского мира» оно стало высказывать официальные «совершенно необоснованные обвинения» советскому правительству «в агитации против установившегося в Польше государственного строя» [5, с. 193, 194]. При этом В. П. Друнин подчеркивает, что все жизненные интересы Польши требуют поддержания хороших отношений с Советской Россией и только классовая ненависть ее правящих кругов объясняется напряженностью в польско-советских отношениях [5, с. 207]. Таким образом, именно классовый аспект ставился В. П. Друниным во главу угла при изучении политики Польши по отношению к Советской России. Агрессивной политике Польши им противопоставляется советская миролюбивая политика, благодаря которой и удалось избежать взрыва новой войны уже в 1921 г. [5, с. 194].

Для таких утверждений у советских историков были определенные основания. А. П. Грицкевич отмечает в своей монографии, что Ю. Пилсудский был явно не удовлетворен Рижским договором. 3 декабря 1920 г. на встрече с группой офицеров он заявил: «Мы должны снова занять Киев и Минск, чтобы объединить в федерацию или унию с Польшей всю Украину, Беларусь и Литву. К сожалению, сейчас мы это сделать не можем» [6, с. 505]. Но это могли быть планы на перспективу. При этом следует учитывать, что внешняя политика Польши даже в тот момент определялась не только Пилсудским, но и представителями правых партий.

Для советских историков представлялось важным объяснить причины агрессивности Польши в отношении России. А. Василевский в этой связи писал, что сразу после заключения Рижского договора «польский фашизм» стал активно готовиться к новому циклу захватнических войн, «...чтобы окончательно осуществить свой план создания на территории

Советского Союза федерации государств, подчиненных Польше» [7, с. 8]. Еще одна причина, по которой Польша готовилась к новой войне, считает указанный автор, связана с тем, что без свержения власти пролетариата в России невозможно упрочение власти капитала в Польше. К войне против СССР Польшу подталкивали англо-французские империалисты. Кроме того, польский «фашизм при помощи оружия рассчитывает завоевать на Востоке рынки для польских товаров ...» [7, с. 26, 27]. Концепция, согласно которой враждебная политика Польши по отношению к Советской России во многом обусловлена влиянием крупных капиталистических государств, получила широкое распространение в советской историографии. Она характерна и для работы Я. Радопольского. В ней указывается, что Польша, которая идет в фарватере французской политики, ведет активную подготовку к войне как с СССР, так и с Германией [8]. Как видим, наряду с классовым антагонизмом антисоветский курс польского руководства советская историография объясняет влиянием на ее политику великих держав Запада.

В качестве факторов, порождающих агрессивную политику Польши против СССР, были экономические интересы польской буржуазии, ее стремление захватить рынки на Востоке. По мнению М. Вислянского, это стремление лежало в основе политики польских правящих кругов еще во время киевского похода Пилсудского в 1920 г. После майского переворота у власти в Польше снова находятся те же политики, которые пытаются «пробиться на восточные рынки под видом стремления к осуществлению идеи “федеративной Польши”». М. Вислянский считает, что программа федерализма «не была сдана в архив и осталась путеводной звездой для большей части польской буржуазии и помещиков. После майского переворота польская дипломатия начала последовательно, шаг за шагом, стремиться к ее осуществлению» [9, с. 121].

Л. Волынский писал, что «...польский фашизм продолжает лелеять мечту о восстановлении границ 1772 г. и присоединении, в дополнение к оккупированным Западной Украине и Западной Белоруссии и Виленщине, всей Литвы, Советской Белоруссии и Правобережной Украины с Киевом и Одессой». Он выделяет прежде всего классовые причины агрессивности Польши, указывая на стремление вернуть земли крупным польским помещикам. Моментом, негативно влияющим на польско-советские отношения, являются контакты польских политиков с «украинской буржуазией», имеющие целью «воссоздание буржуазной Украины, федеративной с Польшей» [10, с. 22, 23]. Таким образом, классовое непринятие Советской России, стремление отторгнуть от нее запад-

ные окраины путем реализации концепции федерации толкали, по мнению советских историков, правящие круги Польши на враждебную СССР политику. Такая политика была обусловлена также экономическими интересами польских помещиков и буржуазии и давлением крупных капиталистических государств.

Советская историография обращает внимание на поиск Польшей союзников для войны против СССР. По мнению Я. Радопольского, проявлением этого является ее участие в союзах с Францией и Румынией [8, с. 16, 19, 20]. В качестве враждебного СССР элемента внешней политики Польши называет ее стремление создать военный блок с прибалтийскими государствами А. Василевский [7, с. 26, 27]. Она стремилась включить в антисоветский блок прибалтийские государства, в том числе Литву. М. Вислянский отмечал в этой связи, что в конце 1927 г. польское правительство принудило Литву признать прекращение состояния войны с Польшей. Польская дипломатия стремилась не допустить участия прибалтийских стран в подписании Московского протокола к пакту Бриана — Келлога. Конечная цель польской активности в Прибалтике — втянуть государства региона в антисоветский блок. Для организации интервенции в СССР ей также нужно сближение с Германией, без включения последней в антисоветский блок интервенция против СССР невозможна [9, с. 116, 117, 121].

М. Вислянский считал, что с возвращением в 1926 г. к власти Пилсудского возобновилась польская политика, в основе которой — стремление к завоеванию колоний на Востоке за счет Советского Союза. В связи с этим Польша снова мыслила создать союз с Францией как направленный прежде всего против СССР. Она стремилась к приданию этому союзу антисоветской направленности в то время, когда ее внешнюю политику определял Пилсудский, который являлся самым ярким представителем «антисоветского направления во внешней политике Польши» [11, с. 43, 44]. Л. Волинский также указывает на франко-польский союз как на фактор антисоветской политики Польши. Он пишет, что возглавляемый Францией блок государств, куда входит и Польша, «является основной силой и организующим ядром интервенции против Советского Союза». В случае польско-советской войны Франция обязалась снабжать польскую армию необходимым военным снаряжением и командировать в польскую армию достаточные кадры инструкторов и советников [10, с. 7]. По мнению Р. Лапинского, польско-французское сотрудничество было особенно активным в период рурского кризиса. Он отмечал, что оккупация Рура «...пробудила у

польских союзников Франции аппетиты на недополученные части Верхней Силезии на правом берегу Одера и на Восточную Пруссию» [12, с. 15].

Другим антисоветским блоком, в котором состоит Польша, как считал Л. Волинский, является польско-румынский союз, начало которому положил «гарантийный договор от 1921 г.». Этот договор был расширен в 1926 г. и подписан еще в более полной редакции в Женеве в январе 1931 г. Он предусматривает, что в случае войны против СССР одной из сторон вторая выставляет против него 9/10 своих вооруженных сил, причем под общим командованием польского генерального штаба. Главкомандующим объединенными польско-румынскими войсками был назначен Пилсудский, получивший звание маршала Румынии. Л. Волинский указывает на визит Пилсудского в Кишинев в апреле 1932 г. как на факт, свидетельствующий об укреплении этого союза [10, с. 6, 7, 33]. Как видим, советская историография придавала системе союзов, в которой участвовала Польша, исключительно агрессивный антисоветский характер и рассматривала ее как фактор, отрицательно влиявший на польско-советские отношения.

Одним из наиболее острых в польско-советских отношениях после Рижского договора был вопрос о границе. Советская историография пыталась доказать несправедливость границ, установленных в Риге. В. И. Ленин в некоторых документах фактически подтвердил стремление России к пересмотру границ с Польшей. В телеграмме Г. В. Чичерину от 14 мая 1922 г. он предлагал при постановке вопроса о восточных границах Польши и Румынии всячески подчеркивать, что «эти границы — препятствия установлению мира, но делать это осторожно, дабы не навлечь нареканий об отступлении от Рижского договора» [13, с. 187]. По мнению Ю. Мархлевского, из-за второго польского коридора, который был образован присоединением к Польше северо-западных районов Беларуси, Россия теряет возможность сообщения через Литву с Западом, Литва — непосредственного сообщения с Россией. Он писал: «...этот коридор, создающий совершенно излишние границы, представляет огромные препятствия для торговли России и Литвы, не давая Польше никаких выгод, и должен стать причиной беспрестанных конфликтов» [14, с. 40].

К. Радек в своей работе, изданной в 1923 г., заявил о намерении Советской России вернуть утраченные ею западные окраины и связал эти надежды с революцией. Он указал, что признание Россией независимости Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы связано с пре-

восходством сил Антанты. Россия не собиралась возвращать эти территории вооруженной силой, но «если, наученные горьким опытом, окраинные государства поймут необходимость собрать воедино все силы для борьбы за освобождение, если это сознание заставит их стремиться к соединению с Советской Россией — они будут ею приняты как равноправные члены Федерации Советских Республик» [15, с. 45].

А. Мануильский на III съезде коммунистической партии Польши в 1925 г. фактически подтвердил, что целью советской политики является ликвидация независимой буржуазной Польши. Правда, это должно было произойти не в результате вооруженного вторжения Красной Армии, а с помощью революционного выступления польского пролетариата. Необходимость этого обосновывалась тем, что Польша — «это гнойный нарыв на востоке, это государство, предназначение которого состоит в том, чтобы отделять русский пролетариат от немецкого и задержать развитие революционного движения у Березины» [16, с. 38].

Однако сколько-нибудь существенной научной разработки вопрос о борьбе России за пересмотр рижской границы в то время не получил.

Советская историография анализировала влияние положения России и Польши в Версальской системе на характер отношений между ними. В. И. Ленин следующим образом высказался по этому поводу: «Из Польши Версальский договор создал государство-буфер, который должен оградить Германию от столкновения с русским коммунизмом и который Антанта рассматривает как орудие против большевиков» [17, с. 324]. При этом советские политические деятели постоянно подчеркивали, что в рамках Версальской системы на польскую политику по отношению к России решающее влияние оказывали Франция и другие страны Антанты. К. Радек отмечал, что постановления Версальского договора «приковали Польшу к победной колеснице Франции, сделали ее стражем Версальского договора на востоке Европы» [18, с. 4]. Далее он обосновал идею о направленности Версальского договора против России, причем не только советской. Это связано с тем, что без ликвидации России как великой державы невозможна «политика удушения Германии» [18, с. 21]. Таким образом, политика Польши в поддержку Версальской системы рассматривалась советскими исследователями как еще один фактор, отрицательно влиявший на польско-советские отношения.

Ряд советских исследователей буквально сразу после заключения Рапалльского договора обратили внимание на влияние германского фактора на польско-советские отношения. А. Иоффе в одной из своих работ признавал, что этот договор фактически имел характер союзного:

«Никто не сомневался, что если бы Франция действительно заняла Рурский округ, а одно из близких Франции балтийских государств совершило наступление на Германию с другой стороны, мы не остались бы равнодушны, хотя в русско-германском договоре и нет никаких пунктов, обязывающих нас к каким-либо действиям, направленным на защиту Германии» [19, с. 19]. А. Ерусалимский отмечал, что правящие круги Польши увидели в советско-германском сближении угрозу для своей страны, и этим была вызвана крайне негативная реакция Польши на Рапалльский договор. При этом советская историография не признавала реальности этой угрозы и обоснованности польской негативной реакции [20, с. 97].

В советской межвоенной историографии указывалось, что в 1924—1925 гг., несмотря на имевшиеся существенные противоречия, сложились объективные предпосылки для улучшения советско-польских отношений, но они не получили должного развития. Так, отмечалось, что в 1924 г. польский посланник в Москве Л. Даровский начал с советским правительством переговоры о заключении торгового договора. Однако вскоре он был отозван, а переговоры прерваны. Все же двум странам удалось заключить железнодорожную и почтово-телеграфную конвенции [21, с. 275].

В качестве фактора, который создавал объективные предпосылки для улучшения польско-советских отношений, советские авторы называли Локарнские соглашения. П. Л. Лапинский видел в проекте Гарантийного пакта стремление Англии вовлечь в антисоветский блок наряду с Францией и Польшей Германию. Лондон стремился добиться уступок со стороны Польши в пользу Германии, «чтобы впоследствии объединенные силы этих государств вовлечь в войну против СССР». При этом П. Л. Лапинский считал, что от войны с СССР Польша может «мало выиграть и слишком много потерять», поэтому войну не начнет [22, с. 70, 71]. По мнению М. Вислянского, ухудшение внешнеполитического положения Польши в связи с подписанием Локарнских соглашений было связано с той угрозой, которая возникла со стороны Германии для польских границ. Это обстоятельство, а также «экономическое положение опять же толкает Польшу в направлении СССР». Однако поворота в польской политике в сторону сближения с СССР во второй половине 1920-х годов не произошло. Наиболее очевидно это проявилось в нежелании Польши идти на подписание с СССР торгового договора или какого-либо другого соглашения. Указанный автор пишет: «Приходится констатировать, что польская буржуазия в целом не имеет на-

мерения заключать торговый договор с СССР, точно так же как уклоняется от всякого политического соглашения». Это связано с тем, что в условиях государственной монополии внешней торговли в СССР у польских деловых кругов нет уверенности в том, что торговый договор поможет им в проникновении на советский рынок [9, с. 120]. А. Стефанович указывал, что в сложившейся для Польши в связи с Локарнскими соглашениями ситуации единственный способ усилить свое международное положение — сближение с СССР. Но польское правительство не решилось «в этом вопросе проявить необходимую инициативу и энергию». Политика А. Сквинынского сводилась к лавированию между Англией и СССР [23, с. 28, 29].

Таким образом, советские историки в 1920—30-е гг. при изучении польско-советских отношений основной акцент сделали на доказательство агрессивного характера польской внешней политики, ее враждебности по отношению к Советской России (СССР). При этом отчетливо проявился классовый подход в советской историографии. Польская политика объяснялась классовыми интересами польских помещиков и буржуазии и влиянием буржуазии крупных капиталистических стран. Исследования советских историков не отличались детальной реконструкцией исторических событий с опорой на широкий круг источников, а носили скорее публицистический характер. Авторы стремились в наилучшем свете представить польскую политику по отношению к СССР и идеализировали советскую политику на польском направлении. Фактически советская историография межвоенного времени выступала как элемент идейно-политической борьбы между СССР и Польшей на международной арене. Политическая ангажированность и отсутствие доступа к основной массе источников по исследуемой проблеме делали для советских исследователей весьма проблематичным воссоздание объективной картины польско-советских отношений после подписания Рижского договора.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ленин В. И. О внутренней и внешней политике республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 года // Полн. собр. соч. : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит.-ры, 1981. Т. 44. С. 291—329.
2. Гессен С. Я. Окраинные государства: Польша, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва. М. : Прибой, 1925. 150 с.
3. Петрухин С. Как Польша готовится к войне. М. : Гос. воен. изд-во, 1926. 32 с.

4. *Пічэта В.* Польска-савецкія адносіны і Рыжскі мір // *Польша*. 1928. № 6. С. 126—147.
5. *Друнин В. П.* Польша, Россия и СССР. Исторические очерки. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1928. 219 с.
6. *Грицкевич А. П.* Борьба за Украину, 1917—1921. Минск : Соврем. шк., 2011. 528 с.
7. *Василевский А.* Польша. М. : Изд-во ЦК МОРП, 1929. 32 с.
8. *Радопольский Я.* Польша готовится к войне. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1929. 123 с.
9. *Вісляньскі М.* Замежная палітыка польскага фашызму // *Польша*. 1930. № 3. С. 112—123.
10. *Вольнский Л.* Антисоветский союз шести. Франция и ее союзники. М. : Партиздат, 1932. 40 с.
11. *Вислянский М.* Внешняя политика Польши на современном этапе // *Пропагандист*. 1935. № 10. С. 42—47.
12. *Лапинский П.* Рурская победа г. Пуанкаре и развал Европы. М. : Красная новь, 1929. 106 с.
13. *Ленин В. И.* Телеграмма Г. В. Чичерину 14 мая 1922 г. // *Полн. собр. соч.* : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1981. Т. 45. С. 187.
14. *Мархлевский Ю.* Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией. М. : Гос. изд-во, 1921. 43 с.
15. *Радек К.* Внешняя политика Советской России. М. : Гос. изд-во, 1923. 112 с.
16. *Мануильский А.* Коммунистическая партия Польши и германский вопрос. Доклад на III съезде компартии Польши. М. : Пролетарий, 1925. 56 с.
17. *Ленин В. И.* Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства. 2 октября 1920 г. // *Полн. собр. соч.* : в 55 т. М. : Изд-во полит. лит-ры, 1981. Т. 41. С. 319—333.
18. *Радек К.* Ликвидация Версальского мира. Доклад IV Конгрессу Коммунистического Интернационала. М. : Изд-во Коммунистического Интернационала, 1922. 64 с.
19. *Иоффе А.* От Генуи до Гааги : сб. ст. М. ; Пг. : Гос. изд-во. 1923. 44 с.
20. *Ерусалимский А. С.* Германия, Антанта и СССР. М. : Изд-во Коммунистической академии, 1928. 188 с.
21. *Мировая политика в 1924 г.* : сб. ст. / под ред. Ф. Ротштейна. М. : Изд-во Коммунистической академии, 1925. 324 с.
22. *Лапинский П. Л.* Гарантийный договор и международное положение. М. : Изд-ва «Правда» и «Беднота», 1925. 78 с.
23. *Стефанович Р.* Кризис Польской республики // *Переворот в Польше и Пилсудский*. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. С. 20—39.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28 чэрвеня 2013 г.

С. М. ХОДЗІН

**САВЕЦКАЯ ВЁСКА ПЕРЫЯДУ 1921—1939 гг.
У АДЛЮСТРАВАННІ СУЧАСНАЙ
ЗАМЕЖНАЙ ГІСТАРЫЯГРАФІІ**

У артыкуле раскрываюцца асноўныя кірункі развіцця сучаснай замежнай гістарыяграфіі савецкай вёскі міжваеннага перыяду. Перавага надаецца заходнееўрапейскім і амерыканскім даследаванням. Разглядаюцца новыя распрацоўкі па названай праблеме ў краінах Усходу (Кітай, Японіі, В'етнаме і інш.).

The article describes the main directions of development of modern foreign historiography of the Soviet countryside in the interwar period. Preferential attention is paid to European and American studies. Explores the latest developments on the problems in the East (China, Japan, Vietnam, etc.).

Ключавыя словы: гістарыяграфія, беларуская савецкая вёска, саветалогія, савецкая гістарыяграфія саветалагічных даследаванняў, сацыяльная структура вёскі.

Keywords: historiography, Byelorussian Soviet village, savetalogiya, Soviet historiography savetalagichnyh research, the social structure of the village.

Сучасная замежная гістарычная літаратура, што выдаецца на англійскай, французскай і нямецкай мовах, мае значную гісторыю свайго развіцця. Аднак да нядаўняга часу гістарыяграфія савецкай, у тым ліку беларускай савецкай, вёскі 1920—30-х гг. заставалася ў ценю саветалагічнага характару англамоўных прац, карані якіх зыходзяць з далёкіх 20—30-х гг. XX ст. [1]. Першыя навуковага характару публікацыі з'явіліся ў 1960-я гг., калі пэўныя палітычныя падзеі ў СССР далі спадзяванне на прыпыненне халоднай вайны. Сярод пераважнай большасці гісто-

Ходзін Сяргей Мікалаевіч — дэкан гістарычнага факультэта, загадчык кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт.

рыка-сацыялагічных прац выдзялялася манаграфія Машэ Левіна «Расійскія сяляне і Савецкая ўлада», якая ўпершыню была апублікавана на французскай мове ў Парыжы, а постсавецкаму чытачу стала вядомай дзякуючы публікацыі ў часопісе «Отечественная история» [2].

Радыкальныя змены ў саветалогіі, крытыка прыхільнікаў «таталітарнай канцэпцыі», кароткачасовая хрушчоўская адліга перадвызначылі імкненне да асэнсавання прац заходнееўрапейскіх аўтараў савецкімі гісторыкамі. Аналіз тэндэнцый развіцця тагачаснай немарксісцкай гістарычнай думкі ў Вялікабрытаніі зрабіў А. М. Нейман [3]. Даволі грунтоўнае вывучэнне саветалагічных цэнтраў у ЗША і асноўных канцэпцый саветалогіі (з выкарыстаннем традыцыйнай для тагачаснай савецкай гістарыяграфіі тэрміналогіі) было праведзена Б. І. Марушкіным [4]. «Пахаладанне» грамадска-палітычнай сітуацыі ў СССР у пэўнай ступені паўплывала на крытыку савецкімі аўтарамі заходнееўрапейскіх і паўночнаамерыканскіх публікацый. За выключэннем асобных аўтараў, змест і кірунак такіх даследаванняў былі вельмі падобныя.

«Перабудова» ў СССР пазначыла не толькі новы этап у развіцці Савецкай краіны, але і падштурхнула гісторыкаў да больш плённай, часам не толькі навукавай, але і публіцыстычнай дзейнасці. Амаль адначасова з У. Лакерам, вядомым гісторыкам-публіцыстам, які разгледзеў заходнюю гістарыяграфію Кастрычніцкай рэвалюцыі, выдаў сваю кнігу С. Коэн. Яго «пераасэнсаванне савецкага вопыту» дало пачатак шматгадовай дыскусіі ў заходнееўрапейскай і амерыканскай гістарыяграфіі, якая працягваецца і цяпер [5].

Савецкая гістарыяграфія саветалагічных даследаванняў за перыяд з сярэдзіны 1980-х да сярэдзіны 1990-х гг. прайшла шлях ад поўнага яднання з такога кшталту падыходамі да іх непрыняцця і даволі негатыўных ацэнак «дасягненняў» заходнееўрапейскіх, англамоўных выданняў [6].

На мяжы XX—XXI стст. з’яўляецца шэраг артыкулаў па пазначанай тэматыцы А. А. Някрасава і В. І. Менькоўскага, якія завяршыліся абаронай адпаведна кандыдацкай (2001) і доктарскай (2002) дысертацый. У выніку сучасная беларуская гістарыяграфія прадстаўлена не толькі артыкуламі, але і шэрагам манаграфій прафесара БДУ В. І. Менькоўскага (а таксама з яго ўдзелам) [7]. Аб’ектам вывучэння В. І. Менькоўскага з’явіліся працы англа-амерыканскіх гісторыкаў і палітолагаў. Вызначэнне «англа-амерыканская» супольнасць уключае не толькі ўласна Вялікабрытанію, ЗША, але і Аўстралію, Канаду. Па-іншаму аб’ект вывучэння можна было б акрэсліць як «англа-амерыканская саветалогія», паколькі тэрмін «саветалогія» атрымаў шырокае распаўсюджанне ў анг-

ла-амерыканскай гістарыяграфіі яшчэ ў 1960-я гг. Безумоўна, Беларусь, яе гісторыя і культура не былі для саветолагаў чымсьці абасобленым, цікавым для вывучэння, а адзначалася толькі ў кантэксце падзей у СССР. Больш таго, у пераважнай частцы прац 1960—80-х гг. замест назвы дзяржавы «СССР» ужывалася «Савецкая Расія». Асобным выключэннем з пазначанага вышэй з’яўляліся толькі працы беларускіх эмігрантаў, якія нярэдка пісаліся на беларускай мове.

Аўтары англамоўных публікацый 1960—80-х гг. канцэнтравалі пераважную ўвагу на сталінізме, на асобе І. В. Сталіна. У савецкай літаратуры тэрмін «сталінізм» фарміруецца шмат пазней. Г. А. Бардзюгоў і У. А. Казлоў сведчаць, што ён загучаў толькі ў 1987 г. і выклікаў адмоўныя эмоцыі; палітыкі і грамадазнаўцы лічылі яго «не нашым». Але ўжо на мяжы 1980—90-х гг. савецкая гістарыяграфія налічвала такую колькасць публікацый, што зноў жа Г. А. Бардзюгоў і У. А. Казлоў назвалі трэці раздзел сваёй кнігі («История и конъюнктура») «Сталініяда». Публікацыі па перыядзе 1920—30-х гг. у так званы «перабудовачны» час адбываліся не без уплыву замежнай саветалогіі. Таму даследаванні В. І. Менькоўскага і іншых аўтараў маюць выключнае значэнне не толькі для знаёмства з пунктам гледжання англа-амерыканскіх даследчыкаў, але і для разумення тых працэсаў, якія адбываліся ў постсавецкай гістарыяграфіі, і ўвогуле для вывучэння гістарычнай свядомасці сучаснага грамадства.

Вывучаючы таталітарную парадыгму англа-амерыканскай саветалогіі, В. І. Менькоўскі адзначае, што для яе разумення неабходна даследаваць не толькі мір ідэй і слоў, але і вызначыць узаемасувязь гісторыі і палітыкі [7, с. 33]. Урад ЗША з другой паловы 1940-х гг. падштурхоўваў да вывучэння гісторыі Савецкага Саюза, а таксама рускай мовы. Істотны ўплыў для развіцця саветалагічных даследаванняў мела і наяўнасць вялікай колькасці эмігрантаў з СССР і Усходняй Еўропы.

Сумесная праца В. І. Менькоўскага, К. Уль і М. А. Шабасавай, якая выйшла з друку ў 2013 г., факусіруе ўвагу на 1930-х гг., аднак значна пашырае кола вывучаемых даследаванняў па гісторыі Савецкага Саюза. Аўтары больш падрабязна спыняюцца не толькі на «класічнай» таталітарнай мадэлі і яе мадыфікацыях, але і заходнім рэвізіянізме. Для разумення сучасных тэндэнцый гістарыяграфіі істотнае значэнне мае характарыстыка сацыяльнай гісторыі. Прыхільнікі класічнай таталітарнай мадэлі не разглядалі грамадства як актыўны элемент гісторыі СССР. Змяніўшыя пакаленне сацыёлагаў англамоўныя гісторыкі 1970-х звярнуліся да архіваў, але накіраванасць іх даследаванняў засталася прык-

ладна такой жа. На гэтай аснове пачалі фарміравацца незадаволенасць напрацаваным матэрыялам і пошук новых ракурсаў вывучэння. Працэсы, якія адбываліся ў СССР у сярэдзіне 1980-х гг., актывізавалі такія пошукі і дыскусіі. Рэвізіяністы, аснову якіх склала новая генерацыя гісторыкаў (С. Коэн, М. Левін, Ш. Фіцпатрык і інш.), не прымаючы таталітарную мадэль і адмаўляючы пераемнасць паміж ленінскім і сталінскім перыядамі савецкай гісторыі, вызначалі наяўнасць розных пазіцый і альтэрнатыў у развіцці СССР 1920—30-х гг. «Новая кагорта» сацыяльных гісторыкаў у манаграфіі В. І. Менькоўскага, К. Уль і М. А. Шабасавай даследуецца даволі падрабязна. Аднак гісторыя сялянства, замежная гістарыяграфія савецкай вёскі 1920—30-х гг. не выдзяляецца з агульнага кантэксту вывучэння [8].

У гэтым кірунку большую цікавасць уяўляе выступленне В. І. Менькоўскага на сімпозіуме ў Волагдзе ў 2008 г. [9, с. 95—97]. Аналізуючы апошнія працы Ш. Фіцпатрык, ён справядліва сцвярджае, што без прац гэтай даследчыцы зараз ужо немагчыма ўявіць сусветную гістарыяграфію савецкай гісторыі. Шэйла Фіцпатрык — амерыканскі гісторык з аўстралійскімі каранямі: ступень бакалаўра атрымала ў Мельбурне, доктарскую дысертацыю абараняла ў Оксфардзе. Выключная частка яе прац прысвечана перыяду 1920—30-х гг.: ад пытанняў адукацыі і сацыяльнай мабільнасці да вывучэння гісторыі сялянства, паўсядзённасці ў СССР і нават аўстралійскім палітычным турызме ў Савецкі Саюз (дарэчы, яна часцей ужывае не савецкія сяляне, а «сталінскія», не «СССР», а «Савецкая Расія»). Шэйла Фіцпатрык — амаль ці не самы вядомы сацыяльны гісторык сталінізму, пачынала як гісторык культуры. Яе кнігі аб Наркамасветы і А. В. Луначарскім сталі класікай інстытуцыяльнай гісторыі савецкай культуры. Да таго ж і наступныя працы Шэйлы Фіцпатрык былі так ці інакш звязаны з культурай. Яе манаграфія «Срываіце маскі! Ідэнтычнасць і самозванства в Расіі ХХ в.», па меркаванні шэрагу даследчыкаў, — адна з самых цікавых прац па гісторыі сталінізму. У цэнтры — праблема ідэнтычнасці, дзеля чаго прыцягваецца шырокі пласт спецыфічных апавядальных крыніц: ад біяграфій і аўтабіяграфій да просьбаў і паклёпаў. Імкненне зарэтушаваць у біяграфіях і аўтабіяграфіях небяспечнае нават патэнцыяльна для сябе фарміравала своеасаблівы фенатып савецкага чалавека. І наадварот, фарміравалася катэгорыя людзей, якія імкнуліся адкрыць не сваё «я» ў звычайным сэнсе слова, а хутчэй зручнае для сябе «я». У гэтым Ш. Фіцпатрык бачыць надзвычайную папулярнасць персанажа А. Бендэра, якога суправаджаюць часам яшчэ больш экзальтычныя асобы [10].

Адной з класічных прац па сацыяльнай гісторыі сялянства лічыцца праца Шэйлы Фіцпатрык «Сталінскія сяляне. Сацыяльная гісторыя Савецкай Расіі ў 30-я гады: вёска». У гэтым выданні яна ахапіла шырокае кола пытанняў: характарыстыку розных сацыяльных груп і канфліктаў, уладных структур на вёсцы, адносін сялян да ўлады, аспекты сацыяльнай псіхалогіі. Пастаноўка шэрагу праблем і іх раскрыццё сапраўды былі новымі на мяжы XX і XXI стст. (да прыкладу — новая сацыяльная структура вёскі) [11, с. 159—162]. Аднак многія падзеі рэчаіснасці для Ш. Фіцпатрык як прадстаўніцы абсалютна іншай культуры не маглі быць зразумелымі. Са значным недаверам яна адносіцца да многіх становішчаў з’яў, якія разгортваліся ў СССР пад уздзеяннем рэвалюцыйнага характару пераўтварэнняў, да прыкладу стаханаўскага руху, змен у статусе жанчыны. СССР для Ш. Фіцпатрык — Савецкая Расія, што ўскладніла для яе вызначэнне прычын і вынікаў асобных падзей і з’яў у розных рэгіёнах СССР, у прыватнасці ў Савецкай Беларусі. Таму заняткі гандлем як несялянская справа на тэрыторыі былога Вялікага Княства Літоўскага пакідаюцца ёю без каментарыяў. Пры гэтым даследчыца слухна пазначае, што «класавая» прыналежнасць сялян вызначалася не толькі рэальным эканамічным становішчам, але і гістарычнай памяццю [11, с. 43]. Шматколернасць гісторыі ў бачанні Ш. Фіцпатрык памяншаецца і даволі спрошчанай характарыстыкай калектывных гаспадарак у 1920-я гг. як выключна нежыццяздольных, без усялякіх перспектыв.

Цікавыя працы піянераў сацыяльнай гісторыі актуалізавалі дадзеную тэматыку. Істотную дынаміку сацыяльная гісторыя набыла з 1990-х гг. Напрацоўкі першай паловы 1990-х гг., магчымасці кампаратыўнага вывучэння дазволілі правесці на працягу чатырох гадоў тры агульнаеўрапейскія канферэнцыі (1996, 1998, 2000). Іх асаблівасцю з’явілася адсутнасць пленарных пасяджэнняў і выключная шматстайнасць кірункаў і даследаванняў. Аднак заўважана, што на секцыі, прысвечанай вясковай гісторыі, і колькасць выступоўцаў, і навізна вывадаў значна ўступалі іншым складаючым канферэнцый па сацыяльнай гісторыі. Гэта дазваляе зрабіць вывад аб тым, што ў сярэдзіне — другой палове 1990-х гг. цікавасць да аграрнай праблематыкі знізілася не толькі ў Беларусі.

Між тым Расію, Украіну ў 1990-я гг. захліснула новая хваля даследаванняў па гісторыі вёскі. Дарэчы з 1998 г. па ініцыятыве групы гісторыкаў Расійскай акадэміі навук і МДУ выходзіць у свет штогоднік «Сацыяльная гісторыя» (пад рэдакцыяй К. М. Андрэсана і Л. І. Бародкіна) [12]. У другім выпуску штогодніка з’явіліся два абагульняючыя тэарэтыка-метадалагічнага кірунку артыкулы. Яны акцэнтавалі ўвагу на глыбокай

унутранай трансфармацыі, якую перажывала гістарычная навука і гуманітарная сфера ўвогуле (Л. П. Рэпіна і А. К. Сакалова). Побач са словам «крызіс» на старонках навуковых і гісторыка-публіцыстычных выданняў папулярнасць набылі словазлучэнні «лінгвістычны паварот», «постмадэрнісцкі выклік». Увага да ўмоў з’яўлення крыніцы, іх уплыву на змест гістарычнага нарратыву — важная з’ява сучаснай гістарыяграфіі. Гэта выклікае цікавасць да сінтэзу такіх спецыяльных гістарычных дысцыплін, як археаграфія, архівазнаўства, крыніцазнаўства, гістарыяграфія, да разумення таго, што ніякая (палітычная, эканамічная, сацыяльная) гісторыя не можа быць вызначана па-за кантэкстам культурнай і інтэлектуальнай гісторыі.

Выключнай асобай, якая прадстаўляе французскую гістарыяграфію XX ст. (асабліва прымаючы пад увагу мэту нашага артыкула), з’яўляецца М. Верт, які больш дваццаці пяці гадоў вывучае савецкую гісторыю. У дачыненні да даследуемай тэмы можна вызначыць два этапы яго дзейнасці. Першы — гэта стварэнне фундаментальнай абагульняючай працы, якая для цэлага пакалення расійскіх навукоўцаў стала настольнай кнігай ва ўмовах крызісу айчынай гістарыяграфіі. Штуршком да наступнага этапу, падмацаванага да гэтага шэрагам публікацый па аграрнай праблематыцы, з’явілася сумесная праца з расійскімі даследчыкамі пад кіраўніцтвам В. П. Данілава па падрыхтоўцы двух выключна значных (і па аб’ёме, і па ўплыве на далейшае развіццё аграрнай гісторыі савецкага грамадства 1921—1939 гг.) выданняў [13].

Менавіта доступ да гэтых дакументаў, па сведчанні самога М. Верта, далі яму магчымасць удакладніць шэраг гіпотэз, акрэсленых у кнізе «Паўсядзённае жыццё савецкіх сялян ад рэвалюцыі да калектывізацыі», у прыватнасці аб істотнай аўтаномнасці вёскі, сялянства ад рэжыму. У сваёй новай кнізе «Тэрор і беспарадак. Сталінізм як сістэма» (2010) М. Верт акцэнтую істотную ўвагу на вывучэнні гістарычных крыніц, на разуменні тых умоў (сацыяльных, псіхалагічных, эканамічных, палітычных), у якіх яны фарміраваліся. Пазначанае выданне ўяўляе, па сутнасці, некалькі артыкулаў. М. Верт імкнецца пераадолець састарэлы (з яго пункта гледжання) водападзел паміж «таталітарнай» і рэвізіянісцкай школамі, пазначае, што аснову дзяржаўнага прымусу, акрамя ідэалогіі, складала добра ўсвядомленае разуменне хісткасці сістэмы ва ўмовах наяўнасці дрэнна кіруемых грамадскіх груп і складанасцей кадрвай палітыкі, комплекс турботы, перадвызначаны рэальнымі цяжкасцямі ва ўстаноўленым кантролі за гэтым «грамадствам зыбучых пяскоў» [14].

Выключнай з’явай мяжы XX і XXI стст. з’явілася публікацыя крыніц, якую шэраг даследчыкаў пазначыў як «архіўная рэвалюцыя». Адкрыццё новых гістарычных крыніц, з’яўленне мноства публікацый значна пашырылі ўяўленні аб працэсах, што адбываліся ў СССР у 1930-я гг. Гэтыя з’явы ў саветалогіі і ў познесавецкай і постсавецкай гістарыяграфіі выклікалі ўзаемаадваротныя працэсы. Магчымасць пісаць на розныя тэмы, робячы розныя (часам адвольныя) вывады, працаваць у раней закрытых фондах уздзейнічала на гісторыкаў, як паветра свабоды на прафесара Плейшнэра: яны не звярнулі ўвагі на тое, што перайшлі мяжу, за якой навука ўжо адсутнічае. На пачатку новага, постсавецкага перыяду (1992 г.) вядомыя савецкія гісторыкі Г. А. Бардзюгоў і У. А. Казлоў у прадмове да сваёй кнігі «Гісторыя і кан’юнктура» пісалі: «Мы так імкліва запаўнялі “белыя плямы” мінулага, што не заўважылі, як у адзін прыгожы момант засталіся не толькі без “белых плям”, але і без мінулага ўвогуле» [15].

У «заходняй» саветалогіі доступ да новай інфармацыі прывёў да значнага рэвізіянізму папярэдніх поглядаў у іншым кірунку: усё часцей прысутнічае акцэнт не толькі на рэпрэсіях, асобах і сталінскіх пераўтварэннях, пададзеных у традыцыйных схемах. Заходнееўрапейскія гісторыкі звяртаюць увагу на паўсядзённасць, на плынь жыцця ў тагачасным СССР, заўважаючы, што савецкія людзі ў 1920—30-я гг. хадзілі ў кіно, кахалі, нараджалі дзяцей і былі шчаслівымі. Да прыкладу, калектывізацыя ў СССР вызначалася раней выключна змрочнымі фарбамі. У атрымаўшым шырокую вядомасць даследаванні Джона Кіпа звяртаецца ўвага на шэраг публікацый з іншым кантэкстам і асэнсаваннем падзей. Мэры Баклі ў сваёй манаграфіі піша аб жанчынах-стаханаўках, аб тым, што калектывізацыя на вёсцы падштурхнула жанчын да больш актыўнага ўдзелу ў грамадскім жыцці. Яна нават бачыць пэўны «гендерны выклік сталінізму» ў гэтым працэсе і пазначае, што не гэтых жанчын віна ў тым, што не здолелі «пазбавіць вёску ад усіх несправядлівасцей і памылак» [16].

Радыкальныя змены, якія адбываліся ў савецкай вёсцы, спробы рэфармавання «зверху» ва ўмовах адміністрацыйна-загаднай сістэмы выклікаюць усё большую цікавасць у краінах Усходу (Кітай, Індыі і інш.). Частка гэтых даследаванняў стала асновай для шэрагу дысертацый. У прыватнасці, Хон Вун Хо прысвяціў сваю працу вызначэнню прычын і фактараў, якія абумовілі ліквідацыю механізмаў нэпа ў расійскай вёсцы 1922—1929 гг. [17]. Па меркаванні даследчыка, супярэчлівасць нэпа выяўляла сістэму супярэчнасцей, якая склалася ў 1920-я гг. у СССР: сацыяльнай структуры сялянства, спадзяванняў розных груп сялянства, паміж

горадам і вёскай. Прымаючы шматстайнасць форм гаспадарання, сялянства тым не менш чакала з'яўлення моцнага лідара, здольнага прыгожа пераканаць і даць дакладныя ўказанні на тое, што неабходна зрабіць. Хон Вун Хо пры гэтым лічыць, што злом нэпа прадвызначыла не толькі імкненне І. Сталіна да неабмежаванай улады, але і выяўленне ўсіх адзначаных вышэй супярэчнасцей. У такіх умовах на пэўным этапе ўзнікае ідэалізацыя новых форм гаспадарання бядняцкімі сляямі вёскі. Серадняцка-заможная частка сялянства ў гэты ж перыяд не змагла выступіць адзіным фронтам супраць адміністрацыйна-рэпрэсіўнага апарату. Неабходна пазначыць, што ў Кітаі і сёння захоўваецца не толькі афіцыйная, але і агульнанацыянальная павага да памяці СССР, І. В. Сталіна. Перавыдаюцца яго творы, якія па-ранейшаму абавязковыя для вывучэння ў сістэме падрыхтоўкі партыйна-дзяржаўных, камсамольскіх кадраў і ў дзяржаўных ВНУ гуманітарнага профілю. Выпускаюцца таксама дакументальныя фільмы па сталінскай тэматыцы.

Увагу да гісторыі савецкай вёскі перыяду 20—30-х гг. XX ст. выяўляюць і японскія даследчыкі. Шэраг абстаўін, найперш складанасці з перакладам, перадвызначылі тое, што іх распрацоўкі і публікацыі мала вядомы еўрапейскім гісторыкам. У гэтым кірунку важнае значэнне мела ініцыяраваная цэнтрам міжнароднага даследавання японскай эканомікі (CIRJE) пры эканамічным факультэце ўніверсітэта Токія канферэнцыя, на якой з дакладамі выступілі як расійскія вучоныя (І. Я. Казлова, Г. Я. Карнілаў, В. В. Кандрашын), так і шэраг японскіх навукоўцаў (Хірасі Окуда, Нарыякі Мацзі, Каіці Нобэ). Істотную цікавасць для супастаўлення пунктаў гледжання на праблему мела рэцэнзія Сініці Кадзікаву на працу Віктара Віктаравіча Кандрашына, прысвечаную тэме голаду 1932—1933 гг. [18]. Нягледзячы на невялікае кола абмяркоўваемых праблем і абмежаваную колькасць удзельнікаў, канферэнцыя, безумоўна, садзейнічала павелічэнню цікавасці да пазначанай праблематыкі. Пацвярджэннем таму сталі новыя круглыя сталы і канферэнцыі, апошняя з якіх адбылася ў лістападзе 2011 г. («История российского крестьянства в XX веке»).

Публікацыі новых крыніц, пашырэнне магчымасцей працы для замежных даследчыкаў у архівах падштурхнулі найбольш прафесійную частку з іх да своеасаблівай «спецыялізацыі» ці «рэгіяналізацыі». Да прыкладу, Мікалай Верт у большай ступені акцэнтуюе ўвагу на падзеях ва ўкраінскай вёсцы. У 1990-я гг. выяўляецца цікавасць замежных даследчыкаў і да гісторыі беларускага сялянства. Найбольш плённым вынікам з'явілася праца па вывучэнні вёскі Савецкай Беларусі ў міжваенны час

Дзіяны Зіберт, якая на працягу некалькіх гадоў вывучала матэрыялы ў беларускіх архівах, мела магчымасць абмеркавання дыскусійных пытанняў з беларускімі вучонымі. Ужо ў 1990 г. у Кёльнскім універсітэце яна напісала працу, прысвечаную параўнанню эканомікі сельскай гаспадаркі ў польскай і савецкай частках Беларускага Палесся (1921—1939 гг.) [19]. Кампаратыўнае вывучэнне паглыблялася на аснове гісторыка-генетычнага метаду. Даследаванне Д. Зіберт уключала гісторыю Палесся, сялянскай эканомікі да 1914 г. (прыродная тэрыторыя Палесся, сацыяльныя, нацыянальныя і царкоўныя ўзаемаадносіны, структура сельскай гаспадаркі, матэрыяльнае становішча сялян, працэсы меліярацыі і інш.). Яе даследчыцкая дзейнасць у Беларусі акрэслілася першай паловай 1990-х гг., таму Д. Зіберт адчула не толькі павелічэнне цікавасці да праблематыкі альтэрнатыўнасці гістарычнага развіцця, але і тое «гістарыяграфічнае раздарожжа», што фарміравалася ў постсавецкіх гісторыкаў у дачыненні да мінулага сваёй краіны.

У 1997 г. Д. Зіберт абараніла дысертцыю ў Кёльнскім універсітэце. Дадзенае дысертцыйнае даследаванне ахоплівае перыяд з 1921 па 1941 г. і прысвечана «стратэгіі» паўсядзённага сялянскага жыцця ў Беларускай ССР, разбурэнню патрыярхальнай эканомікі сям'і. Праца складаецца з шасці раздзелаў, якія ахопліваюць аспекты ад палітычнай гісторыі БССР (1917—1939 гг.) з улікам аграрнай палітыкі да дэмаграфічнай сітуацыі ў БССР і штодзённага жыцця сялян, арганізацыі працы і размеркавання яе вынікаў [20]. Праз год Д. Зіберт выдала сваю дысертцыю ў серыі «Крыніцы і даследаванні па гісторыі Усходняй Еўропы». У анатацыі да выдання С. Я. Новікаў слушна адзначае, што сярод 52 манаграфічных прац, якія былі падрыхтаваны за апошнія трыццаць гадоў у рамках дзейнасці Аб'яднання ўсходнееўрапейскіх гісторыкаў Нямеччыны, толькі кніга Зіберт прысвечана гісторыі Беларусі [21].

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Manning C. A. History of Slavic Studies in the United States.* Milwaukee, 1957.
2. Отечественная история. 1994. № 4—5. С. 46—78.
3. *Нейман А. М.* Некоторые тенденции развития современной немарксистской исторической мысли в Англии и теоретико-познавательные воззрения Э. Х. Карра // Историческая наука и проблемы современности. М., 1969.
4. *Марушкин Б. И.* История и политика. Американская буржуазная историография советского общества. М., 1969.
5. *Laquer Walter.* The Fate of the revolution. Interpretation of the Soviet history. 1967.

6. Лукин А. В. Англоязычная советология и общественные науки в России // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 9; Павлова И. В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов (критика «ревизионистского» подхода) // Отечественная история. 1998. № 5.
7. Меньковский В. И. История и историография: Советский Союз 1930-х гг. в трудах англо-американских историков и политологов. Минск : БГУ, 2007. 359 с.
8. Меньковский В. И., Уль К., Шабасова М. А. Советский Союз 1930-х годов в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013. 222 с.
9. Актуальные проблемы аграрной истории Восточной Европы: историография; методы исследования и методология; опыт и перспективы. XXXI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: тез. докл. и сообщений. Вологда, 23—26 сент. 2008 г. М., 2008.
10. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX в. М. : РОССПЭН, 2011. С. 166.
11. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 1930-е годы: деревня / пер. с англ. М. : РОССПЭН, 2011. 422 с.
12. Социальная история. Ежегодник. 1998/99. М. : РОССПЭН. 1999. 454 с.
13. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918—1939. Документы и материалы : в 4 т. / под ред. : А. Береловича, В. Данилова. М. : РОССПЭН, 2000. Т. 1: 1918—1922 гг. 864 с.; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы : в 5 т. / под ред. : В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М. : РОССПЭН, 1999. Т. 1: Май 1927 — ноябрь 1929. 880 с.
14. Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система / пер. с фр. А. А. Пешкова. М. : РОССПЭН; Фонд Первого Президента Б. Н. Ельцина, 2010. 447 с.
15. История и конъюнктура: субъективные заметки об истории советского общества // Г. А. Бордюгов [и др.]. М. : Политиздат, 1992. С. 3—4.
16. Кип Джон, Алтер Литвин. Эпоха Иосифа Сталина в России // Современная историография. М. : РОССПЭН, 2009. С. 90.
17. Хон Вун Хо. Репрессивная политика и реакция населения в советской деревне (1927—1929 гг.). М., 2004; Он же. Ликвидация рыночных механизмов нэпа в российской деревне (1917—1927) : автореф. дис. ... канд. ист. наук 07.00.02 ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, ист. фак. М., 2003. 29 с.
18. The New History of the Russian Peasantry in the 20th Century (volume 1), Tokyo, 2002. Edited by Hiroshi Okuda The University of Tokyo, January 2003.
19. Die Ländliche Wirtschaft im Polnischen und Sowjetischen teil des Weissrussischen Polesien (1921—1939): Ein Vergleich. Vorgelegt von Diana Siebert/ Gutachter: Prof. Dr. Andreas Kappeler. Köln, im September 1993.
20. Siebert D. URL: <http://www.diana-siebert.de> 2 (дата обращения 12.04.2013).
21. Siebert D. Bäuerliche Alltagsstrategien in der Belarussischen SSR Die Zerstörung patriarchalischer Familienwirtschaft. (1921—1941). Stuttgart, 1998. 416 s.

СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ ГІСТАРЫЧНЫЯ ДЫСЦЫПЛІНЫ

В. С. ІВАНОВА

НАВУЧАННЕ АРХІВІСТАЎ У СВЕЦЕ І БЕЛАРУСКІ ДОСВЕД

Разглядаюцца традыцыі і падыходы да адукацыі архівістаў: еўрапейская, італа-іспанская, брытанская, паўночна-амерыканская і інш., вызначаюцца іх спецыфіка і найбольш аўтарытэтычныя архіўныя школы. Аналізуюцца спробы міжнародных арганізацый (ЮНЕСКА, МСА і інш.) уніфікаваць патрабаванні да кампетэнцый архівістаў. Падаецца кароткая гісторыя развіцця архіўнай адукацыі ў Беларусі, а таксама сучасныя праблемы і перспектывы.

In the article the basic traditions and approaches to education of archivists: European, Italian and Spanish, the British, North American, and others are analyzed. Their specificity and the oldest, authoritative archive of the school are determined. Also the author examines attempts by international organizations (UNESCO, ISA, etc.) to standardize requirements for the competence of archivists. In this context, it is a brief history of the development of archival education in Belarus is given, as well as the current issues and perspectives.

Ключавыя словы: адукацыя архівістаў, архіўныя школы, адукацыйны стандарт, кампетэнцый спецыяліст, Міжнародны савет архіваў, гісторыка-архівазнаўства, бакалаўр, магістр.

Keywords: education of archivists, archival school, educational standard, the skill, the International Council on Archives, historical and archival, Bachelor, Master.

Пытанне адукацыі архівістаў ляжыць, з аднаго боку, у рэчышчы тэарэтычных праблем развіцця архівазнаўства як навуковай дысцыпліны, з’яўляючыся своеасаблівым індикатарам этапаў яго фарміравання, з

Іванова Вольга Сяргееўна — дацэнт кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

другога — у надзённых практычных праблемах, ад вырашэння якіх залежыць захаванне дакументальнай спадчыны грамадства. Яно мае дастаткова доўгую гісторыю, якая вывучаецца пры выкладанні акадэмічных дысцыплін і ўключаецца ў склад падручнікаў [1], з’яўляецца прадметам асобных навуковых даследаванняў [2], справаздачных, інфармацыйных ці планавых дакументаў [3]. У сучасных умовах задачы архівіста вымагаюць шчыльнага супрацоўніцтва з ІТ-спецыялістамі, супрацоўнікамі іншых інфармацыйных асяродкаў (музеяў, бібліятэк і інш.), забеспячэння правоў грамадзян у доступе да інфармацыі, захавання памяці чалавека і для чалавека. Усё гэта патрабуе грунтоўных ведаў у шэрагу дысцыплін, якія не могуць быць раўназначна прадстаўленыя ў архіўнай адукацыі, з чаго вынікаюць асаблівасці навучання архівістаў у розных краінах.

У амерыканскай Энцыклапедыі бібліятэчнага і інфармацыйнага абслугоўвання [4] выдзяляецца 5 традыцый навучання архівістаў. Першая традыцыя — еўрапейская, у якой навучанне будзеца ў асноўным на шэрагу спецыяльных гістарычных дысцыплін, у прыватнасці палеаграфіі і дыпламатыцы, якія з XIX ст. з’яўляліся аднымі з цэнтральных дысцыплін так званай «навуковай» гісторыі. З найстарэйшых архіўных школ гэтага кірунку можна адзначыць французскую Школу хартый у Парыжы і Баварскую архіўную школу ў Мюнхене, якія былі заснаваны ў 1821 г. Надалей былі закладзены Інстытут даследавання аўстрыйскай гісторыі ў Вене (1854), папская школа палеаграфіі, дыпламатыкі і архівістыкі ў Ватыкане (1884). Некаторыя з гэтых устаноў існуюць да сённяшняга часу, некаторыя былі радыкальна пераўтвораны пасля Другой сусветнай вайны. На сённяшні дзень фактычна ўсе еўрапейскія краіны маюць асяродкі навучання архівістаў для забеспячэння сваіх патрэб. Архіўныя школы еўрапейскай традыцыі звычайна з’яўляюцца аўтаномнымі інстытутамі, якія фінансуюцца ўрадам (напрыклад, французская Школа хартый), дзейнічаюць пры архіўных (архіўная школа Марбурга (1894), Утрэхта (Галандыя) ці ўніверсітэцкіх (Інстытут гісторыі і архівістыкі Торунскага ўніверсітэта) асяродках. У адным выпадку навучэнцы ўжо з’яўляюцца супрацоўнікамі архіўных устаноў, у іншых — пасля сканчэння навучання шукаюць адпаведную працу. Патрабаванні да працягласці і аб’ёму тэарэтычных курсаў і практычных навыкаў вар’іруюцца ў залежнасці ад краіны.

У краінах Цэнтральнай і Паўднёва-Усходняй Еўропы адукацыя архівістаў таксама адбывалася ў «гістарычным» кірунку, у кантэксце еўрапейскай традыцыі: у Сафійскім універсітэце (Балгарыя), Карлавым уні-

версітэце (Прага, Чэхія) (1920), Універсітэце ў Браціславе (Славакія), Гумбальтаўскім інстытуце ў Берліне (1930), Інстытуце архівістыкі ў Патсдаме, Універсітэце ў Будапешце і інш. Спадкаемцамі традыцый адукацыі французскай школы хартый у кірунку развіцця архівазнаўства ў кантэксте гісторыі і спецыяльных гістарычных дысцыплін можна назваць Пецябургскі археалагічны інстытут (1878), Маскоўскі археалагічны інстытут (1907) і Маскоўскі дзяржаўны гісторыка-архіўны інстытут (1931), якія заклалі асновы архіўнай адукацыі ў СССР і на постсавецкай прасторы.

Другая традыцыя — італа-іспанская, дзе большасць курсаў прапануе першую ступень архіўнай адукацыі ці бібліятэчнай і архіўнай адукацыі. У Італіі існуюць не менш 17 архіўных, палеаграфічных школ і школ дыпламатыкі, якія фінансуюцца ўрадам. Адною з найбольш вядомых з'яўляецца спецыялізаваная школа архівістаў і бібліятэкараў у Фларэнцыі (1920). Агулам у Італіі навучаецца каля 3 тыс. студэнтаў, частка з якіх становіцца архівістамі. У Іспаніі і Лацінскай Амерыцы назіраецца аналагічная сітуацыя: каля 18 архіўных школ у 12 краінах, большасць з якіх працуе пры ўніверсітэтах. У Іспаніі і Партугаліі існуюць цесныя сувязі паміж архіўнай і бібліятэчнай адукацыяй, і дастаткова складана іх падзяліць: напрыклад, факультэт пісьменства Каімбрскага ўніверсітэта (Партугалія) ці Школы дакументалістыкі Нацыянальнай бібліятэкі Іспаніі ў Мадрыдзе (1877). Трэба сказаць, што значная частка студэнтаў гэтых факультэтаў не ставіць задачай атрыманне спецыяльнасці архівіста.

У Брытанскай традыцыі адсутнічае спецыялізацыя на першай ступені адукацыі да таго моманту, пакуль студэнты не атрымліваюць агульную адукацыю, пасля якой могуць пачынаць працу архівіста ці атрымаць ступень магістра ў галіне архіўнага кіравання. Такія курсы прапануюцца ва ўніверсітэтах Дубліна, Ліверпуля, Лондана і Уэльса. Яны сканцэнтраваны на тэхнічных і прафесійных прадметах, даюць практычныя інструкцыі і цесна звязаны з гістарычнымі даследаваннямі і метадалогіяй. Гэты прыклад адукацыі выкарыстоўваецца ў краінах Брытанскага саюза, у тым ліку Аўстраліі і Канадзе. У самой Вялікабрытаніі Таварыства архівістаў мае сістэму дыстанцыйнага навучання для некваліфікаваных працаўнікоў.

У ЗША і Канадзе адсутнічае ўніверсальная методыка навучання. Таварыства амерыканскіх архівістаў выдае так званы Адукацыйны каталог, які перыядычна абнаўляецца шляхам дадання курсаў і інстытутаў, якія маюць архівазнаўчыя дысцыпліны. У 1983 г. налічвалася

43 шматкурсавыя праграмы, 19 аднакурсавых праграм і 6 інстытутаў і семінараў ва ўніверсітэтах, архіўных установах ці гістарычных таварыствах. Аднак ні адзін з іх не прапаноўваў спецыялізаваную акадэмічную архіўную падрыхтоўку, нягледзячы на гэта, у ЗША створана дастаткова гнуткая і эфектыўная сістэма адукацыі архівістаў, якая забяспечвае на-яўныя патрэбы. Да сённяшняга часу дзейнічаюць летнія архіўныя школы, ініцыяваныя вядомымі амерыканскімі архівазнаўцамі Эрнстам Понснерам (які праводзіў іх з 1939 па 1963 г.) і Тэадорам Шэленбергам (1963—1970 гг.).

У краінах трэцяга свету прысутнічае тэндэнцыя працягу традыцыі былых імперскіх цэнтраў. Гэта слушна прынамсі для краін Лацінскай Амерыкі. У 1970-я гг. стаў заўважным рух у кірунку стварэння ўласнай адукацыйнай сістэмы пры моцнай падтрымцы ЮНЕСКА і Міжнароднага савета архіваў (МСА). У Сенегале (Дакарскі ўніверсітэт) створана рэгіянальная школа для франкамоўных афрыканскіх краін з двухгадовым навучаннем. Атрымаць вышэйшую адукацыю па гэтым кірунку студэнты могуць толькі ў Еўропе. Спроба ўстанавіць аднагадовае паслядыпломнае навучанне архівістаў была здзейснена ва Універсітэце Ганы. У Паўднёва-Усходняй Азіі спроба адкрыцця спецыяльнасці адбылася ў 1980-я гг. у Куала-Лумпур (Малайзія). У Паўднёвай Азіі працуе Індыйская нацыянальная адукацыйная школа ў Нью-Дэлі. Некалькі гадоў дзейнічала Іракская адукацыйная школа ў Багдадзе для арабскіх краін. Асобныя курсы існуюць у такіх краінах, як Нігерыя, Кенія, Замбія, Філіпіны, Інданезія.

Нягледзячы на шырокі спектр магчымасцей архіўнага навучання, вельмі часта яны не з'яўляюцца адэкватнымі рэчаіснасці, а студэнты, якія атрымалі адукацыю, не заўсёды ідуць працаваць па атрыманай спецыяльнасці. Па падліках МСА, пад канец 1980-х гг. у свеце існавала каля 126 розных асяродкаў, якія рыхтавалі 3 тыс. архівістаў, што складала 50 % агульнай патрэбы. Паводле паведамленняў ЮНЕСКА, агульная колькасць асяродкаў адукацыі архівістаў павінна складаць 150, а агульная лічба працаўладкаваных архівістаў — 30 тыс., не ўлічваючы Расію і Кітай.

На сённяшні дзень не існуе пакуль краіны ці рэгіёна, якія б стварылі агульнапрызнаную адукацыйную архіўную сістэму. У справядачы еўрапейскай архіўнай камісіі за 2005 год адзначаецца цэлы шэраг розных падыходаў да навучання архівістаў:

1) «гістарычны» падыход, які арыентуецца на вывучэнні прадметаў, звязаных з гісторыяй;

2) кіраўніцкі падыход, які звяртае больш увагі на кіраўніцкія кампетэнцыі;

3) прафесійны падыход, які базіруецца на практычных занятках і неабходнасці распрацоўкі архіўных стандартаў;

4) павышэнне кваліфікацыі для архіўных супрацоўнікаў;

5) інтэграваны падыход, у якім архівазнаўства разглядаецца як адна з інфармацыйных навук, у тым ліку навучанне архівістаў можа ажыццяўляцца ва ўстановах, якія навучаюць бібліятэчных супрацоўнікаў ці іншых спецыялістаў;

6) падыход, заснаваны на адзінстве кіравання ўсім колам «жыццёвага цыкла» дакумента, пачынаючы ад яго стварэння і заканчваючы сталым захоўваннем [5, s. 137].

У асяродках навучання архівістаў існуе вялікая розніца ў гадзінах, якія адводзяцца на спецыяльныя прадметы. За апошні час адбыліся змены ў бок павелічэння колькасці гадзін на інфармацыйныя прадметы і прапорцыі паміж агульнымі групамі прадметаў змясціліся ў бок прафесійных прадметаў. Пачынаючы з 1972 г. рэалізуюцца праграма ЮНЕСКА, якая датычыцца кіравання архівамі і дакументамі (у межах праграмы UNISIST), праграма RAMP (*Records and Archives Management Programme*), мэтай якой была ў тым ліку ўніфікацыя і гарманізацыя праграм навучання, а таксама іх стандартызацыя. Гэтаму прысвечаны даследаванні вядомых архівазнаўцаў Міхаэля Кука і Бруна Дэльмаса [6].

Аднак гэтыя спробы так і засталіся па большасці нерэалізаванымі, а ва ўжо згаданым дакладзе 2005 г. сфармуляваны толькі агульныя кампетэнцыі, якімі павінен валодаць спецыяліст. Да іх адносяцца:

- навыкі кіравання дакументамі на працягу яго «жыццёвага цыкла»;
- выкарыстанне новых тэхналогій пры камп'ютарызацыі і камунікацыі;
- веданне сучасных адміністрацыйных структур, сістэм і працэдур, а таксама дакументаў, якія ўтвараюцца ў іх дзейнасці;
- веданне гісторыі ўстаноў і эвалюцыі сістэмы дзяржаўнага кіравання;
- камунікатыўныя навыкі;
- валоданне дзвюма ці болей еўрапейскімі мовамі;
- адкрытасць да міждысцыплінарнага супрацоўніцтва [5, s. 142].

Фарміраванне падыходаў да адукацыі архівістаў на былой постсавецкай прасторы, у тым ліку і ў Беларусі, акрамя вышэйазначаных, агульнаеўрапейскіх тэндэнцый, характарызуецца значным пашырэннем кола навучальных устаноў, якія рыхтуюць архівістаў, неабходнасцю стварэн-

ня ўласных, актуальных падыходаў да іх навучання, а таксама імкненнем інтэграцыі ў агульнаеўрапейскую адукацыйную прастору. У Расійскай Федэрацыі цэнтры падрыхтоўкі архівістаў і дакументазнаўцаў створаны ў больш як 40 рэгіёнах, усяго іх налічваецца больш за 70, ва Украіне каля 20. Значная частка са згаданых цэнтраў прапануе таксама навучанне і ў галіне дакументазнаўства. Тым не менш «заканадаўцамі мод» у архіўнай адукацыі застаюцца створаныя яшчэ ў савецкія часы Гісторыка-архіўны інстытут (1931), які цяпер уваходзіць у склад Расійскага гуманітарнага ўніверсітэта, а таксама кафедра архівазнаўства і спецыяльных галін гістарычнай навукі гістарычнага факультэта Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Тараса Шаўчэнкі (1944). Асноўнай праблемай постсавецкіх краін на пачатку стагоддзя стаў пошук шляхоў мадэрнізацыі архівазнаўчай адукацыі і яе прыстасавання да актуальных патрэб грамадства [7].

Фарміраванне прафесійных кадраў архівістаў у Беларусі пачалося з канца XIX ст. Да гэтага часу большасць супрацоўнікаў беларускіх архіваў мелі багаслоўскую адукацыю. У 1897 г. на чале Віцебскага цэнтральнага архіва старажытных актавых кніг стаў выпускнік Пецярбургскага археалагічнага інстытута Д. Даўгяла. У 1911 г. у Віцебску было адкрыта аддзяленне Маскоўскага археалагічнага інстытута, дзе навучаліся вядомыя архівісты: Б. Брэжга, М. Мялешка, А. Шлюбскі і інш., А. Сапуноў чытаў курс «Помнікі старажытнасці Паўночна-Заходняга краю і іх захоўванне».

Праблема адукацыі архівістаў актуалізавалася ў 1920-я гг. Яна была паднята ў маі 1924 г. на Першай усебеларускай канферэнцыі архіўных працаўнікоў. Выявіліся два пункты гледжання па дадзенай праблеме. Першы выказаў рэктар БДУ У. Пічэта, які лічыў патрэбным стварэнне кароткатэрміновых 3-месячных курсаў для падрыхтоўкі практычных работнікаў архіваў. Другі — Б. Брэжга і М. Доўнар-Запольскі, якія лічылі неабходным стварэнне ў Мінску Археалагічнага інстытута. З 1925 г. на гістфаку БДУ Д. Даўгяла чытае курс крыніцазнаўства, а таксама праводзяцца сярод студэнтаў архіўныя семінары. Вядомы таксама спробы стварэння кафедры архівазнаўства на педагагічным факультэце БДУ, якія не былі скарыстаныя [8].

Са стварэннем у 1931 г. Маскоўскага дзяржаўнага гісторыка-архіўнага інстытута (МДГАІ) падрыхтоўка спецыялістаў для працы ў беларускіх архівах ажыццяўляецца ў асноўным там. Нягледзячы на тое што ў 1945 г. СНК БССР была прынята пастанова аб адкрыцці гісторыка-архіўнага аддзялення на гістарычным факультэце БДУ, «выканана» яна

была толькі ў 1992 г., а кадры архівістаў па-ранейшаму мелі падрыхтоўку ў Маскве. З 1945 па 1959 г. спецыяльную падрыхтоўку на 2—3-месячных курсах пры ГАУ СССР атрымалі больш за 400 работнікаў беларускіх архіваў. У канцы 1959 г. у архіўнай галіне налічвалася 52 прафесійных гісторыка-архівіста. МДГАІ скончылі вядомыя беларускія архівісты і архівазнаўцы: А. Азараў, Т. Вараб'ёва, А. Вараб'ёў, Э. Давыдава, А. Капіца, Ю. Капіца, Д. Караў, Г. Кісялёў, Т. Лявонцьева, Э. Савіцкі, Т. Трухіна, Д. Шорахава, Я. Шорахаў, М. Шумейка і інш. Значнай была колькасць супрацоўнікаў і кіраўнікоў архіўных устаноў, якія скончылі гістарычны і філалагічны факультэты БДУ (А. Галубовіч, Я. Бараноўскі, Г. Запартыка, А. Гесь, К. Жорава, У. Жумар, В. Селяменеў і інш.).

З 1992 г. на гістарычным факультэце БДУ (кафедра крыніцазнаўства) вядзецца падрыхтоўка гісторыкаў-архівістаў, а з 2001 г. — яшчэ і дакументазнаўцаў. На першым этапе станаўлення архіўнай адукацыі ў Беларусі асноўнымі праблемамі былі кадравая і метадычнага забеспячэння. «Варта адзначыць, што дзякуючы цесным дзелавым кантактам кафедры з кіраўніцтвам Дзяржаўнай архіўнай службай рэспублікі, цэнтральнымі архівамі Беларусі, прыходу на кафедру шэрагу ініцыятыўных і прафесійна падрыхтаваных выкладчыкаў да цяперашняга часу (2002 г. — В. І.) гэтыя праблемы ў асноўным вырашаныя. Важную ролю пры гэтым сыгралі і працягваюць іграць партнёрскія адносіны з роднаснымі ВНУ — расійскімі, украінскімі, якія маюць значны досвед і моцныя традыцыі ў падрыхтоўцы гісторыкаў-архівістаў» [8, с. 170].

У 2012 г. у БДУ пачалася распрацоўка трэцяга пакалення стандартаў па спецыяльнасці «Гісторыка-архівазнаўства» [9], у апошнім варыянце для чатырохгадовага навучання бакалаўраў па спецыяльнасці «Гісторык-архівіст». Захавалася таксама дадатковая спецыяльнасць «Выкладчык». Першая ступень адукацыі прадугледжвае засваенне агульнанавуковых (філасофія, паліталогія, эканоміка, асновы менеджменту і інш.), агульнагістарычных (гісторыя Беларусі, усеагульная гісторыя, гісторыя дзяржаўных устаноў і інш.), грунтоўных спецыяльных (архівазнаўства, дакументазнаўства, крыніцазнаўства, спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны і інш.) і моўных курсаў. Прадугледжваюцца таксама курсы, якія будуць збліжаць архівазнаўцаў са спецыялістамі іншых інфармацыйных кірункаў (музеязнаўцамі, бібліятэказнаўцамі, дакументазнаўцамі), тым не менш фундаментальная адукацыя архівістаў застаецца гістарычнай. На другой ступені адукацыі (магістратура) будзе прапанаваны шэраг палыбленых тэарэтычных і практычных курсаў.

На сённяшні дзень асноўнымі праблемамі, якія мусяць вырашацца пры падрыхтоўцы гісторыкаў-архівістаў у Беларусі, з'яўляюцца: стандартызацыя патрабаванняў да адукацыі архівіста на ўзроўні рэспублікі, пераход на двухузроўневую сістэму адукацыі (бакалаўрыят і магістрат), распрацоўка і ўдасканаленне навучальных праграм і іншага метадычнага забеспячэння ў кірунку іх адпаведнасці сучасным запатрабаванням (навуковым, тэхнічным, камунікацыйным), наладжванне больш цеснага супрацоўніцтва з замежнымі спецыялістамі і ўключэнне падрыхтоўкі спецыялістаў гэтай галіны ў агульнаеўрапейскі кантэкст. У адукацыі архівістаў у Беларусі захоўваюцца і выкарыстоўваюцца напрацоўкі савецкай архівазнаўчай школы з адметнасцямі, якія зыходзяць са спецыфікі архіўных дакументаў, актуальных архівазнаўчых праблем і кірункаў супрацоўніцтва з замежнымі калегамі. У цэлым выпускнікі гісторыка-архіўнага аддзялення валодаюць кампетэнцыямі, прапісанымі для архівістаў еўрапейскіх краін.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Хорхордина Т. И. Архивное образование и кадровое обеспечение // Российские архивы: история и современность : учебник / отв. ред. В. В. Минаев. М. : РГГУ, 2012. С. 348—370; Матяш І. Архівна наука та освіта // Нариси історії архівної справи в Україні : посібник / за загальною редакцією І. Б. Матяш та К. І. Климової. Київ, 2002. С. 574—581; *Robótka H.* Organizacja kształcenia archiwistów // Wprowadzenie do archiwistyki Toruń: Wyd. Uniw. M. Kopernika, 2003. S. 13—34.
2. *Robytka H.* Нвіятowe tendencje w kształceniu archiwistów // *Archiwista Polski*. 2001. № 3—4 (23—24). S. 25—41; *Chor życzewski W.* Kształcenie archiwistów na Uniwersytecie Mikołaja Kopernika w Toruniu w latach 1951—2001 // *Archiwista Polski*. 2001. № 3—4 (23—24). S. 54—65; *Шумейко М. Ф.* Подготовка историков-архивистов в Беларуси: история и современность // Архівознаўство. Археаграфія. Джерелознаўство: міжвід. зб. наук. праць / редкол. : Р. Я. Пиріг [та ін.]. Архівы — складова інфармацыйных рэсурсів супольства. Київ, 2002. Вип. 5. С. 161—171.
3. Archives in the European Union. Report of the Group of Experts on the Coordination of Archives. Luxembourg, 1994. 79 s.; Report on archives in the enlarged European Union. Increased archival cooperation in Europe action plan. Elaborated by the National Experts Group on Archives of the EU Member States and EU institutions and organs at the request of the Council of the European Union. Luxembourg, 2005. 232 s.
4. World Encyclopedia of Library and Information Services, 3rd Ed. [Электрон. рэсурс] Robert Wedeworth, American Library Association. 1993 S. 77 // URL: <http://books.google.by/books> (дата абрашчэння: 12.04.2013).
5. Report on archives in the enlarged European Union. Increased archival cooperation in Europe action plan. Elaborated by the National Experts Group on Archives of the EU Member

States and EU institutions and organs at the request of the Council of the European Union. Luxembourg, 2005. 232 s.

6. *Cook M.* An International Standard for the Training of Archivists and Records Managers // *Unesco Journal of Information Science, Librarianship and Archives Administration*. Vol. 4, № 2. April-June, 1982. P. 114—122; *Delmas B.* The Training of Archivists: Analysis of the Study Programmes of Different Countries and Thoughts on the Possibilities of Harmonization Paris: UNESCO, 1979. 75 p.

7. Историко-архивоведение. Специальность 020800: Гос. образовательный стандарт высш. профес. образования и примерные программы дисциплин федерального компонента (циклы общепрофес. дисциплин и дисциплин специальности) / редкол. : В. В. Минаев (отв. ред.) [и др.] ; М-во образования РФ, Рос. гос. гуманитар. ун-т, Учеб.-метод. объединение РФ по образованию в обл. ист.-архивовед. М., 2003. 988 с.; *Илизаров Б. С., Горяева Т. М., Батаева Т. В., Ларин М. В.* Подготовка историков-архивистов (К выходу в свет сборника нормативно-методических документов по специальности «Историко-архивоведение» // *Отечественные архивы*. 2004. № 5. С. 55—73; Концепція підготовки та післядипломної освіти кадрів для архівних установ / УНДІАСД. Київ, 1998.

8. *Шумейко М. Ф.* Подготовка историков-архивистов в Беларуси: история и современность // *Архивознавство. Археографія. Джерелознавство : міжвід. зб. наук. праць* / редкол. : Р. Я. Пиріг [та ін.]. Київ, 2002. Вип. 5: Архіви — складова інформаційних ресурсів суспільства. С. 161—171.

9. Высшее образование. Специальность Г.05.02.00 «Историко-архивоведение». Образовательный стандарт. Высшейшая адукацыя. Спецыяльнасць Г.05.02.00 «Гісторыка-архівазнаўства». Адукацыйны стандарт. Введ. впервые: 01.09.99. Минск : М-во образования Респ. Беларусь, 2000. 31 с.; Высшее образование. Первая ступень. Специальность 1-23 01 13 «Историко-архивоведение». Квалификация «Историк-архивист». Преподаватель. Высшейшая адукацыя. Першая ступень. Спецыяльнасць 1-23 01 13 «Гісторыка-архівазнаўства». Кваліфікацыя «Гісторык-архівіст». Выкладчык: ОСРБ 1-23 01 13-2008. Минск : М-во образования Респ. Беларусь; Респ. ин-т высш. шк., 2008. 29 с.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28 чэрвеня 2013 г.

А. В. НОВИЦКАЯ

МУЗЕЕФИКАЦИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ (1991—2012 гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Рассматриваются основные исследования музеефикации историко-культурного наследия Республики Беларусь. Автор анализирует ряд работ по проблемам организации музеев-заповедников, использованию в музейных целях дворцово-парковых ансамблей, замков, усадеб, а также памятников археологии.

Concerns the basic research on museumification of historical and cultural heritage of the Republic of Belarus. The author analyzes a number of papers on the problems of the museum-reserves organization, on the problems of the use of palace and park ensembles, castles, mansions and archeological heritage for the museum purposes.

Ключевые слова: музей, музеефикация, историко-культурное наследие, историография, музей-заповедник, дворцово-парковый ансамбль, экспозиция.

Keywords: museum, museumification, historical and cultural heritage, historiography, museum-reserve, palace and park ensemble, exposition.

Среди приоритетных направлений современной политики Республики Беларусь в области культуры необходимо отметить реставрацию и освоение недвижимых историко-культурных ценностей. В этой связи музеефикация становится все более актуальной и востребованной. Музейные комплексы, включающие недвижимые памятники, ныне рассматриваются специалистами как наиболее престижные учреждения культуры, как важный механизм трансляции и сохранения предшествующих этапов культурного развития. Вместе с тем практический опыт, накопившийся в области музеефикации за более чем 20-летнюю исто-

рию существования независимого государства, требует теоретического осмысления и анализа.

Однозначного определения понятия «музеефикация» не существует. В широком смысле музеефикация (эквивалент в англ. языке «musealisation») предполагает размещение в музее или превращение в разновидность музея ключевого момента человеческой деятельности или природного объекта. В странах бывшего СССР термин утвердился преимущественно по отношению к объектам недвижимого историко-культурного наследия. В отечественной историографии проблема музеефикации историко-культурного наследия не была предметом комплексного исследования, практически отсутствуют обобщающие исследования в данной области. Опубликованный материал представляют в большинстве своем статьи, в которых изложен опыт музеефикации конкретных объектов, либо предложения по возможной музеефикации.

Общую информацию справочного характера об истории создания музеев различных профилей, характере экспозиции, наиболее ценных коллекциях и экспонатах содержит энциклопедическое издание «Музеі Беларусі» [24]. Одной из немногих публикаций теоретического характера, в которой изложены основные принципы современной музеефикации, является статья А. Сташкевич «Музеефікацыя гісторыка-культурнай спадчыны...» [29]. Согласно автору, музеефикация представляет собой «научно обоснованный проект адаптации... памятника к современным условиям существования, который прежде всего ставит своей целью сохранение историко-культурных форм в их оригинальном варианте и уже затем приспособление под функциональные нужды» [29, с. 244]. А. Сташкевич предлагает использовать этот термин по отношению к архитектурному наследию Беларуси, в целом, и Несвижа, в частности.

Этому же автору принадлежит статья «Літаратурныя музеі Беларусі: стан і праблемы» [30], в которой большое внимание уделяется вопросам музеефикации литературного наследия Беларуси. Анализируя созданные в конце 1980-х — 1990-е гг. литературные музеи, особенности организации мемориальных экспозиций, А. Сташкевич предполагает дальнейшие пути развития музеев данного типа.

В 1990—2000-е гг. в белорусской печати появились исследования по проблемам включения в сферу музейной деятельности не только памятников архитектуры и истории, но и природного, социокультурного окружения. Ставился вопрос о музеефикации «уникальных исторических территорий» и дальнейших путях развития музеев-заповедников, музе-

ев под открытым небом. Авторами работ были, как правило, руководители и сотрудники данных учреждений.

Так, А. Колбаско, директор историко-культурного музея-заповедника «Заславль», проанализировал опыт использования идей Новой музееологии и принципов экомузеев в работе Заславского музея-заповедника [18]. Им же была поставлена проблема законодательного закрепления терминов «музей-заповедник» и «территория музея-заповедника», которая нашла отражение в работе «Музеефікацыя ўнікальных гістарычных тэрыторый. Праблемы юрыдычнага забеспячэння» [14].

Одним из наиболее актуальных вопросов, рассматриваемых исследователями 1990—2000-х гг., стал вопрос музеефикации исторической территории древнейшего города Беларуси — Полоцка. Согласно В. Глиннику, музеефикация центра Полоцка возможна на принципах «уникальной исторической территории». Сущность концепции заключается в том, что некая историческая территория, которая определена как уникальная, ради сохранения ее природных и культурных ценностей превращается в целостный, самостоятельный экономический организм [7, с. 7].

Идеи музеефикации исторической территории города Полоцка легли в основу исследований директора Национального полоцкого историко-культурного музея заповедника Т. А. Джумантаевой [11]. В 2011 г. ею была защищена кандидатская диссертация «Музеефікацыя культурнага прастранства Полоцка: традыцыі і інновацыі» [12]. Работа явилась существенным вкладом в изучение проблемы музеефикации городских территорий как составляющей части культурного пространства. Большое внимание автор уделила истории развития музеев Полоцка начиная с XVIII в., основным направлениям деятельности музея-заповедника на современном этапе и перспективам дальнейшего развития учреждения.

Судьба историко-культурного наследия Несвижа, вопросы его сохранения посредством реставрации и последующей музеефикации были предметом исследования многих авторов. Так, В. В. Глинник видит проблему территориальной разрозненности объектов, включенных в состав Национального историко-культурного музея-заповедника (НИКМЗ) «Несвиж», которая представляет собой «потенциальную угрозу» культурному наследию города [8, с. 36]. О. Куриленок рассматривает вопрос создания и функционирования музея-заповедника в Несвиже и проблему включения дворцового комплекса Радзивиллов в его состав [21].

В работах Г. М. Кондратьевой, заместителя директора НИКМЗ «Несвиж», нашли отражение вопросы регенерации исторического центра города, а также музеефикации объектов архитектурного наследия Несвижа [20]. Большой интерес представляет статья «Да пытання музеефікацыі інтэр’ерных залаў Нясвіжскага палацавага ансамбля» [15, с. 311]. Автор, опираясь на многочисленные инвентари, описи имущества, фотографии, дает описание комнат и залов Несвижского дворца. Г. М. Кондратьева определяет важнейшие аспекты музеефикации дворца Радзивиллов, среди которых — возвращение аутентичных дворцовых ценностей и приобретение оригинальных предметов искусства. Тему продолжает кандидат искусствоведения О. Д. Баженова, которая в статье «Канцэптуальныя асновы стварэння Палацава-паркавага ансамбля Радзівілаў у Нясвіжы» [2] анализирует опыт создания экспозиции в Несвижском дворце и намечает дальнейшие пути музеефикации этого объекта.

Параллельно с Несвижским дворцом велась начатая намного раньше музеефикация Мирского замка; концепция реконструкции интерьеров замка и их наполнения неоднократно изменялась, дополнялась и имела не одного автора. В 2003 г. Н. Ф. Высоцкая в рамках научной конференции «Матэрыяльная і духоўная культура замкаў Беларусі» озвучила концепцию реконструкции интерьеров, расположения выставочных и экспозиционных залов [5]. В 2004 г. в работе «Экспанаты ў экспазіцыю Мірскага замка» [6] она поставила вопрос о наполнении залов замка и представила, утвержденную на тот момент, концепцию музеефикации замка. Основой экспозиции автор считает рассказ о замке, его владельцах и архитектуре, а музейные предметы должны давать посетителю представление о культуре, искусстве и художественном творчестве народа Беларуси за более чем 500-летнюю историю. Тему продолжает статья Н. Ф. Высоцкой «Радзивиллы — владельцы Мирского замка XVI—XIX вв.» [4].

В 2007 г. в проект музеефикации замка были внесены существенные изменения и дополнения, изменился состав рабочей группы. Основы концепции будущей экспозиции были изложены Е. В. Карпенко в работе «К вопросу о научной концепции музеефикации замкового комплекса «Мир» [16]. В следующей статье «К вопросу о реконструкции исторических интерьеров» автор обращается к проблеме изготовления экспонатов: «Совершенно очевидно, что привлечение фондов художественного музея не дает возможности обеспечить создание достойных экспозиций... Один из вариантов решения проблемы — заказ реконст-

ружий мебели, предметов декоративно-прикладного искусства, копий портретов...» [17, с. 9].

А. Скепьян посвятила свое исследование «Спроба рэканструкцыі інтэр'ераў парадных пакояў у Мірскім замку» реконструкции залов замка, которые «сами по себе являются экспонатами» [27, с. 40]: «Столовой избы» и «Портретного зала» периода барокко. На основе анализа многочисленных источников и литературы автор воссоздает исторический образ названных залов. Непосредственно процессу реставрации и музеефикации «Портретного зала» в Мирском замке посвящена статья Т. В. Дашковской. Автор рассматривает зал как «экспозиционное пространство, которое интерпретируется как особенная культурная среда, способная аккумулировать прошлое, используя специфические музейные средства...» [9, с. 53].

Для воссоздания целостности замково-паркового ансамбля в Мире необходимо восстановление «итальянского парка». Эти работы представляют собой вторую очередь реставрации и приспособления комплекса. На сегодняшний день А. Аксеновым, В. Кузменей и О. Грищенко опубликован проект воссоздания регулярного парка конца XVI в. [1] с устройством дорожек и мест отдыха.

Для современной музеефикации дворцов и усадебных домов важной является научная концепция экспозиции Кричевского краеведческого музея, расположенного во дворце князя Г. А. Потемкина XVIII в. Главной целью этой экспозиции авторы видят воссоздание «музейными средствами... событий жизни края... на основе создания научных реконструкций интерьеров в стиле XIX в., вписанных в пространство... памятника архитектуры» [25, с. 10]. Тему размещения музейной экспозиции во дворце Г. А. Потемкина, а также состояние и перспективы ее использования затрагивает Л. В. Ляхович [23].

Перечень исследований по музеефикации значимых памятников истории и архитектуры Беларуси продолжителен. Ю. В. Китурко, директор Гродненского государственного историко-археологического музея, в работе «Музеефікацыя Гродзенскіх каралеўскіх палацаў» [19] описывает историю строительства, бытования Старого и Нового замков, уделяя особое внимание перспективам дальнейшей музеефикации и объединению замков в единый музей-заповедник. Проблему размещения в историческом здании XVIII в. музейной экспозиции, стилистического единства витрин и интерьера памятника, а также создания раздела экспозиции «Эпоха, время, здание» в Гродненском государственном музее истории религии поднимает Т. Л. Воробьева [3]. Опыт рес-

таврации усадьбы «Красный Берег» (Жлобинского района) и предложения по его музеефикации содержатся в статье А. Ширченко «Сядзібыны дом у в. Чырвоны Бераг...» [34].

Примером современной музеефикации памятников оборонительного зодчества Беларуси является создание в 2005 г. новой экспозиции в Каменецкой башне [10]. Научные сотрудники Брестского областного краеведческого музея с помощью музейных средств попытались отразить внутреннее устройство, архитектурные особенности и военную историю Каменецкой башни на фоне развития оборонительного зодчества Древней Руси XIII—XIV вв.

К отдельной группе следует отнести исследования, посвященные музеефикации памятников истории и архитектуры определенного региона или города. Как правило, подобные работы имеют обзорный характер, содержат историческую справку о памятниках, краткое описание размещенного в них музея либо предложения по музеефикации памятника. В. М. Лялько обращался к проблеме сохранения и использования в музейных целях архитектурного наследия Брестчины [22], А. Л. Смолик в статье «Музеефікацыя помнікаў культуры Заходняга Пазар’я: праблемы, тэндэнцыі» [28] поднимает вопрос сохранения, восстановления и рационального использования культовых памятников, дворцовых и усадебных комплексов западной части Витебщины.

Процесс музейного строительства в Витебске и Полоцке во второй половине 1980-х — начале XXI в. становится главной темой работы М. В. Пивовара «Музеі Полацка і Віцебска: гісторыя і перспектывы» [26]. Автор дает исторический обзор создания и открытия музеев в этих городах. Работа представляет интерес, поскольку большое количество из перечисленных музеев созданы на базе объектов, включенных в Список историко-культурных ценностей Республики Беларусь.

Структурно и тематически близка к рассмотренным выше работам статья О. А. Трусова «Музеефікацыя беларускіх ратуш» [32], в которой приведена история строительства ратуш в Витебске, Несвиже, Минске, Могилеве и других городах, а также текущее состояние их музеефикации.

Особенностью стран Восточной Европы, в том числе и Беларуси, является воссоздание (реконструкция) утраченных ранее памятников с последующей музеефикацией. Музеефикация подобных объектов вызывает множество вопросов, поскольку такое качество, присущее подлинным зданиям и предметам, как мемориальность, практически утрачивается. В. А. Шишанов, автор проекта музеефикации усадьбы «Здрав-

нево», считает, что в данном случае мемориальностью обладает архитектурно-ландшафтная среда, которая зачастую «в гораздо большей степени, чем вещи, является носителем материального воплощения событийной памяти» [33, с. 43—44]. А. Б. Сташкевич в статье «Музеефікацыя сядзібы Міцкевічаў у Завоссі...» [31] отмечает, что необходимость в целостном восстановлении интерьеров дома отсутствует, возможно ограничиться лишь теми комнатами, чей семиотический статус четко обозначен.

К сожалению, в историографии 1990—2000-х гг. лишь небольшая часть исследований посвящена музеефикации археологического наследия Республики Беларусь, равно как невелико количество музеефицированных памятников археологии в нашей стране. Как правило, существующие работы посвящены перспективам музеефикации того или иного памятника. Так, И. М. Язепенко предлагает проект создания археологическо-биологического заказника на севере Гомельской области [35]. Традиционный и инновационный подходы к музеефикации городища «Замэчак» анализирует В. И. Козловский [13].

Таким образом, историография музеефикации материального историко-культурного наследия Республики Беларусь представлена в основном исследованиями практического характера, касающимися вопросов реставрации и освоения наиболее значимых памятников истории и архитектуры, таких как дворцово-парковый ансамбль в Несвиже, Мирский замок, дворец Г. А. Потемкина в Кричеве и др. Большое количество работ посвящено также музеефикации цельных территорий, включающих природное и социальное окружение. В то же время за рамками интересов исследователей в области музейного дела незаслуженно остается археологическое наследие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Аксенов А., Кузменя В., Грищенков О. Реставрация и приспособление памятника архитектуры XVI—XX веков замкового комплекса в г. п. Мир Гродненской области (II очередь. Регулярный парк) // *Рэстаўрацыя Мірскага замка. Праблемы захавання прыроднага і культурнага ландшафту: матэрыялы навук.-практ. канф., г. п. Мір, 6 чэрв. 2010 г.* / Нац. маст. музей Рэсп. Беларусь. Замкавы комплекс «Мір»; навук. рэд. А. А. Ярашэвіч. Нясвіж, 2012. С. 8—13.
2. *Бажэнава В. Д.* Канцэптуальныя асновы стварэння Палацава-паркавага ансамбля Радзівілаў у Нясвіжы // *Музеі Беларусі: Праблемы. Перспектывы. Інавацыі. Экспазіцыйна-выставачная дзейнасць* / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў; пад агулн. рэд. І. Б. Лапцёнак. Мінск, 2012. С. 54—60.

3. *Вараб'ёва Т. Л.* Стварэнне музейнай экспазіцыі ў гістарычных будынках (з вопыту будаўніцтва экспазіцыі «Эпоха, час, будынак» у БДМГР) // Краязнаўчыя запіскі : зб. артыкулаў / Гродзен. дзярж. гіст.-археал. музей. Гродна, 1997. Вып. 4: Да 75-годдзя з дня адкрыцця Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея. С. 11—15.
4. *Высоцкая Н.* Радзівиллы — владельцы Мирского замка XVI—XIX вв. (к проблеме экспозиции 41 зала) // Мірскі замак і замкі Цэнтральнай і Усходняй Еўропы. Праблемы рэстаўрацыі і музейфікацыі : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., г. п. Мір, 4 чэрв. 2005 г. / Нац. маст. музей Рэсп. Беларусь ; рэдкал. : Н. М. Усава [і інш.]. Мінск, 2006. С. 24—32.
5. *Высоцкая Н.* Реконструкция интерьеров Мирского замка // Матэрыяльная і духоўная культура замкаў Беларусі : матэрыялы навук. канф., г. п. Мір, 30 мая 2003 г. / Беларус. дзярж. ін-т проблем культуры, Нац. маст. музей Рэсп. Беларусь ; пад рэд. У. П. Скараходава. Мінск, 2003. С. 49—51.
6. *Высоцкая Н. Ф.* Экспанаты ў экспазіцыю Мірскага замка // Мірскі замак як гісторыка-культурны феномен XV — пачатку XX стагоддзя. Новыя даследаванні : матэрыялы навук.-практ. канф., г. п. Мір, 29 мая 2004 г. / Нац. маст. музей Рэсп. Беларусь ; рэдкал. : Н. Ф. Высоцкая [і інш.]. Мінск, 2004. С. 18—34.
7. *Гліннік В.* Мажлівасці музейфікацыі гістарычнага цэнтра Полацка на прынцыпах «унікальнае гістарычнае тэрыторыі» : матэрыялы II Міжнар. канф. па праблемах музейфікацыі ўнікальнай гістарычнай тэрыторыі, Полацк, 14—16 кастр. 1996 г. / Полац. нац. гіст.-культ. музей-запаведнік ; уклад. Т. Джумантаева. Полацк, 1996. С. 6—8.
8. *Гліннік В. В.* Праблемы захавання культурнай спадчыны Нясвіжа // Аператыўная інфармацыя па праблемах культуры і мастацтва. 1998. Вып. 5. С. 35—40.
9. *Дашкоўская Т. У.* Экспазіцыйнае рашэнне Замкавага комплексу «Мір» у кантэксце праблемы музейфікацыі гістарычных помнікаў // Музеі Беларусі: Праблемы. Перспектывы. Інавацыі. Экспазіцыйна-выставачная дзейнасць / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; пад агулн. рэд. І. Б. Лапцёнак. Мінск, 2012. С. 45—53.
10. *Дзюрчы Г. М.* Да пытання музейфікацыі Камянецкай вежы // Музеі Беларусі: Праблемы. Перспектывы. Інавацыі. Экспазіцыйна-выставачная дзейнасць / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; пад агулн. рэд. І. Б. Лапцёнак. Мінск, 2012. С. 61—64.
11. *Джумантаева Т. К.* Вопросу о музейфикации исторической территории Полоцка : матэрыялы II Міжнар. канф. па праблемах музейфікацыі ўнікальных гістарычных тэрыторый, Полацк, 14—16 кастр. 1996 г. / Полац. нац. гіст.-культ. музей-запаведнік ; уклад. Т. Джумантаева. Полацк, 1996. С. 9—13; *Яна ж.* Стратэгія захавання культурнай спадчыны Полацка як фактар устойлівага развіцця музея-запаведніка // Культура Беларусі: рэаліі сучаснасці : матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 12—13 чэрв. 2012 г. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал. : І. І. Крук [і інш.]. Мінск, 2012. С. 384—391; *Яна ж.* Перспектывы развіцця Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка : матэрыялы навук.-практ. канф. па выніках навук.-дасл. работы ў 2002 г. / Нац. Полацкі гіст.-культ. музей-запаведнік ; уклад. Т. А. Джумантаева. Полацк, 2003. С. 9—25.
12. *Джумантаева Т. А.* Музейфікацыя культурнай прасторы Полацка: традыцыі і інавацыі : дыс. ... канд. культуралогіі: 24.00.03. Мінск, 2010. 167 с.
13. *Казлоўскі В. І.* Музейфікацыя гарадзішча «Замэчак»: гісторыя пытання, актуальнасць, прапанова па архітэктурным вырашэнні // Старажытныя гарады. Праблемы даследавання, музейфікацыі, захавання помнікаў і гістарычных тэрыторый : матэрыялы канф. / Гіст.-культ. музей-запаведнік «Заслаўе». Мінск, 2011. С. 43—50.

14. *Калбаска А.* Музеефікацыя ўнікальных гістарычных тэрыторый. Праблемы юрыдычнага забеспячэння : матэрыялы II Міжнар. канф. па праблемах музеефікацыі ўнікальных гістарычных тэрыторый, Полацк, 14—16 кастр. 1996 г. / Полацк. нац. гіст.-культ. музей-запаведнік ; уклад. Т. Джумантаева. Полацк, 1996. С. 14—17.

15. *Кандрацьева Г.* Да пытання музеефікацыі інтэр'ерных залаў Нясвіжскага палацавага ансамбля // Нясвіжскі палац Радзівілаў: гісторыя, новыя даследаванні. Вопыт стварэння палацавых экспазіцый : матэрыялы I-й Міжнар. навуц.-практ. канф., Нясвіж, 20 кастр. 2009 г. / Нац. гіст.-культ. музей-запаведнік «Нясвіж» ; рэдкал. : В. А. Сталярчук [і інш.]. Нясвіж, 2010. С. 302—311.

16. *Карпенко Е.* К вопросу о научной концепции музеефикации замкового комплекса «Мир» // Мірскі замак. Канцэпцыя рэстаўрацыі і праблемы музеефікацыі : матэрыялы рэсп. навуц.-практ. канф., г. п. Мір, 16 чэрв. 2007 г. / Нац. маст. музей Рэсп. Беларусь ; навуц. рэд. А. У. Карпенка. Мінск, 2008. С. 6—12.

17. *Карпенко Е.* К вопросу о проблемах реконструкции исторических интерьеров // Мірскі замак: праблемы і шляхі рэалізацыі гістарычнага рэканструявання : матэрыялы навуц.-практ. канф., г. п. Мір, 7—8 чэрв. 2008 г. / Нац. маст. музей Рэсп. Беларусь, Музей «Замкавы комплекс «Мір» ; навуц. рэд. Н. М. Усава. Нясвіж, 2012. С. 8—16.

18. *Каўбаска А.* Заслаўскі музей-запаведнік як спроба рэалізацыі ідэй новай музейалогіі // Аператыўная інфармацыя па праблемах культуры і мастацтва. 1995. Вып. 2. С. 49—68.

19. *Кітурка Ю. В.* Музеефікацыя Гродзенскіх каралеўскіх палацаў // Краязнаўчыя запіскі : зб. арт. / Гродзен. дзярж. гіст.-археал. музей. Гродна, 2010. Вып. 7: Да 90-годдзя заснавання Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея. С. 46—58.

20. *Кондратьева Г.* О сохранении памятников всемирного наследия в Республике Беларусь : материалы ИКОМОС. Консервация и реставрация : науч.-информ. сб. / Науч.-информ. центр по культуре и искусству «Информкультура», Рос. комитет ИКОМОС, Кафедра ЮНЕСКО по сохр. архив. и градостр. памятников ; сост. и науч. ред. С. Г. Колесниченко. М. : Рос. гос. б-ка, 2004—2007. С. 33—44; *Кондратьева Г. М.* Замок Радзивиллов — музей прошлого и музей будущего // Музей XXI ст.: актуальные проблемы действенности : матэрыялы навуц.-практ. канф., прысвеч. 65-годдзю з дня заснавання Нац. маст. музея Рэсп. Беларусь, Мінск, 9—11 ліст. 2004 г. / Нац. маст. музей Рэсп. Беларусь ; навуц. рэд. Н. М. Усава. Мінск, 2008. С. 246—255.

21. *Курылёнак В.* Нясвіжскі замак: адраджэнне гісторыка-культурнай спадчыны шляхам стварэння музея-запаведніка // Матэрыяльная і духоўная культура замкаў Беларусі : матэрыялы навуц. канф., г. п. Мір, 30 мая 2003 г. / Беларус. дзярж. ін-т праблем культуры, Нац. маст. музей Рэсп. Беларусь ; пад рэд. У. П. Скараходава. Мінск, 2003. С. 141—149.

22. *Лялько В. М.* Праблемы рэстаўрацыі і музеефікацыі архітэктурных помнікаў Брэстчыны // Помнікі гісторыі і культуры Брэстчыны: праблемы вывучэння, аховы і выкарыстання : матэрыялы рэгіян. навуц.-практ. канф., Брэст, 17 снеж. 1993 г. ; рэдкал. : У. У. Мелішкевіч [і інш.]. Брэст, 1993. С. 63—68.

23. *Ляховіч Л. У.* Кірункі дзейнасці і перспектывы развіцця Крычаўскага раённага краязнаўчага музея // Музейная адукацыя і музейная справа ў Рэспубліцы Беларусь: стан, тэндэнцыі, перспектывы : матэрыялы рэсп. навуц.-практ. канф., Мінск, 24 ліст. 2011 г. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў ; рэдкал. : М. А. Бяспалая [і інш.]. Мінск, 2012. С. 85—89.

24. Музеі Беларусі: даведачнае выданне / рэдкал. : С. Ф. Дубянецкі [і інш.]. Мінск : Беларус. энцыкл. імя Петруся Броўкі, 2008. 559 с.

25. Научная концепция экспозиции Кричевского краеведческого музея (во «дворце Потемкина») / В. Н. Анненков [и др.] // Магілёўшчына : гіст.-краязн. зб. / Магілёў. абл. краязн. музей імя Е. Р. Раманава. Магілёў, 2009. Вып. 10. С. 7—39.

26. *Півавар М. В.* Музеі Полацка і Віцебска: гісторыя і перспектывы // Полацкі музей-ны штогоднік : зб. навук. арт. / Нац. Полац. гіст.-культ. музей-запаведнік ; уклад. Т. А. Джумантаева. Полацк, 2012. С. 289—293.

27. *Скеп'ян А.* Спроба рэканструкцыі інтэр'ераў парадных пакояў у Мірскім замку // Мірскі замак: праблемы і шляхі рэалізацыі гістарычнага рэканструявання : матэрыялы навук.-практ. канф., г. п. Мір, 7 чэрв. 2008 г. / Нац. маст. музей Рэсп. Беларусь, Музей «Замкавы комплекс «Мір» ; навук. рэд. Н. М. Усава. Нясвіж, 2012. С. 17—40.

28. *Смолік А. Л.* Музеефікацыя помнікаў культуры Заходняга Паазер'я: праблемы, тэндэнцыі // 90 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30—31 кастр. 2008 г. / Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал. : Г. У. Савіцкі [і інш.]. Мінск, 2009. С. 4—8.

29. *Сташкевіч А.* Музеефікацыя гісторыка-культурнай спадчыны: сацыялагічны, музэялагічны і канцэптуальны аспекты // Нясвіжскі палац Радзівілаў: гісторыя, новыя даследаванні. Выходзіць у выглядзе навукова-практ. канф. : матэрыялы 1-й Міжнар. навук.-практ. канф., Нясвіж, 20 кастр. 2009 г. / Нац. гіст.-культ. музей-запаведнік «Нясвіж» ; рэдкал. : В. А. Сталярчук [і інш.]. Нясвіж, 2010. С. 242—249.

30. *Сташкевіч А. Б.* Літаратурныя музеі Беларусі: стан і праблемы // Актуальныя праблемы культуры і мастацтва. 2004. № 68. С. 57—68.

31. *Сташкевіч А. Б.* Музеефікацыя сядзібы Міцкевічаў у Завоссі. Асаблівасці экспазіцыйнай пабудовы // Краязнаўчыя запіскі : зб. арт. / Гродзен. дзярж. гіст.-археал. музей. Гродна, 1997. Вып. 4: Да 75-годдзя з дня адкрыцця Гродзенскага дзяржаўнага гісторыка-археалагічнага музея. С. 36—41.

32. *Трусаў А. А.* Музеефікацыя беларускіх ратуш // 90 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею : матэрыялы навук. канф., Віцебск, 30—31 кастр. 2008 г. / Віцеб. абл. краязн. музей ; рэдкал. : Г. У. Савіцкі [і інш.]. Мінск, 2009. С. 9—14.

33. *Шишанов В.* Здравнево. Исторический облик и музеефикация усадьбы : матэрыялы II Міжнар. канф. па праблемах музеефікацыі ўнікальных гістарычных тэрыторый, Полацк, 14—16 кастр. 1996 г. / Полац. нац. гіст.-культ. музей-запаведнік ; уклад. Т. Джумантаева. Полацк, 1996. С. 38—44.

34. *Шырчанка А.* Сядзібны дом у в. Чырвоны Бераг: рэстаўрацыя з прыстасаваннем помніка архітэктуры XIX ст. // Архитектура и строительство. 2009. № 9. С. 52—57.

35. *Язэпенка І. М.* Праблемы музеефікацыі і захавання археалагічных помнікаў на тэрыторыі Гомельскага Палесся // Весн. Беларус. дзярж. ун-та культуры і мастацтваў. 2011. № 2 (16). С. 129—135.

МЕТАДАЛОГІЯ ДАСЛЕДАВАННЯ

Л. В. ЛЯХОВИЧ

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОГО АБСОЛЮТИЗМА РУБЕЖА 1980—90-х гг.: ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА

На основе многоуровневого дискурс-анализа исследуется этап методологического перехода и кардинальных изменений в российской историографии на рубеже 1980—90-х гг. Данный процесс показан на примере анализа темы французского абсолютизма как классического образца государственного строя Европы раннего Нового времени. Указаны причины, вызвавшие трансформацию и смену историографического дискурса.

The stage of methodological transition and radical changes in Russian historiography at the turn of the 1980—90 s. are examined on the basis of multi-level discourse analysis. This process is shown on the example of the problems of French absolutism, which is the classic example of the state system in Europe of early New time. The causes of the transformation and change of historiographical discourse, as well as a concrete manifestation of these processes are shown.

Ключевые слова: историография, методология, трансформация, дискурс, текст, лингвистический поворот, новистика, абсолютная монархия, проблемное поле.

Keywords: historiography, methodology, transformation, discourse, text, linguistic turn, novistika, absolute monarchy, the problem field.

Выбор хронологических рамок и темы предлагаемой статьи неслучаен. Происходившие в это время в российской советской, а затем постсоветской историографии концептуальные изменения приобрели нео-

Ляховіч Ларыса Уладзіміраўна — дацэнт кафедры гісторыі Беларусі і музеязнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў, кандыдат гістарычных навук.

братимый характер. Это в полной мере относится и к комплексу проблем, связанных с изменением форм и структур государственной власти раннего Нового времени, среди которых французская модель абсолютной монархии считается классической. В современных условиях изучение эволюции государства указанного периода представляется весьма актуальным. Именно в Новое время отчетливо проявились различные институциональные и социокультурные модели европейской государственности, что привело впоследствии к разным историческим судьбам государств и регионов Европы. Более того, сформировавшиеся в Новое время различные варианты политической культуры не только пережили свое время, но и сказываются на современных процессах.

Может показаться, что проблематика французского абсолютизма достаточно традиционна для российской историографии. Действительно, в количественном отношении это верно. Между тем масштабные концептуальные изменения, приведшие от концепции «равновесия» к пониманию абсолютной монархии как некоей самоценной «вещи в себе», проявляющейся на макро- и микроуровнях, еще не стали предметом специального внимания. Разумеется, в публикациях последних лет соответствующие изменения отмечались точечно, применительно к конкретным сюжетам. Проблему же в целом обозначил один из ведущих российских специалистов в области медиевистики и истории раннего Нового времени П. Ю. Уваров. Он отметил, что «...наблюдается странная закономерность: чем больше мы узнаем о повседневности политической власти, тем реже исследователи пользуются термином «абсолютизм». Слишком велика оказывается пропасть между теоретическим уровнем обоснования королевских прерогатив... и реальной практикой отправления власти и правосудия... Этот новый ракурс привел одних авторов к демонстративному развенчанию термина «абсолютизм», а других — к простому игнорированию его в своих практических исследованиях» [1, с. 237].

В статье сделана попытка дать ответ на вопрос: почему и каким образом происходили изменения, вызвавшие такую ситуацию? При этом рубеж 1980—90-х гг. как период переходный и переломный одновременно весьма показателен.

На протяжении последних десятилетий, в связи с развертыванием антропологического и лингвистического поворотов и семиотического подхода, оформился дискурсивный подход. Существует множество дефиниций дискурса. С позиций исторической науки удачным следует признать определение отечественных исследователей В. Н. Сидорцова

и О. М. Шутовой: дискурс есть языковое сознание эпохи. Из речевой деятельности во всех ее проявлениях историк может определить, как «рисовали» в речи свою жизнь люди изучаемой им эпохи. Соответственно, бытие есть текст, а мир — это семиотическое образование, которое может быть расшифровано [2, с. 38—43].

Удачно определение дискурса российской исследовательницы В. Е. Чернявской: «Под дискурсом следует понимать текст(ы) в неразрывной связи с ситуативным контекстом: в совокупности с социальными, культурно-историческими, идеологическими, психологическими и др. факторами, с системой коммуникативно-прагматических и когнитивных целеустановок автора, взаимодействующего с адресатом, обуславливающую особую — ту, а не иную — упорядоченность языковых единиц разного уровня при воплощении в текст» [3, с. 77, 78].

Из множества подходов к дискурс-анализу, применяемых в современных условиях, автором выбран интегративный подход, который рассматривает дискурс, принимая во внимание позиции коммуникативистики, семиотики, прагматики, когнитивистики, с учетом различных видов информации и содержания [4, с. 11, 12]. Типологически рассматриваемый дискурс — письменный, по функциональности — научный, институциональный, преимущественно индивидуальный. Автор согласна с трактовкой научного текста, предложенной российской исследовательницей С. В. Ракитиной, которая рассматривает научный текст как «результат когнитивно-дискурсивной деятельности ученого, содержащий относительно завершенное научное знание, структурированное в соответствии с разработанной автором концепцией, объективируемой синкретической системой общезыковых и идиостилистических средств» [5, с. 14].

В постсоветской историографии существует масштабная работа, касающаяся французского абсолютизма и созданная на основе дискурсивного подхода. Это — «Наука “убеждать”», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е — начало 50-х гг. XX века» С. В. Кондратьева и Т. Н. Кондратьевой. Работа содержит, несомненно, ряд методологических находок. Однако, как видно из названия, авторами рассматривается совершенно иной, в отличие от предложенного в статье, временной отрезок [6].

Характеристика историографической ситуации рубежа 1980—90-х гг. представляет собой уровень экстралингвистического, т. е. над- и вокругтекстового анализа. Это — «дух времени», исторические, психологические, идеологические, социальные и другие факторы [3, с. 89]. На-

чатая в середине 1980-х гг. политика перестройки стала важнейшей предпосылкой для изменений в историографии, однако методологический перелом произошел несколько позже. Должен был пройти определенный период накопления материала, формирования нового теоретического видения и тематики, появления соответствующих работ.

Указанные явления вызревали достаточно давно. Так, еще в 1968—1972 гг. прошла дискуссия по проблемам абсолютизма, отвергнувшая концепцию «равновесия» не только применительно к России, но и ряду европейских стран [7]. Отрицание универсальности концепции «равновесия» значило не что иное, как демонстрацию предела социологического подхода в его марксистской интерпретации, невозможности сведения всего многообразия исторических явлений к причинам социально-экономического порядка. Появившаяся в середине 1985 г. статья С. О. Шмидта, Е. В. Гутновой, Т. М. Исламова «Абсолютизм в странах Западной Европы и России (опыт сравнительного изучения)» была своего рода «отправной точкой» для последующего десятилетия. Статья, безусловно, написана в традициях советской историографии, с цитатами классиков марксизма, акцентом на роль классовой борьбы, расстановку классовых сил, принятие, хотя и с известными оговорками, тезиса «равновесия» между дворянством и буржуазией и т. д. [8, с. 43—47]. Вместе с тем в работе присутствует наряду с достаточно толерантным отношением к западноевропейской историографии ряд перспективных идей. Это выявление специфики абсолютизма в конкретных странах, отсутствие отвлеченных социологических схем, признание того факта, что абсолютный монарх не был полностью независим в своей деятельности и т. д. [8, с. 44]. Наконец, предложенное в статье определение абсолютизма было настолько универсально и гибко, что вполне актуально и сейчас. Действительно, что можно принципиально возразить против понимания абсолютизма как комплексной социально-политической системы, «которая представляла собой последнюю наиболее централизованную форму феодального государства и возникла в условиях зарождения капиталистических отношений, так или иначе затрагивавших все страны Европы» [8, с. 43].

Во второй половине 1980-х гг. было фактически реабилитировано понятие «Старый порядок», обозначавшее период позднего феодализма и переходный характер общества [9, с. 27]. В связи с формированием «нового политического мышления», наступательно-критический тон в отношении западноевропейской историографии, господствовавший в советской исторической науке, постепенно сгладился. Ослабление иде-

ологического контроля и стремление «по-новому» интерпретировать марксизм привели не только к иному толкованию смысла текстов, но даже к изменению их внешнего вида — постепенно исчезали многочисленные цитирования классиков марксизма. Изменялись ключевые слова. Более того, показательным являлось не только то, что было сказано, но и то, что не было сказано, в сравнении с предыдущей традицией. Отмеченное обнаруживается как на уровне макросемантического анализа, т. е. общей смысловой структуры текста, так и на микроуровне текста — слов, словосочетаний, предложений и т. д. [3, с. 89].

Мощный удар устоявшимся в советской историографии представлениям о «феодально-абсолютистском строе» во Франции нанесло обсуждение проблем, связанных с 200-летием Великой французской революции. Например, само за себя говорит название сборника «От Старого порядка (а не феодально-абсолютистского строя. — Л. Л.) к революции» [10]. Не случайно Л. А. Пименова задает вопрос: «Что же было феодальным во Франции XVIII века?» Экономика была многоукладной, государство и общество также представляли собой переплетение разнородных элементов. Поэтому лучше вместо «феодально-абсолютистского строя» пользоваться принятым во французской литературе термином «Старый порядок» [11, с. 94, 95]. А. В. Чудинов, анализируя ряд проблем, связанных с Французской революцией, указывал на некорректность дальнейшего применения понятия «феодально-абсолютистский строй» и необходимость создания адекватной картины предреволюционной Франции [12, с. 70, 71].

Новые смысловые акценты сочетались с формированием соответствующего проблемного поля и методологических приоритетов, высказываемых в обобщающих публикациях. Подобное межтекстовое взаимодействие давало дополнительный импульс происходящим изменениям. Показательна работа Е. В. Гутновой, признанного авторитета в историографии средневековья, «Государство в структуре и эволюции феодального общества» [13], в которой указано на недостаточное внимание советской средневековедения к вопросам истории государства, что не только было упрощенным подходом, но и приводило к недооценке значения истории государства и права, религии и церкви, духовной культуры и идеологии [13, с. 247]. Подобная позиция автора, высказанная в 1989 г., была бы невозможной в предшествующие десятилетия. Далее Е. В. Гутнова обратила внимание на ряд вопросов, которые впоследствии сформируют «проблемное поле» в изучении западноевропейской абсолютной монархии: соотношение центральной власти и местного управления, де-

тельность аппарата управления, новое осмысление социальной политики, многообразие путей централизации, государство и культура, государство и церковь, наконец, личностный фактор [13, с. 252—260].

В конце 1980-х появляются работы качественно иной тематики и тональности в сравнении с традиционной советской проблематикой. Так, новым выглядело рассмотрение высшей бюрократии в системе Старого порядка, предпринятое Н. Е. Копосовым [14]. Феномен высшей бюрократии автор связывал с проблемой самореформирования абсолютизма и причинами Великой французской революции, среди которых не упоминался конфликт новых производительных сил и старых производственных отношений. Вывод звучал так: «С внутренней стороны (ибо мы не говорим здесь о состоянии общества) абсолютизм не мог самореформироваться потому, что его организация власти была не способна к политике последовательных реформ, ибо построена была не вокруг политической партии, а вокруг бюрократического лобби, не на основе принципиальной программы, но на основе родственных и деловых связей» [14, с. 51].

Вместе с тем рубеж 1980—90-х гг. — это период методологического перехода и сосуществования альтернативных традиций. Примером советской традиции является исследование К. И. Батыра, утверждавшего, в соответствии с ленинской оценкой, что «абсолютная монархия, обладая высокой степенью самостоятельности, тем не менее не могла эволюционно трансформироваться в буржуазную» [15, с. 8]. Абсолютная монархия во Франции, как, впрочем, абсолютизм любой другой страны, не могла быть и не была надклассовой силой, способной «отменить» феодализм [15, с. 20].

Знаковыми же для рубежа 1980—90-х гг. являются работы историков Н. Е. Копосова и Е. М. Кожокина. Статья «Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований» [16], как и приведенная выше работа о бюрократии, даже внешне имеет мало общего с «доперестроечной» традицией. Созданные на материале французских авторов, без критики буржуазной историографии и обращения к классикам марксизма как некоему методологическому эталону, работы демонстрируют сугубо авторскую позицию. В частности, в статье о финансистах подвергается сомнению тезис о безраздельном господстве знати в королевских финансах [16, с. 146—154.]. Опираясь на зарубежную историографию, Н. Е. Копосов формулирует идею границ власти короля, которая развивается впоследствии. «Неправильно видеть, — утверждает он, — в провинциальных интендантах всевластных агентов королевского произ-

вола или просвещенных реформаторов жизни провинций: ни для того, ни для другого у них просто не хватало сил. Все это вносит существенные коррективы в привычную картину французского абсолютизма, который, при ближайшем рассмотрении, даже в пору своего наивысшего расцвета предстает не слишком «абсолютным» [17, с. 160].

Особое внимание было уделено Н. Е. Копосовым изучению политических карьер XVII в. Сформулированный вывод также разрушал ряд стереотипов. Несмотря на социальное происхождение, которое слабо сказывалось на карьерном росте, и с учетом более значимых родственных связей, политические карьеры определялись в первую очередь «деловыми качествами... в особенности умственными способностями, деловыми навыками, честолюбием и готовностью исправно вершить волю министров» [18, с. 16, 17].

Статья «Абсолютная монархия во Франции» выглядит если и не «концептуальным прорывом», то примером нового дискурса [19]. Справедливо утверждая, что неправомерно переносить государственно-правовые концепции XIX — начала XX в. (время создания теории абсолютной монархии в историографии) на реалии XVI—XVIII вв., Н. Е. Копосов, по сути, разрушил тезис о неограниченной власти монарха при абсолютизме, указывая на ряд ее институциональных и доктринальных ограничений [19, с. 42—44]. Было показано, что, несмотря на армию, финансы, аппарат управления, материальной силе государства противостояла независимая от него сила общества [19, с. 45—54]. Характеристика абсолютизма как феодального государства, по мнению Н. Е. Копосова, является упрощенной — и общество, и государство Старого порядка относились к переходному от феодального к капиталистическому типу [19, с. 55]. Говоря о причинах возникновения абсолютной монархии, автор не упоминает концепцию «равновесия», а утверждает, что абсолютизм был этапом почти тысячелетнего роста государства, который, в качестве гипотезы, уместно связать с усложнением общественной жизни, совершенствованием управления экономикой, формированием нового типа личности [19, с. 55].

Как отклик появилась заметка Ю. Е. Ивонина с красноречивым названием «Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме?» [20]. Автор полемизирует с Н. Е. Копосовым, делает это корректно, по существу. Разумеется, «статья не бесспорна во многих отношениях» [20, с. 177], но обороты «автор не без оснований подчеркивает», «справедливо обращается внимание», «справедливо подчеркивается» [20, с. 177, 178] указывают скорее на желание конструктивного диалога, формой

которого и представлялась дискуссия. В ее ходе могло быть выработано «более емкое, цельное, всестороннее, объективное и научно обоснованное представление об абсолютной монархии во Франции» [20, с. 178]. Другое дело, что историографическая реальность начала 1990-х гг. оставила высказанную идею только в проекте.

Значимым симптомом изменений в дискурсе стало появление работ, посвященных государственным деятелям Франции эпохи абсолютизма. Нужно отметить, что в советской историографии выпуск специальных работ, посвященных представителям «эксплуататорских классов», к тому же с раскрытием их внутреннего мира, был невозможен. В 1990 г. вышла созданная П. П. Черкасовым политическая биография кардинала Ришелье [21]. Написанная живым языком, с огромным вниманием к внутреннему миру Ришелье, она рисует панораму внутренней и внешней политики Франции. Лишенная прямолинейных оценок, основанная в большей степени на французских источниках, книга формирует многогранный образ, отнюдь не идеализируя кардинала.

По сути, символическим исследованием стала работа В. Н. Малова, представителя старшего поколения историков, «Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество». С одной стороны, в ней на основе марксистской методологии изложена концепция французского абсолютизма, с другой — биография Ж.-Б. Кольбера, «великого французского государственного деятеля» [22, с. 3]. С точки зрения советской историографии, создание биографии недостойного такого «почета» представителя абсолютистского государства было бы проблематичным в «доперестроечных» условиях. Позднее В. Н. Малов отмечал: «Самая главная и самая сложная работа — безусловно, книга о Кольбере. Для меня это было как штурм Измаила, о котором Суворов сказал, что решиться на такое дело можно только раз в жизни. Тема масштабная, широкоохватная и такая замусоренная стереотипами, легендами... Да тут еще «указание» начитавшегося физиократов Энгельса на то, что мануфактуры Кольбера разорили крестьянство, — как бревно поперек дороги... Хорошо, что я писал книгу уже в годы перестройки. Мне было очень трудно решиться взять эту тему, некоторое время казалось, что тут ничего нельзя сделать...» [23, с. 56].

Постепенно практически по всем позициям произошло либо уточнение, либо разрушение прежних представлений. Разрыв с ними иллюстрируют такие, например, характеристики королевской власти, данные Е. М. Кожокиным: «Королевская власть, эманацией которой... являлось государство, в сознании людей покоилась на трех основах: религиозной,

феодальной и римско-правовой ... в самой ее природе было много мистического, ускользающего от современного рационального осмысления. Мистика присутствовала в самом официальном титуле государя — «король Франции», под словом «Франция» подразумевалась не политическая или географическая реальность, а некая духовная сверхреальность. Мистика, политика, религия, экономика сливались в одно целое. Рациональное расчленение сфер общественной жизни еще только намечалось...» [24, с. 4]. «Королевская власть, эманацией которой являлось государство», «мистика», «духовная сверхреальность» — это не только принципиально новый дискурс и новая лексика, но и концептуально противоположное советской традиции видение проблемы государства и монархической власти, в соответствии с которой они расценивались как орудия классового господства.

Таким образом, на рубеже 1980—90-х гг. историографические трансформации, в известной мере подготовленные ранее, приобрели необратимый характер. Они проявились в изменении лексической, предметной, понятийной составляющих дискурса. Более того по сравнению с дореволюционной и советской традициями изменился ценностный подход к абсолютизму. Последний перестал быть преимущественно предпосылкой буржуазных революций и «неизбежным злом», которому предьявлялся счет, и стал расцениваться как явление, представляющее собственную научную значимость. Не случайно впоследствии возрастает количество исследований, посвященных практике абсолютной монархии, ее церемониалу, повседневности, властным структурам, политическому имиджу, символике власти, влиянию на коллективную психологию и общество и т. д. Получает широкое развитие социально-психологический подход, в рамках которого создаются психологические и политические портреты монархов и деятелей королевской администрации.

Доминирование социально-экономической модели абсолютизма становится фактом историографического прошлого. Однако применение преимущественно социально-психологической модели и выход на микроуровень вызвали ту самую ситуацию, о которой говорил П. Ю. Уваров: абсолютная монархия при пристальном рассмотрении оказалась уже не тем, что должно было быть в соответствии с имеющимися определениями. Массив конкретного материала перестал укладываться в рамки существующих схем, сломанных самооценностью единичного и уникального. В свете сказанного ясно, почему в современных условиях разрабатываются преимущественно частные проблемы, а создание це-

лостной модели абсолютной монархии с соответствующими дефинициями представляется задачей будущего.

Широкие перспективы имеются в этой области для дискурс-анализа, разномасштабность и многоуровневость которого открывают новые ракурсы и возможности. Понимание нарративного источника как артефакта культуры, интертекстуальности исторического знания, а культуры — как совокупности дискурсов и знаковых систем требует соответствующей методики и методологии. Именно поэтому дискурс-анализ в историографии привлекает особое внимание отечественных исследователей [25].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Уваров П. Ю.* Французский король, его суды и его подследственный (дело Филиппа Кавелье, 1546—1553) // Искусство власти : сб. в честь проф. Н. А. Хачатурян. СПб. : Алетейя, 2007. С. 236—257.
2. *Сидорцов В. Н., Шутова О. М.* Лингвистический поворот в историографии и дискурс-анализ // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании / М. О. Александрович [и др.]. М. : Изд. центр БГУ, 2008. С. 37—48.
3. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого взаимодействия : учеб. пособие. М. : Флинта ; Наука, 2006. 136 с.
4. *Маркович А. А.* Дискурс: определения, история возникновения, типология, подходы к изучению дискурса // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 5: Дискурс в современном гуманитарном знании / М. О. Александрович [и др.]. М. : Изд. центр БГУ, 2008. С. 5—17.
5. *Ракитина С. В.* Когнитивно-дискурсивное пространство научного текста : автореф. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Волгогр. гос. пед. ун-т. Волгоград, 2007. 44 с.
6. *Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе: 20-е — начало 50-х гг. XX века. Тюмень : Мандр и К°, 2003. 272 с.
7. *Чистозвонов А. Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // Вопр. истории. 1968. № 5. С. 46—62.
8. *Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. М.* Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. 1985. № 3. С. 42—58.
9. *Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М. : МГУ, 1986. 213 с.
10. От Старого порядка к революции: к 200-летию Великой французской революции : межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. Л. : ЛГУ, 1988. 175 с.

11. *Пименова Л. А.* О некоторых спорных вопросах истории Старого порядка и революции // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции : материалы круглого стола 19—20 сент. 1988 г. М. : ИВИ РАН, 1989. С. 93—98.
12. *Чудинов А. В.* Назревшие проблемы изучения истории Великой французской революции (по материалам обсуждения в Институте всеобщей истории АН СССР) // Новая и новейшая история. 1989. № 2. С. 65—74.
13. *Гутнова Е. В.* Государство в структуре и эволюции феодального общества // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Вып. 2. М. : Наука, 1989. С. 247—260.
14. *Копосов Н. Е.* Высшая бюрократия в политической системе Старого порядка // От Старого порядка к революции: к 200-летию Великой французской революции : межвуз. сб. / под ред. В. Г. Ревуненкова. Л. : ЛГУ, 1988. С. 26—51.
15. *Батыр К. И.* Основные проблемы возникновения буржуазного государства во Франции (анализ современных французских историко-юридических исследований) : автореф. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Всесоюз. юрид. заоч. ин-т. М., 1989. 41 с.
16. *Копосов Н. Е.* Французский абсолютизм и финансисты в свете новейших исследований // Французский ежегодник. 1985. М. : Наука, 1987. С. 139—155.
17. *Копосов Н. Е.* Провинциальные интенданты во Франции Старого порядка (аналитический обзор) // К 200-летию Великой французской революции (зарубежная историография) : реферат. сб. М. : ИНИОН, 1988. 160 с.
18. *Копосов Н. Е.* К изучению политических карьер во Франции XVII в. // Вестн. ЛГУ. Сер. 2. Вып. 2. 1989. С. 11—18.
19. *Копосов Н. Е.* Абсолютная монархия во Франции // Вопр. истории. 1989. № 1. С. 42—57.
20. *Ивонин Ю. Е.* Нужно ли возобновлять дискуссию об абсолютизме? // Вопр. истории. 1989. № 12. С. 176—178.
21. *Черкасов П. П.* Кардинал Ришелье. М. : Междунар. отношения, 1990. 384 с.
22. *Малов В. Н., Кольбер Ж.-Б.* Абсолютистская бюрократия и французское общество. М. : Наука, 1991. 240 с.
23. Интервью с Владимиром Николаевичем Маловым // Средние века. Вып. 69 (2). М. : Наука, 2008. С. 55—58.
24. *Кожокин Е. М.* Государство и народ. От Фронды до Великой французской революции / отв. ред. П. П. Черкасов. М. : Наука, 1989. 176 с.
25. *Сидорцов В. Н.* Научный дискурс историка: социальная обусловленность и методология исследования. Минск : Изд. центр БГУ, 2013. 192 с.

И. Л. КАЛЕЧИЦ

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАФФИТИ ПОЛОЦКОЙ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ

В статье исследована методика граффити Спасо-Преображенской церкви г. Полоцка. Изучение каждой надписи проходит шесть этапов: первичного чтения, фиксации, вторичного чтения, прорисовки, изучения и использования как исторического источника. Междисциплинарный подход к изучению надписей позволяет всесторонне изучить каждое граффито и использовать его как исторический источник.

The article is devoted to research methodology graffiti Transfiguration Church in Polotsk. Study each label takes six steps: primary reading, locking, secondary reading, drawing, study and use as a historical source. Interdisciplinary approach to the study of inscriptions allows fully investigate each graffiti and use it as a historical source.

Ключевые слова: граффити, граффито, гипернасыщенное письменное пространство, зона доступности, микроисследование граффито, прорись.

Keywords: graffiti, graffito, hypersaturated writing space, availability zone, microanalysis of graffito, breakthrough.

Граффити полоцкой Спасо-Преображенской церкви — совокупность письменных источников, которые в настоящее время активно вводятся в научный оборот. Это связано в первую очередь с проведением реставрационных работ в церкви. На начало 2014 г. расчищено около 85 % площади фресок, что открыло доступ и к надписям-граффити. Безусловно, не вся площадь, занятая фресками, покрыта надписями. Граффити находятся в зоне досягаемости, т. е. там, где надписи было удобно наносить во время богослужения, в то время, когда церковь была действующей, и там, где была возможность нанести их, когда богослуже-

Калечыц Іна Леанідаўна — дацэнт кафедры дапаможных гістарычных дысцыплін і метадыкі выкладання гісторыі Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя Максіма Танка, кандыдат гістарычных навук.

ния прекратились. К таким местам относятся алтарь, столбы, стены церкви (нижний ярус) и хоры, кельи, лестница (верхний ярус). Надписи нижнего яруса практически изучены, их количество приближается к тысяче. Изучение надписей верхнего яруса продолжается.

Планомерное исследование надписей-граффити начато автором в 2007 г. и проводилось в контексте изучения эпиграфических памятников Беларуси [1]. В настоящее время комплекс граффити Спасо-Преображенской церкви исследуется как самостоятельный исторический источник в контексте родственных памятников, найденных на территории проживания восточных славян. Изучение комплекса опирается на исследования, проводимые ранее учеными-эпиграфистами на аналогичных памятниках [2—4]. Однако развитие информационных технологий предоставляет новые возможности фиксации, хранения и обработки информации, позволяет совершенствовать методику исследования граффити.

Исследование надписей начинается с выделения и изучения определенного участка, например южной стены жертвенника. Это обусловлено чисто техническим удобством фиксации местонахождения надписей. Хотя, как показывает дальнейший анализ граффити, место их нанесения не всегда произвольно. Так, вышеупомянутая южная стена жертвенника содержит самое большое количество рисунков, что связано с пребыванием там во время богослужения молодых алтарников, в то время как келия преподобной Евфросинии, святыня для православных, практически не имеет кириллических надписей, но испещрена латинскими. Практически все надписи нижнего яруса укладываются в «рамки досягаемости» от 40 до 250 см, т. е. зону, удобную для их нанесения. Местонахождение надписей фиксируется на миллиметровой бумаге. Таким образом, осуществляется их фиксация в пространстве.

В нижнем ярусе в алтарной части граффити нанесены на южную и северную стены жертвенника, южную и северную стены алтаря, южную, северную и восточную стены диаконника, а также восточные и западные стены проемов между алтарем и диаконником, алтарем и жертвенником. В остальном пространстве церкви подавляющее большинство надписей находится на столбах, которых в церкви четыре. Они были обозначены автором относительно сторон света и соответственно своему местоположению в церкви. Алтарь церкви направлен на восток: северо-восточный, северо-западный, юго-восточный и юго-западный. Грани, соответственно, обозначены как восточная, юго-восточная, южная, юго-западная, западная, северо-западная, северная и северо-восточная.

После выделения изучаемого участка начинается «микроисследование граффито», когда над каждой надписью проводится целый ряд действий, направленных на ее фиксацию и изучение. Таким образом, исследование граффито проходит в несколько этапов. Первый этап — первичное чтение надписи. Выделяется логически законченное граффито или его условные границы, о которых можно говорить, если надпись находится в гипернасыщенном текстовом пространстве, где определенное количество граффити находится в наложении друг на друга, либо надпись не дописана, зацарапана или затерта (логически не завершена). Гипернасыщенность письменного пространства — одна из основных проблем изучения граффити Спасо-Преображенской церкви. Так, например, на восточной стене проема между алтарем и диаконником, т. е. на участке размером 140х150 см, находится около 150 надписей, из которых можно выделить около 120 читаемых. Остальные зачеркнуты, затерты, отбиты либо нечитаемы вследствие наложения друг на друга — их прочтение не представляется возможным. Латиноязычные надписи, преимущественно нанесены на кириллические, что чрезвычайно затрудняет прочтение последних.

Второй этап — фиксация надписи — дает, во-первых, возможность «кабинетного» изучения граффито. Ограничение времени для непосредственного изучения граффити, вследствие большого их объема и проведения реставрационных работ, привело к необходимости фиксации надписей и изучения их в кабинетных условиях. Во-вторых, фиксация делается с целью документирования надписи, создания ее виртуального образа, последующего составления каталога и публикации. Автором использовался метод цифровой съемки надписей на зеркальную камеру Canon EOS с применением штатива для избежания размытости и нечеткости во время съемки. В некоторых случаях фотографирование было затруднено. Например, во время фиксации надписей в проемах между диаконником и алтарем, а также между жертвенником и алтарем, учитывая пространство в 54 см от стены до стены, не всегда можно было сделать полноценные снимки надписи в один кадр. Тогда фрагменты «склеивались» в панораму с помощью программы Photoshop. Огромную роль в съемке и последующем прочтении играет освещение. Так, в процессе съемки пришлось отказаться от профессиональной студийной подсветки фотолампами-вспышками. Они давали слишком направленный свет, что приводило к пересвечиванию части надписи, близкой к источнику света, и недосвечиванию противоположной части, а следовательно, к невозможности прочтения и полноценной публика-

ции граффито. Автор заменила фотолампы-вспышки на галогеновый прожектор мощностью до 500 Вт, который дает более равномерный интенсивный свет и позволяет выделить все нюансы надписи. Очень полезной является в данном случае рекомендация И. А. Шляпкина [5, с. 6], который еще в 1905 г. писал о необходимости съемки эпиграфического памятника, а в данном случае надписи, со всех сторон. Это дает возможность учесть все тонкости написания и избежать разночтений и сложностей трактовки надписи. Во время каждой экспедиции была отснята информация объемом более 50 Гб. Большой объем объясняется тем, что происходило двойное копирование файлов — в двух форматах: *jpeg* и *cr*. Обработка и прорисовка надписей осуществлялась в *jpeg*-формате, который имеет свойство ухудшать качество в течение каждого нового открытия, обработки или копирования. В то же время фотографии в *cr*-формате сохраняются без изменений. Это так называемый «сырой» банк данных, где фотоснимки хранятся без изменений на случай утери качества фотографиями *jpeg*-формата.

Следующий, третий, этап обработки надписей — их вторичное чтение. В целом все надписи можно разделить на три основные группы. Первая — это надписи, легко поддающиеся прочтению. Их смысл становится понятным с первого же прочтения. Чаще всего это надписи, смысл которых логически продолжается. Например, это молитвы-просьбы о помощи. Они строятся по схеме «Господи, помози рабу своему (или рабе своей)». Так, сокращение «ги» предполагает наличие слова «помози», далее слов — «рабу своему» и, наконец, имени, не обязательно в «календарном» варианте. Это может быть сокращенное или адаптированное, в народном произношении, имя. Надписи такого рода не обязательно четко написаны. Они могут быть полустертыми либо включенными в гипернасыщенное пространство. Однако их прочтение не представляет трудностей.

Вторая группа надписей читается сложнее, так как в ней может присутствовать многовариантность или затемненность прочтения букв и слов. Это могут быть полустертые или частично испорченные надписи, нанесенные очень тонким предметом скорописные граффити. Их прочтение требует тщательного подхода, изучения, а в ряде случаев и перепроверки на месте нанесения надписи. Такие надписи в большинстве случаев поддаются расшифровке.

Третья группа надписей — фрагментарные или испорченные надписи. Их осмысление затруднено, и они предполагают несколько вариантов, а то и невозможность прочтения.

Четвертый этап — прорисовка граффити. Эта своеобразная «эпиграфическая археография» делается для упрощения чтения и изучения надписей, улучшения их наглядности, устранения дополнительных деталей граффити (черточек и царапин), не имеющих отношения к тексту и затрудняющих его изучение. По мнению автора, неверным является публикация прорисовки совмещением с фотографией граффити, которая выполнена, например, полоцким краеведом И. З. Залиловым [6]. Безусловно, прорисовка выполняется по снимку, но оба варианта, фотография и прорисовка, должны существовать параллельно. Это целесообразно с точки зрения научной достоверности и дает возможность критически подходить к изучению надписи. Как показывает историография исследования граффити древнерусских храмов, некоторые надписи имеют многовариантное прочтение и трактовку разными учеными [7, 91—102]. Прорисовка и перекрытие прорисовкой первоначальной надписи не оставляет другим ученым возможности научной критики. Поэтому автор предпочитает не нарушать принцип объективности и предоставлять прорисовку и фотографию надписи в параллельных вариантах. Основанием для такой публикации граффити являются работы С. А. Высоцкого и А. А. Медынцевой [3, 4]. Работа выполняется в среде графического редактора Photoshop с помощью метода слоев. Так, основным слоем (background) является фотография надписи в формате *jpeg*, на него накладывается и заливается белым цветом и отключается следующий слой (layer 1) — «белый» и прозрачный слой (layer 2) — «калька», на котором и делается прорисовка. Далее background удаляется, layer 1 активизируется и склеивается с layer 2. Прорисовка готова для изучения. Она наглядно представляет надпись.

Пятый этап изучения надписи самый сложный, так как после первичной обработки осуществляется изучение граффито как исторического источника. На этом этапе привлекается множество сведений из области палеографии, языкознания, антропоники и других наук, а также и специальных дисциплин для прояснения смысла и датировки надписи. Ведущая роль в датировке большинства надписей принадлежит палеографии, так как основная масса граффити недатирована (мастером) либо частично датирована. Так, в «языковом плане» граффити представлены кириллическими и латинскими надписями, что связано с принадлежностью здания церкви разным конфессиям на протяжении истории ее существования. Кириллические надписи более информативны, они содержат ссылки на имена и события, но в большинстве своем — частично датированные (содержат ссылку на день и месяц или цер-

ковный праздник, но в них нет ссылки на год). Датирована самая ранняя надпись (1189 г.), далее датировка в надписи появляется с конца XIV в. Латинские надписи менее информативны, чаще всего — это надписи типа «тут был» — «hic fuit» с именем и фамилией либо просто имя и фамилия. Однако эти надписи часто имеют ссылку на год. Под названием «латинские надписи» нужно понимать граффити, написанные латинскими буквами на латинском или польском языке, что из-за фрагментарности надписи часто установить невозможно. Признаком латинского языка надписи часто являются окончания на -us либо слова «hic fuit».

Активно привлекаются при исследовании граффити данные языкознания. Это касается форм слов, языковых особенностей, например, таких как «мягкость ц», употребление одноеровой графики и т. д. Даже предварительное исследование надписей дает возможность проследить появление черт белорусского языка, начиная с XIII в. Некоторые слова, как, например, слово «пуга» [8, с. 140], либо тексты, такие как загадка о первочеловеке Адаме [9, с. 36], зафиксированы в граффити церкви раньше, чем они появляются в других письменных источниках.

Данные антропонимики также широко используются при изучении граффити, ведь основная масса надписей содержит имена, которые даются не всегда в церковном православном либо католическом календарном варианте, но чаще всего ассимилированы народной речью. В граффити зафиксированы не только имена, но и именованья по отцу, мужу, клички, фамилии.

Шестой этап — использование надписи как полноценного исторического источника. Безусловно, не все надписи несут равноценный объем исторической информации, но все они ценны как памятники письменности, «острая нехватка» которых наблюдается в белорусском источниковедении. Некоторые надписи, например, такие как граффито о смерти Ульяны Тверской, являются открытиями, которые дают информацию, не содержащуюся более ни в каком источнике [10, с. 60, 61]. Ряд изученных надписей уже дал нам не только имена епископов, игуменов, также не известных ни по каким более источникам, но и имена простых людей Средневековья, события из жизни которых были зафиксированы на стенах церкви.

В связи с изучением граффити возникает ряд вопросов. Один из которых — их классификация. Нам представляется наиболее целесообразной классификация по цели нанесения надписи. Хотя в основу может быть положена и ее языковая принадлежность. Временной ин-

тервал нанесения надписи также важен для ее изучения. Так, например, надписи-молитвенные прошения с течением времени изменяют свою формулировку с «Господи, помози» на «спаси мя». Создание классификации граффити полоцкой Спасо-Преображенской церкви — отдельный вопрос, требующий глубокой и всесторонней разработки, может быть решен только после тщательного изучения всей совокупности надписей.

Еще одна проблема связана с публикацией граффити, которые хотя и являются письменными памятниками, но далеко не всегда укладываются в правила написания текстов и иногда делают правила публикации неприменимыми. Это частично связано и с тем, что возможности печати не всегда могут передать содержание надписи, и в частности выносные буквы. Вместе с тем публикация надписи должна идеально и точно передавать ее содержание. Поэтому автор придерживается следующих правил публикации источников. Слова в интерпретационном чтении надписи делятся на слова по смыслу, в то время как в оригинале они чаще всего пишутся без пробелов и деления. Выносные буквы, по возможности, выносятся над словом. Если такой возможности нет, то они помещаются в текст, однако отделяются косой чертой (/), например, дьяко/н/—последняя буква является выносной и в оригинале записана над словом, но в печатном варианте нет возможности поместить ее над строкой. Над сокращенными словами ставится титло, если оно есть в оригинале. Окончание строки выделяется двойной косой чертой (//). Если новая строка начинается с нового слова — между косыми черточками ставится пробел, например декабра» // пръставися, если перенос строки разрывает слово — пробел не ставится, например авоу//ста. В квадратные скобки заключается предполагаемое чтение части граффити, в круглые — очевидные, но утраченные буквы. Между двумя прямыми черточками заключаются буквы, которые завершают предыдущее слово и одновременно начинают следующее, например преподобно|фросинь — «преподобное Евфросинье».

Остается открытым вопрос: планомерно ли употреблять в отношении к одному, отдельно взятому граффито термин «текст»? Так, например, по определению И. Р. Гальперина [11], текст — это письменное сообщение, объектированное в виде письменного документа, который состоит из ряда высказываний, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, который имеет определенный моральный характер, прагматическую установку и соответственно литературно обработанный. Кроме этого, текст должен состоять из не-

скольких предложений. Всего этого требовать от граффити невозможно, потому как надпись может состоять из одного слова и даже нескольких букв. Но он все равно несет на себе смысловую нагрузку. Поэтому нам представляется правомочным употребление такого термина в отношении отдельно взятого граффито: это законченное высказывание, которое не имеет продолжения, но содержит информацию определенной ценности. Термин «текст граффито» принят современными исследователями-эпиграфистами, которые занимаются изучением граффити средневековых храмов [7].

Еще одна из проблем изучения граффити — инструменты, которыми наносились надписи. Гипотетически можно предположить, что это были ножи, иголки и писала (стили). Надписи, сделанные писалами, представляют собой ряд букв, с аккуратными абрисами, так как кончик писала, противоположный лопаточке, довольно хорошо заострен. Буквы другого типа надписей не имеют таких четких абрисов, они как бы «рваные» по краям, что предполагает их нанесение острым, но более широким предметом, по-видимому, ножом. В ряде случаев буквы очень тонкие: иногда глубоко врезанные, а иногда нанесенные очень поверхностно, так, что их фиксация и чтение значительно усложняются. Скорее всего, они были нацарапаны иголкой.

Таким образом, исследование комплекса граффити Спасо-Преображенской церкви включает микроисследование каждой надписи, которое состоит из шести этапов: первичного чтения, фиксации, вторичного чтения, прорисовки, изучения и использования граффито как полноценного исторического источника. При этом используется междисциплинарный подход, что позволяет задействовать широкий диапазон методов и знаний исторических и неисторических дисциплин. В результате исследования становится возможным использование данного комплекса граффити как ценного письменного материала по истории Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Калечыц І. Л.* Эпіграфіка Беларусі. Мінск : Беларус. навука, 2011. 271 с.
2. *Калечыц І. Л.* Эпіграфічныя помнікі і іх даследаванне // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 5 / рэдкал. : У. Н. Сідарцоў (адк. рэд.), С. М. Ходзін (нам. адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2009. С. 89—94.
3. *Высоцкий С. А.* Средневековые надписи Софии Киевской (по материалам граффити XI—XVII вв.). Киев : Наук. думка, 1976. 455 с.

4. *Медынцева А. А.* Древнерусские надписи Новгородского Софийского собора XI—XVI веков. М. : Наука, 1978. 311 с.
5. *Шляпкин И. А.* Палеография: лекции, читанные в Санкт-Петербургском археологическом институте и стенографически записанные. СПб. : Изд-во слушателей данного ин-та, 1905. 28 с.
6. http://spasmonastery.by/the_architectural_complex_of_the_monastery/saviour_transfiguration_church/graffiti.php (дата обращения: 25.12.2013).
7. *Михеев С. М.* Заметки о надписях-граффити Новгородского Софийского собора. Ч. I // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2010. № 2. С. 91—102.
8. *Калечиц И. Л.* Запись о наказании попа и другие граффити Спасо-Преображенской церкви г. Полоцка // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. Вып. 7 / рэдкал. : С. М. Ходзін (адк. рэд.) [і інш.]. Мінск : БДУ, 2012. С. 134—140.
9. *Калечиц И. Л.* Графіці на слупах полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы // Беларус. гіст. часоп. 2012. № 5. С. 32—37.
10. *Калечиц И. Л.* Запись о смерти Ульяны Тверской в граффито полоцкой Спасо-Преображенской церкви // Древняя Русь. Вопр. медиевистики. 2013. № 3(53). С. 60—61.
11. *Гальперин И. Р.* О понятии «текст» // Материалы науч. конф. «Лингвистика текста». М., 1974. Т. 1. С. 67.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25 верасня 2013 г.

С. С. ЗЛОБИН

КОНЦЕПЦИЯ ГИБРИДНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ ИНДИЙСКОГО КУЛЬТУРОЛОГА ХОМИ БХАБХА

Рассматривается концепция гибридности в творчестве одного из лидеров постколониализма профессора Гарвардского университета Хоми Бхабха. Прослеживается генезис гибридов, дается трактовка того, как соотносится гибрид и колонизатор, гибрид и колонизированный. Особое внимание уделяется междисциплинарному характеру исследования гибридов. Также представлена критика данной концепции.

The article represents the study of the concept of hybridity elaborated by one of the leaders of postcolonialism Professor of Harvard Homi Bhabha. Genesis of hybrids, relations between hybrid and colonizer, hybrid and colonized have been examined. Special attention is paid to the interdisciplinarity in investigation of hybrids. Critique of this concept is also presented.

Ключевые слова: амбивалентность, гибридность, Индия, колонизатор, колонизированный, мимикрия, постколониализм, санскрит, Хоми Бхабха.

Keywords: ambivalence, hybridity, India, colonizer, colonized, mimicry, postcolonialism, Sanskrit, Homi Bhabha.

Принцип междисциплинарности является основополагающим для современной гуманитаристики. Философы активно осваивают методы дискурсивного анализа. В литературе появились направления, подобные Новому историзму (New Historicism). Историки также не остаются в стороне. Особенно значимой становится сфера методологии истории, благодаря которой происходит накопление и развитие новых подходов и концепций для решения актуальных проблем. В этом контексте широкие возможности для применения достижений культурологии и лингвистики в работе историка открывает творчество профессора Гарвардского университета Хоми Бхабха (род. в 1949 г.).

Злобин Сяргей Сяргеевіч — аспірант кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Однозначно определить профессию Хоми Бхабха затруднительно. Его цитируют и историки, и философы, и лингвисты, и культурологи. Неоспоримо, что он является лидером направления постколониальных исследований, автором большого количества неологизмов (гибридность, мимикрия, амбивалентность, дисемиНация и т. д.). В своих работах Х. Бхабха [2—11, 17] затрагивает самые различные вопросы: национализм, постколониальная литература, проблема города эпохи глобализма, письмо и письменные практики, постмодернизм, герменевтика, феноменология в изучении истории, культуры и философии стран третьего мира. Но ключевым словом для характеристики его творчества является все же «постколониализм» (постколониальные исследования). Признавая авторитет Франца Фанона и Эдварда Саида [1, 13—15], которые открыли это дискурсивное поле, следует согласиться с тем, что Хоми Бхабха значительно обогатил его своими концепциями и придал ему новый вектор развития.

Одной из таких концепций является гибридность. Гибридность — понятие, применяемое Х. Бхабха для характеристики специфических культурных объектов, возникающих на стыке колониальной (европейской, глобальной) и местной традиций [11, р. 113, 114]. Следует получить ответы на следующие вопросы: как образуются гибриды, что они собой представляют, в чем отличие характеристики культурного объекта как гибрида от его характеристики с точки зрения психоанализа, семиотики, герменевтики и т. д., каковы перспективы для критики данной концепции.

Основополагающим принципом постколониальных исследований является утверждение о том, что невозможно рассматривать вопросы, касающиеся третьих стран, без принятия во внимание колониальной ситуации, так как всякий раз стереотипы, порожденные эпохой колониализма, определяют структуру наших идей о бывших колониях. Эдвард Саид говорил, что колониальное правление осуществляется скорее не по средствам политического и экономического контроля, а представляет собой сложный процесс репрезентационного доминирования над колонизированным через выработку о нем специфических форм знания [1, с. 12—18]. Эти знания не являются ложными; нет никакого сознательного искажения Востока, Не-Запада, Азии и Африки. Проблему представляет их логическая последовательность и содержательность, которые определяются дискурсивным превосходством Запада над Востоком. И критика сосредотачивается не на анализе целей и желаний автора текста, а на самой текстуальности, структуре текста, где автор

всего лишь функция, и он вынужден употреблять те или иные стереотипы в своих трудах только потому, что это «правильно».

Такие утверждения вызывают возражения у Х. Бхабха. Особенно та оппозиция колонизатор — колонизированный, которую Э. Саид берет за основу, показывая, как третий мир «конструируется» миром первым. Жесткость этой оппозиции обусловлена тем, что Э. Саид сохраняет разделение на тех, в руках кого сосредоточена власть и кто управляет, и на тех, кто находится в подчиненном положении. По Х. Бхабха, культурный образ колонизированных и колонизаторов является более сложным. Ведь, с одной стороны, на локальном уровне присутствует и погоня за модными тенденциями, и вполне европейское пристрастие к футболу, и «показное» потребление по Торстену Веблену, не говоря уж о заимствованиях из языка колонизаторов (Хиндиш). А с другой стороны очевидно влияние колониализма и на бывшие метрополии: миграция, межрасовые браки, африканские мотивы в искусстве (кубизм), «расширение» английского языка, вынужденного включать в себя не только британскую литературу. Все это указывает на то, что «колониальное присутствие (presence) всегда амбивалентно, расколото между своим появлением как авторитетным утверждением и дальнейшим развертыванием и как бесконечным повторением и дифференциацией» [11, p. 107]. В каждой ситуации колониальные отношения повторяются, но каждый раз в разном облики, а вовсе не обязательно лишь в виде Ориентализма как научно-литературной практики о Не-Западе, где отчетливо видны обе стороны: кто силен и может говорить об угнетаемом, а кто слаб и чей удел — молчание. Соппротивление колонизатору не является просто противостоянием ему, оно неразрывно связано с ним, и этот факт уничтожает всякую оппозиционность в исследовании колониализма. Исследователь обязан сосредотачиваться на колониальном дискурсе, наполненном различиями, а не противопоставлять друг другу два якобы разных по природе феномена (например, британский империализм и национально-освободительное движение). Соппротивление, по Бхабха, это не противоположность колониального присутствия, а эффект его амбивалентности, появляющийся в ходе становления доминирующего дискурса в процессе артикуляции знаков культурного различия и повторения их в контексте одних и тех же отношений колониальной власти [11, p. 110, 111].

В качестве примера «раскола» «присутствия» Х. Бхабха приводит историю встречи миссионера Анунда Мессеа с группой индийцев, сидящих в роще под деревом и читающих книгу. Мессеа, заметив, что это

Священное Писание, начал с ними разговор. Однако на свои вопросы он получал неординарные ответы. Например, будучи искренне уверенными, что книгу им дал на ярмарке Ангел в человеческом облики, индийцы не могли поверить Мессеа, который убеждал их, что Ангел здесь ни при чем, а книгу эту на хиндустани напечатал белый человек. «Как такое может быть? Ведь белый человек ест мясо!» Отказом они ответили и на увещания Мессеа о том, что им подобает принять таинства, — обрядовую сторону проводят опять-таки европейцы, употребляющие мясо. И при всем при этом новообращенные читатели пребывали в полном восхищении от книги [11, р. 102—104].

«Английский» артефакт в этом дискурсе не представлен в целостности присутствия, а переопределяется через свою реконфигурацию. Как «означающее» власти, английская книга приобретает свой властный смысл только после определенного «искажения» колониальной дифференциаций, культурной и расовой. Английская книга больше не является ни «оригинально» английской — акт повторения в индийском контексте уже состоялся, — ни «идентичной» самой себе — акт дифференциации также имел место. Английская книга уже никакая не «английская», но и не «индийская», она — в некоем третьем пространстве, где все знаки, слова, «означающие» находятся в постоянном состоянии переопределения их смысла и полностью лишены своих «означаемых». Такие элементы, как английская книга, занимают господствующее место в колониальном дискурсе только через всякий раз новую интерпретацию и отличие от самих себя.

Природу колонизированного в условиях расколотости «присутствия» Х. Бхабха определяет как «мимическую». «Мимикрия» задает видение колонизированного колонизатором и самим собой [11, р. 120, 121]. Из-за отсутствия четко заданных маркеров идентичности колонизированный всегда выступает как *почти такой же, как колонизатор, но немного не такой*. Именно с такой позиции британские колонизаторы подходили к Индии, определяя стратегию ее дальнейшего развития.

За примером Х. Бхабха обращается к произведению приложившего немало усилий для распространения христианства и проведения социальных реформ Чарльза Гранта «Наблюдения над состоянием общества среди азиатских субъектов Великобритании» [11, р. 86]. Идеи Ч. Гранта о построении образовательной системы основывались не только на его вере в то, что реформы должны осуществляться согласно христианской доктрине, но и на признании необходимости существования системы воспитания, способной повысить *культурный* уровень индийцев. Такая

двойственность может быть объяснена только тем, что при всей своей вере в силу христианского убеждения Ч. Грант не мог освободиться от страха того, что индийцы взбунтуются и не примут благочестивых христианских намерений. Для этого следует превратить дикаря в субъекта, адекватного модерну, воспитанного и рационального [11, р. 86, 87]. Это значит, что, с одной стороны, индеец равен белому человеку, его можно учить Евангелию. Но, с другой стороны, следует учитывать, что в процессе обучения его «дурная» кровь, его «нецивилизованная» природа могут проявиться в любой момент.

О таком же цивилизационном различии между правильным англичанином и неправильным индийцем, по мнению Бхабха, говорил Т. Б. Маколей в знаменитых «Заметках об индийском образовании», отмечавший необходимость создания специфической прослойки из индийцев по крови и цвету, но английской во вкусах, мнениях, морали и интеллекте. Именно этот «мимический» класс, *такой же, как мы, но не совсем*, и должен был повести Британскую Индию к успеху [11, р. 87].

Сам колонизированный не в меньшей степени стремится к этому мимическому состоянию. Им руководит желание стать таким же, как колонизатор. И дело не в получении образования, преодолении экономической подчиненности и политической ущербности. Это желание не имеет объекта, т. е. колонизатор как таковой тоже отсутствует, он присутствует лишь как желаемая сторона. Объект желания заменен на стратегически более мелкие объекты, которые складываются в метонимическую цепь «присутствия». «Присутствие» такого мелкого объекта обозначает себя формулой *«такой же, как мы, но не совсем»*. Из-за этого несовершенства колонизированный обречен жить в мире уничижительных стереотипов — «обезьяноподобный ниггер», «бездушный китаец» — и находить определенную правду в этих словах, ощущать неловкость в цивилизованном мире.

Колонизированный не закован в неопределимую оппозицию к колонизатору. Колонизатор не относится к нему как к безнадежно отсталому. Но в то же время он видит в нем некий изъян, который делает его каждый раз немного не таким, как надо. Изъян этот представляет собой культурную метку, которую человек не-западного мира вынужден нести на себе: будь то цвет кожи, акцент, другая национальность. Как говорил Маколей в «Заметках...»: «...Одна полка хорошей европейской библиотеки представляет большую ценность, чем вся литература Индии и Аравии» [16]. Вокруг таких стереотипов и создается мираж двух оппозиционных друг другу идентичностей: идентичность того, кто силь-

нее и умнее и чьи книги более ценны, и идентичность того, кто слабее и глупее и чей удел — подчинение, а не создание и чтение книг. Но стоит помнить, что вся суть мимикрии в том, что за своей маской она не скрывает идентичности, а формирование понятий «колонизатор» и «колонируемый» всегда зависит от конкретной ситуации.

Гибридами и являются именно те культурные объекты, которые образуются при каждом акте воспроизводства глобального, западного, европоцентричного феномена, вынужденного терять свою «оригинальную» природу для того, чтобы через бесконечную цепь его постоянных повторений колониальная власть продолжала сохранять свое доминирование. И английская книга на хиндустани, и «бездушный китаец», преследующий американскую мечту, и даже такие абстрактные явления, как история Индии, — все это гибриды.

Гибриды не вступают в противоречие ни с какой другой трактовкой культурных объектов. Если учитывать, что и герменевтика, и психоанализ, и семиотика и т. д. являются органической составляющей европейской, т. е. колониальной, мысли, то единственное изменение, которое они претерпевают, сталкиваясь с проблемой интерпретации третьего мира, — это то, что сами становятся гибридами и вынуждены вносить соответствующую поправку в свои результаты.

Концепция гибридности не является эксклюзивным изобретением Х. Бхабха. Скорее он придал ей новое звучание в рамках постколониального дискурса, а сама такая трактовка межкультурного взаимодействия встречалась и встречается даже в тех областях, которые кажутся неизмеримо далекими от научных рассуждений. Выразительной иллюстрацией концепции гибридности является киновестерн Джона Форда «Искатели», занявший по опросу, проводившемуся в 2012 г. авторитетным изданием *Sight & Sound*, седьмое место в списке лучших фильмов всех времен [12]. По сюжету ветеран гражданской войны Этан Эдвардс (роль исполнил Джон Уэйн) возвращается домой и оказывается вовлеченным в поиски похищенной индейцами племянницы Дэби. Эдвардс хорошо знает индейцев, их повадки и сам по образу своей жизни больше похож на индейца, чем на белого. Но он глубоко ненавидит краснокожих. Видевший много жестокостей с их стороны, Эдвардс уверен в том, что быть индейцем плохо. Поэтому он признается, что ищет свою племянницу только с целью ее убийства, так как, живя с чероки, она наверняка сама стала чероки. Дэби на самом деле стала чероки и с трудом узнала Этана, когда он ее нашел. Но Эдвардс победил свой расизм, и вместо того чтобы расправиться с племянницей, отвел ее домой.

Этан Эдвардс и есть гибрид. Он очень много перенял от индейцев, частично он сам стал индейцем, но сердце его полно ненависти к ним. Его расизм имеет свои причины: он знает, насколько жестоки индейцы, и не может по-другому думать о них. Как видно, Эдвардс не является стереотипным расистом-колонизатором, с тростью и плантациями, который никак не соприкасается с культурой угнетаемых. Но колониальная власть утверждает колониальные отношения именно через «смещение» объекта, через частичную потерю своей оригинальности. Эдвардс видит причину жестокости и убийств, совершаемых индейцами, именно в самих индейцах, а не в тех условиях, в которых он и они вынуждены жить (не пытаясь, к примеру, подвергнуть критике американское или мексиканское правительство).

Критика концепции гибридности основывается, большей частью, на том, что Х. Бхабха не наделяет колонизированного идентичностью. Все, что он ему оставляет, — это лишь мимикрия. В этом отношении у него немало противников. Ведь в большинстве концепций и теорий, касающихся третьего мира, говорится об уникальности культуры или пути Африки, Индии, Китая, сикхов, гуркхов и т. д. В эту категорию критиков можно включить широкий круг теоретиков: от исламистов до социалистических диктаторов наподобие Каддафи.

Такая же критика имеет место в рамках постколониального дискурса, задачей которого является создание новой концепции идентичности в условиях, когда все четкие идентификационные маркеры исчезают: нет ни корейцев, ни русских, ни белорусов, ни конголезцев. Бхабха обвиняется в том, что он отказывает колонизированному в идентичности даже в рамках некоторого единичного процесса или действия, такого как революционная борьба. Как указывает Б. Перри, Ф. Фанон тоже находил статичную идентичность сконструированной в ходе колониализма, но он призывал к борьбе за нее и говорил, что только в состоянии постоянной борьбы можно сбросить европоцентричное идентификационное ярмо [18, р. 43, 44]. Для Х. Бхабха такая борьба представляет собой очередное звено в метонимической цепи «присутствия», за ней стоит вечно неудовлетворенное желание быть *таким же как*.

Значение концепции «гибридности» заключается именно в отказе Х. Бхабха работать с культурными объектами с четко заданными границами. В глобализирующемся мире границы между теми или иными идентичностями стираются, и целые общности, национальности и даже расы свою стабильность находят в состоянии постоянного поиска ответа на вопрос: «Кто я?»

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Caud Э.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб. : Русский мир, 2006. 640 с.
2. *Bhabha H. K.* Border Lives: the Art of the Present // *Defining Travel: Diverse Visions* / ed. by S. L. Roberson. Jackson : University Press of Mississippi, 2001.
3. *Bhabha H. K.* A Question of Survival: Nations and Psychic States // *Psychoanalysis and Cultural Theory: Thresholds* / ed. by J. Donald. New York : St. Martin's Press, 1991. P. 89—103.
4. *Bhabha H. K.* Difference, Discrimination and the Discourse of Colonialism // *The Politics of Theory: Proceedings of the Essex Conference on the Sociology of Literature, July 1982* / ed. by F. Barker, P. Hulme, M. Iverson. Colchester : University of Essex, 1983. P. 194—211.
5. *Bhabha H. K.* Interrogating Identity: the Postcolonial Prerogative // *The Anatomy of Racism* / ed. by D. T. Goldberg. Minneapolis & London : University of Minnesota Press, 1990. P. 183—209.
6. *Bhabha H. K.* Liberalism's Sacred Cow // *Is Multiculturalism Bad for Women?* / ed. by J. Cohen, M. Howard and M. C. Nussbaum. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1999. P. 79—84.
7. *Bhabha H. K.* On Cultural Choice // *The Turn to Ethics* / ed. by M. Garber, B. Hanssen and R. L. Walkowitz. London : Routledge, 2000. P. 181—200.
8. *Bhabha H. K.* Race and the Humanities: the «Ends» of Modernity? // *Public Culture*. 1992. Vol. 4. (№ 2). P. 81—85.
9. *Bhabha H. K.* Representation and the Colonial Text: a Critical Exploration of Some Forms of Mimeticism // *The Theory of Reading* / ed. by F. Groversmith. Brighton : Harvester, 1984. P. 93—122.
10. *Bhabha H. K.* The Postcolonial and the Postmodern: the Question of Legacy // *The Cultural Studies Reader* / ed. by S. During. 2nd edition. London : Routledge, 1999. P. 189—208.
11. *Bhabha H. K.* The Location of Culture. Routledge, 1994. 307 p.
12. Critics' Top 250 Films / Opinion Poll Conducted by Sight & Sound Journal. Mode of access: <http://explore.bfi.org.uk/sightandsoundpolls/2012/critics>. Date of access: 15.01.2014.
13. *Fanon F.* A Dying Colonialism. New York : Grove Press, 1967. 181 p.
14. *Fanon F.* Black Skin, White Masks. New York : Grove Press, 1968. 232 p.
15. *Fanon F.* The Wretched of the Earth. New York : Grove Press, 1968. 316 p.
16. *Macaulay T. B.* Minute Upon Indian Education (From: Macaulay, T. B. Minute Upon Indian Education // Bureau of Education. Selections from Educational Records, Part I (1781—1839) / ed. by H. Sharp. Calcutta : Superintendent, Government Printing, 1920; Delhi : National Archives of India, 1965. P. 107—117). Mode of access: http://www.columbia.edu/itc/mea/la/pritchett/00generallinks/macaulay/txt_minute_education_1835.html. Date of access: 15.01.2014.
17. Nation and Narration / ed. by H. K. Bhabha. Routledge, 1990. 352 p.
18. *Parry B.* Problems in Current Theories of Colonial Discourse // *The Postcolonial Studies Reader*; ed. by B. Ashcroft, G. Griffiths, H. Tiffin [Electronic resource]. Routledge, 1995. P. 36—44. Mode of access: [http://dl.lux.bookfi.org/genesis/441000/fd9c48e56aeb8a5596dc6bfb51bb01eb/_as/\[Bill_Ashcroft\]_The_Post-Colonial_Studies_Reader\(BookFi.org\).pdf](http://dl.lux.bookfi.org/genesis/441000/fd9c48e56aeb8a5596dc6bfb51bb01eb/_as/[Bill_Ashcroft]_The_Post-Colonial_Studies_Reader(BookFi.org).pdf). Date of access: 17.08.2011.

В. Ю. ПИЛИПОВИЧ

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ БЕЛОРУССКИХ РЕПАТРИАНТОВ-ОСТАРБАЙТЕРОВ: ПРОБЛЕМА И РЕШЕНИЕ

Исследуется феномен социальной адаптации репатриантов-остарбайтеров. Методологической основой исследования является синтез традиционных и инновационных методов.

The social adaptation phenomenon of the repatriates-ostarbeiteers is being examined. The methodological basis of the research is synthesis of the traditional and innovative methods. The peculiarities of the social adaptation of the ostarbeiters abroad and repatriates at home are revealed.

Ключевые слова: остарбайтер, репатриант, социальная адаптация.

Keywords: ostarbeiter, repatriate, social adaptation.

Последствием Второй мировой войны стало появление в советском обществе социальной группы репатриантов-остарбайтеров, достаточно многочисленной и проблемной, чтобы не обратить на себя внимания. Однако несмотря на масштабность данного явления, интерес к его изучению формировался довольно долго. В отечественной историографии советского периода основной темой в исследованиях истории Великой Отечественной войны была победа над Третьим рейхом. Принудительный труд сотен тысяч советских граждан упоминался в контексте преступлений нацистских оккупантов, без дальнейшего углубленного в изучение, а тема репатриации оказалась табуированной.

Оживление интереса к проблемам принудительного труда и репатриации наблюдается с 1990-х гг. Нам представляется, что это обусловлено не только снятием запрета, но и открывшимся доступом к новым

источникам. Немаловажную роль сыграла также деятельность фонда «Взаимопонимание и примирение».

Произошедший в исторической науке антропологический поворот, который характеризовался оживлением интереса к проблеме человека в истории, стимулировал междисциплинарные исследования жертв военных конфликтов. Произошло смещение акцентов от изучения государственных, партийных и иных мегаструктур к микроистории. Обращено внимание на исследование «маленького человека», крупных социальных процессов через призму личности.

Одной из новых тем стала социальная адаптация репатриантов-остарбайтеров, представляющая собой сложный и противоречивый феномен. С одной стороны, мы находим в ней свидетельства о бесчеловечном отношении к советским гражданам в нацистской Германии [1], а с другой — о добром расположении и заботе немецких хозяев о своих работниках [2]. Одни документы говорят об успешной адаптации репатриантов в советском обществе [3], другие — о трудностях и дискриминации, с которыми столкнулись остарбайтеры на родине [4]. Феномен адаптации репатриантов-остарбайтеров требует исследования, построенного на широкой источниковой базе и методологическом комплексе.

Традиционные методы исторической науки, такие как историко-генетический, историко-системный, представляющие объект изучения как систему и как элемент системы, позволяют исследовать «внешнюю» (объективно-структурную) сторону этого феномена. Вместе с тем социально-антропологическая направленность исследования требует применения также методов психоистории, устной истории, математической статистики. Следовательно, характерной чертой такого исследования является методологический синтез, вовлекающий политические и социальные институты, общественные отношения и непосредственно человека с его субъективной мотивацией. Р. Коллингвуд обращает внимание на то, что работа историка может начинаться с выявления внешней стороны события, но она никогда этим не завершается; историк должен помнить, что событие было действием и что его главная задача — мысленное проникновение в это действие, проникновение, ставящее своей целью познание мысли того, кто его предпринял [5].

Системный анализ данных опросных листов репатриантов позволяет определить, что первые рабочие стали вывозиться в рейх в сентябре 1941 г. Большой их поток наблюдается весной 1942 г. и особенно масштабный — весной 1943 г., когда потребность в рабочей силе в Германии возросла и вербовка приняла принудительный характер. Отступление германских

войск также сопровождалось массовой депортацией под видом эвакуации из зоны боевых действий. Математико-статистический анализ данных выявляет неоднородный состав структуры депортированного населения, когда вместе с трудоспособными категориями лиц оказались пожилые люди и дети. Социально-демографическая статистика вывезенных свидетельствует, что среди вывезенных на работы в Германию и вернувшихся на родину преобладали неквалифицированные работники, преимущественно с опытом сельскохозяйственной деятельности. Анализ половозрастной структуры показывает преобладание остарбайтеров в возрасте 18—20 лет; немного меньше в процентном отношении 14—17 и 20—30 лет. Доля остарбайтеров женского пола превышает долю мужского пола, но вместе с тем можно говорить о несостоятельности образа «остарбайтер-женщина», создаваемого официальной пропагандой. В общей массе репатриированных остарбайтеров значится немалый процент мужчин. Особенностью остарбайтеров Западной Беларуси является наличие военнопленных польской армии, попавших в плен в сентябре — октябре 1939 г., а затем отправленных на работы в Германию.

В условиях советского государства презентация идеологически верного образа осуществлялась не только официальными СМИ. Особое значение приобретает изучение официального дискурса, использование критического дискурс-анализа, заимствованного из лингвистики. Он дает возможность выявить статус (образ) репатрианта-остарбайтера, создаваемый и поддерживаемый в обществе на официальном уровне. Доминирующее положение в официальном дискурсе занимают образы «остарбайтера-жертвы», нуждающейся в помощи или освобождения советской армией, и «остарбайтера-раба».

Осознанное игнорирование фактов и упрощение реальности до линейной модели служило одним из ключевых элементов пропаганды. Официальному образу репатрианта придавалось идеологическое и политическое значение. Поэтому он основывался на противопоставлении зарубежной и советской действительности. Утверждалось, что после испытания невероятных мук и унижений за границей репатрианты достаточно быстро интегрировались в советское общество, получили все необходимые блага, права и свободы. Характерна актуализация матриархатного дискурса.

Сформированный идеологами образ оказывал влияние на самих репатриантов, заставляя применять по отношению к себе определенные клише. Так, с помощью метода контент-анализа в нарративных документах репатриантов (письма, обращения) удалось в качестве смысло-

вых единиц выделить усвоенные ими идеологемы и образы, официальные транслируемые идеологами.

Ключевое понятие «социальной адаптации» рассматривается как процесс ресоциализации (реадаптации), который активизируется конфликтом между потребностями и возможностями индивида, с одной стороны, и особенностями среды, с другой [6, с. 20]. Из такого анализа видно, что человек приспосабливал свое социальное поведение к системе правил общественного поведения, выработанной либо принятой данным социумом. Следовательно, при использовании понятия «адаптация» мы принимаем во внимание, что это и процесс, и состояние одновременно. Остарбайтеры вынуждены были «вживаться» в абсолютно новые для них политико-экономические и социально-культурные условия. Формально социальные отношения между остарбайтерами и немецким населением законодательно регулировались, однако на практике в исторической памяти репатриантов сохранились примеры как бесчеловечного отношения, так сочувствия и заботы. Переживание отрыва от родины и дома, незнание языка, неопределенность, страх перед работодателями, осознание работы на экономику врага являлись первостепенным фактором, воздействующим на личность. В конечном итоге сформировали психологию остарбайтеров. Каждый рабочий выбирал свою собственную тактику выживания в экстремальных условиях — от полной покорности до активного сопротивления. Свой ценностный выбор приходилось им осуществлять в весьма жестких условиях. При всем разнообразии судеб остарбайтеры были наиболее бесправной категорией среди иностранных рабочих Третьего рейха.

Для многих вернувшихся на родину предстояло пройти небезболезненный процесс социальной адаптации. Часть из них, опасаясь репрессий со стороны государственных органов, пытались скрыть истинное положение во время пребывания в Германии. Репатрианты нуждались в налаженной адаптационной системе для преодоления как социальных проблем (устройство послевоенной жизни, работа, учеба), так и психологических (чувство вины, страх за будущее).

Большинство остарбайтеров не являлись противниками советской власти и охотно возвращались в родные места, но многим из них пришлось пройти процедуру «фильтрации», это свидетельствовало о недоверии к ним правящей элиты. Вместе с тем вернувшиеся остарбайтеры презентовались как жертвы нацистской политики, о которых помнит и заботится советское правительство. На центральном и местном уровнях принимались решения, предписывающие, что «возвратившихся

нужно окружить вниманием и заботой, ведя решительную борьбу с враждебными элементами, которые могут попытаться разжигать вражду населения к прибывающим гражданам» [7]. Однако на бытовом уровне неприязнь и сочувствие соседствовали рядом. Несмотря на сочувственное отношение в целом, пострадавшие во время войны отождествлялись нацистами, так как работали на них, что выражалось в негативном восприятии, иногда даже ненависти. Кроме того, воспитываемое десятилетиями отношение к капиталистическому миру приносило свои результаты. Репатриированный остарбайтер, живший определенное время в капиталистическом обществе, сам воспринимался как частичка этого общества. Это выражалось в разных формах: в попытках унижить, показать на неполноценность; в желании «раскулачить», отобрать нажитое за границей добро; в ограничении возможностей самореализоваться. Отдельные представители власти и руководители учреждений игнорировали указания сверху, а иногда сознательно нарушали, демонстрируя свое отношение к репатриантам.

Таким образом, проведенная советским правительством колоссальная работа по возвращению и устройству гражданских лиц, вывезенных на принудительные работы, в ряде случаев нивелировалась безответственностью и предвзятым отношением руководителей разного уровня. Процесс социальной адаптации не был успешным в отношении всей массы репатриантов. Запланированный как централизованный и управляемый, он в большей мере носил характер стихийной самоадаптации, самостоятельного приспособления к изменяющимся условиям. В результате продвижение по социальной лестнице вверх или вниз зависело от личных усилий и качеств репатрианта-остарбайтера.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Советские люди на немецкой каторге : сб. писем и рассказов. М. : Госполитиздат, 1943.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7021. Оп. 88. Д. 503. Л. 289.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 787. Оп. 1. Д. 52. Л. 9—293.
4. НАРБ. Ф. 787. Оп. 2. Д. 8. Л. 333—371.
5. *Коллингвуд Р. Д.* Идея истории / пер. и коммент. Ю. А. Асеева ; вступ. ст. М. А. Киселя. М. : Наука, 1980. С. 203.
6. *Розум С. И.* Психология социализации и социальной адаптации человека. СПб. : Речь, 2006. 365 с.
7. Государственный архив Брестской области. Ф. 1-П. Оп. 2. Д. 14. Л. 25.

ДЫСКУСІІ

А. М. БЕЛЯВСКИЙ

3 — ТРИ

В предложении содержится форма его смысла,
но не его содержание.

Л. Витгенштейн,
«Логико-философский трактат», 3.13

Предлагается интертекстуальный взгляд на некоторые события войны Ирландии за независимость через призму народной традиции и мемуаров участников в контексте эпоса о Кухулине. Автором предпринята попытка исторической репрезентации как главного выразительного средства, что могло бы расширить интерпретационные возможности читателя, выйдя за пределы простого чтения. Читателю предлагается отвлечься от обыденного восприятия исторического нарратива как текста, воспроизводящего реальные события, и увидеть его как цитирующую саму себя традицию фольклорной памяти.

The article proposes an intertextual view on some particular events of the Irish War for Independence in folk tradition and the memoirs of its participants in connection with the Cuchulainn epic cycle. The idea is to explore the possibilities of making the form of the historical representation its main expressive remedy which makes it also suitable for contemplating and calculating along with plain reading. The reader is invited to question the common view of historical narrative as the text reconstructing the actual events and to see it rather as a replication of traditional archetypes in folk memory.

Ключевые слова: Ирландия, Англия, война за независимость, летучие колонны, «черно-пегие», Солохедбег, Кевин Барри, Долина Ноканьюр, Кухулин, традиция, мученичество, эпос, фольклор, память, интертекстуальность, деконструкция.

Keywords: Ireland, England, War for Independence, flying columns, Black and Tans, Soloheadbeg, Kevin Barry, the Valley of Knockanure, Cuchulainn, tradition, martyrdom, epic cycle, folk history, memory, intertextuality, deconstruction.

Бяляўскі Аляксандр Міхайлавіч — дацэнт кафедры крыніцазнаўства Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук.

1. Днесь я встаю
С силою небесною:
Светом солнца,
Сияньем месяца,
Блеском огня,
Быстротою молнии,
Легкостью ветра,
Глубиною моря,
Крепостью земли,
Твердостью скалы.
Днесь я встаю
Силой Божьей ведом:
Мощью Божьей укреплен,
Мудростью Божьей наставлен,
Оком Божиим зорек,
Ухом Божиим чуток,
Словом Божиим златоуст,
Десницей Божьей оборонен,
Путем Божиим направлен,
Щитом Божиим укрыт,
Ангелами Божиими спасен
От бесов лукавствия,
От грехов искушения,
От всех, хвори мне желающих
Дальних и ближних,
Единых и многих.
Христос днесь мой щит
Супротив яда, супротив пламени,
Супротив утопления, супротив поранения,
Дабы награда моя была изобильною.
Христос со мною, Христос предо мною, Христос за мною,
Христос во мне, Христос подо мною, Христос надо мною,
Христос по правую мою сторону, Христос по левую мою сторону,
Христос как ложусь, Христос как сажусь, Христос как встаю,
Христос в сердце каждом, помышляющем обо мне,
Христос на устах каждого, рекущих обо мне,
Христос в каждом оке, зрящем меня,
Христос в каждом ухе, чующем меня.
Днесь я встаю
С силою великою, поминанием Святой Троицы,
С верою в триединство,
С исповедью единства
Сотворителя всего сотворенного [29].

3.1. СОЛОХЕДБЕГ 1919

2. *Wikipedia.org*: Солохедбег — небольшой таунленд в двух милях от города Типперери-Таун, поблизости от станции Лимерикский Железнодорожный Узел. Место прямо-таки пропитано ирландской историей, ведь здесь король Махон из Томонда и его брат Бриан Бору разбили викингов в 968 году. Здесь также делал привал Донал Кам О'Салливан Бир во время эпического марша на замок О'Рурков в Литриме в 1603-м [27].

3. Погибло много в смене лунных фаз
Прекрасных и возвышенных творений —
Не тех банальностей, что всякий час
Плодятся в этом мире повторений;
Где эллин жмурил восхищенный глаз,
Лишь крошкой мраморной скрипят ступени;
Сад ионических колонн отцвел,
И хор умолк златых цикад и пчел [1, с. 405].

4. *Дэн Брин*: В начале января 1919 года мы получили информацию о том, что большая партия взрывчатки должна быть переправлена в каменоломню в Солохедбеге для взрывных работ. Мы знали, что груз будут охранять вооруженные полицейские, как тогда было принято. Я поговорил с Шоном [Трейси] об этом. «Вот наш шанс, — сказал я, — нужно начинать войну поскорее или армия потеряет боевой дух». Я знал, что у нас очень мало людей, достаточно решительных для такой работы, но я знал также, что со временем их станет больше. В любом случае качество, а не количество имеет решающее значение в партизанской войне [12].

5. Игрушек было много и у нас
В дни нашей молодости: неподкупный
Закон, общественного мнения глас
И идеал святой и целокупный;
Пред ним любой мятеж, как искра, гас
И таил всякий умысел преступный [1, с. 405].

6. *Дэн Брин*: Трейси заявил, что единственный способ начать войну — это убить кого-нибудь, а мы хотели начать войну, так что мы собирались убить кого-то из полиции, которую мы считали передовым и самым главным отрядом вражеских сил... Жаль только, что полисменов оказалось всего двое, а не шестеро, как мы ожидали, потому что шесть мертвых полисменов, как нам казалось, гораздо больше поразят страну, чем какие-то двое [7].

7. *Джон О'Салливан*: Я редко рассказывал о таких вещах раньше. Война оставляет в душе след, как ни крути. Когда участвуешь в боевых операциях, это значит, что нужно соблюдать дисциплину и быть готовым столкнуться с любыми обстоятельствами. Решения не всегда принимаешь ты. Тот случай, о котором я говорю, я никогда не рассказывал о нем журналистам, но годы уходят, и нам уж недолго осталось, а, как вы говорите, это даст людям представление о том, с какими вещами нам приходилось сталкиваться и как мы с ними справлялись.

В самый разгар войны мы захватили двух солдат из Эссекского полка, бродивших поблизости от Бандона. Тогда каждый чужак попадал под наблюдение, и люди рассказали нам о них. Они назвали себя дезертирами и сказали, что готовы сражаться в нашей колонне, но больше всего хотели бы вернуться домой, в Англию. Мы не могли разобраться, кто они на самом деле, и отправили их в штаб колонны для допроса [18].

8. Змей обеззубел, и утих раздор,
Лишь на парадах армия блистала;
Что из того, что пушки до сих пор
Не все перековали на орала? [1, с. 406]

9. *Дэн Брин*: Предложение долго обсуждали. Наконец, решили разоружить охрану и захватить взрывчатку, поскольку, как сказал Шон, мы ни в чем так не нуждались, как в оружии и взрывчатке. Мы внимательно осмотрели окрестности и выбрали место для засады. Нам был знаком каждый дюйм земли, здесь мы родились и выросли, ферма Шона была совсем близко от каменоломни... К несчастью, наша информация о дате появления взрывчатки оказалась неточной. Мы ожидали ее 16 января, но это случилось лишь спустя пять дней. Все эти пять дней мы ждали в полной готовности. Наши люди оставили свои дома, ничего не сказав. Через три дня я был вынужден отправить их всех обратно, за исключением восьмерых. У нас не было ни еды для них, ни денег, чтобы ее купить [12].

10. Результаты всеобщих британских парламентских выборов в Ирландии 1918 года:

Шинн Фейн — 476 087 голосов (46,9 %); юнионисты — 257 314 (25,3 %); националисты (Ирландская националистическая партия) — 220 837 (21,7 %); «лейбористы-юнионисты» — 30 304 (3,0 %); лейбористы — 12 164 (1,2 %); независимые юнионисты — 9531 (0,9 %); независимые националисты — 8183 (0,8 %); независимые лейбористы — 659 (0,1 %); независимые кандидаты — 436 (0,0 %).

Шинн Фейн получил 73 места из 105 (25 кандидатов прошли безальтернативно), юнионисты — 22, плюс 3 от союзной группы «лейбористов-юнионистов», националисты — 6 в Ирландии (плюс одно в Ливерпуле), один независимый юнионист был избран от Дублинского университета.

Депутаты от Шинн Фейна объявили себя независимым ирландским парламентом, Первым «Дойль Эйреанн» [17].

11. *Дэн Брин*: Так вот, в девятую, мы следили и ждали. Со мной были Шон Трейси, Шеймас Робинсон, Шон Хоган, Тим Кроу, Патрик О'Двайер из Холифорда, Майкл Райан из Грейнджа (Донохилл), Патрик МакКормак и Джек О'Мара из Типперери... Наконец наступило знаменательное утро 21 января 1919 года, тот день, когда наша страна собиралась приветствовать первое заседание Парламента Ирландии, Первого «Дойль Эйреанн», учреждавшего правительство республики и посылавшего обращение ко всем свободным нациям мира. Мы заняли нашу позицию за канавой и провели много часов, ожидая и наблюдая [12].

12. *Дэвид Кент*: Я напому вам о выборах 1918 года. Мы объявили по всей стране, что собираемся установить республику, провозглашенную Патриком Пирсом и его сподвижниками в 1916-м. Он провозгласил республику и назначил министров. Мы выступали по всей стране, и я выступал перед избирателями в Восточном Корке... Я сказал им, что я республиканец, и добавил: «Теперь ваш черед — если вы недовольны мной, то выбирайте другого». Это было в 1918 году, большинство нынешних членов Парламента были в тюрьмах — по крайней мере, часть из них. Сам я особо не прятался, но все же числился в розыске. Я изложил мои взгляды людям, сказал, что собираюсь сделать для них, и они согласились с этим, с моими принципами... и вот я прибыл в Палату на первую сессию. Я был там в 1919 году, когда Эймон О'Дугган зачитал перед «Дойлем» Декларацию независимости:

«На том основании, что ирландский народ по праву является свободным народом;

...что на протяжении семи столетий ирландский народ никогда не признавал иноземного господства и неоднократно выступал против него с оружием в руках;

...что английское правление в этой стране сейчас, как и всегда, основано на насилии и обмане и поддерживается военной оккупацией вопреки волеизъявлению народа;

...что Ирландская Республика уже была провозглашена в Светлый Понедельник 1916 года в Дублине Ирландской республиканской армией, действующей от имени ирландского народа;

...что ирландский народ твердо намерен сохранить и отстаивать свою полную независимость с целью содействия всеобщему благосостоянию, установления справедливости, обеспечения защиты в будущем, сохранения мира дома и добрососедских отношений со всеми народами и для проведения национальной политики, основанной на воле народа с равными правами и возможностями для каждого гражданина;

...что на пороге новой эры в истории на всеобщих выборах в декабре 1918 года ирландские избиратели воспользовались первой же возможностью провозгласить подавляющим большинством голосов свою твердую приверженность Ирландской Республике;

ныне мы, полномочные депутаты древнего ирландского народа в учрежденном Национальном парламенте, от имени ирландской нации ратифицируем создание Ирландской республики и торжественно клянемся своими силами и силами нашего народа добиться реализации этой Декларации всеми доступными средствами и способами;

мы устанавливаем, что только полномочные депутаты ирландского народа вправе издавать законы, обязательные для народа Ирландии, и что Ирландский парламент является единственным парламентом, которому будет подчиняться народ;

мы торжественно объявляем иностранное правительство в Ирландии посягательством на наше национальное право, с чем мы никогда не смиримся, и мы требуем эвакуации из нашей страны английского гарнизона;

мы претендуем на признание и поддержку нашей национальной независимости со стороны каждой свободной нации мира и утверждаем, что национальная независимость является необходимым условием для международного согласия в будущем;

во имя ирландского народа мы смиренно веряем наши судьбы Всемогущему Богу, ниспославшему нашим отцам смелость и решимость вынести долгие столетия безжалостной тирании, и сильные справедливостью дела, унаследованного от них, мы просим Его Божественного благословения на этой последней стадии борьбы, которой мы себя посвятили, чтобы добиться свободы» [24].

13. *Дэн Брин*: Мы негромко обсуждали великое событие, которое должно было случиться в Дублине в тот день. Наш разведчик ушел следить за дорогой из Типперери. Внезапно он вернулся, прервав нашу болтовню. Он примчался со своего наблюдательного пункта, с горящими огнем битвы глазами и зловещей улыбкой на лице, и прошипел: «Они идут, они идут!» Каждый знал свой пост. Целыми днями мы только и думали

о том, что началось сейчас. Если кто-то в наших рядах и занервничал или разволновался, то он не подал вида. Как молния каждый солдат занял свой пост. Час испытания приближался, нас ждала встреча лицом к лицу с врагом, жизнь и смерть были поставлены на карту. Так вышло, что именно мы должны были открыть новую фазу в долгой борьбе за свободу нашей страны. Наш разведчик был настороже и снова вернулся с рапортом. В этот раз он сообщил нам точное расстояние и назвал число противников [12].

14. *PoliceHistory.com*: Констебли Джеймс Мак-Доннел и Патрик О'Коннел (оба — ирландцы и католики по рождению), вооруженные заряженными винтовками, сопровождали запряженную лошадью повозку с грузом гелигнита, направлявшуюся в солохедбегскую каменоломню для взрывных работ. Констеблю Мак-Доннелу из Белмаллета, графство Мэйо, было около 50 лет, он был вдовец, растил четверых детей. 30-летний констебль О'Коннел из Коучфорда, графство Корк, был неженат. Как утверждают «Корк Экзамайнер» от 21 января 1919 года и Роберт Ки, автор «Зеленого флага» (Лондон, 1972), оба констебля были достойными и любимыми в общине служителями порядка [28].

15. *Дэн Брин*: Они подходят все ближе и ближе. Во все еще чистом воздухе разносится фыркание лошадей и стук колес тяжелой повозки по ухабистой дороге. В тот день я еще не был таким хладнокровным, каким научился быть позднее. Мои нервы натянулись как струны, я осознал, что мы делаем, и предвидел последствия возможного успеха или неудачи. Навстречу нам шли люди, обученные обращаться с огнестрельным оружием, знающие, как вести себя в непредвиденных ситуациях, вроде этой. По всей вероятности, они только что окончили специальный курс бомбометания, который позже был добавлен к обучению в Королевской ирландской полиции [12].

16. *Дэвид Нилиган*: В 1918 году британцы вышли победителями из самой жуткой войны в своей истории. Здесь, в Ирландии, у них была огромная армия, и они не собирались уступать горстке «шинфейнеров», у которых не было пушек, а то оружие, что было, казалось смехотворным — кое у кого револьверы 45-го калибра да несколько старых ломаных винтовок. Ни фартинга это все не стоило. Помню, как-то раз после, когда уже шли бои, интендант Дублинской бригады прочитал в утренней газете, что какого-то шпиона или кого-то еще в этом роде нашли изрешеченным пулями. Он был человек серьезный и воскликнул: «Господи, рехнулись они, что ли? Изрешечен пулями! Что, одной пули не хватило бы, чтобы его прикончить?» И он не шутил. Мы бы не про-

держались и пяти минут в открытом бою с той армией, что британцы послали против нас. Броневики, аэропланы, пулеметы, тысячи новобранцев. А еще у них был танк в [Дублинском] Замке, 20-тонный танк. Я сам видел, как «томмис» однажды проехали на нем по округе и повалили стену, которая простояла сотни лет. Одна дублинская старуха — торговка яблоками, завидев, как это чудовище тащится с лязгом по улице, вскрикнула: «Батюшки-светы, мост Батт-бридж вышел погулять!» У нас не было ни шанса против них [15].

17. И вдруг — драконы снов средь бела дня
Воскресли; бред Гоморры и Содомы
Вернулся. Может спяну солдатня
Убить чужую мать у двери дома
И запросто уйти, оцепеня
Округу ужасом. Вот до чего мы
Дофилософствовались, вот каков
Наш мир — клубок дерущихся хорьков [1, с. 406].

18. *Дэн Брин*: Моя маленькая команда почти не имела опыта практического обращения с огнестрельным оружием. Мы никогда не могли себе позволить истратить полный магазин ради тренировки. Часто мы подтрунивали над нашим желанием потренироваться, в шутку ссылаясь на возможные последствия, если наши нервы сдадут, когда начнется настоящее дело. Но мы всегда отбрасывали пустые страхи и держались невозмутимо и уверенно, успокаивая себя мыслью: «Как-никак, мы же ирландцы, а все ирландцы — бойцы по натуре» [12].

19. Друид Катбад занимался с учениками в своем доме к северо-востоку от Эмайн. Восемь мальчиков были с ним в тот день, и один из них попросил его:

— Можешь ли ты сказать по своим знакам, не уготовил ли нам нынешний день что-нибудь особенное?

— Если сегодня юноша возьмет в руки меч мужа, — ответил Катбад, — его имя воссияет ярче всех других имен в Ирландии. Однако короткой будет нить его жизни...

— Мне все равно, — заявил Кухулин. — Даже если бы мне остались до смерти всего один день и одна ночь, но я знал бы, что мое имя и мои подвиги переживут века, я и то согласился бы [3, с. 87—88].

20. *Дэвид Нулиган*: Но [Майкл] Коллинз был гением в другой игре, в подпольной войне. Все восстания, какие только мы не поднимали здесь прежде, губили шпионы и информаторы. Замок всегда дышал нам в затылок. Британцы были мастерами шпионажа со времен Сесиля и Уол-

сингема. Каждый, кто осмеливался пойти против них, падал жертвой шпионов. Информаторы «сдавали» нас Замку, едва только мы успевали раскрыть рот. Я видел в Замке дело, которое завели на меня. Они следили за каждой ирландской организацией, даже совершенно безобидной. Самыми деятельными в борьбе с ИРА были «Гэшники» [«G-men»], политические детективы [15].

21. *Джон О'Салливан*: На допросе один из них сказал командиру колонны — а это был Том Барри, — что в казармах в Бандоне остался его брат и этот брат тоже хочет сбежать. Парень считал, что его брат согласится сотрудничать с нами и может помочь нам заполучить оружие из казарм. Все устроили так, чтобы люди из колонны встретились с ним в условленном месте неподалеку от Бандона. Среди тех, кто должен был пойти в ту ночь, был Том Барри, но он неожиданно прихворнул — сердце схватило. Решили, что встречаться с тем парнем — сдается мне, он был сержантом Эссекского полка, — пойдут капитан Джон Гэлвин, Джим О'Донохью, который был помощником бригадного адъютанта, и Джо Бегли. Ну вот, они отправились на встречу и сразу же попались отделению Эссекского полка. Тяжко им пришлось, ни одной целой косточки у них не осталось до того, как их прикончили выстрелами в голову [18].

22. *Дэвид Нилиган*: И вот тут-то Коллинз блеснул. Их было несколько, самых активных. Одного из них звали Хой, а другого — Смит. И еще был Бартон. Коллинз предупредил их, всех этих людей, что, если они не прекратят шпионить, их убьют. Но они были старые служаки и думали, что победят Коллинза, как победили фениев, как побеждали всегда и всех. Так что они продолжали свою гнусную работу, и поделом их пристрелили. Однажды ночью я стоял на посту на Пирс-стрит — Брансвик-стрит она тогда называлась — одетый полицейским и услышал шум на улице. Казалось, что кто-то волочит рельсы по железнодорожным путям, но это был пулемет, он стрелял в детектива Хоя. Мы нашли его мертвым на мостовой [15].

23. Я весело землю пахал день-деньской,
Но понял я вдруг, что постыл мне покой,
Постыло мне рабство с младенческих лет,
Пойду за ИРА, чуть займется рассвет [21].

24. *Дэн Брин*: И вот наш час настал. Со своей удачной позиции я бросил торопливый взгляд вниз на дорогу, когда конвой приблизился. Кучер и служащий совета графства, который должен был принять взрыв-

чатку, шли рядом с лошадьми. Два полисмена в черной форме тоже были на ногах и держали наготове винтовки. Они двигались на небольшом расстоянии позади повозки. Всего мгновение назад кровь почти кипела в моих венах, теперь же, когда я увидел их так близко, вся нервозность исчезла, я снова почувствовал себя спокойно и уверенно. Я верил, что могу сразиться с дюжиной таких врагов в одиночку. Эти люди предали свою страну, были шпионами и прислужниками ее врагов. Все ближе они подходят. Слышен приглушенный разговор. Вот они уже в тени наших револьверов. «Руки вверх!» — наш крик звучит как один голос. «Руки вверх!» — Но нет! Они хватаются за винтовки и четкими военными движениями вскидывают их наизготовку. Они тоже были ирландцы и скорее умерли бы, чем сдались. Снова и снова мы призывали их опустить оружие [12].

25. *Кахал Бру*: В этой стране всегда были люди, которые отказывались признать над собой власть англичан. В каждом поколении были такие люди, и как только они ощущали себя достаточно сильными, они поднимали восстание против Англии и английских властей... Если бы наш последний патрон был расстрелян, наш последний шиллинг растрачен и наш последний солдат был распростерт на земле, и торжествующие враги окружили его, и штыки их были готовы пронзить его тело, и они бы спросили его: «Ну, теперь-то покоришься ты нашей Империи?» — тот солдат ответил бы им, верный традиции, унаследованной от предков: «Нет! Ни за что!» [23]

26. *Дэн Брин*: Мы бы предпочли, чтобы они сдались без кровопролития, но они были упрямы и неговорчивы, и теперь кто-то должен был умереть. Их пальцы лежали на курках. Еще один оклик с нашей стороны был бы бесполезным — наверное, запоздалым для нас самих. Быстро и четко раздался наш залп. Прицел был верен. Двое полицейских упали замертво [12].

27. *Полиция информирует*

НАГРАДА 1000 ФУНТОВ
РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЗА УБИЙСТВО В ИРЛАНДИИ
ДЭНИЕЛ БРИН
(называет себя командиром 3-й Типперерийской бригады)

Возраст 27 лет, рост 5 футов 7 дюймов, цвет лица смуглый, волосы темные (длинные спереди), серые глаза, короткий вздернутый нос, крепкого телосложения, вес около 12 стоунов (76 кг. — *А. Б.*), гладко выбрит; на вид угрюмый и упрямый; похож на кузнеца после работы; носит шляпу, надвинув на глаза [5].

28. Буйство мчит по дорогам, буйство правит конями,
Некоторые — в гирляндах на разметавшихся гривах —
Всадниц несут прельстивых, всхрапывают и косят,
Но зло поднимает голову и вслушивается в перерывах [1, с. 409].

29. *Джон О'Салливан*: А все это время тех двух парней, которые представлялись дезертирами, держали здесь, у меня дома. Днем, значит, они были здесь, а на ночь их переводили в другое место. Одному было всего девятнадцать или двадцать, а второй был постарше — может, лет тридцати или сорока. Моя матушка, Господи благослови ее, она была такая заботливая, и для нее они были просто люди, которые оказались далеко от дома, и она была очень добра к ним. Она обращалась с ними так же, как и с нами, кормила так же, как нас, а то и получше. Да и мы с ними неплохо ладили. По ночам мы обычно играли в карты. А потом, после убийства наших людей, пришел приказ, что пленники должны быть расстреляны. Они слишком много знали, говорили с Барри и другими людьми в штабе, и их посчитали шпионами, как это часто бывает на войне, когда под видом дезертиров они проникают к врагу. Держать их дальше в плену было слишком опасно, вопрос всесторонне изучили, и было решено их расстрелять. Решение принималось без меня, но сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что это было единственно возможное решение [18].

30. *Том Барри*: Конечно, эти псевдодезертиры были шпионами. Действуя по инструкции, конвой ИРА держал их под арестом, но не у сочувствовавших нам людей, а в домах британских лоялистов. Несмотря на бдительность охранников, один из них проболтался о встрече бригадного командира колонны возле Бандона. Лоялисты передали эту информацию врагу, что привело к гибели трех бандонских добровольцев. Некоторое время спустя два британских шпиона были переведены в Килбри, Клонакилти, и там расстреляны [9].

31. *Джон О'Салливан*: Как бы там ни было, нам приказали вырыть могилу в специально выбранном месте. Мой брат вернулся домой за киркой и лопатой и всем прочим, что было нужно. Матушка ждала — как всегда, когда нас не было дома, как все матери в трудные времена, когда случается так, что люди уходят из дома в сумерках и больше не возвращаются, гибнут в засаде, попадают в плен и все такое — и она увидела кирку и лопату и, похоже, поняла, что происходит. Она сказала моему брату: «Послушай, Пат, никогда не делай того, о чем потом будешь жалеть». Да, в таком возрасте, в любом возрасте, влияние матери велико, и я помню, каким камнем лежали у нас на душе ее слова, когда

мы шли по дороге с двумя пленниками. Мы сказали им, что отправим их отсюда на лодке, а сами думали, как же нам быть. Наконец, я сказал брату: «Нам нужно отложить это» [18].

32. Восток и запад, север, юг —
Солдаты рыскали вокруг,
Но нам неведом был испуг,
Бойцам «Колонны Барри» [10].

33. *Джон О'Салливан*: Ну вот, значит, привели мы их на место казни, а там был Мосс Туми — один из офицеров и мой закадычный дружок, и я ему сказал: «Мы не можем их расстрелять сегодня». Он ответил: «Это очень тяжело, но у нас есть приказ, и его нужно выполнять». — «Ну, уж нет, — говорю я, — не бывать этому, я отведу этих ребят домой или умру сам. Я убью любого, кто попробует остановить нас». И я бы это сделал. Но Туми довел нас до вырытой могилы, и как только мы пришли, командовал: «Кругом, марш! Ведите их обратно, домой. Завтра получите инструкции, что с ними делать» [18].

34. Дочери Иродиады скачут назад.
Внезапный вихрь пыли взметнется — и прогрехочет
Эхо копыт — и снова клубящимся диким роем
В хаосе ветра слепого они пролетают вскачь;
И стоит руке безумной коснуться всадницы ночи,
Как все раздражаются смехом или сердитым воем —
Что на кого накатит, ибо сброд их незряч [1, с. 409].

35. *Джон О'Салливан*: Ну вот, мы вернулись с ними домой, а на следующий вечер получили приказ выводить их снова. Нам сказали, что они должны быть расстреляны, а в наказание за невыполнение приказа прошлой ночью нас с братом назначили в расстрельную команду. Брат заспорил и сказал, что хватит одного из нас, и в конце концов решили, что это будет он, потому что он был старше. Сдается мне, что человек в расстрельной команде должен быть ветераном, иметь военный опыт. Лишить кого-то жизни — это очень сильное потрясение, если ты вырос в нормальной семье. Что ж, как бы там ни было, наш офицер — не тот, что был прошлой ночью, — обратился к двум пленникам: «Значит, так, парни, — сказал он, — к несчастью, мы должны вас расстрелять. В нынешних обстоятельствах мы не можем привести к вам священника, но мы даем вам время помолиться и примириться с Богом». Один из них сказал: «Мы не будем молиться». — «Души у тебя нет, что ли?» — спросил офицер. «Есть», — ответил тот, поднял ботинок и хлопнул по подо-

шве. «Вот вся моя душа», — сказал он. Мне никогда такого не забыть. Сейчас понимаешь, что человек, который мог так ответить перед смертью, зная, что сейчас получит пулю, — конечно, крепкий орешек. Это не был обычный солдат. Положим, такие, как мы, бойцы за свою страну, мы должны были так держаться. Но обычный, рядовой солдат британской армии не имел таких обязательств. Как бы там ни было, их расстреляли, обоих, и похоронили на том самом месте [18].

36. И вот утихает ветер, и пыль оседает следом,
И на скакуне последнем, взгляд бессмысленный вперея
Из-под соломенной челки в неразличимую тьму,
Проносится Роберт Артисон, прельстивый и наглый демон,
Кому влюбленная леди носила павлиньи перья
И петушиные гребни крошила в жертву ему [1, с. 409].

3.2. «В МАУНТДЖОЙСКОЙ, ДА В ТЮРЬМЕ...»

37. Покажите, где лежит мой сын!
Румянец яркий на щеках погас,
Губ его коснулась синь, взгляну на них в последний раз.
О, срам вам, трусы, кто так подло жизнь украл!
Ведь он всего семнадцать прожил лет, мой дорогой,
И крышка гроба ему уродливый оскал открыла свой.
О, срам вам, трусы, — убит ребенок мой! [11]

38. *Констанс Маркевич*: Последний раз, когда я слышала Джеймса Конноли, он сказал — мне и другим — несколько слов, которые очень подходят к сегодняшней ситуации. Это было как раз накануне Пасхального восстания 1916 года. Мы узнали в тот день, что определенные люди отменили восстание. Кто-то, желая оправдать их, выгородить их, сказал: «Такой-то и такой-то не беспокоится о том, что берет на себя ответственность посылать людей на смерть, когда так мало шансов на победу». — «Ох, — ответил Конноли, — есть только одна ответственность, какой я боюсь, и это — помешать мужчинам и женщинам Ирландии сражаться и умирать за Ирландию, если они так решили» [22].

39. *Официальный отчет Британской армии*, 20 сентября 1920 года:

«Этим утром отряд в составе одного сержанта и шести рядовых полка герцога Веллингтона был обстрелян неизвестными гражданскими лицами возле булочной на Черч-стрит, Дублин. Один солдат был убит, четверо ранены. Пикет Ланкаширских фузилеров, находившийся поблизости, услышав выстрелы, поспешил на помощь товарищам, в резуль-

тате чего удалось арестовать одного из нападавших. Ничего из оружия и экипировки солдатами потеряно не было» [13].

40. В понедельник рано утром
В Маунтджойской, да в тюрьме,
Кевин Барри за свободу
Отдал жизнь свою в петле.
Ему было восемнадцать,
Но свидетели мы все,
Что шагал навстречу смерти
Он без страха на лице [19].

41. Он с улыбкой гордой вышел
В путь последний свой,
Растрепались кудри златы
И сплелись с петлей.
Светлый взор не затуманен
Голубых очей —
Ожидает казни юный
Роди Мак-Корлей [14].

42. Перед тем, как бросить Барри
В руки злобным палачам,
Его в камере пытали,
Но упорно он молчал.
«Назови своих друзей нам,
Дай, не медля, нам ответ!
Жить захочешь — все расскажешь!»
Отвечал им Кевин: «Нет!» [19]

43. *Кевин Барри*: Он пытался убедить меня назвать имена, но я упорно отказывался. Тогда он выслал сержанта из комнаты за штыком. Когда сержант вернулся, тот же самый офицер приказал ему приставить штык мне к животу... И тогда сержант сказал, что, если я не заговорю, он проткнет меня штыком... Потом все тот же офицер сказал, что, если я буду продолжать упорствовать, он отправит меня к людям во дворе казармы, он полагал, что я знаю, что это может значить — попасть к тем людям в их тогдашнем настроении. Я ничего не ответил. Он приказал сержантам положить меня лицом на пол и вывернуть мне руку... Когда я лежал на полу, один из сержантов придавил коленом мне спину, два других наступили ногами мне на спину и на левое плечо, и тот первый вывернул мне правую руку, он держал ее одной рукой, а другой схватил меня за волосы и потянул голову назад. Рука вывихнулась в локтевом суставе.

Это длилось, как мне показалось, минут пять. Было очень больно... Я по-прежнему отказывался отвечать на их вопросы... Вошел гражданский и повторил вопросы, с тем же результатом. Он объявил мне, что если я выдам всю информацию, какая мне известна, то меня отпустят [6].

44. Только давеча шагал он
С пикой боевой,
И ребят за ним виднелся
Дюжий грозный строй.
Он на Антрим, в бой на Антрим
Вел своих парней,
И за то повешен будет
Роди Мак-Корлей [14].

45. «Как солдата расстреляйте,
Но не вешайте как пса,
Потому что за свободу
Я сражался до конца!
Возле булочной той самой,
Где сентябрьским утром я
В бой вступил отважно с вами,
Расстреляйте вы меня» [19].

46. Тогда Лугайд метнул копье и попал в Кухулина. Сразу понял Кухулин, что настал его смертный час. Упал он, и вывалились у него из живота кишки, окрасив все вокруг кровью...

Сказал Кухулин:

— Прежде чем умереть, хотелось бы мне испить воды из озера.

— Иди, если обещаешь вернуться.

— Вернусь, если вы придете за мной. Мало осталось у меня сил.

Он затолкнул кишки обратно в живот и направился к озеру. Испив воды, он весь вымылся, чтобы встретить смерть как подобает, а потом призвал к себе своих врагов.

Неподалеку он увидел камень-колонну и привязал себя к ней, чтобы не встретить смерть лежа. Враги окружили его, но боялись подойти близко. Не верили они в его смерть...

Прилетела откуда-то птица и села на плечо Кухулину...

Тут вышел вперед Лугайд, убрал Кухулину с плеч волосы и отрубил ему голову под громкие крики ирландцев. Меч выпал из руки Кухулина и, падая, отсек правую руку Лугайду. Тогда ирландцы в отместку отрубили Кухулину еще и руку. Огонь над головой Кухулина погас, и лицо у него стало белым, как только что выпавший снег [3, с. 172, 173].

47. «Кевин Барри, не бросай нас,
Ждут петля тебя и смерть!» —
Его матушка рыдала,
Боль не в силах одолеть.
Но сказал в ответ ей Кевин:
«Горько, матушка, не плачь,
Я умру, но не задушит
Волю Родины палач!» [19].

48. Вот Роберт Эммет, Ирландии милый,
Вот Роберт Эммет идет погибать.
Смерть мою встречу улыбкой счастливой,
Жизнь ради Эрин горжусь я отдать [20].

49. *Каноник Джон Уотерс, тюремный капеллан:* Этот мальчик, похоже, не понимает, что завтра утром он должен умереть.

Миссис Барри: Что вы хотите этим сказать?

Каноник Уотерс: Он так весел и беспечен все время. Если бы он понимал, что его ждет, он был бы подавлен.

Миссис Барри: Каноник Уотерс, я знаю, вы не республиканец. Но разве вам так трудно уразуметь, что мой сын и вправду горд умереть за Республику? [26]

50. И встречал без содроганья
Он последний свой рассвет,
Только матушке скорбевшей
Слал прощальный он привет.
И с улыбкою покойной
Гордо вышел погибать,
Чтоб Ирландии-старушке
Снова волю увидеть [19].

51. Чу! Слышится звон мне уже колокольный,
И бедное сердце забилося сильней.
Меня исповедать служитель церковный
Подходит и в руки отдаст палачей.
Прощайте, друзья, и прощай, дорогая!
Прощай, Изумрудный мой остров родной!
Уверен я твердо, что выполнил долг мой,
Героем я жил и умру как герой! [20]

52. *Каноник Уотерс:* Его мужество было поистине сверхчеловеческим и происходило, я уверен, из чистой и невинной совести. Моя дорогая миссис Барри, вы — мать одного из храбрейших и достойнейших молодых людей, каких только доводилось мне встречать. Он шел на ви-

селицу с беспримерной отвагой, без малейшей дрожи, повторяя свои скромные молитвы и Святое Имя до самого последнего мгновения [26].

53. Снова мученик за Эрин,
Снова смерть от короля,
Он убить ирландцев может,
Но сломить их дух нельзя.
Для таких парней, как Барри,
Гибель в битве не страшна.
Для таких парней Отчизна
Стать свободною должна [19].

54. *Бригадный генерал Фрэнк Перси Крозье, командир Вспомогательной дивизии в Ирландии*: В Ирландии не нашлось ни одного палача, чтобы повесить Барри, и нам пришлось вызвать палача из Англии, он прибыл в полной секретности, инкогнито. Он проехал тайком 300 миль, пересек море, чтобы повесить мятежника за убийство. Или — он проехал тайком 300 миль, пересек море, чтобы повесить солдата Ирландии. Видите, как много зависит от точки зрения [26].

55. Всю жизнь мы ходим по чужим путям,
И лабиринт, которым мы бредем,
Чудовищно извит;
Один философ утверждал, что там,
Где плоть и скорбь спадут, мы обречем
Свой изначальный вид;
О, если б смертный мог
И след земной стереть —
Познав такую смерть,
Как он блаженно был бы одинок! [1, с. 407]

3.3. КОН ДИ

56. «Глаза мертвецов» [2].

57. Около 9:30 пополудни, в четверг 12 мая 1921 года я, Корнелиус Ди, а со мной Патрик Долтон и Патрик Уолш [*двоюродный брат Ди. — А. Б.*] вышли невооруженные из Ати, где мы посещали миссию отцов-редемптористов. Мы шли вдоль дороги на Листауэлл и у Гортагланнского моста встретили Джерри Лайонса, ехавшего на велосипеде. Он спешился и принялся болтать о разных событиях. Через несколько минут Падди Уолш предложил уйти подальше в поле, потому что там будет безопаснее, чем у дороги. Мы согласились, но только перелезли

через изгородь, как слышали шум грузовика. «Прячься, ребята», — крикнул я, и мы попытались укрыться как могли. Джерри Лайонс, Падди Долтон и я спрятались сразу. Падди Уолш добежал до края поля и бросился на землю. Очень скоро нас окружили люди в форме Королевской ирландской полиции. «Нам конец, Конни», — сказал Падди Долтон. «Выходим, ребята, — сказал я, — с поднятыми руками». Джерри Лайонс, Падди Долтон и я встали, подняв руки над головой. Падди Уолш подбежал к нам. Нас встретили потоком оскорблений и брани. Я помню такие выражения, как «Ах вы, убийцы», «Ах вы, с...», «Нам досталась настоящая добыча», «Мы взяли летучую колонну». От нас потребовали назвать наши имена, и мы честно сказали, потом нас обыскали и убедились, что у нас нет оружия, только номер «Айриш Индепендент»... [30]

58. ...К Уолшу прибыл из Листауэлла доброволец по имени Бакли с донесением о том, что в Листауэлле барменша подслушала разговор какой-то женщины с полицией. Женщина рассказала полиции, что в Ати находится миссия и что почти наверняка Вест-Лимерикская колонна будет посещать там службы. Она еще сказала, что добудет всю информацию, какую сможет, у своего приятеля, который работает в миссии. Когда я прочитал это сообщение остальным, мы решили, что ни за что не допустим, чтобы Вест-Лимерикскую колонну захватили. Договорились, что я с Падди Долтоном [родом из Ати] отправлюсь в Ати... Мы с Долтоном решили не брать оружия, чтобы дойти побыстрее. Чувствовали, что надо торопиться предупредить наших товарищей. Шли мы по пути из Талламора, Ноканьюр, вдоль реки Гейл к Килбахе, там остановились немного передохнуть в таверне «У Ханрахана». Дальше мы по-прежнему шли вдоль реки, насколько было возможно, а потом срезали дорогу и появились в Ати около трех часов пополудни.

Мы навестили знакомую, Джози Листон, и рассказали ей о нашей задаче. В тот же вечер мы встретились с местным почтальоном и договорились, что следующим утром он даст нам проверить почту.

Потом мы отправились на службу в Ати, потому что никто из бойцов никогда не упускал возможность зайти в церковь. После службы Патрик Долтон и я посетили батюшек, остановившихся в «Данахерс Хотел». Им мы тоже рассказали о наших целях. Они очень рассердились, узнав о таком, и хотели немедленно выгнать ту женщину из деревни, но мы попросили их не делать этого, потому что рассчитывали что-нибудь узнать из корреспонденции. Мы посещали службы три вечера подряд и каждый вечер до одиннадцати часов оставались у батюшек... [8]

59. ...Он [Кухулин] отправился дальше, и с ним Катбад, который не оставлял его ни на мгновение. Неожиданно они увидели девуцу, стройную, белокожую, светловолосую, которая стирала чьи-то одежды, терла и никак не могла оттереть алые пятна, отчего заливалась слезами и беспрерывно причитала.

— Милый Пес! — воскликнул Катбад. — Ты видишь девуцу? Твои одежды она стирает и плачет над ними, потому что ты идешь на смертный бой с воинством Медб. Это дурное предзнаменование, и лучше тебе повернуть назад.

— Милый учитель, — отвечал ему Кухулин, — ты прошел со мной большой путь. Неужели ты думаешь, что я поверну обратно и не отомщу мужам Ирландии, пришедшим разрушить мой дом и ограбить мою землю? Что мне до женщины из племени сидов? Пусть она стирает грязные тряпки. Скоро у нее будет много других одежд, запачканных кровью... [3, с. 169]

60. ...Потом нам приказали раздеться, а когда мы снова одевались, нас стали избивать прикладами винтовок и револьверами, повалили на землю и пинали ногами. После этого нас развели на некоторое расстояние друг от друга и по четыре-пять человек окружили каждого из нас. Меня снова стали бить прикладами и кулаками. Минут через двадцать нас погнали на дорогу, к грузовикам. Падди Уолша и Падди Долтона запихнули в первый грузовик. Я оказался во втором, а Джерри Лайонс — в третьем. Грузовики проехали с полмили в направлении Ати. Потом они остановились и повернули назад. Падди Уолша и Падди Долтона пересадили в тот грузовик, в котором был я. Джерри Лайонс остался в том же грузовике, где и был, теперь он ехал первым. Грузовики ехали по той же дороге назад около мили. Потом нам приказали выйти. Я посмотрел на моих спутников и увидел кровь на лице Джерри Лайонса и на губах Падди Уолша. У Падди Долтона кровоточил нос. Нам приказали бежать, но мы отказались. Нас снова стали бить прикладами и погнали в поле. Мы требовали суда, но «черно-пегие» только хохотали, и язвили, и обзывали нас убийцами... [30]

61. ...Дом Падди Долтона был примерно в миле от деревни, и каждый вечер мы возвращались туда. Я хорошо помню, как первой ночью мы шли к нему и были уже близко от дома, когда Падди сказал, что его семья еще не спит. Я спросил, откуда он знает, а он бросил, что они ухаживают за скотом. Я снова спросил: «Да откуда ты знаешь?» Он ответил: «А ты разве не заметил сполохи света в хлеву?» Я не видел никакого света. Когда мы зашли в дом, то заглянули в комнату его отца и

спросили, выходил ли он на улицу. Он ответил: «Нет». Потом он [Падди Долтон] зашел в другие комнаты и спросил братьев. Но ответ был тоже: «Нет». На следующее утро мы встали рано и за завтраком поговорили о ночных огнях. Никто не придал этому большого значения, кроме самого Падди... [8, см. 4, с. 87]

62. ...Катбад покинул Кухулина, а он продолжил путь. Вскоре ему повстречались три старухи, слепые на один глаз, которые колдовали над ветками рябины, жаря себе на обед пса. Мимо хотел проехать Кухулин, понимая, что это не к добру.

Однако одна из старух окликнула его:

— Стой, Кухулин, побудь с нами.

— Нечего мне с вами делать, — отозвался Кухулин.

— Это потому, что нам нечего предложить тебе, кроме пса. А будь у нас богатый стол, ты бы попрiderжал коней и стал нашим гостем, но нам почти нечего тебе дать, и ты едешь мимо. А ведь того не почитают, кто не почитает малых, коли сам велик.

Кухулин подошел к ней, и она протянула ему собачью лопатку в левой руке, и он взял ее левой рукой, а потом положил левую руку на левый бок, и ему показалось, будто ударили его в левую руку, а потом в левый бок, и силы покинули их... [3, с. 169—170]

63. ...Нас поставили в ряд лицом к изгороди в сорока ярдах от дороги. Я стоял первым справа, следующим Джерри Лайонс, следующим Падди Долтон, и Падди Уолш — крайним слева. Потом перед каждым из нас на расстоянии пяти ярдов встал «черно-пегий», прислонив винтовку к изгороди. За ними столпилось еще с десятков «черно-пегих». Я посмотрел прямо в глаза человеку, стоявшему напротив меня. Он промедлил секунд двадцать, словно ждал, чтобы его товарищи выстрелили первыми. Второй «черно-пегий» выстрелил. Джерри Лайонс вскинул руки, застонал и повалился назад. Я глянул мельком на него и заметил кровь, текущую по жилету. Я повернулся и бросился бежать. Промчался около двенадцати ярдов, когда меня ранили в бедро. Нога подогнулась, но я продолжал бежать, хоть и хромая. Я чувствовал, что за мной гонятся, и слышал, как пули свистели мимо меня.

Один из грузовиков поехал по дороге с моей стороны, и обстрел продолжался с него. Пробежав примерно полторы мили, я сбросил пиджак, галстук, воротничок и портянки. «Пегие» преследовали меня добрых три мили. Когда сил бежать больше не осталось, я бросился в канаву на овсяном дворе. Там я пролежал минут сорок пять, когда подошли двое мужчин. Они помогли мне пройти ярдов сорок, но я так силь-

но хромал, что один из них послал за машиной, и меня отвезли домой... [30]

64. ...На следующий вечер все было так же. Мы сходили на службу, посетили батюшек и двинулись домой примерно в то же время. Все повторилось. Падди снова видел огни, а я нет. Он снова спрашивал своих родных, но они снова ответили, что не выходили со светом. Он не успокаивался, пока мы не вышли и не осмотрели все вокруг. Мы ровно ничего не увидели и не услышали и пошли спать. На следующий день мы встретили в деревне Патрика Уолша. Мы снова посетили миссию, сходили к исповеди, побывали у батюшек и отправились домой к Падди.

Снова, подходя к дому, Патрик Долтон и Патрик Уолш видели огни. Я их не видел. Когда домашних снова спросили, они опять ответили то же, что и в два предыдущих вечера. На этот раз оба Патрика вышли во двор и обыскали все вокруг, но ничего не нашли. На следующее утро мы снова поговорили об этих огнях. Все обратили в шутку.

Это было в четверг, 12 мая [8].

65. *Леди Огаста Грегори*: Со дней Кухулина, а быть может, и с более давних времен причитающую женщину из племени сидов слышали дающей печальное предупреждение тем, кто должен был умереть. Еще не слышно было Рахили, горюющей о своих детях, когда белокожая девушка, чьи причитания никогда не прекращались в Ирландии, стирала алые одежды у брода. То была она или кто-либо еще из ее рода, кто сказал королю Бриану, что встретит он свою смерть при Клонтарфе, хоть после поражения старых богов предупреждение это зачастую посылалось с более лучезарным вестником, как в случае с [святым] Колумкилле, который на рассвете праздника Пятидесятницы «возвел очи горе и узрел великий свет и ангела Божия в ожидании там о нем». Сам [святой] Патрик получил предупреждение от своего ангела, Виктора, который встретил его на дороге в полдень и повелел ему вернуться назад в амбар, где провел он минувшую ночь, ибо там должен был он умереть. Такой же вестник не мог не присутствовать при смерти ирландца по происхождению, мистика Уильяма Блейка, когда «возвысил он голос, воспевая увиденное им на Небесах, да так, что стропила зазвенели».

Несколько лет назад одна женщина из соломенной хижины у подножия Эхтге рассказала мне: «Великие чудеса бывали в старые времена. Когда мой отец, что работал в огороде там, повыше, умирал, три яркие вспышки света вошли вдруг в комнату, и ярче их не видали еще во всем свете. Был старик в той комнате, звали его Роан, и я прислонилась к нему, потому что помутнело у меня в глазах. Люди, что шли по дороге,

видели свет, и наверху, в хижине Мика Айнерни, все закричали, что наш дом горит. Когда они пришли и услышали о трех вспышках света, вошедших в комнату и подошедших к кровати, они все сказали, что это были ангелы, его друзья, которые пришли встретить его».

Когда умер Рафтери, слепой поэт, странствовавший по нашим весям сотню лет назад, некоторые говорили, что языки пламени горели над его домом всю ночь, «и то были ангелы, воскрешавшие его». Однако весть ему была послана не с теми светлыми вестниками, но в видении, когда однажды в Голуэ сама Смерть явилась к нему в виде человека, «костлявого, убогого, в печали и скорби, с тенью ночи на лице, с бороздами слез на щеках», и сказал тот человек, что осталось жизни Рафтери всего только семь лет. И хоть Рафтери ответил ему презрительными стихами, некоторые говорят, что провел он те последние семь лет в молитвах и сочинении религиозных гимнов. Некоторым предупреждение приносит тень, или стук в дверь, или сон. В час насильственной смерти природа сама являет сочувствие. Мне говорили в пасмурный день, что потемнел он оттого, что человек был повешен, а одна женщина, немало побродившая на своем веку, рассказала, что однажды в Бандоране она «видела волны, ревавшие и кипевшие», а потом она узнала, что было так потому, что в то самое время утонули две юные девицы [16].

66. Краса мирская принесла мне грусть,
Краса, что вся пройдет.
Был в сердце трепет радости простой
При виде белки, скачущей в ветвях,
Иль пестрой птички, севшей на плетне,
Иль в поле маленьких крольчат игры
Закатною порой,
Холма, затерянного в облаках,
Зеленого холма, где горец сеял
И скоро будет жать, у врат Небес,
Или детей босых в песке морском
В отлива час, их уличных забав
В селеньях Коннахта,
Счастливых, юных.
Но сердце мне сказало:
Все пройдет,
Пройдет и не вернется никогда
Ни яркость зелени, ни счастье юных.
И я ушел своим путем
Горестно [25].

АВТОРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

Идея статьи в таком виде — принципиально без авторского текста, но с авторским переводом источников — появилась после нескольких лет неудачных попыток написать обычную статью об ирландской войне за независимость (1919—1921 гг.) как тематическое развитие публикации о Пасхальном восстании 1916 г. Однако материал просто-таки не хотел укладываться в традиционную форму исторического нарратива — в отличие от предельно локализованного хронологически и географически Пасхального восстания, спорадические и многоочаговые события партизанской войны не составляли единой сюжетной линии, необходимой для этого. Выход нашелся в результате более глубокого знакомства с логическим позитивизмом, постструктурализмом и ирландской литературой (в первую очередь, с Уильямом Батлером Йейтсом и Флэнном О’Брайеном). Теория интертекстуальности с ее разрывом линейности, перекрестное цитирование как форма построения текста, обращение к средствам иных, нежели естественный язык, знаковых систем — все это сулило гораздо больше возможностей для проникновения в глубину семиотических связей источников и, главное, их демонстрации, деконструкции.

В качестве рабочей гипотезы было принято предположение о том, что последовательность, логичность и однозначность, требуемые каноном, — искусственные конструкты, больше отдаляющие от интересующей нас прошлой социальной реальности, чем приближающие к ней. Работая с письменными (повествовательными) источниками, мы, по сути, имеем дело не с собственно фактами, а с высказываниями о фактах, которые сами по себе для нас также являются фактами, из которых можно построить модель (картину) реальности — точно так же, как сама реальность построена из «настоящих» фактов (факт я употребляю в определении «Логического трактата» Л. Витгенштейна, как «то, что случается», т. е. сочетания определенных «положений вещей» и/или «атомарных фактов»). Отсюда выходило, что логика как правила связывания определенных фактов, образующие непротиворечивые сочетания, обычно используется автором репрезентации в качестве своеобразного орудия насилия над читателем, заставляющего его признать, что данная картина реальности — и есть сама реальность. Но той, «первичной», реальности, которая репрезентируется, может быть свойственна многозначность или, скорее, нейтральность — поскольку значения мы образуем сами, сочетая одни факты с другими (и отбрасывая или

не замечая третьи, четвертые и т. д.). Противоречивость и алогичность, в свою очередь, — прямые следствия многозначности, так как они есть результат столкновения различных картин реальности, созданных нами упомянутым путем сочетания некоторых фактов с другими. Все сказанное одинаково относится и к собственно фактам, и к высказываниям о фактах, которыми оперирует историк.

В соответствии с этим принципом строилась статья: как модель реальности, «собранная» из высказываний о фактах. Их сочетания — и интерпретации — читатель волен образовывать самостоятельно. Равным образом самостоятельно ему предстоит решать, какие из высказываний о фактах считать истинными, а какие — ложными, самостоятельно выстраивать их в определенной последовательности, выяснять, каким коммуникантам доверять, каким — нет, и вообще, составлять суждения о них самих. Иерархические отношения между ними сознательно не выстроены (нет ссылок с объяснением того, чем знамениты Джеймс Конноли, Кахал Бру или Констанс Маркевич), формально они все равны. Они просто встречаются читателю, как встречаются люди в реальной жизни: иногда представляясь, иногда — нет; иногда они могут быть уже знакомы, иногда — навсегда остаться загадкой. Они ведут разговор скорее между собой, чем с читателем. С разных сторон до читателя «доносятся» обрывки стихов и песен, но что это за произведения, он волен выяснять сам. Авторский текст отсутствует именно потому, что создавалась *модель* реальности, а не *описание* модели, как это получается в обычной исторической репрезентации. Читатель должен исследовать эту модель, а не пассивно реагировать (принимая — не принимая) на авторскую позицию.

Поскольку модель, естественно, предполагает некое упрощение, *отбор* фактов для ее построения был неизбежен. Проводился он также «от противного»: в первой части подбирались высказывания, не подтверждающие, а опровергающие друг друга, во второй части подбор высказываний должен демонстрировать не прямую, а обратную связь социальной и фольклорной реальности, а в третьей — параллельность (взаимное цитирование) двух реальностей, и, наконец, — цитирование обеими реальностями третьей — эпической (или наоборот?). За основу были взяты три во многом знаковых для ирландской войны за независимость сюжета: нападение повстанцев на полицейский конвой в Солохедбеге 21 января 1919 г., считающееся формальным началом войны; повешение 17-летнего дублинского студента Кевина Барри 1 ноября 1920 г. за убийство английского солдата, создавшее «символ

жертвенной юности»; расправа одного из подразделений британских «вспомогательных» войск («черно-пегих») 12 мая 1921 г. над безоружными повстанцами в местечке Долина Ноканьюр (по этому сюжету, вошедшему в фольклор, как и мученическая смерть Кевина Барри, недавно был снят художественный фильм). Результат — что-то вроде коллажа или мозаики, созданной скорее живописными, чем нарративными средствами, по художественным принципам. Не была забыта и нумерология: данная историческая репрезентация может не только читаться, но и смотреться, и даже считаться — название «3» соответствует количеству частей, кратно общему числу высказываний, а также числу их в первой и третьей частях. В соответствии с требованиями к художественной композиции вместо введения и заключения, банальных прямолинейностью своей идеи, текст снабжен поэтическими «intro» и «outro». Отношение к форме первого достаточно очевидно для того, кто удосужился дочитать до конца, хотя и не бросается в глаза сразу. Что касается второго, то его как раз нужно не только читать, но и «смотреть»: Подрик Пирс — идейный отец войны за независимость, стену колледжа, им основанного, украшало изображение Кухулина, образ которого и придает единство формы всей репрезентации. Эпиграф ко второй части позволяет незаметно протянуть ниточку в будущее, в котором ситуация Кевина Барри неоднократно повторится: Фергал О'Ханлон, которого оплакал в 1957 г. Доминик Биэн, — один из многих таких юных «мучеников за Эрин». Поэтическое высказывание Биэна позволяет подчеркнуть типичность, обезличивающую Кевина Барри, вовлекающую его в бесконечный цикл повторений, вербализованный в народных песнях. Одна из функций поэтических фрагментов, завершающих вторую и третью части, в том, чтобы подчеркнуть такую характерную спиральность ирландской истории. Первая часть в этом смысле более прямолинейна — она показывает противоречивость партизанской войны, стирает разницу между героем и преступником. Однако чем дальше разворачивается репрезентация, тем более мистический оттенок она приобретает.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Кружков Г. М., Йейтс У. Б.* Тысяча девятьсот девятнадцатый / У. Б. Йейтс. Исследования и переводы. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. С. 405—409.
2. *Коркери Д.* Глаза мертвецов // Глаза мертвецов: Антология ирландских рассказов о призраках / пер. с англ. В. Ахтырской. СПб.: Изд. группа «Азбука-классика», 2009. С. 51—66.

3. Кухулин из Муиртемне // Кельты: Ирландские сказания / пер. с англ. Л. Володарской. М. : Арт-Флекс, 2000. С. 78—179.
4. *Лайсфм П., Михайлова Т.* Банши: Фольклор и мифология Ирландии / пер. с англ. Н. Чехогадской ; прилож. А. Мурадовой. М. : ОГИ, 2007. 184 с.
5. A wanted poster for Dan Breen // Web site Wikipedia The Free Encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/File:Daniel_Breen_police_notice.jpg. Date of access: 19.12.2010.
6. Affidavit written by Sean O hUadhaigh, solicitor; witnessed by Myles Keogh, Justice of the Peace and signed by Kevin Barry, The // Cited from web page Kevin Barry from Wikipedia The Free Encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Kevin_Barry. Date of access: 19.12.2010.
7. *Ambrose J.* Dan Breen and the IRA. Mercier Press, Dublin, 2007 / Cited from web site History Ireland. URL: <http://www.historyireland.com/volumes/volume15/issue3/reviews/?id=11426>. Date of access: 19.12.2010.
8. Article by Con Dee in «The Shannonside Annual», 1958, The / Fitzmaurice G. Where History Meets Poetry: «The Valley of Knockanure» // Cited from the web site Moyvane.com. URL: <http://www.moyvane.com/knockanurestory.shtml>. Date of access: 19.11.2010. Originally published as Fitzmaurice, Gabriel. 'Where history meets poetry: Bryan MacMahon and 'The Valley of Knockanure''. in Fitzmaurice, Gabriel (ed.), The world of Bryan MacMahon. Mercier Press, Cork, 2005. P. 87—106.
9. *Barry T.* Guerilla Days in Ireland. Anvill Books, Dublin, 1949 [first edition] / cited from web page Deserters or spies? British soldiers executed at Lough Attorick. URL: http://www.warofindependence.net/?page_id=411. Date of access: 19.12.2010.
10. Barry's Column / Unknown author // Recorded by Dominic Behan: Songs of the Irish Republican Army (I.R.A.) — Riverside RLP 12—820, LP, 1957. Lyrics cited from web site The Celtic Lyrics Collection: URL: <http://celtic-lyrics.com/forum/index.php?autocom=tlc&code=lyrics&id=44>. Date of access: 19.12.2010.
11. *Behan D.* «Lead me to the spot where lies my son...» // Lyrics cited from sleeve notes by The Dubliners to the song The Patriot Game from the album The Dubliners in Concert — Castle Music 06076-81 330-2, CD, 2003. Original release: Transatlantic TRA 124, LP, 1965.
12. *Breen D.* My Fight for Irish Freedom. First edition [258 p.]. The Talbot Press, Dublin, 1924 / cited from web page Searc's Web Guide to 20th Century Ireland — Dan Breen (1894—1969). URL: <http://www.searcs-web.com/breen.html>. Date of access: 19.12.2010.
13. British Army Statement released Monday, 20 September 1920 // Cited from web page Kevin Barry from Wikipedia The Free Encyclopedia. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Kevin_Breen. Date of access: 19.12.2010.
14. *Carbery E.* Rody M'Corley // The Four Winds of Eirinn: Poems by Ethna Carbery (Anna MacManus) / ed. by Seumas MacManus. — M. H. Gill And Son, Ltd. Jas. Duffy And Co., Ltd., Dublin, 1906. P. 82, 83 [Reprinted in Internet]. URL: <http://digital.library.upenn.edu/women/carbery/eirinn/eirinn.html#rody>. Date of access: 19.12.2010.
15. David Neligan's memoir // Griffith K., O'Grady T. // Curious Journey: An Oral History of Ireland's Unfinished Revolution. — Mercier Press, Dublin, 1998 [376 p.] / cited from web page BBC — History — 1916 Easter Rising — Witnesses to History — David Neligan. URL: <http://www.bbc.co.uk/history/british/easterising/witnesses/wh08.shtml>. Date of access: 19.12.2010.
16. *Gregory A.* Visions and Beliefs in the West of Ireland: Banshees and Warnings // Cited from the web site Sacred-Texts.com. URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/celt/vbwi/vbwi08.htm>. Date of access: 19.12.2010. Originally published as Visions and Beliefs in the West of

Ireland collected and arranged by Lady Gregory [Lady Isabella Augusta Persse Gregory, 1859—1932]. with two essays and notes by W.B. Yeats. — G.P. Putman's sons, New York and London, [1920].

17. Irish Election of 1918, The // Web site ARK Northern Ireland — Elections. URL: <http://www.ark.ac.uk/elections/h1918.htm>. Date of access: 19.12.2010.

18. *John L. O'Sullivan's memoir* // Griffith K., O'Grady T. *Curious Journey: An Oral History of Ireland's Unfinished Revolution*. — Mercier Press, Dublin, 1998 [376 p.] / cited from web page BBC — History — 1916 Easter Rising — Witnesses to History — John L. O'Sullivan. URL: <http://www.bbc.co.uk/history/british/easterrising/witnesses/wh09>. Date of access: 19.12.2010.

19. *Kevin Barry* / Unknown author // recorded by Dominic Behan: *Songs of the Irish Republican Army (I. R. A.)* — Riverside RLP 12—820, LP, 1957 / lyrics cited from web page Kevin Barry — An article provided by The Information about Ireland Site. URL: <http://www.ireland-information.com/articles/kevinbarry.html>. Date of access: 19.12.2010.

20. *Maguire T.* *Last Moments of Robert Emmet (Bold Robert Emmet), The. C. 1900* // Zimmermann, G.-D. *Songs of Irish Rebellion. Political street ballads and rebel songs 1780—1900*. Allen Figgis, Dublin, 1967. P. 292.

21. *Lynch J.* *The Merry Ploughboy (Off to Dublin in the Green)* // Recorded by Dominic Behan: *Songs of the Irish Republican Army (I. R. A.)* — Riverside RLP 12—820, LP, 1957 / lyrics cited from web site The Celtic Lyrics Collection. URL: <http://www.celtic-lyrics.com/forum/index.php?autocom=tlc&code=lyrics&id=490>. Date of access: 19.12.2010.

22. *Madame Markievicz's speech at Dáil Éireann Public Session Tuesday, the 3rd January, 1922 / Constans de Markievicz (Baile Atha Cliath Theas)* // *Iris Dhail Éireann. Tuairisc Oifigiúil. Díosbóireacht ar an gConnradh idir Éire agus Sasana do signigheadh i Lundain ar an 6adh lá de mhí na Nodlag, 1921.* in *Official Report. Debate on the Treaty between Great Britain and Ireland signed in London on the 6th December 1921* / ed. Dáil Éireann staff. First edition [424 p.]. — The Talbot Press, Dublin, 1922. P. 185 [Reprinted in Internet]. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E900003-001/index.html>. Date of access: 19.12.2010.

23. *Mr. Cathal Brugha's speech at Dáil Éireann Public Session Saturday, 7th January, 1922 / Cathal Brugha (Co. Phortláirge agus Co. Thiobrad Arann Thoir)* // *Iris Dhail Éireann. Tuairisc Oifigiúil. Díosbóireacht ar an gConnradh idir Éire agus Sasana do signigheadh i Lundain ar an 6adh lá de mhí na Nodlag, 1921.* in *Official Report. Debate on the Treaty between Great Britain and Ireland signed in London on the 6th December 1921* / Ed. Dáil Éireann staff. First edition [424 p.]. — The Talbot Press, Dublin, 1922. P. 330 [Reprinted in Internet]. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E900003-001/index.html>. Date of access: 19.12.2010.

24. *Mr. David Ceannt's speech at Dáil Éireann Public Session Wednesday, December 21st, 1921 / Dáithí Ceannt (Co. Chorcaighe Thoir)* // *Iris Dhail Éireann. Tuairisc Oifigiúil. Díosbóireacht ar an gConnradh idir Éire agus Sasana do signigheadh i Lundain ar an 6adh lá de mhí na Nodlag, 1921.* In *Official Report. Debate on the Treaty between Great Britain and Ireland signed in London on the 6th December 1921* / ed. Dáil Éireann staff. First edition [424 p.]. — The Talbot Press, Dublin, 1922. P. 93—95 [Reprinted in Internet]. URL: <http://www.ucc.ie/celt/published/E900003-001/index.html>. Date of access: 19.12.2010.

25. *Pearse P. H.* *The Wayfarer* // *Irish Verse: An Anthology* / ed. by Bob Blaisdell — Dover Publications Inc., Mineola, New York, 2002. P. 120.

26. *Punch K.* The Forgotten Ten. Part 3: 'Proud To Die for the Republic' // the web page from the site The Wild Geese Today. URL: <http://www.thewildgeese.com/pages/forgten3.html>. Date of access: 19.12.2010.

27. Soloheadbeg / Anonymous article // Web site Wikipedia The Free Encyclopedia. URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Soloheadbeg>. Date of access: 19.12.2010.

28. Soloheadbeg Ambush — 21st January, 1919, The / Anonymous article // Web site PoliceHistory.com. URL: <http://www.policehistory.com/soloheadbeg.html>. Date of access: 19.12.2010.

29. St. Patrick's Breastplate / Unknown author; English translation by Kuno Meyer // Irish Verse: An Anthology / ed. by Bob Blaisdell — Dover Publications Inc., Mineola, New York, 2002. P. 3—4. (Комментарий Подрика Колума: по легенде святой Патрик молился так по пути в Тару, где должен был впервые оспорить власть языческого верховного короля Ирландии. Убийцы поджидали его самого и его спутников, но звуки гимна околдовали сидевших в засаде, и почудилось им, будто стадо оленей прошло мимо).

30. Sworn statement on the incidents at Gortaglanna made by Con Dee before Thomas R. Hill J. P. Tarbert, in June 1921 / Con Dee. // Fitzmaurice G. Where History Meets Poetry: «The Valley of Knockanure» // cited from the web site Moyvane.com. URL: <http://www.moyvane.com/knockanurestory.shtml>. Date of access: 19.11.2010. Date of access: 19.12.2010. Originally published as Fitzmaurice, Gabriel. «Where history meets poetry : Bryan MacMahon and "The Valley of Knockanure"». In Fitzmaurice, Gabriel (ed.), The world of Bryan MacMahon. Mercier Press, Cork, 2005. P. 87—106.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25 чэрвеня 2013 г.

С. Б. КАУН

ПРИВИЛЕЙ 20 ФЕВРАЛЯ 1387 г. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

В статье рассматривается общеземский привилей 20 февраля 1387 г. польского короля и великого князя литовского Владислава II Ягайлы. Этот законодательный документ давал новые экономические и социальные права феодалам Великого княжества Литовского (ВКЛ), принявшим католичество. В привилее приводится описание такого древнего обычая земель Беларуси и Литвы, как погоня.

This article devotes analysis of state privilege of Polish king Wladislaw II Jagajlo of 20 February 1387. This document given wide economic and social rights of catholic nobility of Grand Duchy of Lithuania. Custom of pogonia was described in this state privilege.

Ключевые слова: общеземские привилеи, источники по истории Беларуси, историко-ведческий анализ, социальные и экономические права феодалов-католиков.

Keywords: state privileges, Byelorussian history's sources, source's analysis, social and economic rights of catholic nobility.

20 февраля 1387 г. («в самый день Попелов») в Вильне польский король и великий литовский князь Владислав II Ягайло издал привилей феодалам ВКЛ, которые приняли католическую веру. Принятие этого законодательного документа и ряда других привилеев — привилея католической церкви от 22 февраля 1387 г. в Лиде и привилея князю Скиргайле от 28 апреля 1387 г. — ознаменовало начало второго этапа в развитии законодательных источников ВКЛ — «эпохи привилеев».

Первый этап в развитии законодательства ВКЛ охватывает период с 1230—40-х гг., когда формируется новое государство первым великим князем литовским Миндовгом, до середины 1380-х гг., когда великий князь литовский Ягайло заключает 14 августа 1385 г. Кревскую унию с

Польским королевством. На первом этапе на территории ВКЛ преобладало обычное право земель Руси и литовских земель, действовали положения канонического права и Пространной редакции Русской Правды.

На втором этапе, начиная со второй половины 1380-х гг., стали появляться различные виды привилеев (от *privilegium* в переводе с латинского языка *privus lex* — особый закон), которые наделяли отдельные социальные группы населения ВКЛ особыми правами.

Одним из первых в ряду подобных исторических источников был общеземский привилей от 20 февраля 1387 г., который распространялся на всю территорию ВКЛ и давал особые экономические и социальные права феодалам, принявшим католическую веру. По мнению известного белорусского историка, доктора исторических наук Г. Я. Голенченко: «Первый становой (сословный) привилей, выданный в Вильно 20 февраля 1387 г. польским королем и великим князем литовским Ягайло, предназначался для литовских князей и бояр (рыцарей), принявших католицизм в соответствии с Кревским актом 1385 г., предусматривавшим инкорпорацию ВКЛ в состав Польского королевства. Привилей 1387 г. освобождал рыцарство почти от всех государственных повинностей, кроме обязанности нести военную службу и участвовать в строительстве господарских замков, закреплял за ним право распоряжаться и передавать по наследству свои владения и имущество, свободно выдавать дочерей замуж (без санкции верховной власти), учреждал территориальные судебные органы» [3, с. 31].

В современной историографии сложились четыре подхода к изучению как привилея 20 февраля 1387 г., так и остальных привилеев. Первый подход — конкретно-исторический — использует информацию привилеев как «сырье» для исторических построений. Данный подход сложился еще в XIX в. в трудах М. К. Любавского, М. В. Довнар-Запольского и других. М. К. Любавский так оценивал значение привилея от 20 февраля 1387 г.: «...литовские бояре-католики получили права... в 1387 г., права одинаковые с поляками. Они стали теперь подданными одного с поляками государства, и поэтому уравнение их в правах с поляками было и логическою, и реальною необходимостью. Только таким путем можно было ввести их в польскую социально-политическую организацию и привязать их к новому отечеству» [7, с. 74]. В настоящее время подобный метод работы с источником использовали литовский историк Э. Гудавичус, белорусские историки Г. Я. Голенченко, П. О. Лойко [3, 4].

Второй подход — историко-правоведческий — сложился в работах представителей белорусской школы истории права И. А. Юхо, Т. И. Дов-

нар, А. Ф. Вишневого. В работах этих исследователей-юристов привилеи изучаются как юридические документы в общем процессе становления государства и права на территории Беларуси. Этот подход был впервые представлен в книгах И. А. Юхо «Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі» [12] и «Крыніцы беларуска-літоўскага права» [13], а затем получил свое развитие в таких работах, как «Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права» [5], Т. И. Довнар «Гісторыя дзяржавы і права Беларусі» [6] и др. Так, в книге Т. И. Довнар подчеркивалось, что привилей от 20 февраля 1387 г. закреплял только права шляхты католического вероисповедания [6, с. 39], «положил начало государственной поддержке католицизма» [6, с. 58], был принят «с целью реализации Кревской унии» [6, с. 75] и т. п. Недостатком этого подхода часто являются публицистические заявления о воздействии источника правового положения различных социальных групп ВКЛ, часто не подкрепленные фактическими данными. Например, мнение Т. И. Довнар, что: «Вольные крестьяне, которые в это время приняли католическую веру, стали именоваться рыцарями и боярами. Они освобождались от целого ряда повинностей и принудительных работ» [6, с. 76].

Третий подход — источниковедческий — намечен в работах С. Н. Ходина, который рассматривает привилеи как исторические источники. Белорусский историк изучает общеземские привилеи в генетическом ряду законодательных источников периода Руси («Закон Русский», сборники канонического права, Русская Правда) и ВКЛ (виды привилеев, Судебник Казимира, Статуты 1529, 1566 и 1588 гг.). В рамках такого подхода привилеи подвергаются внешней и внутренней критике, проводится интерпретация их информации, определяются роль и место общеземских привилеев в развитии законодательства белорусских земель в 1387—1568 гг. [10, с. 32—34].

Можно наметить и четвертый подход рассмотрения привилеев, используя достижения дипломатики и метода формулярного анализа, который в последние годы активно используется российскими историками С. М. Каштановым, А. Л. Хорошкевич, белорусскими исследователями О. И. Дерновичем, А. А. Радоманом [9, с. 131—161]. Применение методов дипломатики позволяет выявить внутреннюю структуру таких исторических источников, как привилеи.

Привилей 20 февраля 1387 г. был написан на латинском языке писарем, по-видимому, польской королевской канцелярии Андреем Яновичем (Andreus Joannis) и был проверен канцлером и сандомирским преппозитом Закличем и подканцлером Клементом из Москожова. Правда,

следует оговориться, что личность Андрея Яновича требует дальнейшего изучения, возможно, он был уроженцем ВКЛ.

В пользу авторства писарей польской королевской канцелярии говорит факт, что в Польском королевстве был опыт выдачи привилеев, которые предоставляли особые права шляхте. В 1374 г. польский король Людовик Венгерский из Анжуйской династии собрал шляхту на съезд и выдал ей Кошицкий привилей с целью добиться поддержки шляхты в наследовании польского престола одной из дочерей Людовика, у которого не было мужского потомства. Согласно Кошицкому привилею король обязывался: поддерживать целостность территории польского государства и отвоевать утраченные земли, освободить земян (феодалов) от налогов и повинностей в пользу монарха, кроме выплаты в королевский скарб небольшого поземельного налога — по 2 гроша с крестьянского лана, назначать пожизненно на такие должности, как воеводы, каштеляны, подкомории и судьи, исключительно местных жителей, платить жалование рыцарям, участвующим в походах за пределы Польского королевства, и сохранять привилеи, данные всем сословиям Польского королевства [11, с. 218].

Сохранился привилей от 20 февраля 1387 г. в книге записей 41 Метрики ВКЛ [14, s. 1—2]. Таким образом, это не оригинальный документ, а акт-пересказ, который был переписан дяками по приказу канцлера Льва Сапеги из оригинальной «книги» Метрики в 1594—1607 гг. В книге Метрики перед документом поставлен заголовок, в котором указывается, что это привилей короля Владислава, предоставляющий свободу жителям ВКЛ.

Методы дипломатики (например, формулярный анализ) позволяют изучить внутреннюю структуру документа.

В привилее есть инвокация (призвание помощи Бога), с которой начинается привилей («Во имя Бога, аминь!»). Вслед за инвокацией идет сокращенная интитуляция, что объясняется тем, что в актах-пересказах титул обычно приводился не полностью. Далее сразу отмечается нотификация (публикация), которая вводит акт в действие. За нотификацией идет промульгация (аренга), в которой с теологической точки зрения объясняется необходимость введения привилея в силу. В качестве одной из причин принятия документа отмечается «искреннее и свободное желание, которое наш Литовский народ выявляет в принятии крещения в правую католическую веру» [2, с. 210]. Следующей частью формуляра привилея является инскрипция — указание адресата. Привилей адресован рыцарям и боярам, которые находятся под властью

Владислава II Ягайлы: князю Литвы и трокскому князю Скиргайле (Ивану), подданным Троцкого и Полоцкого княжеств и др.

Основная часть привилея — диспозиция, в которой рыцарям и боярам ВКЛ, которые приняли католическую веру, предоставляются дополнительные социальные и экономические права. Они могли полностью владеть и распоряжаться вотчинами — владениями (замками, волостями, селами, домами), которые перешли им по наследству от отцов. Особенно отмечалось, что такими же правами пользуются феодалы Польского королевства.

В каждой каштелянии (замке) вводился судья (*judex*) для проведения судопроизводства и юстициарий (*justiciarius*) для исполнения принятых судом решений. По мнению Т. И. Довнар, привилей от 20 февраля 1387 г. был: «Одним из первых нормативных актов, в котором говорилось о положении гродского суда...» [6, с. 108]

Рыцари и бояре, принявшие католическую веру, могли без вмешательства князя выдавать замуж своих дочерей, внучек и других родственниц женского пола (в том числе вдов). При заключении подобного брака невеста должна была сохранить католическое вероисповедание.

В привилее обращается особое внимание на положение вдов, которые после смерти мужа могли, оставаясь на «вдовьем ложе», пользоваться всем имуществом умершего супруга или, вторично выйдя замуж, должны были передавать имущество первого мужа своим детям от него или, если их не было, ближайшим родственникам первого мужа.

Рыцари и бояре-католики освобождались от всех государственных повинностей, кроме строительства новых замков, в случае принятия решения об этом представителями ВКЛ, а также ремонта старых замков. Почетной обязанностью феодалов являлась также военная служба. В привилее описан древний обычай Погоня, который состоял в том, что каждый мужчина, способный носить оружие, должен был принимать участие в преследовании врага, отступающего с территории ВКЛ.

После диспозиции шли светская санкция, в которой в случае выхода из католичества рыцарь или боярин лишался этих дополнительных социальных и экономических прав, и корроборация, в которой говорилось о скреплении привилея королевской печатью Владислава II Ягайлы. Завершал привилей датум, в котором указывались место и время издания документа, а также список свидетелей, которые присутствовали при издании документа.

В списке свидетелей в основном находятся две группы лиц: 1. Удельные князья ВКЛ, родные и двоюродные братья Ягайлы — трокский князь

Скиргайло, гродненский князь Витовт, новогрудский князь Корибут, мстиславский князь Коригойло (Казимир), керновский князь Вигунд (Александр), а также мазовецкие князья — Ян и Земовит. 2. Служебные лица Польского королевства — познанский воевода Бартош из Висенбурга, сандомирский каштелян Кристин и др.

Привилей от 20 февраля 1387 г. был впервые напечатан в сборнике документов «Собрание прав литовских от года 1389 до 1529 г.», составленном Л. Дзялыньским [14, s. 1—2]. Затем привилей был напечатан в приложениях к книге М. К. Любавского «Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно», изданной в 1910 г. [8]. В переводе на белорусский язык привилей был напечатан в первом томе «Гісторыі Беларусі ў дакументах і матэрыялах (IX—XVIII стст.)», изданном первым деканом исторического факультета БГУ, академиком В. К. Щербаковым, доцентом БГУ К. И. Керножицким и ученым археографом Д. И. Довгялло в 1936 г. [2, с. 210—211]. Издатели современных публикаций привилея пользуются белорусским переводом текста со вставками из латинского текста документа, при этом допускаются неточности перевода [1, с. 40—42].

В результате проведенного изучения привилея от 20 февраля 1387 г. можно сделать выводы: 1. На современном этапе необходим более полный и всесторонний источниковедческий анализ данного источника с привлечением количественных методов, метода формулярного анализа, методов семиотики и герменевтики, историко-сравнительных методов (например, сравнения его с Кошицким привилеем 1374 г., изданным Людовиком Венгерским, привилеем Владислава II католической церкви от 22 февраля 1387 г. и привилеем князю Скиргале от 28 апреля 1387 г.). 2. При исторических построениях необходимо учитывать, что привилей является законодательным источником, и не делать чересчур радикальных выводов (например, о дискриминации православных бояр, правовое положение которых не изменилось). 3. Изучение привилея ставит ряд вопросов, на которые однозначно ответить весьма сложно. Заявленные в привилее 20 февраля 1387 г. права для феодалов-католиков ВКЛ, по мнению авторов источника, соответствовали правам польских феодалов, достаточно противоречиво накладывались на исторические реалии тогдашнего общества. Эти новые права с определенными сложностями интегрировались в существующую правовую систему ВКЛ. Принятие трех привилеев 1387 г. не привело немедленно к серьезным социальным сдвигам в ВКЛ, жесткому расколу и конфликту феодалов-католиков и феодалов-православных, созданию достаточной в количественном отноше-

нии социальной базы для дальнейшей интеграции ВКЛ и Польского королевства. 4. Для дальнейшего изучения привилея от 20 февраля 1387 г. необходима современная научная публикация с учетом археографических требований (параллельными текстами на латинском языке и в переводе на русский или белорусский), с подробными палеографическими и архивоведческими комментариями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Вишнеўскі А. Ф., Юхо Я. А.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: у дакументах і матэрыялах (са старажытных часоў да нашых дзён). Мінск, 2003. 320 с.
2. Гісторыя Беларусі ў дакументах і матэрыялах (IX—XVIII стст.) / склалі : акадэмік В. К. Шчарбакоў, дацэнт К. І. Кернажыцкі і вучоны археограф Д. І. Даўгяла. Менск : Выд-ва АН БССР, 1936. Т. 1. 678 с.
3. *Голенченко Г.* «Шляхетская демократия» в Великом княжестве Литовском в XVI—XVIII вв. // Белоруссия и Россия: общества и государства : сб. / отв. ред. Д. Е. Фурман. М. : Права человека, 1998. С. 31—56.
4. *Гудавичюс Э.* История Литвы. М. : Фонд им. И. Д. Сытина. 2005. Т. 1. 680 с.
5. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права : дапам. для студэнтаў юрыд. фак. / Беларус. дзярж. ун-т ; каф. тэорыі і гісторыі дзяржавы і права ; рэдкал. : Я. Юхо [і інш.]. Мінск : БДУ, 2000. 127 с.
6. *Доўнар Т. І.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Амалфея, 2008. 399 с.
7. *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. СПб. : Наука, 2004. 311 с.
8. *Любавский М. К.* Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. С приложением текста хартий, выданных ВКЛ и его областям. М. : Издание Московского Императорского Общества истории и древностей российских. 1910. 376 с. (2-е изд., 1915, 409 с.).
9. *Радаман А.* Віленскі земскі прывілей 1565 г. вялікага князя Жыгімонта Аўгуста // Беларускі гістарычны агляд, 2005. Т. 12. Сш. 1—2. С. 132—161.
10. *Ходзін С. М.* Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі. Мінск : БДУ, 2012. 255 с.
11. Хрестоматия по истории южных и западных славян / сост. : А. П. Сальков [и др.]. Минск, 1987. Т. 1. 272 с.
12. *Юхо Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі. Мінск : Універсітэцкае, 1992. 270 с.
13. *Юхо Я. А.* Крыніцы беларуска-літоўскага права / пад рэд. Т. Ф. Есіпенкі. Мінск : Беларусь, 1991. 238 с.
14. Zbior praw litewskich od roku 1389 do roku 1529. Tudzież rozprawy sejmowe i tychże prawach od roku 1544 do roku 1563 / Wydał L. Działyński. Poznań, 1841. 573 s.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 25 верасня 2013 г.

ЮБІЛЕІ

ДА 80-ГОДДЗЯ ГІСТАРЫЧНАГА ФАКУЛЬТЭТА (1934—2014 гг.)

80 гадоў — пара сапраўднай сталасці для калектыву, калі назапашаны немалы вопыт выкладчыцкай дзейнасці, склалася ўпэўненасць у тым, што і як трэба рабіць. Паспяхова праца факультэта шмат у чым залежыць ад асобы дэкана. Дэкан — той самы чалавек, што ўручае студэнцкі білет першакурсніку і яму ж, але ўжо ў статусе выпускніка, — дыплом аб заканчэнні. Некаторым студэнтам здаецца, што калі дэкан не вядзе ў іх заняткаў, то зносіны з ім зводзяцца толькі да гэтых дзвюх сустрэч. Аднак гэта не так. Для дэкана важны лёс кожнага студэнта, і ён нябачна прысутнічае ў іх жыцці. З улікам гэтых абставін словы віншаванняў і падзякі адрасуюцца людзям, якія стаялі ля вытокаў факультэта ў далёкім 1934 г. Першым дэканам быў В. К. Шчарбакоў, лёс якога трагічны. І. С. Чымбург і А. І. Сідарэнка ўзначальвалі факультэт на працягу невялікіх тэрмінаў (адпаведна 1936—1937 і 1953—1955 гг.), але ў вельмі складаны час. А. П. П’яркоў і У. І. Шаўчэнка аднавілі дзейнасць універсітэта, уключаючы і працу гістарычнага факультэта, на станцыі Сходня пад Масквой. Л. В. Шашкоў кіраваў факультэтам ужо ў вызваленым Мінску (1944—1947 гг.), а Ф. М. Нячай, заснавальнік беларускай навуковай школы па вывучэнні старажытнарымскай гісторыі, вывёў факультэт на новы ўзровень дзейнасці. Сёння старэйшае пакаленне гістарычнага факультэта ўспамінае дэкана П. З. Савачкіна, які ўзначальваў факультэт у 1955—1973 гг. Клапатлівы настаўнік і чулы чалавек, ён увазобіў лепшыя рысы арганізатара і кіраўніка.

Многія з дэканаў факультэта былі яго выпускнікамі, працягвалі па завяршэнні сваёй адміністрацыйнай дзейнасці паспяхова працаваць на педагагічнай ніве. Члены рэдкалегіі зборніка звярнуліся да чатырох дэканаў, якія кіравалі факультэтам апошнія амаль што тры дзесяцігоддзі XX ст., з просьбай падзяліцца сваімі ўспамінамі аб факультэце, яго на-

вуковай і педагогічнай дзейнасці, студэнтах. Усе яны — прызнаныя навукоўцы і педагогі, вопытныя арганізатары вышэйшай школы.

Іх адказы-разважанні можна ўжо сёння лічыць часцінкай гісторыі факультэта. Яна падаецца праз асабістае ўспрыняцце тых, хто зрабіў відэавочны, грунтоўны ўнёсак у яго развіццё. Питанняў наспела шмат, але выбраны для адказаў толькі некаторыя — агульнага і асабістага кшталту. Наперадзе ёсць планы зрабіць больш сістэмныя і грунтоўныя інтэрв'ю. І не толькі з дэканамі, але і са старэйшымі выкладчыкамі, каб захаваць інтэлектуальную спадчыну гістарычнага факультэта і за кошт «вуснай гісторыі».

ГАВОРАЦЬ ДЭКАНЫ ФАКУЛЬТЭТА

Іраіда Осіпаўна Царук, доктар гістарычных навук, прафесар (дэкан у 1973—1986 гг.).

1. Вашы студэнцкія гады прыйшліся на пасляваенны час?

Да, время моего студенчества на историческом факультете БГУ пришлось на конец 1940-х — начало 1950-х гг. Недавно закончилась война. Города, села разрушены. Живя в бараках и землянках, народ восстанавливал свое хозяйство. По всей стране — разбор руин, расчистка последствий бомбежек, разрушенных зданий, улиц, дорог. И везде стройки, стройки, стройки... Но работали школы, восстанавливались вузы. Вернулся из эвакуации и наш университет, начались наборы новых студентов. Первокурсники исторического факультета 1948 г. мало чем отличались от старшекурсников, разве что среди них было чуть меньше бывших фронтовиков, партизан, а больше выпускников школ. Всех роднило стремление учиться, наверстать упущенное за годы войны, быстрее включиться в возрождение республики.

Часто вспоминаю и удивляюсь: как у нас на все хватало времени? Мы, студенты истфака, вместе со всей молодежью Минска разбирали завалы, сажали деревья в скверах и парках, шефствовали над детскими домами, выступали с концертами художественной самодеятельности в БГУ, детских домах, колхозах подшефного Дзержинского района.

Это был и сложный политический период: «дело врачей», аресты Л. Берии и Л. Цанавы, смерть И. Сталина. Мы были не только современниками, но и активными участниками дискуссий об отношении к космополитизму, «вейсманизму-морганизму». Студенты истфака мно-

го читали, вели спори о героях и сюжетах произведений В. Дудинцева, Б. Пастернака, В. Кочетова, слушали музыку Д. Шостаковича, В. Мурадели и многих других советских композиторов. Прекрасная, интересная, богатая студенческая пора в жизни человека!

Воспоминания о факультете — это не только студенческая среда, общественная жизнь. Прежде всего это учеба — работа на лекциях, семинарских и практических занятиях, изучение конспектов, штудирование учебников в читальных залах, написание и защита курсовых работ, научных рефератов и др. Преподаватели в те годы, как и студенты, были разными по возрасту и опыту работы. Возвратились с фронтов И. Н. Лущицкий, П. З. Савочкин, Г. М. Трухнов, И. Сироткин. Вернулись из эвакуации и Сходни В. Н. Перцев, Н. М. Никольский, Л. М. Шнеерсон. В годы моего студенчества Л. С. Абецедарский и И. М. Игнатенко были только аспирантами истфака. Я благодарна им всем за их высокий профессионализм, за то, что они сыграли огромную роль в воспитании нас, привив любовь к истории, к труду педагога.

2. Каго са сваіх шматлікіх вучняў Вы ўспамінаеце часцей?

За годы работы в университете я подготовила тридцать кандидатов наук, десять из которых впоследствии защитили докторские диссертации, стали профессорами. Хочется отметить наиболее успешных моих учеников, достигших хороших результатов в своей научной и преподавательской работе. Это — А. Н. Алпеев, В. И. Меньковский, М. Э. Чесновский, М. Э. Кузьмин, В. Н. Черепица, С. Н. Ходин.

3. Вашы нажыданы калектыву факультэта напярэдадні 80-годдзя?

Хочу пожелать коллективу исторического факультета не растерять накопленный опыт в развитии исторической науки, практику в подготовке действительно высококвалифицированных кадров исследователей и педагогов, поднимать еще выше высокую планку выпускника исторического факультета Белорусского государственного университета. А для этого желаю всем, педагогам и студентам, успехов в их благородном труде, здоровья и счастья.

Эдуард Міхайлавіч Загарульскі, доктар гістарычных навук, прафесар (дэкан у 1986—1991 гг.).

1. Вы вучыліся ў Маскоўскім дзяржаўным універсітэце імя М. В. Ламаносава. Што і хто ўспамінаеца Вам за гады вучобы на гістарычным факультэце?

Да, я учился в МГУ. Вспоминается много и хорошего, и плохого. Время было такое — расцвет культа личности. Вспоминаются великие историки, которых мне посчастливилось видеть и слышать на истфаке Московского государственного университета.

Моя судьба складывалась своеобразно, я получил диплом по кафедре новой и новейшей истории, но стал археологом. И я ни разу не пожалел о том, что поступил в аспирантуру Академии наук БССР по специальности «Археология». Интересно было все, особенно когда стал участвовать в археологических раскопках. Довелось работать с К. М. Поликарповичем и А. Г. Митрофановым, у которых много почерпнул в методике раскопок, в изучении археологических материалов. Но самые яркие воспоминания — это участие в пленумах, семинарах Института археологии АН СССР в Москве, где мне посчастливилось видеть археологических титанов и учиться у них. Это была настоящая школа. Я и сам выступал с докладами, посвященными результатам археологических раскопок в Минске — самых крупных в Беларуси и одних из крупнейших в Союзе. Каждый раз, готовясь к выступлению, делал и делаю все необходимое, чтобы представить материалы надлежащим образом. Лестные оценки моего труда вдохновляли, побуждали работать еще лучше. Я ценю хорошее отношение к себе, к своим работам, результатам археологических исследований.

2. Вы як выдатны вучоны разумеете складанасць і важнасць фарміравання і захоўвання навуковых школ. Што б Вы хацелі адзначыць у гэтым кірунку?

Если рассуждать о школах, сложившихся на факультете, могу выделить усилия сотрудников кафедры истории древнего мира и средних веков. У них сформирован коллектив хороших преподавателей, заинтересованных в том, чтобы готовить поколение историков. Студенты довольно охотно идут на эту кафедру писать курсовые, дипломы. Может быть, школа еще и не сформировалась, но основа заложена.

Смотря кого считать учениками: если считать только тех, кто пошел по моей археологической стезе, то это один круг. А если говорить о тех, кто учился у меня, кем я был доволен в процессе обучения, — это другой круг. Мне важно видеть у студента интерес к науке, даже не обязательно к археологии, а в целом к истории, чувствовать, что ему интересны мои лекции, мои занятия. Были хорошие, выдающиеся студенты. Например, Петр Кузьмич Кравченко (в 1990-е гг. — министр иностранных дел Белорусской ССР, Республики Беларусь. — *ред.*) работал у меня

с первого курса, писал диплом по теме, которой я сам занимаюсь уже 40 лет — славянскому этногенезу.

3. Ваши пажаданні калектыву факультэта напярэдадні 80-годдзя?

Прежде всего успехов в науке. Побольше солидных монографических трудов. Ведь факультет славен учеными, своими достижениями в области науки. Как преподаватели они, практически все, на своем месте, хотя уловить градацию, кто лучше, кто хуже, весьма трудно. Хотелось, чтобы больше работали над проблемными темами. Когда тебя знают, то разделяют или не разделяют твою точку зрения — это не столь существенно. История рассудит. Если говорить о будущем, то на факультете неплохо бы улучшить условия для подготовки специалистов.

Пётр Аляксеевіч Шупляк, кандыдат гістарычных навук, прафесар (дэкан у 1991—1996 гг.).

1. Каго ўспамінаеце Вы за гады вучобы ў БДУ?

Першае, што можна ўзгадаць, — гэта радасць і задавальненне ад самага майго тагачаснага «статусу». Я — студэнт! Я студэнт гістарычнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта! На ўспамін прыходзяць выдатныя лекцыі Л. С. Абэцэдарскага, Г. М. Ліўшыца, М. П. Палетыкі, Л. М. Шнеерсона, мудрае дэканства П. З. Савачкіна. Было цікава вучыцца, бо я вельмі хацеў стаць гісторыкам. Калі на занятках спазнаваў шмат чаго новага для сябе, то проста адчуваў, як пашыраецца мой светапогляд, а значыць, і ўвесь навакольны свет, як я крок за крокам станаўлюся сапраўдным гісторыкам. Успамінаюцца студэнцкія будаўнічыя атрады, у складзе якіх я тройчы выязджаў у Казахстан. А якой шчырай была студэнцкая дружба! У віхуры якога складанага, але такога цікавага для маладога гісторыка грамадскага жыцця мы вучыліся! Не магу не ўзгадаць нашага спакойнага і разважлівага старасту Фелікса Ліўшыца, які на ўсе нашы пытанні меў адказы.

У мяне вучыліся многія з тых, хто сёння ўвасабляе сабой склад выкладчыкаў гістфака БДУ 2014 г. Дзясяткі працуюць у іншых універсітэтах і інстытутах Беларусі. Сярод сваіх вучняў перш за ўсіх бачу калег па кафедры — Я. Г. Колба, І. І. Шумскага, С. І. Кулявец (Комар).

2. Вы скончылі аспірантуру Енскага ўніверсітэта імя Ф. Шылера. Якія навуковыя школы Вы хацелі б адзначыць на нашым гістфаку?

Школу беларускай гісторыі, гісторыі Расіі, германскай гісторыі (на жаль, яна паступова страчвае свае былыя пазіцыі), гісторыі рэлігіі.

3. *Ваши пажаданні калектыву факультэта напярэдадні 80-годдзя?*

Хацеў бы пажадаць усім нам захаваць і замацаваць тую спадчыну, якая склалася за многія папярэднія гады: першасныя яе складнікі — сістэма арганізацыі навучальнага працэсу, прыярытэтнасць навукі для выкладчыка і студэнта, дух і прынцыпы ўзаемаадносін у калектыве. Патрэбна мацаваць кадравую і навуковую стабільнасць, захоўваць старыя і адначасова пашыраць новыя метадычныя прыёмы ў навучальным працэсе. І асабліва: захоўваць і памнажаць тое, што вызначаецца адным толькі словам — «беларускасць».

Алег Антонавіч Яноўскі, кандыдат гістарычных навук, прафесар (дэкан у 1996—2000 гг.).

1. *Каго з настаўнікаў і вучняў узгадваеце Вы?*

Перш-наперш хочацца назваць А. І. Кажушкова, які прайшоў праз вайну і расказваў студэнтам не толькі пра хітраспляценні парэформеннай гісторыі Расіі, але звяртаў іх увагу да «не кніжных» старонак Вялікай Айчыннай вайны, да глыбінь жыцця, да сэнсу і мэты працы гісторыка. Настаўнікам быў мой навуковы кіраўнік па курсавых і дыпломнай працы Л. С. Абэцэдарскі, які аказаў на мяне вялікі пазітыўны ўплыў у навуцы і падштурхнуў да больш цвярозага ўспрыняцця жыцця. Заўсёды ўзгадваю Г. М. Ліўшыца — выдатнага гісторыка і цікавага чалавека. Ён апасродкавана ўплываў на ўсіх: як трэба працаваць увагуле, працаваць у творчасці, у аўдыторыі. Нельга назваць усіх сваіх настаўнікаў у кароткім адказе, але і праз дзясяткі гадоў кожны з іх так ці інакш працягвае ўплываць на маю прафесійную дзейнасць. Іх праца была адданай, штодзённай. Студэнты ўспрымалі яе, бо яна цалкам была звернута да іх. І праз гады гэтае ўспрыняцце ўсё павялічваецца, як і ўдзячнасць да Настаўнікаў. Імя кожнага з іх не сціраецца з памяці.

2. *Вы даўно і плённа займаецеся гісторыяй БДУ. Якія тэндэнцыі развіцця Вы хацелі б адзначыць у дачыненні гістарычнага факультэта?*

Калі гаварыць пра навуковую і выкладчыцкую сферу, якая для мяне першасная, то гэта гісторыя Расіі і Украіны, гісторыя знешнепалітычных стасункаў. Падмуркі школы, якую мы цяпер увасабляем на кафедры гісторыі Расіі, былі закладзены У. І. Пічэтам. Школы расійскай і ўкраінскай гісторыі, якія вельмі цесна сутыкаюцца з праблематыкай айчыннай беларускай гісторыі, увасаблялі паплечнікі і сябры Уладзіміра Іванавіча — наш зямляк-беларус А. А. Савіч, расіяне Д. А. Жарынаў, А. П. П’янкоў і інш.

Сярод адметных навуковых школ, якія можна згадаць на гістфаку зараз, — гэта школы, звязаныя з даследаваннямі далёкай беларускай і сусветнай мінуўшчыны. Напрыклад, навуковая школа антычнай і сярэднявечнай гісторыі, асяродкам якой з’яўляецца кафедра гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў, уваасабляюць мой аднакашнік і сябар прафесар В. А. Фядосік, яго калегі і іх вучні, якія працуюць і актыўна, і прадуктыўна. Адначасова — гэта некаторыя кірункі навуковых даследаванняў, што актыўна сталі развівацца ў апошнія 20—30 гадоў. Нельга не адзначыць дзейнасць у гэтым рэчышчы прафесара і аднаго з маіх настаўнікаў У. Н. Сідарцова.

Не магу абмінуць адзін вельмі ўзнёслы па сваім сэнсе факт — мы жывём і працуем у будынку, які з’яўляецца гістарычным рарытэтам для ўсёй Беларусі. Гэта месца павінна лічыцца святым для тых грамадзян Беларусі, якія ўспрымаюць універсітэт як вышэйшую, цывілізацыйную вяршыню. Тут нашы папярэднікі — арганізатары ўніверсітэцкай навукі і адукацыі — сабраліся ў 1921 г. на Універсітэцкай вуліцы (зараз — Чырвонаармейская, 6) і распачалі дзейнасць, вельмі важную для перспектывы, у тым ліку перспектывы нашай дзяржаўнасці. Гэтыя сцены, гэтая аўра, што вітае тут... Усё натхняе на адказную і плённую працу!

Пазітыўныя змены ў якасных кірунках адукацыі — новыя спецыяльнасці, новыя спецыялізацыі, а галоўнае — новае ўспрыняцце выкладчыкамі і студэнтамі таго, што мы маем і што хацелася б мець як вынік нашых сумесных намаганняў. А гэта азначае, што факультэт жыве, рухаецца наперад!

3. Што Вы хацелі б пажадаць калектыву факультэта напярэдадні 80-годдзя?

Па-першае, усім моцнага здароўя, каб пераадольваць шматлікія перашкоды на шляху выкладчыка і студэнта. Па-другое, каб было больш творчасці, каб тое, што мы робім у навуцы, у адукацыі, несла адбітак творчага запалу, імпульсу, прадуктыўнасці. Каб кожны дзень з раніцы і да вечара быў для кожнага з нас «маім днём», пражытым не дарма. І тое, што мы прынеслі ў аўдыторыю, каб знайшло водгук, хоць маленькі, у студэнцтва, аспірантаў.

Каб, прыйшоўшы з бібліятэкі ці архіва і сеўшы за хатні стол, кожны адчуў, што дзень не страчаны — знойдзены новыя крыніцы, пацвердзіліся папярэднія гіпотэзы, якія прапісаны ў публікацыях, выказаны перад аўдыторыяй. Жадаю ўсяму калектыву поспехаў і, як казалі ў старажытнасці, «лавіць дзень» для творчасці. Кожны дзень!

MEMORIA ET GLORIA

КАЗИМИР АДАМОВИЧ РЕВЯКО (1937—2013)

Казимир Адамович Ревяко родился в 1937 г. в деревне Смоляники на Брестчине. Его детство было омрачено войной и суровыми послевоенными годами. Но в 1955 г. он окончил школу в местечке Медведичи Ляховичского района (одну из старейших школ в стране) с успехом. Сейчас на сайте школы имя Казимира Ревяко упоминается вместе с другими известными выпускниками, такими как профессор А. П. Житко и академик И. П. Шейко.

В этом же году Казимир Адамович поступил в Минский библиотечный техникум им. А. С. Пушкина, который окончил с отличием. Однако увлечение историей привело молодого человека на исторический факультет Белорусского государственного университета, с которым и была связана вся его деятельность. Во время учебы в университете К. А. Ревяко слушал лекции лучших ученых факультета, включая Г. М. Лившица и Ф. М. Нечая, что, вероятно, и предопределило его дальнейшее увлечение древней историей.

Трудовую деятельность Казимир Адамович начал учителем в школе в деревне Синкевичи Лунинецкого района Брестской области. Позже работал преподавателем в Краснобережском сельскохозяйственном техникуме (Жлобинский район Гомельской области). Везде он подходил к преподаванию со всей ответственностью, работая над собой и прививая ученикам любовь к истории.

Учеба в аспирантуре Белорусского государственного университета проходила под руководством профессора Ф. М. Нечая. Казимир Адамович Ревяко подготовил и защитил в 1973 г. кандидатскую диссертацию на тему «Роль римского и итальянского плебса во 2-й Пунической войне». Именно проблематика Пунических войн занимала в научном творчестве К. А. Ревяко ведущее место.

С 1972 г. творческий путь Казимира Адамовича навсегда связан с историческим факультетом и кафедрой истории древнего мира и средних веков, где он проработал более 30 лет — вначале преподавателем, затем доцентом, а с 1997 г. — профессором. К. А. Ревяко выступил продолжателем традиций белорусского антиковедения, заложенных в предшествующие десятилетия.

Его научная деятельность концентрировалась на изучении древнеримской истории, в центре его внимания находились Пунические войны. Результатом многолетних исследований стал ряд статей и монография «Пунические войны», вышедшая в 1988 г. Это первое комплексное исследование Пунических войн в советской историографии, ссылки на которое присутствуют во всех исследованиях по истории Римской республики и военного дела античности. И в последующие годы К. А. Ревяко не оставлял эту тему. В 2000 г. вышла вторая монография — «Войны Рима с Карфагеном: основные тенденции и направления историографии», в которой ученый осветил достижения основных научных школ — итальянской, англо-американской, советской и др. — в самых широких исторических рамках, от эпохи Средневековья до конца XX в.

Итогом научной деятельности Казимира Адамовича стала защита 25 февраля 2001 г. докторской диссертации на тему «Борьба Рима и Карфагена за мировое господство», в которой рассматривались не только историографические моменты и военное противостояние двух держав, но и все аспекты их взаимоотношений в III—II вв. до н. э. В целом же научное наследие автора включает в себя три монографии и около 100 статей и тезисов выступлений на научных конференциях. И в советское время, и после распада Советского Союза К. А. Ревяко принимал активное участие в работе научных конференций, их география весьма обширна — Минск, Москва, Вильнюс, Львов, Ереван и многие другие города, был в научных командировках и в странах социалистического блока (Чехословакии, Польше, ГДР).

Казимир Адамович Ревяко был талантливым популяризатором науки. Особенно это проявилось в 1990-е гг. В соавторстве с И. А. Лисовым, работавшим в Южно-Чешском университете, была издана книга «Античность в именах, терминах и названиях» (1996 г.) — первый в СНГ справочник по античной истории, положивший начало целому ряду подобных изданий на постсоветском пространстве. Продолжением этого направления деятельности стала монография «Античная спадчына на Беларусі», вышедшая в 2000 г. Также в соавторстве с И. А. Лисовым Казимир Адамович издал книгу «Сладость мудрых речей. Сборник цитат

и фразеологизмов античных авторов» (1993 г.), направленную на популяризацию античного культурного наследия.

За годы работы на историческом факультете К. А. Ревяко проявил себя и как талантливый преподаватель. Он читал общие курсы по истории античного мира, ряд спецкурсов, среди которых можно назвать «Культура античности» и «История Олимпийских игр». Многие студенты-историки прошли через научную школу Казимира Адамовича, выполняя на первом курсе под его руководством курсовые работы. Среди них не только ряд преподавателей кафедры истории древнего мира и средних веков, но и, к примеру, нынешний декан исторического факультета С. Н. Ходин, который по праву считает Казимира Адамовича своим первым научным руководителем.

Долгие годы К. А. Ревяко руководил работой студенческого научного кружка «Античность и современность», уделяя ему много времени и сил, именно при Казимире Адамовиче кружок стал постоянно действующим. Немало бывших членов кружка уже имеют ученые степени, сами занимаются работой с подрастающим поколением историков. Кружок продолжает действовать и поныне (под названием «Scriptorium»), является самым старым на факультете и готовится отметить полувековой юбилей.

Быть может, не столь впечатляющей была подготовка научных кадров высшей квалификации — Казимир Адамович подготовил лишь двух кандидатов наук, но в условиях 90-х гг. XX в. и это заслуживает уважения. Его ученики избрали для себя другие области специализации — историю Римской Британии (Е. Е. Барсук) и историю Понтийских войн (А. Г. Зельский). Стоит только пожалеть, что К. А. Ревяко не удалось создать собственную научную школу.

После распада Советского Союза К. А. Ревяко обратился к еще одной актуальной задаче, вставшей перед преподавателями вновь образовавшихся стран, — созданию национальных учебников для средней и высшей школы. В 1990-х гг. он вместе с другими белорусскими специалистами по античности написал учебник по истории древнего мира для средней школы. Тяжелая работа, особенно если учесть, что никто из коллектива авторов не имел до этого опыта работы над учебными материалами для детей. Продвигалась работа над университетскими учебниками, и в 1993 г. в соавторстве с И. А. Лисовым было издано учебное пособие «Введение в историю Древнего Рима». К сожалению, работа над учебником для студентов исторических факультетов по истории Древнего Рима из-за тяжелой болезни затянулась, и Казимир Адамович не смог воплотить в жизнь многочисленные планы, которые у него были.

Научная и педагогическая деятельность Казимира Адамовича Ревяко была отмечена рядом грамот, такими как Почетные грамоты Министрства высшего и среднего специального образования БССР, Почетная грамота БГУ и др. Однако не это является главным в оценке деятельности К. А. Ревяко. Главное — это любовь и уважение, которыми пользовался ученый среди коллег и студентов. Все, кому преподавал Казимир Адамович, вспоминали его отношение к студентам — доброжелательное, заинтересованное, полное такта и уважения. Он никогда не повышал голос, всегда был спокоен и уравновешен. Можно отметить и его скромность. Так, когда на кафедре развернулась подготовка к изданию «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, выяснилось, что в библиотеках Минска и в ближайших крупных библиотечных центрах отсутствует русский перевод этого произведения, а делать самостоятельный перевод нет ни времени, ни возможностей, именно Казимир Адамович, воспользовавшись своими научными контактами, смог достать русский (крайне редкий) дореволюционный текст, который и лег в основу белорусского комментированного издания. При этом он всячески выступал против упоминания в издании своего имени, считая, что не совершил ничего особенного. Хотя, как вспоминает В. А. Федосик, без Казимира Адамовича само издание «Иудейских древностей» было бы невозможно.

С. Г. Карпюк, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, которому доводилось встречаться с К. А. Ревяко в Москве на конференциях, отмечает, что для него Казимир Адамович является образцом белорусского интеллигента, эрудита, превосходного собеседника, отличного специалиста. Думается, что к этой характеристике присоединятся все знавшие Казимира Адамовича.

О. И. Малогин, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

КАНФЕРЭНЦЫІ

Международный научный круглый стол «Талерантнасць у Цэнтральнай і Усходняй Еўропе: вытокі і традыцыі» (г. Минск, г. Несвиж, 3—4 июня 2013 г.). Организаторами круглого стола выступил Совет молодых ученых исторического факультета (во взаимодействии с деканатом), Польский институт в Минске, Национальный историко-культурный музей-заповедник «Несвиж».

С докладами и сообщениями выступили ученые из Беларуси (Белорусского государственного университета (БГУ), Национальной академии наук Беларуси (НАН Беларуси), Национального художественного музея Республики Беларусь, Белорусского института правоведения) и Польши (Польской Академии Наук, Ягеллонского Университета, Вроцлавского Университета, Силезского Университета в Катовицах, Университета имени А. Мицкевича).

Международная научная конференция «Фундаментальная наука: проблемы изучения, сохранения и реставрации документального наследия» (г. Москва, 4—7 июня 2013 г.). Она была организована Архивом Российской академии наук (РАН) и приурочена к 285-летию со дня его создания. Участники конференции минутой молчания почтили память скончавшегося 22 мая 2013 г. академика Российской академии образования С. О. Шмидта, который должен был выступать с докладом «Роль Архива РАН в изучении отечественной истории».

На пленарном заседании конференции были заслушаны доклады председателя Архивного совета при Президиуме РАН, члена-корреспондента РАН В. П. Козлова «Архивный фонд РАН с позиций современной теории архивоведения», директора издательства «Наука», члена-корреспондента РАН В. И. Васильева «Архив в истории научно-издательской деятельности Академии наук», директора Архива РАН, кандидата исторических наук В. Ю. Афиани «В. И. Вернадский как историк науки», коллективный доклад Н. Е. Каленова, А. Н. Сотникова,

И. Н. Ильиной «Создание корпоративного электронного ресурса РАН «Электронная библиотека научного наследия России», директора Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, доктора исторических наук И. В. Тункиной «Экспедиция С. Ф. Ольденбурга в Восточный Туркестан (1909—1910, 1914—1915) в документах Санкт-Петербургского филиала Архива РАН».

На секционных заседаниях выступили старший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси, кандидат исторических наук Н. В. Токарев и Д. Л. Шевелев, а также доцент кафедры источниковедения БГУ, кандидат исторических наук М. Ф. Шумейко. Темы их сообщений: «Фонды Архива РАН как источник для изучения биографий ученых НАН Беларуси», «Эпистолярное наследие “старой” науки. Письма С. Я. Борового В. И. Пичете 1939—1946 гг. в Архиве РАН», «Неудавшаяся попытка интеграции бывшего Виленского исторического архива в Исторический архив Белорусской академии наук (октябрь 1939—1941 гг.)». Опубликовано в материалах конференции заявленное к участию в ней сообщение доцента кафедры источниковедения, кандидата исторических наук О. С. Ивановой «Фонды личного происхождения белорусских историков: проблемы сохранения и использования».

Научная конференция, посвященная 75-летию со дня основания Национального исторического архива Беларуси (г. Минск, НИАБ, 26 июня 2013 г.). В ее работе помимо организаторов, сотрудников архива, приняли участие представители исторического факультета БГУ, Института истории НАН Беларуси, Академии МВД Республики Беларусь, Белорусского национального технического университета (БНТУ), Института славистики Польской АН, Белорусского государственного экономического университета (БГЭУ), Полесского государственного университета, Департамента по архивам и делопроизводству Минюста Республики Беларусь, Национального архива Республики Беларусь (НАРБ), Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно), Белорусского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (БелНИИДАД) и др.

На четырех секциях конференции («Актуальныя праблемы вывучэння гісторыі Беларусі», «Архіўныя крыніцы і крыніцазнаўства», «Лёсы архіўных скарбаў Беларусі», «Сучасныя тэндэнцыі і праблемы архівазнаўства») выступили около 40 участников с докладами и сообщениями по проблемам исторического и архивного источниковедения, архивоведения, археографии.

XI Архивные чтения (Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ), 4 октября 2013 г.). Накануне Дня архивиста Беларуси в архиве-музее по традиции проводились Архивные чтения. Они были посвящены творческому наследию писателей белорусской эмиграции и приурочены к 100-летию со дня рождения одного из ее представителей — Моисея Седнева. На пленарном заседании с докладами «Дакументы беларускай эміграцыі ў сховішчах ЗША» и «Аўтографы беларускіх дзеячаў у калекцыі Беларускага інстытута навукі і мастацтва» выступили доценты кафедры источниковедения БГУ О. С. Иванова и кафедры политологии Института парламентаризма и предпринимательства Н. Гордиенко. В выступлениях других участников чтений анализировались документы личных фондов М. Седнева, С. Граховского, П. Бузука как источники по изучению истории культуры Беларуси.

В рамках архивных чтений состоялась презентация книги «Ісці на свято лабірынтамі даўніх падзей: зборнік памяці Віталія Скалабана» (Мінск: Лімарыус, 2013. 500 с.), в которой широко представлены источниковедческие и архивно-археографические аспекты деятельности известного белорусского историка В. В. Скалабана (1947—2011).

Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы источниковедения. К 135-летию со дня рождения В. И. Пичеты». (г. Минск, г. Витебск, 9—11 октября 2013 г.). Организаторами стали исторический факультет Витебского государственного университета имени П. М. Машерова, Институт истории НАН Беларуси, исторический факультет БГУ и кафедра историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (РИВШ).

Конференция открылась 9 октября на историческом факультете БГУ. Здесь работала секция «В. И. Пичета как историк-источниковед и его наследие», в ходе которой были заслушаны доклады заведующего кафедрой истории России, профессора О. А. Яновского «Крыніцазнаўчыя аспекты рэцэнзій У. І. Пічэты 1907—1929 гг.», доцента кафедры источниковедения, кандидата исторических наук М. Ф. Шумейко «Пичета как эксперт по архивам», а также сообщения доцентов кафедры источниковедения, кандидата исторических наук О. С. Ивановой «Документы В. И. Пичеты в белорусских хранилищах: поиск, описание и систематизация», кандидата исторических наук А. М. Белявского «Постмодернизм и история: источниковедческие перспективы», кафедры истории России, кандидата исторических наук С. Л. Луговцовой «История одного письма 1839 г.» и др.

10 октября конференция продолжила свою работу в Витебске, где в ходе заседаний четырех секций («Проблемы теории, методологии и методики источниковедения. Источниковедение историографии», «Источники по истории европейских стран в период Средневековья и раннего Нового времени», «Источники по истории Восточной Европы в Новое время (конец XVIII — начало XX в.)», «Источники по истории Новейшего времени») были заслушаны и обсуждены около 90 докладов и сообщений. Участники конференции представляли учреждения образования, академические институты, архивные, библиотечные, музейные учреждения Беларуси, России, Украины.

Научная конференция «Русское научное наследие за рубежом России» (г. Брянск (РФ), 24 октября 2013 г). Была организована Брянским государственным университетом имени академика И. Г. Петровского, Научно-исследовательским институтом фундаментальных и прикладных исследований и Центром славяноведения. В ее работе наряду с представителями России и Украины принял участие доцент кафедры источниковедения БГУ, кандидат исторических наук М. Ф. Шумейко, который выступил с докладом «Зарубежные научные контакты академика В. И. Пичеты».

Юбилейная (10-я) научная конференция «Лістападаўскія чытання» (г. Минск, 14—15 ноября 2013 г.), посвященная памяти выдающихся академиков — Николая Михайловича Никольского и Владимира Николаевича Перцева. Н. М. Никольский и В. Н. Перцев долгие годы преподавали на историческом факультете БГУ, где и состоялась конференция. Организатором ее выступила кафедра истории древнего мира и средних веков. В ней приняли участие более 50 преподавателей, аспирантов, магистрантов и студентов не только исторического факультета, но и ряда вузов Беларуси, а также зарубежные гости из России (Москва, Санкт-Петербург, Ярославль, Тула) и Украины (Киев, Ивано-Франковск).

Работа конференции была разбита на ряд секций, охватывавших историю древнего мира и средних веков, а также историю Церкви. Пленарное заседание утром 14 ноября было посвящено памяти доктора исторических наук, профессора Казимира Адамовича Ревяко — с докладами о нем выступили А. Г. Зельский и М. В. Стрелец. На вечерних заседаниях проходила работа трех секций: истории стран Востока, истории Древней Греции и республиканского Рима, истории раннего и высокого Средневековья. 15 ноября работа конференции продолжилась

заседанием трех секций: истории императорского Рима, истории позднего Средневековья и раннего Нового времени и истории Церкви.

Участники конференции рассмотрели в своих докладах широкий круг актуальных и дискуссионных проблем, с широкими хронологическими и территориальными рамками — от II тысячелетия до н. э. до XVII в. и от Британских островов до Корейского полуострова и Японии. Материалы конференции, размещенные в Электронной библиотеке БГУ, показывают приоритетные направления научных исследований по древней и средневековой тематике, над которыми работают белорусские ученые.

Завершилась конференция круглым столом, на котором участники подвели итоги и обсудили перспективы дальнейшего сотрудничества востоковедов, антиковедов и медиевистов из Беларуси и стран СНГ.

* * *

Лауреатом премии имени В. И. Пичеты БГУ в номинации «Наука» за 2013 г. стал доктор исторических наук, профессор кафедры истории России БГУ Вячеслав Иванович Меньковский, член редколлегии настоящего сборника. В. И. Меньковский был отмечен высокой наградой за разработку методики системного изучения национальных и региональных историографий.

Коллеги искренне поздравляют Вячеслава Ивановича с заслуженной наградой и желают творческих успехов.

М. Ф. Шумейко, А. М. Назаренко

АБАРОНА ДЫСЕРТАЦЫЙ

ДЫСЕРТАЦЫИ ПА ГІСТАРЫЯГРАФІІ, КРЫНІЦАЗНАЎСТВЕ І МЕТАДАХ ГІСТАРЫЧНАГА ДАСЛЕДАВАННЯ, МУЗЕЯЗНАЎСТВЕ, КАНСЕРВАЦЫІ І РЭСТАЎРАЦЫІ ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫХ АБ'ЕКТАЎ, АБАРОНЕННЫЯ Ў БЕЛАРУСІ

За перыяд з кастрычніка 2012 г. па верасень 2013 г. у Беларусі былі абаронены адна доктарская і тры кандыдацкія дысертцыі (па спецыяльнасці 07.00.09 — Гісторыяграфія, крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследавання).

Дысертцыйныя даследаванні па спецыяльнасці 05.25.02 «Дакументалістыка, дакументазнаўства, архівазнаўства» ў разглядаемы перыяд не абараняліся. У гэтай сувязі варта адзначыць, што ў 2013/14 навучальным годзе навучанне ў аспірантуры БДУ па спецыяльнасці 05.25.02 завяршае адразу некалькі маладых даследчыкаў, што дазваляе спадзявацца на аднаўленне абарон дысертцый па архівазнаўстве і дакументазнаўстве. Сітуацыя па падрыхтоўцы навуковых кадраў вышэйшай кваліфікацыі ў названых галінах не спрашчаецца, аднак, адсутнасцю спецыялізаванага савета па абароне дысертцый па дакументалістыцы, дакументазнаўстве, архівазнаўстве. Узгадваючы ўведзеную ў маі 2012 г. ВАК Беларусі магчымасць прысуджэння ступені па юрыдычных навуках па спецыяльнасці 05.25.02 (гл. папярэдні выпуск зборніка), варта адзначыць, што за прайшоўшымі з моманту рашэння паўтара гады ВАК не зацвярджаў ні абноўлены пашпарт спецыяльнасці, ні праграмы-мінімум па названай спецыяльнасці.

Навуковае кіраўніцтва (кансультаванне) абароненымі дысертцыямі забяспечвалася супрацоўнікамі БДУ, БДПУ імя Максіма Танка, Інсты-

тута гісторыі НАН Беларусі (ІГ НАНБ); апанентамі выступілі навукоўцы з БДУ, БДПУ імя Максіма Танка, ІГ НАНБ, ГрДУ імя Янкі Купалы, ВДУ імя П. М. Машэрава і Акадэміі МУС Беларусі. Апаніруючымі арганізацыямі былі МДУ імя А. А. Куляшова, БДПУ імя Максіма Танка, ГрДУ імя Янкі Купалы. Дзве дысертцыі абаронены ў савеце пры БДУ, па адной — у БДПУ імя Максіма Танка і ІГ НАНБ.

Здановіч Уладзімір Васільевіч. Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны (1941—1945) у адлюстраванні айчыннай гістарыяграфіі / англ. — Belarus during the Years of the Great Patriotic War (1941—1945) in the Reflection of Home Historiography.

Навуковы кансультант: доктар гіст. навук, прафесар А. А. Каваленя.
Даты абароны і зацвярджэння ў ВАК: 30.01.2013; н/д.

Мэта даследавання: абавіраючыся на дасягненні папярэдніх даследчыкаў, на падставе ўсебаковага і грунтоўнага гістарыяграфічнага аналізу прац, у якіх непасрэдна ці ўскосна разглядаюцца розныя пытанні і аспекты гісторыі Беларусі перыяду Вялікай Айчыннай вайны 1941—1945 гг., вызначыць ступень вывучанасці праблемы, акрэсліць далейшыя накірункі даследаванняў.

Асноўныя вынікі, навізна працы: праведзены комплексны гістарыяграфічны аналіз разнастайных крыніц і паказаны ўклад айчынных гісторыкаў у вывучэнне праблемы. Выяўлены заканамернасці і асаблівасці фарміравання і развіцця навукова-даследчых прац па тэме, пачынаючы з 1941 г., прапанаваны аўтарскі варыянт перыядызацыі гістарыяграфіі даследаванняў Вялікай Айчыннай вайны.

Урублеўскі Юрый Уладзіміравіч. Гістарыяграфія гісторыі ўзнікнення і развіцця гарадоў на тэрыторыі Беларусі ў IX—XIII стст. / англ. — The historiography of the history of emergence and development of the cities on the territory of Belarus in IX—XIII centuries.

Навуковы кіраўнік: доктар гіст. навук, прафесар А. М. Люты.
Даты абароны і зацвярджэння ў ВАК: 15.02.2013; 05.06.2013.

Мэта даследавання: распрацоўка гістарыяграфічнай канцэпцыі гісторыі ўзнікнення і развіцця гарадоў на тэрыторыі Беларусі ў IX—XIII стст.

Асноўныя вынікі, навізна працы: на падставе вывучэння гістарыяграфічных крыніц вызначаны тэарэтычныя асновы і тэндэнцыі даследаванняў раннесярэднявечных гарадоў Беларусі, прааналізаваны ўклад расійскіх і айчынных навукоўцаў у вывучэнне працэсу ўзнікнення старажытных гарадоў Беларусі, раскрыта спецыфіка ўяўленняў археолагаў

па праблеме «пераносу» гарадоў, выяўлены спецыфічныя рысы і заканамернасці працэсу развіцця поглядаў у галіне гістарычнай тапаграфіі раннесярэднявечных гарадоў на беларускіх землях. Вырашана праблема распрацоўкі гістарыяграфічнай канцэпцыі гісторыі ўзнікнення і развіцця гарадоў у IX—XIII стст. на тэрыторыі Беларусі.

Саковіч Кацярына Георгіеўна. Англамоўная гістарыяграфія савецкай знешняй палітыкі сярэдзіны 1950-х — сярэдзіны 1960-х гг. / англ. — English-speaking historiography of Soviet Foreign Policy of the middle 1950s — the middle 1960s.

Навуковы кіраўнік: доктар гіст. навук, прафесар В. І. Менькоўскі.

Даты абароны і зацвярджэння ў ВАК: 06.06.2013; н/д.

Мэта даследавання: раскрыццё дынамікі і зместу англамоўнай гістарыяграфіі савецкай знешняй палітыкі сярэдзіны 1950-х — сярэдзіны 1960-х гг.

Асноўныя вынікі, навізна працы: упершыню ў айчынным і іншамоўнай гістарыяграфіі праведзена комплекснае даследаванне англамоўнай гістарыяграфіі савецкай знешняй палітыкі сярэдзіны 1950-х — сярэдзіны 1960-х гг., разгледжана і растлумачана яе эвалюцыя, вызначаны тэарэтыка-метадалагічныя, канцэптуальныя і палітычныя дамінанты.

Максімчык Андрэй Мікалаевіч. Далучэнне Паўночнага Каўказа да Расіі ў гістарыяграфіі XIX — пачатку XXI ст. / англ. — Joining the North Caucasus to Russia in the historiography XIX — the beginning of the XXI century.

Навуковы кіраўнік: кандыдат гіст. навук, прафесар А. А. Яноўскі.

Даты абароны і зацвярджэння ў ВАК: 06.06.2013; н/д.

Мэта даследавання: выяўленне тэндэнцый і арыенціраў у вывучэнні, інтэрпрэтацыі часу, прычын, характару і наступстваў далучэння Паўночнага Каўказа да Расіі, што павінна дазволіць прадставіць цэласную карціну навуковага асэнсавання гэтага складанага і доўгатэрміновага палітычнага працэсу.

Асноўныя вынікі, навізна працы: даецца сістэмнае прадстаўленне розных этапаў у вывучэнні гісторыі расійска-каўказскіх адносін XVI—XIX стст. і навуковым асэнсаванні гісторыі далучэння Паўночнага Каўказа да Расіі ў XIX — пачатку XXI ст. Упершыню прааналізаваны канцэптуальныя падыходы розных аўтараў па найважнейшых аспектах праблемы (вызначэнне часу і характару далучэння, ацэнкі яго прычын і наступстваў) у максімальна магчымых часовых рамках.

* * *

Па спецыяльнасці 24.00.03 «Музейнаўства, кансервацыя і рэстаўрацыя гісторыка-культурных аб'ектаў» за два гады з 2010 г. было абаронена тры дысертцыі на суісканне ступені кандыдата культуралогіі. Навуковае кіраўніцтва абароненымі дысертцыямі забяспечвалася супрацоўнікамі БДУК; апанентамі выступілі навукоўцы з БДУ, БрДУ імя А. С. Пушкіна, Полацкага музея-запаведніка. Апаніруючай арганізацыяй выступаў ГрДУ імя Янкі Купалы. Дысертцыі абаронены ў савеце пры БДУК.

Джумантаева Тамара Аляксандраўна. Музеефікацыя культурнай прасторы Полацка: традыцыі і навацыі / англ. — Museefication of the Polatsk Cultural Space: Traditions and Innovations.

Навуковы кіраўнік: доктар культуралогіі, прафесар А. І. Смолік.

Даты абароны і зацвярджэння ў ВАК: 07.04.2011; 12.10.2011.

Мэта даследавання: вызначыць сутнасць, дэтэрмінанты, традыцыі і інавацыі музеефікацыі аб'ектаў культурнай прасторы Полацка.

Асноўныя вынікі, навізна працы: упершыню ў беларускай культуралогіі на прыкладзе Полацка даследуюцца такія паняцці, як феномен гарадскога музея, музей як культурны кампанент культурнай прасторы, музеефікацыя культурна-гістарычнай часткі горада, узнікненне музейнага асяроддзя ў гарадской прасторы, яго роля ў грамадстве і фарміраванні прафесіі музейнага супрацоўніка. У дысертцыі падрабязна апісваецца работа музея-запаведніка як інавацыйнай формы музея і вызначаецца яго роля ў працэсе музеефікацыі ўнікальнай гістарычнай тэрыторыі і захаванні гісторыка-культурнай спадчыны.

Краснова Яўгенія Леанідаўна. Сучасная экспазіцыйная прастора музеяў Беларусі: камунікатыўны аспект / англ. — Museefication of the Polatsk Cultural Space: Traditions and Innovations.

Навуковы кіраўнік: доктар гіст. навук, прафесар М. А. Бяспалая.

Даты абароны і зацвярджэння ў ВАК: 31.05.2012; 31.10.2012.

Мэта даследавання: выяўленне, раскрыццё і трансляцыя патэнцыяльных камунікатыўных магчымасцей сучаснай экспазіцыйнай прасторы музеяў Беларусі.

Асноўныя вынікі, навізна працы: вылучаны і ахарактарызаваны гістарычныя этапы фарміравання экспазіцыйнай прасторы музеяў Беларусі, распрацавана аўтарскае вызначэнне паняцця «музейная экспазіцыя» ў кантэксце тэорыі музейнай камунікацыі. Выяўлены камунікацыйны

патэнцыял экспазіцыйнага асяроддзя беларускіх музеяў і раскрыта значэнне структурнага зместу і функцый экспазіцыі, апошнія з якіх падзелены на агульныя і адмысловыя. Паказана неабходнасць пошуку аптымальных суадносін мастацка-дэкаратыўнага афармлення і экспазіцыйных матэрыялаў пры арганізацыі прасторы музейнай экспазіцыі, прапанавана паняцце «музейная інсталяцыя». Вызначаны сучасныя тэндэнцыі ў арганізацыі музейнага асяроддзя, якія здольны павялічыць яго камунікатыўны патэнцыял.

Лупашка Ірына Генадзьеўна. Функцыянаванне беларускіх літаратурных музеяў у кантэксце сучасных сацыякультурных працэсаў / англ. — Belarusian Literature Museums in Modern Socio-Cultural Environment.

Навуковы кіраўнік: доктар гіст. навук, прафесар М. А. Бяспалая.

Даты абароны і зацвярджэння ў ВАК: 30.05.2013; н/д.

Мэта даследавання: выяўленне асноўных заканамернасцей, спецыфікі і тэндэнцый развіцця літаратурных музеяў у кантэксце сацыякультурных працэсаў.

Асноўныя вынікі, навізна працы: упершыню абагульнены вопыт развіцця беларускіх літаратурных музеяў у кантэксце сацыякультурных працэсаў і вылучаны асноўныя этапы фарміравання сеткі літаратурных музеяў Беларусі. Адлюстравана поліфункцыянальная дзейнасць беларускіх літаратурных музеяў, іх роля як сацыякультурных інстытутаў. Прапанавана аўтарскае вызначэнне і класіфікацыя літаратурных музеяў. Вылучаны тэндэнцыі развіцця літаратурных музеяў Беларусі.

* * *

У дадатак да звестак папярэдняга зборніка трэба адзначыць зацвярджэнне 19 верасня 2012 г. ВАК Беларусі рашэння па дысертцыі Г. Г. Паўлоўскай «Гродзенскія кляштарныя хронікі як крыніца па гісторыі Гродна другой паловы XVII—XVIII стст.».

Можна адзначыць паспяховую абарону дысертцыі 24 студзеня 2013 г. у савеце пры БДУ і прысуджэнне ступені кандыдата гістарычных навук аднаму з аўтараў нашага зборніка — А. В. Бурачонку (тэма — «Развіццё прадпрымальніцтва ў фабрычна-заводскай вытворчасці Беларусі (1861—1914 гг.)», спецыяльнасць 07.00.02, *навуковы кіраўнік* канд. гіст. навук, дацэнт А. Г. Каханоўскі; зацверджана ВАК 10.04.2013).

Пэўную цікавасць можа ўяўляць абароненая 27 снежня 2012 г. у Кемераўскім дзяржаўным універсітэце кандыдацкая дысертцыя **Васіля**

Міхэйлавіча Віўчара «Феномен Берасцейскай грэка-каталіцкай уніі ў асветленні айчынай гістарыяграфіі другой паловы XIX — пачатку XX ст.». Работа па спецыяльнасці 07.00.09 была выканана ў Омскім дзяржаўным універсітэце імя Ф. М. Дастаеўскага пад навуковым кіраўніцтвам прафесара Г. К. Садратдзінава і дацэнта А. В. Хракава. У дысертцыі прапанавана рэканструкцыя навуковай канцэпцыі Берасцейскай грэка-каталіцкай уніі, якая склалася ў дарэвалюцыйнай расійскай гістарыяграфіі.

8 кастрычніка 2013 г. дысертцыю на суісканне ступені доктара гістарычных навук у савеце пры Санкт-Пецярбургскім інстытуце гісторыі РАН на тэму «Праблемы верацярпімасці ў Паўночна-Заходнім краі Расійскай імперыі (1863—1914 гг.)» абараніў па спецыяльнасці 07.00.02 дацэнт кафедры багаслоўя Інстытута тэалогіі БДУ **Аляксандр Юр’евіч Бендзін**. Мэтай дысертцыйнага даследавання было ўсебакова прааналізаваць эвалюцыю і змест праблем верацярпімасці, існаваўшых у Паўночна-Заходнім краі Расійскай імперыі ў 1863—1914 гг., выявіць канфлікты і супярэчнасці, абумовіўшыя іх з’яўленне, разгледзець матывы і паводзіны канфліктуючых бакоў, паказаць спробы вырашэння рэгіянальных праблем на агульнарасійскім і знешнепалітычным узроўні. Кансультантам выступіў акадэмік РАН Барыс Васільевіч Ананьіч. Апаэнтамі выступілі дактары гістарычных навук Л. У. Выскачкаў, Н. С. Андрэева, доктар юрыдычных навук А. А. Сафонаў.

* * *

Віншuem усіх суіскальнікаў і іх навуковых кіраўнікоў з паспяховымі абаронамі, жадаем далейшых творчых вынікаў і спадзяемся на плённае супрацоўніцтва.

А. М. Назаранка, старшы выкладчык
кафедры крыніцазнаўства Беларускага
дзяржаўнага ўніверсітэта

ЗМЕСТ

ПРАДМОВА	3
----------------	---

КРЫНІЦАЗНАЋСТВА

<i>Александрович С. С.</i> Русское гражданское управление в Восточной Румелии: источники и историография (к 135-летию освобождения Болгарии от османского ига)	5
<i>Антановіч З. В.</i> Крыніцы па правядзенні следства Магілёўскай рымска-каталіцкай кансісторый па справах аб скасаванні шлюбу ў 1800—1820-я гг.	12
<i>Гуринов Е. А.</i> Датировка и обстоятельства создания трактата «De civitatibus Persarum»	25
<i>Захаркевіч С. А.</i> Road movie in the Terra (in)cognita. Звычайныя дарожныя прыгоды ў Рэчы Паспалітай XVII—XVIII стст. вачамі «свайго» падарожніка: «Успаміны Крыштафа Завішы ваяводы мінскага»	38
<i>Калинина А. С.</i> Документы государственных архивов Беларуси как источник по исследованию повседневной религиозной жизни православных христиан БССР в 1929—1939 гг.	46
<i>Литвиновская Ю. И.</i> Отечественная война 1812 г. на территории Беларуси в собранных Н. Ф. Дубровиным письмах современников	53
<i>Лугайцова С. Л.</i> «Молім праявіць міласэрнасць...»: лёс сяброў дэмакратычнага таварыства Пінскага павета ў 1840-я гг.	61
<i>Макиенко А. А.</i> Материалы земской статистики в архивных и библиотечных собраниях Украины: проблемы и перспективы научного исследования ..	73
<i>Сергеенкова В. В.</i> Политика российского правительства в области начального образования во второй половине 1860-х — 1870-е гг.: характеристика источниковой базы	86
<i>Темушев С. Н.</i> Миниатюры Радзивилловской летописи как источник по проблеме функционирования налогового-даннической системы домонгольской Руси	98

ГІСТАРЫЯГРАФІЯ

<i>Бригадина О. В.</i> От советского к постсоветскому этапу изучения истории правозащитного движения в СССР: смена парадигм (1980-е гг. — начало XXI в.)	115
---	-----

<i>Бетеня А. П.</i> Взаимоотношения между Европейским союзом и Российской Федерацией в российской историографии	131
<i>Мезга Н. Н.</i> Отношения между Россией (СССР) и Польшей (1921—1932 гг.) в советской межвоенной историографии	140
<i>Ходзін С. М.</i> Савецкая вёска перыяду 1921—1939 гг. у адлюстраванні сучаснай замежнай гістарыяграфіі	150

СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ ГІСТАРЫЧНЫЯ ДЫСЦЫПЛІНЫ

<i>Іванова В. С.</i> Навучанне архівістаў у свеце і беларускі досвед	160
<i>Новицкая А. В.</i> Музеефікацыя гісторыко-культурнага наследзя Рэспублікі Беларусь (1991—2012 гг.): гісторыя графа	169

МЕТАДАЛОГІЯ ДАСЛЕДАВАННЯ

<i>Ляховіч Л. В.</i> Расійская гісторыяграфія французскага абсалютызма рубежа 1980—90-х гг.: вопыт дыскурсіўнага аналізу	179
<i>Калечиц І. Л.</i> Методыка ісследования граффіці палацкой Спасо-Пераабражэнскай царквы	190
<i>Злобін С. С.</i> Канцэпцыя гібрыднасці ў творчасце індыйскага культуролога Хомя Бхабха	199
<i>Піліпавіч В. Ю.</i> Сацыяльная адаптацыя беларускіх рэпатрыянтаў-аўтарбайтэраў: праблема і рашэнне	207

ДЫСКУСІІ

<i>Белявскі А. М.</i> 3 — Тры	212
<i>Каўн С. Б.</i> Прывілей 20 лютага 1387 г. як гістарычны крыніца	240

ЮБІЛЕІ

Да 80-годдзя гістарычнага факультэта (1934—2014 гг.)	247
--	-----

MEMORIA ET GLORIA	254
--------------------------------	-----

КАНФЕРЭНЦЫІ	258
--------------------------	-----

АБАРОНА ДЫСЕРТАЦЫЙ	263
---------------------------------	-----

CONTENTS

SOURCE STUDIES

S. S. Aleksandrovich. Russian civil administration in the Eastern Rumelia: overview of sources and historiography (the 135th anniversary of Bulgaria's liberation from Ottoman rule); **Z. V. Antanovich.** Sources on the investigation by Mogilev Roman Catholic Consistory in divorce cases in the 1800—1820; **E. A. Gurinov.** Dating and context of «De civitatibus Persarum» tractat creation; **S. A. Zakharkovich.** Road movie in the Terra (in)cognita. One usual road trip in Rzeczpospolita in XVII—XVIII centuries as viewed by «native» traveler: «Memories of Krzysztof Zawisza, Minsk governor»; **A. S. Kalinina.** Documents of the Belarusian state archives as sources on everyday religious life of orthodox Christians in the BSSR in 1929—1939; **Y. I. Litvinovskaya.** Patriotic War of 1812 in Belarus in letters of contemporaries, collected by N. F. Dubrovin; **S. L. Lugovtsova.** «We pray for mercy...»: fate of Pinsk county democratic society members in 1840's; **A. A. Makienko.** Materials of zemstvo's statistics in archival and library collections of Ukraine: problems and perspectives of scientific research; **V. V. Sergeenkova.** The Russian Government policy in the field of primary education in the second half of the 1860—1870's: characteristics of sources; **S. N. Tsemushau.** Miniatures of Radziwill Chronicle as the source on functioning of fiscal-tributary system of pre-Mongol Russia.

THE HISTORIOGRAPHY

O. V. Brigadina. From Soviet to post-Soviet phase of the study of the human rights movement history in the USSR: paradigm shift (1980's — beginning of the XXI century); **A. P. Biatsenia.** European Union — Russia relations in the Russian historiography; **N. N. Mezga.** Soviet interwar historiography on Russia (the USSR) — Poland relations in 1921—1932; **S. N. Khodzin.** Soviet village of 1921—1939 in reflection of modern foreign historiography.

SPECIAL HISTORICAL DISCIPLINES

V. S. Ivanova. Training of archivists in the world and the Belarusian experience; **A. V. Novitskaya.** Museumification of historical and cultural heritage of the Republic of Belarus (1991—2012): historiography of the issue.

RESEARCH METHODOLOGY

L. V. Liachovich. Russian historiography of late 1980's — early 1990's on the problem of French absolutism: an attempt of of discourse analysis; **I. L. Kalechits.** Research technique for the graffiti of Polotsk Transfiguration Church; **S. S. Zlobin.** The concept of hybridity in works by Homi Bhabha, Indian culture study expert; **V. Y. Pilipovich.** On the problem of social adaptation of Belarusian returnees — «Ostarbeiters».

DISCUSSIONS

A. M. Bialiauski. 3 — Three. **S. B. Kaun.** Privilege of February 20, 1387 as historical source.

ANNIVERSARIES

On the 80th anniversary of the Faculty of History (1934—2014).

MEMORIA ET GLORIA

O. I. Malyugin. Kazimir Adamovich Revyako (1937—2013).

CONFERENCES

Information prepared by M. F. Shumeyko, A. M. Nazaranka.

THESES AND DEFENCES

A. M. Nazaranka. Theses on Historiography, Source Studies, Historical Research Methods, Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects defended in Belarus.

Навуковае выданне

**КРЫНІЦАЗНАЎСТВА
І СПЕЦЫЯЛЬНЫЯ
ГІСТАРЫЧНЫЯ ДЫСЦЫПЛІНЫ**

НАВУКОВЫ ЗБОРНІК

Выпуск 9

У аўтарскай рэдакцыі

Адказы за выпуск *Т. М. Турчыняк*

Тэхнічны рэдактар *Т. К. Рамановіч*

Камп'ютарная вёрстка *Л. М. Копач*

Карэктар *Л. С. Мануленка*

Падпісана да друку 29.10.2014. Фармат 60×84/16.
Папера афсетная. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 15,81.
Ул.-выд. арк. 15,42. Тыраж 100 экз. Заказ 778.

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт.

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 1/270 ад 03.04.2014.

Пр. Незалежнасці, 4, 220030, Мінск.

Рэспубліканскае ўнітарнае прадпрыемства

«Выдавецкі цэнтр Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта».

Пасведчанне аб дзяржаўнай рэгістрацыі выдаўца, вытворцы,
распаўсюджвальніка друкаваных выданняў № 2/63 ад 19.03.2014.

Вул. Чырвонаармейская, 6, 220030, Мінск.